

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

2

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume two

THE DREAM MASTER

DAMNATION ALLEY

**CREATURES OF LIGHT
AND DARKNESS**

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЕЗНЫ

Том второй

ТВОРЕЦ СНОВ

ДОЛИНА ПРОКЛЯТИЙ

**ПОРОЖДЕНИЯ
СВЕТА И ТЬМЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

Миры Роджера Желязны том 2 / Пер с англ. —
Рига. Полярис, 1995. — 462 с

В книге собраны три романа Роджера Желязны, созданные примерно в один период. Это «Творец снов», «Порождения Света и Тьмы», «Долина Проклятий». Последнее, одно из самых знаменитых, не раз экранизированных произведений, впервые в настоящем сборнике представлено в полном варианте. Все три произведения, отличаются свойственными раннему периоду творчества автора глубоким психологизмом, тонким проникновенным лиричным стилем, накаленным драматизмом повествования.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Dream Master
Copyright © 1966 by Roger Zelazny

Damnation Valley
Copyright © 1969 by Roger Zelazny

Creatures of Light and Darkness
Copyright © 1969 by Roger Zelazny

© Издательская фирма «Полярис»
оформление, составление,
название серии, 1995

Творец снов

© В. Симонов, перевод, 1993

Долина Проклятий

© В. Баканов, перевод, 1994

Порождения Света и Тьмы

© В. Лапицкий, перевод, 1992

ТВОРЕЦ СНОВ

*Джуди — там, где сумрачный
геральдический волк выступает,
как живой, из глубины губовой рощи.*

Глава 1

Это было даже красиво, несмотря на кровь и прочее, и Рендер почувствовал, что скоро все кончится.

Поэтому неплохо было бы растянуть каждую микросекунду до минуты и, пожалуй, следует прибавить температуру... Где-то там, на самой периферии сознания, кольцо тьмы перестало сужаться. Откуда-то пробуждающимся крещендо нарастали раскаты, замершие на одной яростной ноте. В этой ноте слились, плавясь, стыд, и страх, и боль.

Форум задышался.

Цезарь скорчился на земле перед иступленным кругом. Он закрыл лицо рукой, но и это сейчас не мешало ему видеть.

У сенаторов не было лиц, и одежды их — забрызганы кровью. Их голоса звучали, как птичий гвалт. С нечеловеческим иступлением вонзали они кинжалы в лежавшее тело.

Все, кроме Рендера.

Лужа крови, в которой он стоял, расползалась. Его рука тоже поднималась и падала с механическим образом, и голосовые связки его, казалось, тоже вот-вот начнут модулировать птичьи крики, но, будучи частью происходящего, он был в то же время вне.

Ибо он — Рендер-Ваятель.

Ползая в пыли, причитая и всхлипывая, цезарь пытался протестовать.

— Ты зарезал его! Ты убил Марка Антония, ни в чем не повинного, никому не нужного парня!

Рендер обернулся; кинжал в его руке был действительно страшен — окровавленный, огромный.

— Полностью согласен! — сказал он, поводя клинком в воздухе.

Цезарь, замороженный видом блестящей стали, мерно покачивался в такт движениям кинжала.

— Почему? — выкрикнул он. — Почему?

— Потому что, — ответил Рендер, — он был намного знатнее тебя.

— Лжешь! Это не так!

Рендер пожал плечами и снова принялся наносить удар за ударом.

— Неправда! — выл цезарь. — Неправда!

Рендер вновь повернулся к нему и помахал клинком. Голова цезаря качалась на плечах, как маятник.

— Неправда? — улыбнулся Рендер. — А кто ты такой, чтобы устраивать здесь допрос? Ничтожество! Ты недостойн даже говорить о подобных вещах! Убирайся!

Весь трясаясь, розоволицый человек, лежавший у его ног, поднялся; волосы его торчали пучками, висели, как влажная, свалывшаяся пакля. Он повернулся и стал медленно удаляться, то и дело оглядываясь.

Стоявшие кольцом убийцы уже далеко, но вся сцена по-прежнему была видна ему крупным планом. Очертания ее — наэлектризованно-четкие. И от этого ему показалось, что он ушел очень далеко, что он уже по ту сторону, один.

Рендер вывернулся из-за не замеченного раньше угла — и вот слепой нищий стоял перед цезарем. Цезарь сгрел его за одежды.

— Какие вести несешь мне сегодня?

— Остерегайся! — злорадно усмехнулся Рендер.

— Да, да! — воскликнул цезарь. — «Остерегайся». Правильно! Но чего?

— Остерегайся ид...

— Как, как? Ид?..

— ...мартобря.

От удивления цезарь разжал руки.

— Что ты плетешь? Какого мартобря?

— Мартобря месяца.

— Лжешь! Такого месяца нет!

— И этого месяца должен бояться благородный цезарь — там, в несуществующем времени, среди невнесенных ни в один календарь событий.

Рендер вновь скрылся за углом.

— Пстой! Вернись!..

Рендер смеялся, и форум смеялся вместе с ним. Птичьи крики слились в нечеловеческий глумливый хор.

— Ты издеваешься надо мной! — простонал цезарь.

Форум дышал жаром, как печь, и испарина жирным глянцем облепила низкий лоб цезаря, его острый нос и срезанный подбородок.

— Я тоже хочу, чтоб меня убили! — воскликнул он. — Так нечестно!

И тогда Рендер порвал все: форум, сенаторов, оскаленный труп Марка Антония — и одним неуловимым движением пальца смел клочки в черный мешок. Последним исчез цезарь.

Чарльз Рендер сидел, рассеянно глядя на девяносто белых и две красные кнопки, расположенные на панели. Его правая рука на гибком подвесе бесшумно двигалась над низким пультом, нажимая одни кнопки, скользя над другими, то вперед, то назад, по очереди отключая Серии Памяти.

Чувства, переживания меркли, обращались в ничто. Представитель Эриксон прекрасно знал о забывчивости «чрева».

Раздался мягкий щелчок.

Рука Рендера скользнула к нижнему краю панели. Чтобы нажать красную кнопку, требовалось сознательное или, если угодно, волевое усилие.

Рендер высвободил руку и снял свой похожий на голову Горгоны Медузы шлем, весь опутанный проводами, с вмонтированными микросхемами. Выбравшись из стоявшего перед пультом кресла, он поднял колпак. Потом подошел к окну и осветил его, достал из пачки сигарету.

«Минуту, не больше, — подумал он про себя. — Да, это был кризис... Похоже, если снег и пойдет, то не скоро; вроде бы прояснилось...»

Ровная желтизна решетчатых конструкций и высокие глянцево-серые башни тлели в сумерках на фоне неба, похожего на срез сланцевой породы; город, распавшийся на квадраты вулканических островов, что сверкали в предзакатном свете, гудел глубоко под землей нескончаемыми, стремительными потоками машин.

Отойдя от окна, Рендер шагнул к лежавшему позади пульта большому яйцу, поблескивавшему своей гладкой поверхностью. Из выпуклого зеркала на него глянуло смазанное, расплывшееся отражение: орлиный нос превратился в картошку, глаза круглились блюдцами, волосы сверкали, как извилистые разряды молний, а светло-красный галстук свисал широким кровавым языком вурдалака.

Усмехнувшись, он перегнулся через панель и нажал вторую красную кнопку.

С протяжным звуком тускло-слепящая поверхность яйца померкла, и горизонтальная трещина прошла посередине. Сквозь ставшую прозрачной капсулу Рендер разглядел Эриксона, который лежал, хмурясь и плотно сжав веки, словно борясь с пробуждением и с тем, что оно несло. Верхняя половина яйца поднялась вертикально, открыв покоящееся в полусфере узловато-мускулистое розовое тело. Эриксон открыл глаза, стараясь не смотреть на Рендера, вылез и начал одеваться. Рендер воспользовался паузой, чтобы проверить «чрево».

Нагнувшись над пультом, он одну за другой нажимал кнопки: температурный контроль, полная шкала — «проверено»; экзотические звуки — он надел наушники — колокольный звон, жужжание насекомых, скрипичные гаммы и свист, визги и стоны, шум транспорта и грохот прибоя — «проверено»; контур обратной связи, удерживающий голос пациента, снятый при предварительном обследовании, — «проверено»; наложение звуков, распылитель влаги, банк запахов — «проверено»; вибратор, подсветка и вкусовые стимуляторы — «проверено»...

Рендер закрыл крышку «яйца» и отключил питание. Закатив аппарат в стенной шкаф, закрыл раздвижную дверь. Судя по записям, результаты сеанса полноценны.

— Садитесь, — обратился он к Эриксону.

Мужчина послушался и сел, нервно теребя воротник рубашки.

— Память сработала полностью, — сказал Рендер, — так что вряд ли мне придется делать резюме. От меня ничего не утаишь. Я там был.

Эриксон кивнул.

— Думаю, смысл эпизода вам понятен.

Эриксон снова кивнул и прокашлялся.

— Но можно ли считать сеанс полноценным? — спросил он. — Ведь вы сами выстроили сюжет и все время контролировали его. Это не был в полном смысле слова мой сон — такой, каким я его вижу, когда просто сплю. Ваша способность воздействовать на события заходит так далеко, что вряд ли можно до конца верить вашим словам, разве не так?

Рендер медленно покачал головой, щелчком пальца стряхнул пепел в южное полушарие пепельницы, сделанной в виде глобуса, и встретился глазами с Эриксоном.

— Верно, я задавал масштабы и изменял формы. Однако именно вы наполняли их эмоциональным содержанием, возводя их в ранг символов, соотнесенных с вашей проблемой. Если бы сон не был полноценной аналогией, он не вызвал бы такой реакции. В нем не проявились бы те симптомы невроза, которые отметила запись.

Вы обследуетесь уже не первый месяц, — продолжал он, — и все полученные на сегодня результаты убеждают меня в том, что ваш страх насильственной смерти не имеет реальных оснований.

Эриксон сверкнул глазами.

— Тогда какого дьявола я его чувствую?

— Вы чувствуете его потому, — сказал Рендер, — что вам хочется стать жертвой.

Эриксон улыбнулся; самообладание возвращалось к нему.

— Уверяю вас, доктор, я никогда не думал о самоубийстве и не имею ни малейшего желания перебираться на тот свет! — Он вынул сигарету и прикурил. Рука его дрожала.

— Придя ко мне этим летом, вы уверяли, что боитесь, будто на вашу жизнь покушаются. Что же касает-

ся причин, по которым вас якобы хотят убить, вы предпочитали отделяться туманными фразами...

— Но мое положение! Попробуйте столько лет побыть Представителем и не нажать себе врагов!

— И все-таки, — возразил Рендер, — похоже, вам это удалось. Когда вы разрешили мне побеседовать с вашими детективами, они сказали, что не могут раскопать ничего, что реально подтверждало бы ваши страхи. Ни-че-го.

— Значит, не там копали или не глубоко. Погодите, что-нибудь найдется.

— Боюсь, что нет.

— Почему?

— Повторяю, ваши чувства объективно не обоснованы. Давайте начистоту. Есть ли у вас информация, которая каким-либо образом указывала бы, что кто-то ненавидит вас настолько, что готов убить?

— Я получаю много писем с угрозами...

— Как и остальные Представители. К тому же все письма, полученные вами за последний год, были проверены — ложная тревога. Можете ли вы привести мне хотя бы одно очевидное свидетельство, подтверждающее ваши опасения?

Эриксон задумчиво поглядел на кончик своей сигары.

— Я пришел к вам за советом, как к коллеге, — произнес он, — пришел, чтобы вы покопались у меня в мозгах и выяснили, в чем дело, чтобы моим детективам было над чем поработать. Возможно, я кого-то нечаянно оскорбил или кому-то пришлось не по вкусу мои законы...

— Однако я ничего не нашел, — сказал Рендер, — совсем ничего, кроме истинной причины вашего беспокойства. Конечно, теперь вы боитесь услышать правду и стараетесь сбить меня — не дай Бог, я назову диагноз.

— Я ничего не боюсь!

— Тогда послушайте. Потом можете думать и говорить все что угодно, но вы крутились здесь несколько месяцев, не желая признавать того, что я наглядно доказывал вам тысячью разных способов. Теперь объясняю вам все без обиняков, а там уж делайте, что хотите.

— Прекрасно!

— Во-первых, — сказал Рендер, — вам очень хочется иметь врага или врагов...

— Чушь!

— ...потому что, если у человека нет врагов, то у него нет и друзей...

— Но у меня масса друзей!

— ...ведь никто не хочет быть пустым местом, все хотят, чтобы к ним испытывали по-настоящему сильные чувства. Любовь и ненависть — крайние формы человеческих отношений. Если одна из них вам недоступна, вы стремитесь к другой. И вам так сильно хотелось достичь одного из этих двух полюсов, что вы убедили себя, будто вам это удалось. Однако все имеет цену, и в данном случае расплачивается психика. Если человек в ответ на свои истинные эмоциональные потребности получает фальшивку, суррогат, он никогда не испытает настоящего удовлетворения; наоборот, его ждут беспокойство, тревога, потому что в подобных ситуациях психика должна представлять открытую систему. Вы не пытались искать ответа на свои чувства за рамками собственного «я». Вы замкнулись, уединились. Вы компенсировали нехватку реальных эмоций за счет собственной психики. И вы очень, очень нуждаетесь в полноценном общении с другими людьми.

— Бред собачий!

— Можете не соглашаться, — сказал Рендер. — Но я бы на вашем месте согласился.

— Полгода я платил вам за то, чтобы вы помогли мне выяснить, кто собирается меня убить. А теперь вы тут сидите и пытаетесь мне внушить, что я все это затеял только затем, чтобы удовлетворить свою потребность в ненависти!

— В ненависти или в любви. Именно.

— Абсурд! Я вижу со столькими людьми, что мне приходится носить магнитофон в кармане и камеру на лацкане, чтобы запомнить всех, с кем я встречаюсь...

— Я имел в виду вовсе не количество людей, с которыми вы встречаетесь. Скажите мне, действительно ли так важны для вас последние эпизоды сна?

Эриксон ответил не сразу, и в тишине стало слышно тиканье больших настенных часов.

— Да, — признал он наконец, — действительно. Не думайте, я все равно считаю, что все ваши рассуждения — абсурд. И все же, если предположить — так, из любо-

пытства, — что ваш «диагноз» верен... что мне тогда делать, чтобы из этого выпутаться?

Рендер откинулся в кресле.

— Переключите усилия. Они были направлены не на то. Ищите людей, похожих на вас, — не на Представителя Эриксона, а просто на Джо Эриксона. Возьмитесь за что-нибудь такое, что можно делать вместе с другими, за что-нибудь вне политики, в такой области, где может проявиться дух соперничества, и пусть у вас появится несколько настоящих друзей — или врагов. Первое предпочтительнее. Я уже давно вас на это вдохновляю.

— Тогда объясните мне вот еще что...

— С удовольствием.

— Предположим, вы правы. Почему же тогда никто не любит и не любил меня, никто никогда меня не ненавидел? Я занимаю ответственный пост. Я постоянно на людях. Почему же меня воспринимают как... вещь?

Хорошо знакомый теперь с карьерой Эриксона, Рендер вынужден был частично скрывать свои подлинные мысли, поскольку они не обладали оперативной ценностью. Он мог бы процитировать Эриксону то место из Данте, где говорится о приспособленцах, о душах тех, для кого вход в рай закрыт из-за недостатка добродетелей, а врата ада — из-за недостатка крупных пороков, иными словами, о тех, кто всегда подстраивал свой курс к новым веяниям, у кого нет своего внутреннего ориентира и кому не важно, в какую гавань несет его течение. Такова была долгая и бесцветная карьера Эриксона, за время которой он понаторел в политических метаморфозах и маневрах.

И Рендер сказал:

— В наши дни все больше и больше людей оказываются в подобной ситуации. Происходит это прежде всего благодаря усложнению социальных структур и обезличиванию индивидуума, превращению его в деталь общественного механизма. В результате отношения между людьми становятся все более неестественными. Сегодня это не только ваша проблема.

Эриксон кивнул, Рендер же про себя усмехнулся: «Политика кнута и пряника... по-научному».

— У меня появилось ощущение, что вы и в самом деле правы, — сказал Эриксон. — Иногда я действительно чувствую себя точь-в-точь так, как вы описываете, — обезличенной деталью...

Рендер мельком глянул на часы.

— Что вам делать дальше, это, конечно, придется решать вам самому. Думаю, что продолжать обследование — пустая трата времени. Теперь нам обоим ясна причина ваших жалоб. Я не могу и дальше вести вас за ручку и объяснять, как вам строить вашу жизнь. Помощь советом, сочувствие — пожалуйста, но все глубокие погружения в вашу психику пока лучше оставить. А как только вы почувствуете необходимость поговорить о своих делах и сопоставить их с моим диагнозом, дайте о себе знать.

— Обязательно, — кивнул Эриксон, — и черт бы побрал этот сон! Здорово он меня зацепил. Как это у вас получается — совсем как наяву, как в жизни, даже еще живее. Долго я теперь его не забуду.

— Надеюсь.

— О'кей, доктор. — Эриксон встал и протянул руку. — Возможно, я еще появлюсь через пару недель. Что ж, будем общительными! — Произнося это слово, он ослабилась, хотя обычно оно заметно портило ему настроение. — Начнем прямо сейчас. Как насчет того, чтобы немного выпить? Я могу спуститься, купить что-нибудь.

Рендер пожал влажную руку, такую вялую, такую уставшую после сеанса, какими бывают руки ведущих актеров после удачной премьеры.

— Спасибо, но сегодня я занят, — сказал он почти с сожалением. Потом помог Эриксону влезть в пальто, подал ему шляпу и проводил до двери. — Ладно, доброй вам ночи.

— Доброй ночи.

Когда дверь бесшумно закрылась, Рендер аккуратно повесил черный каракуль на распялку, запер его в шкаф красного дерева и погасил сигарету в южном полушарии. Потом, откинувшись в кресле, заложил руки за голову и прикрыл глаза.

— Конечно, живее, чем жизнь, — сказал он в пространстве. — Ведь это я изваял его.

Улыбаясь, Рендер вспоминал один за другим эпизоды сна, жалея, что никто из его бывших наставников не увидит этой работы. Конструкция сна была строго выверена и воплощена свободно и мощно, к тому же идеально соотносилась с данным случаем. Но на то он и был Рендер-Ваятель — один из примерно двухсот специально подготовленных аналитиков, чья психическая структура позволяла проникать внутрь неврозов, испытывая лишь чисто эстетическое наслаждение от подражания патологии, — Разумный Шляпник.

Рендер покопался в памяти. Он тоже прошел горнило анализа — прошел и был признан человеком со стальной волей и сверхстойчивой психикой, крепким достаточно, чтобы вынести горящий, гипнотический взгляд навязчивой идеи, пройти невредимым сквозь химические дебри извращений и заставить саму угрюмую Мать Медузу смежить веки перед древними тайнами своего искусства.

Его собственный анализ прошел легко. Девять лет назад (хотя казалось, времени минуло уже намного больше) он сознательно и добровольно подверг обезболиванию самую ранимую часть своей души. После аварии, в которой погибли Руфь и их дочь Миранда, он почувствовал, что вышел из игры: возможно, подспудно не хотел воскрешать в себе былые симпатии; возможно, его собственный мир стал несколько замкнутым, жестким. Если это и было так, он оказался достаточно мудр, чтобы осознать это и решить, что такой мир имеет свои преимущества.

Его сыну Питеру недавно исполнилось десять лет. Он учился в престижной школе и каждую неделю слал отцу письма. Раз от раза письма становились все грамотнее, что свидетельствовало о бурном развитии молодого человека, которое Рендер мог только приветствовать. Летом он собирался взять мальчика с собой в Европу.

Что касается Джилл, Джилл де Виль (Боже, какое приторное, жеманное имя — за него он любил ее еще больше), то она, пожалуй, интересовала его все серьезнее. Иногда он задумывался — а не старость ли это? Ее пронзительный голос, манера говорить в нос, ее нежи-

данно вспыхнувший интерес к архитектуре, переживания по поводу не поддающейся пластическим операциям родинки справа от безупречного в остальных отношениях носика — все это глубоко волновало его. Пожалуй, стоило позвонить ей прямо сейчас и вместе отправиться на поиски нового ресторана. Тем не менее ему почему-то не хотелось этого.

Уже несколько недель Рендер не был в своем клубе «Скальпель и куропатка», и теперь вдруг ужасно потянуло поужинать, сидя за дубовым столом, одному, в многоярусном зале с тремя каминами, под развешанными на стенах искусственными факелами и кабаньими головами, как на этикетке джина.

Он опустил свою членскую карточку в телефонную щель на пульте, и за экраном послышалось два гудка.

— «Скальпель и куропатка» приветствует вас, — произнес голос. — Чем можем быть полезны?

— Я Чарльз Рендер. Хочу заказать столик, буду примерно через полчаса.

— На сколько персон?

— На одного.

— Хорошо, сэр. Значит, через полчаса. Уточняю фамилию: «Р-е-н-д-е-р»?

— Верно.

— Благодарю.

Он отключил телефон и встал.

День за окном окончательно поблек. Каменные глыбы и башни светились теперь собственным светом. Снег, мелкий и белый, как сахар, сеялся сквозь потемки и таял каплями на оконном стекле.

Рендер запахнулся в пальто, выключил свет, запер дверь в приемную. В книге записей рукой миссис Хеджес было написано: «Звонила мисс де Виль». Он вырвал листок, смял его и бросил в мусоросборник. Ничего, позвонит ей завтра и скажет, что допоздна сидел над лекцией.

Выключив последнюю лампу, он низко надвинул шляпу и, выйдя, запер входную дверь. Лифт доставил его в подземный гараж, где стояла машина.

В гараже было сыро, и шаги Рендера, проходившего между рядами автомобилей, гулко отдавались под бетонными сводами. В ярком свете ламп его спиннер С-7

был похож на блестящий, гладкий серый кокон, готовый вот-вот выпростать трепещущие крылья. Двойной ряд антенн, веером торчавших над покатым капотом, усиливал это впечатление. Рендер поднял большой палец, и дверца открылась.

Он включил зажигание — и словно одинокая пчела загудела, проснувшись, в большом улье. Потянул на себя штурвал — и дверца медленно и бесшумно встала на место.

Вырулив по спиральному пандусу, Рендер остановился на площадке перед большой эстакадой. Пока дверь поднималась, он зажег маршрутный экран и стал вертеть ручку настройки радиозэкрана. Двигаясь слева направо, сверху вниз, квадрат за квадратом, дошел до нужного ему участка авеню Карнеги и, отстучав координаты, выпустил штурвал. Машина подключилась к монитору и выехала на боковое полотно скоростного шоссе. Рендер закурил сигарету.

Установив сиденье по центру, он высветлил все окна. Так приятно, облокотившись на колени, глядеть сквозь лобовое стекло на машины, несущиеся навстречу, подобно рою летучих светляков... Сдвинув шляпу на затылок, он задумчиво смотрел вперед.

А ведь было время, когда он любил снег, когда снег напоминал ему о романах Томаса Манна и о музыке скандинавских композиторов. Однако сейчас ему вспоминалось другое, то, что успело стать неотъемлемой частью сознания. С болезненной ясностью виделась млечно-белая морозная пыль, змеящаяся вокруг его старой, еще с ручным управлением машины, змеящаяся и летящая внутрь, белизной оседающая на обгорелом до черноты металле; Рендер видел это до боли ясно, словно шел к останкам разбитой машины по меловой поверхности озера, словно она была остовом затонувшего корабля, а он — ныряльщиком, не могущим даже крикнуть, чтобы не захлебнуться; и всякий раз, глядя на падающий снег, он знал, что где-то такой же снег падает в пустые глазницы черепов... Но девять лет унесли с собой значительную часть старой боли, и он не мог не чувствовать красоты вечера.

Машина мчала его по широким-широким дорогам, проносилась по высоким мостам, чья поверхность лос-

нилась и поблескивала в свете фар, круто кренилась на петлях развязок, ныряла в туннели, стены которых тускло мерцали вокруг, подобно миражу. Затенив окна, Рендер прикрыл глаза.

Он не мог вспомнить, вздремнул ли по пути; значит, скорее всего — да. Машина замедлила ход, пришла пора выдвинуть вперед кресло и снова высветлить окна. Почти одновременно прозвучал сигнал отключения от монитора. Рендер потянул штурвал на себя, машина въехала под куполообразный навес; оставив ее на попечение парковочного устройства, он получил билет от одного из тех квадратноголовых роботов, которые мрачно мстят человечеству, показывая картонный язык каждому клиенту.

Как всегда, клуб встретил шумом голосов, приглушенных, как и освещение. Вся обстановка здесь, казалось, поглощала звуки, обращая их в тепло, ласкала язык запахами, достаточно сильными, чтобы на них отзывать, завораживала слух живым потрескиванием дров в трех каминах.

Рендер с удовольствием отметил, что его любимый столик в углу справа, возле самого маленького камина, свободен. Хотя он и знал меню наизусть, но, прихлебывая «манхэттен», внимательно изучал его, прикидывая, в какой последовательности станет ублажать свой аппетит. После сеансов он всегда был зверски голоден.

— Доктор Рендер?..

— Да. — Он поднял голову.

— С вами хочет поговорить доктор Шеллот, — сообщил официант.

— У меня нет знакомых по фамилии Шеллот, — сказал Рендер. — Может, ему нужен Бендер? Это хирург из скорой помощи метрополитена, он иногда обедает здесь...

Официант покачал головой.

— Нет, сэр. Именно Рендер. Взгляните. — И он протянул Рендеру карточку размером три на пять, где его имя было отпечатано заглавными буквами. — Доктор Шеллот приходит сюда каждый вечер вот уже почти две недели и каждый раз просит уведомить, когда вы появитесь.

— Хм, — пробормотал Рендер. — Странно. Почему бы ему просто не позвонить мне на работу?

Официант улыбнулся и сделал неопределенный жест.

— Хорошо, скажите, что я жду его. — Он залпом допил «манхэттен». — И принесите еще один коктейль.

— К сожалению, доктор Шеллот не видит, — пояснил официант. — Было бы проще, если бы вы...

— Да-да. Конечно. — Рендер встал, покидая свой любимый столик с явным предчувствием, что сегодня уже больше за него не сядет. — Ведите.

Пройдя между столиками, они поднялись на верхний ярус. «Привет», — сказал, когда они проходили мимо, молодой человек, сидевший за столиком у стены. Лицо его показалось знакомым, и Рендер кивнул — это был один из бывших учеников его семинара по фамилии то ли Юргенс, то ли Джирканс.

На верхнем ярусе зал был поменьше и только два столика заняты. Точнее, три. В самом конце, за темной стойкой бара, загороженный старинными рыцарскими латами, стоял еще один. Официант двинулся именно к нему.

Они остановились перед столиком, и Рендер взглянул вниз, в темные стекла медленно поднимавшихся очков. Доктор Шеллот оказался женщиной; на вид ей можно было дать что-то около тридцати. Челка волос с тускло-золотым отливом не скрывала серебряного кружка, который она носила на лбу, как знак принадлежности к людям с подобным же недостатком. Рендер затаился, кончик сигареты вспыхнул, и женщина слегка откинула голову. Казалось, она смотрит на него в упор. Чувство было не очень приятное, хотя он знал, что видит она не больше того, что фотозлектрическое устройство могло передать в зрительные участки головного мозга через тончайшие провода, подсоединенные к преобразующему осциллятору, — короче говоря, вспыхнувший огонек его сигареты.

— Доктор Шеллот, доктор Рендер, — между тем представил их официант.

— Добрый вечер, — сказал Рендер.

— Добрый вечер, — ответила она. — Меня зовут Эйлин, и мне очень хотелось с вами встретиться.

Ему показалось, что голос ее чуть заметно дрожит

— Может, поужинаете со мной?

— С удовольствием, — вежливо произнес он и знаком попросил официанта принести еще стул.

Рендер сел, обратив внимание на то, что перед женщиной на столике стоит бокал. Он напомнил официанту о своем втором «манхэттене».

— Вы уже сделали заказ?

— Нет.

— ...и два меню, — вырвалось у него, и он прикусил язык.

— Одно, пожалуйста, — улыбнулась доктор Шеллот.

— Тогда не надо вообще, — вышел он из положения и продекламировал меню вслух.

Они сделали заказ, и она спросила:

— Скажите, вы всегда так делаете?

— Как?

— Заучиваете меню наизусть.

— Нет, только иногда, — сказал он. — Для неловких ситуаций. Так зачем же вы хотели меня видеть... то есть, я хотел сказать, поговорить со мной?

— Вы занимаетесь невроконтрактной терапией. Вы — Ваятель.

— А вы?

— Я психиатр, стажируюсь в Психиатрическом центре. Мне остался еще год.

— Тогда вы должны знать Сэма Рискома.

— Да, он помог мне получить назначение и был моим руководителем.

— Один из моих лучших друзей — мы учились вместе в Меннингере.

— Он часто говорил о вас, это одна из причин, по которой я решила с вами встретиться. И всегда меня поддерживал, несмотря на мой дефект.

Рендер внимательно посмотрел на собеседницу. На ней было темно-зеленое платье из материала, напоминающего бархат. В трех дюймах слева от середины груди была приколоты брошь, по виду золотая. Брошь светилась красным камнем, вполне похожим на рубин, в гранях которого отражались очертания бокала. А может, в глубине камня мерцали два обращенных друг к другу профиля?

Что-то смутно знакомое почудилось Рендеру в этом, но что — он не мог сейчас вспомнить. В приглушенном свете зала брошь отливала дорогим блеском.

Рендер взял у официанта коктейль.

— Я хочу стать терапевтом-невроконтактором, — сказала женщина.

Будь она зрячей, Рендер подумал бы, что она внимательно глядит на него, стараясь прочесть ответ в выражении его лица. Он не мог точно понять, какого именно ответа она ждет.

— Похвальный выбор, — произнес он, стараясь, чтобы голос его звучал непринужденно, — и ваше мужество вызывает у меня искреннее уважение. Однако задача эта не из легких, поскольку, как вы понимаете, требования тут предъявляются не совсем обычные.

— Я знаю, — сказала она. — Но ведь для человека, слепого от рождения, достичь того, чего достигла я, тоже задача не из легких.

— От рождения? — невольно повторил Рендер. — Я полагал, что вы потеряли зрение недавно. Так, значит, вы писали диплом и потом учились вслепую... Это, знаете... впечатляет.

— Спасибо. Дело в том, что я услышала о первых невроконтакторах, Бартельметце и других, еще в детстве и тоже решила заняться этим. С тех пор все в моей жизни подчинялось одному желанию.

— Но как же вы обходились в лаборатории? — поинтересовался он. — Ведь вы не могли ни анализировать пробы, ни работать с микроскопом. Или все по книжкам?..

— Я нанимала людей читать мне задания, делала магнитофонные записи. В школе поняли, что я хочу заниматься психиатрией, и разрешили пользоваться специальным оборудованием. На вскрытиях мне помогали ассистенты, описывали ход операций. Ощупав вещь, я могу рассказать о ней почти все... И память у меня не хуже, чем у вас — на меня. — Она улыбнулась. — Качество психоконтактных явлений может оценить только сам врач в тот момент, когда он оказывается вне времени и пространства в обычном понимании — в мире, созданном из снов другого человека, видит неевклидову структуру патологии и, взяв пациента за руку, прово-

дит его по всем уголкам, исследуя этот мир... Если при этом ему удастся снова вернуть больного на землю, значит, рассуждения его были верны, действия — справедливы.

«Это из «Почему у нас нет психометрии», — подумал про себя Рендер. — Автор — доктор медицины Чарльз Рендер».

— А вот и наш обед на подходе, — заметил он и поднял бокал с коктейлем, освобождая место для тарелок с блюдами быстрого приготовления, которые выставлял на их столик кухонный робот.

— Это одна причина, по которой я хотела встретиться с вами, — продолжала Шеллот, тоже подняв свой бокал, пока тарелки, позвякивая, выстраивались перед ней. — Я хочу, чтобы вы помогли мне стать Ваятелем.

Взгляд ее глаз за темными стеклами, отрешенный, как у статуи, вновь остановился на нем.

— Ваш случай совершенно уникален, — ответил он после паузы. — До сих пор не было ни одного невроконтактора слепого от рождения, и это понятно. Вряд ли я смогу что-то вам посоветовать, пока не изучу всех аспектов проблемы. А пока давайте поедим. Я ужасно проголодался.

— Хорошо. Но моя слепота еще не означает, что я никогда не видела.

Рендер не стал спрашивать, что она имеет в виду, — дымящееся ароматное рагу и бутылка «шамбертена» стояли перед ним. И все же, когда женщина подняла лежавшую на коленях левую руку, он обратил внимание, что обручального кольца на безымянном пальце у нее нет.

— Интересно, идет ли еще снег, — сказал он, пока они пили кофе. — Когда я подъезжал, была настоящая метель.

— Хорошо бы, — откликнулась доктор Шеллот. — Правда, он рассеивает свет, и я совершенно ничего при нем не «вижу», но мне нравится, когда снежинки тают на лице.

— Как же вы ходите?

— Мне помогает пес Зигмунд. Сегодня вечером у него выходной, — она улыбнулась, — но обычно он водит меня повсюду. Это овчарка-мутант.

— Вот как; — заинтересовался Рендер. — И он хорошо разговаривает?

Шеллот кивнула.

— Правда, на нем операция прошла не так успешно, как бывает. Словарный запас у него почти четыре тысячи слов, а вот разговор, мне кажется, дается ему с трудом. Хотя вообще он умный. Я думаю, вы еще встретитесь.

Рендер задумался. Ему случалось разговаривать с подобными животными на недавних медицинских симпозиумах, и его поразило, как уживаются в них способность логически рассуждать и преданность хозяевам. Чтобы достичь у собаки уровня мышления выше, чем у шимпанзе, надо было изрядно покопаться в хромосомах и провести сложнейшую эмбриохирургическую операцию. Речевой аппарат тоже формировался в процессе нескольких операций. Как правило, большинство подобных экспериментов заканчивалось неудачей, а щенки — около дюжины в год, — успешно прошедшие весь цикл, котировались необычайно высоко и стоили до ста тысяч долларов.

Рендер прикурил и не сразу погасил зажигалку. Да, теперь он практически не сомневался, что рубин в медальоне у мисс Шеллот — настоящий. Попутно он заподозрил, что и ее поступление в медицинскую школу, помимо академических успехов, объяснялось солидным пожертвованием в казну облюбованного ею колледжа. Впрочем, он мог и ошибаться, вряд ли стоило делать столь поспешные выводы.

— Да, о собачьих неврозах впору написать целую диссертацию. Ваш Зигмунд никогда не называет своего папочку «старым сыном собачьей самки»?

— Он никогда не видел своего отца, — ответила Эйлин довольно сухо. — Он воспитывался, не общаясь с другими собаками. Вряд ли можно считать его реакции типичными, и я не думаю, что вам удалось бы изучить функциональную психологию собаки на примере мутанта.

— Скорее всего, вы правы, — пробормотал Рендер и, желая сменить тему, спросил: — Еще кофе?

— Нет, спасибо.

Чувствуя, что настало время вернуться к самому важному, он произнес:

— Итак, вы хотите быть Ваятелем?..

— Да.

— Терпеть не могу, когда приходится разрушать чьи-то заветные мечты. Поверьте, действительно терпеть этого не могу. Даже если мечты абсолютно беспочвенны. Тогда хоть можно оправданно быть жестким. Так вот, честно и откровенно, положо руку на сердце, я вам скажу: по-моему, это совершенно невозможно. Вполне вероятно, вы прекрасный психиатр, но я считаю, что у вас нет физических и умственных данных, чтобы стать невроконтактором. Мне кажется...

— Подождите, — перебила она. — Не сейчас, пожалуйста. И вообще, поухаживайте за мной. Мне здесь надоело, здесь слишком душно. Увезите меня куда-нибудь, и по дороге поговорим. Я думаю, мне удастся убедить вас, что выход есть.

— Что ж, прекрасно. — Рендер пожал плечами. — Я весь в вашем распоряжении. Уверен, у вас уже есть план. Так куда?

— Может быть, блайндспин?

Он скрыл довольную усмешку, а она рассмеялась.

— Чудно. Но мне все еще хочется пить.

Была заказана еще бутылка шампанского, и Рендер, несмотря на протесты мисс Шеллот, выписал чек. Шампанское появилось в яркой корзинке с надписью: «Пейте, пока вы в пути».

Оба встали, и она оказалась высокой, но он был выше.

Блайндспин. Сколько самых разных возможностей, которые дает машина на автопилоте, кроется за одним этим словом! Молнией проносится по шоссе автомобиль в надежных руках невидимого водителя, окна затенены, ночь темна, над головой — высь небосвода, шипы покрышек врезаются в бетонное полотно, как четыре фантастических пилы, — вновь возвращаетесь вы к стартовой черте, никогда не зная точно, куда мчит вас и где успели вы побывать, и даже в самой холодной, трезвой голове пробудится хоть на минуту чувство индивидуальности, вспыхнет мгновенное ощущение собствен-

ной неповторимости, когда вы отделены от мира, целиком отдавшись стремительному движению. Ведь движение сквозь тьму — это сама жизнь в ее предельно абстрактном выражении; по крайней мере, так сказал один из персонажей Человеческой Комедии, чем изрядно рассмешил публику.

В последнее время явление, известное как «блайнд-спин», получило распространение, как то и можно было предположить, прежде всего среди подрастающего поколения, когда полновластно воцарившиеся на хайвеях мониторы лишили их возможности вкладывать хоть какую-то долю индивидуальности в управление автомобилем, — на всякого рода вольности Национальный совет по контролю за движением смотрел косо. Необходимо было что-то предпринять.

И это «что-то» было предпринято. Первая повлекшая катастрофические последствия уловка состояла в элементарном отключении радиоконтрольного устройства после того, как автомобиль выезжал на прослеживаемый мониторами хайвей. Таким образом машина ускользала от недремлющего ока монитора, и управление снова переходило к едущей в ней компании. Ревнивый, как божество, монитор не мог потерпеть такого явного нежелания считаться со своим запрограммированным всеведущим мозгом; ближайшая к месту последнего контакта контрольная станция метала громы и молнии, посылая крылатых серафимов на поиски преступников.

Однако часто возмездие запаздывало, поскольку дорог много, да и скорость у автомобилей немалая. Так что на первых порах уйти от преследования оказывалось сравнительно легко.

Другие же машины, само собой разумеется, продолжали движение так, как если бы ничего не произошло. Сама возможность появления мятежных водителей казалась недопустимой. Со всех сторон окруженный тесным потоком транспорта, правонарушитель немедленно проявлялся при любом общем повышении скорости или изменении внутри транспортных рядов, подразумевавшем заполнение его теоретически свободного места. В раннюю пору мониторинга это приводило к сериям многочисленных столкновений. Позже, когда конструкция мониторов стала гораздо более хитроум-

ной и сложной, механические отсекатели значительно снизили число неизбежных аварий. Однако получаемые травмы не становились от этого легче.

Следующая хитрость любителей блайндспина была построена на обстоятельстве, которое просто проглядели, — настолько оно было очевидно. Мониторы доставляли пассажиров туда, куда те хотели, только потому, что пассажиры сами сообщали монитору, куда они хотят направиться. Стоило же кому-нибудь наугад набрать координаты своего маршрута без всякой соотнесенности с маршрутной картой, и его автомобиль либо стопорился — тогда на табло загоралась надпись «Перепроверьте ваши координаты», — либо монитор неожиданно мчал его в каком-нибудь совершенно неизвестном направлении. Последнее привлекало своей романтичностью, поскольку вас ждали умопомрачительные скорости, мелькающие за окном новые, неожиданные виды и возможность расслабиться. К тому же это совершенно не противоречило закону, и, действуя таким образом, можно было прокатиться из конца в конец по обоим континентам — если, конечно, у тебя избыток жизненных сил и финансов.

Как это обычно бывает в подобных случаях, увлечение очень скоро вышло за пределы исходных возрастных рамок. К школьным преподавателям, ограничивавшимся мирными воскресными поездками с семьей, стали относиться так же презрительно, как к торговцам подержанными автомобилями. Так и наступает конец света, сказал один остро слов.

Прав он или нет, в любом случае автомобиль, предназначенный для езды по мониторинговым хайвеям, представляет собой движущееся устройство, снабженное многими удобствами, как-то: туалетом, баром, холодильником и ломберным столиком. В нем достаточно места, чтобы переночевать двоим; четверым, пожалуй, будет тесновато. Впрочем, иногда теснее всего бывает троем.

Рендер вывел машину из-под купола и остановился на крайней полосе дороги.

— Хотите пройтись по клавиатуре?

— Нет, наберите координаты сами, у меня слишком памятливые пальцы.

Он нажал несколько кнопок наугад. Спиннер выехал на хайвей. Рендер задал скорость, и машина встроилась в скоростной ряд.

Фары спиннера прожигали тьму насквозь. Город быстро уходил назад; по обеим сторонам дороги дымилась костры, налетающий порывами ветер колыхал языки пламени, угли рдели сквозь золу, сквозь падающие сверху густые, пепельно-серые хлопья. Рендер знал, что скорость машины сейчас не больше шестидесяти процентов того, что она способна выдать в ясную сухую ночь.

Он не стал затенять окна и, откинувшись в кресле, глядел по сторонам. Эйлин «смотрела» вперед, на летящие навстречу огни. Минут пятнадцать они молчали. Город сменился предместьем, и скоро стали появляться участки открытой дороги.

— Расскажите, что там, снаружи, — попросила она.

— А почему вы не попросили меня описать ваш обед или рыцарские доспехи над вашим столиком?

— Одно я чувствовала на вкус, другое — на ощупь. Сейчас не то.

— Снаружи идет снег. Кроме того, все черным-черно.

— Что еще?

— На дороге слякоть. Когда начнет подмерзать, придется тащиться ползком, даже если мы обгоним тучу. А слякоть похожа на старый темный сироп, покрывшийся сверху сахарной корочкой.

— Это все?

— Все, моя госпожа.

— Снег идет сильнее, чем когда мы выехали из клуба?

— Да, пожалуй, сильнее.

— Налейте мне чего-нибудь.

— Конечно, сейчас.

Они развернули кресла друг к другу, и Рендер, подняв столик, достал из бара два бокала.

— За ваше здоровье.

— И за ваше.

Рендер опустил бокал. Эйлин медленными глотками пила шампанское.

Рендер ждал следующего хода. Он знал, что сократовские игры — не для двоих, и приготовился к новым вопросам прежде, чем она сказала то, что собиралась сказать.

— А что было самое красивое из того, что вам приходилось видеть?

«Да, — подумал он, — я угадал». И ответил, не задумываясь:

— Гибель Атлантиды.

— Я говорю серьезно.

— И я тоже.

— Может быть, расскажете поподробнее?

— Очень просто. Я потопил Атлантиду, — сказал он. — Собственноручно. Три года назад... Боже мой, как это было красиво! Кругом башни из слоновой кости, золотые минареты, серебряные балконы. Там были опаловые мосты с пурпурными арками и млечно-белые реки, текущие в лимонно-желтых берегах. Там были выложенные нефритом кровли, и кроны деревьев, древних, как мир, нежно касались пузатых облаков, а у пристаней Ксанаду, изящных, будто музыкальные инструменты, морские корабли покачивались на волнах прилива. Двенадцать принцев королевской крови собрались на закате в двенадцатиколонном Звездном зале Колизея послушать игру грека, тенор-саксофониста.

Само собой, грек был моим пациентом — параноиком. Этиология в таких случаях всегда сложная, но, попопавшись в нем хорошенько, я пришел именно к такому диагнозу. Потом я дал ему немного покуражиться, но в конце концов пришлось-таки расколоть Атлантиду пополам и утопить так, что и следа не осталось. Он снова выступает, и вы, конечно, слышали его музыку, если вообще вам нравится подобного рода музыка. Славный парень. Мы с ним время от времени встречаемся; он уже больше не считает себя последним преемником величайшего менестреля Атлантиды. И все же иногда, когда я вспоминаю апокалипсис, который я устроил, исходя из его мании величия, то испытываю мимолетное чувство утраченной красоты — ведь, пусть даже на одно мгновение, его патологически обостренные чувства были моими чувствами, а ему его сон казался самым прекрасным в мире

Рендер вновь наполнил бокалы.

— Я имела в виду не совсем то, — сказала она.

— Знаю.

— Мне хотелось услышать о чем-то реальном.

— Это было реальнее реального, уверяю вас.

— Не сомневаюсь, но...

— Но я разрушил то, на чем вы собирались строить ваши доводы. О'кей, извините. Постараюсь исправить-ся. Вот, пожалуйста, то, что могло бы быть реальным.

Представьте себе, что мы идем по краю глубокой песчаной воронки. Ветер заметает ее снегом. Весной снег тает, ручьи потекут по склонам, а часть талой воды испарится на солнцепеке. Останется один песок. На нем ничего не растет, разве что редкие кактусы. Живут здесь только змеи, несколько птиц, насекомые, маленькие твари, роющие себе норы, да пара бродячих койотов. В полдень все они будут искать тень — какой-нибудь старый столб, камень, череп или кактус, за которыми можно укрыться от солнца. Там можно увидеть, как жизнь прячется, отступает перед стихией. Но краски неправдоподобно красивы, а стихии даже прекрасней, чем то, что они разрушают.

— Здесь, поблизости, такого места нет, — сказала Эйлин.

— Если я говорю, значит, есть. Я видел его сам.

— Да... Вы правы.

— И какая разница, будь то картина художницы по фамилии О'Киф или что-то, что я вижу из окна? Ведь я вижу это.

— Признаю правильность вашего диагноза, — кивнула Эйлин. — Может быть, вы скажете сами?

— Нет, продолжайте.

Рендер снова наполнил низкие бокалы.

— Не в порядке мои глаза, — произнесла она, — но не мозг.

Рендер поднес зажигалку к ее сигарете.

— Я смогу видеть чужими глазами, если сумею проникнуть в чужой мозг.

Он тоже закурил.

— Невроконтактный метод основан на том, что в двух разных нервных системах могут возникать одинаковые стремления, фантазии...

— *Контролируемые фантазии.*

— Я могу выступать в роли терапевта и одновременно получать реальные зрительные впечатления.

— Нет, — сказал Рендер.

— Вы не знаете, что значит быть наглухо отгороженным от целого мира — влекущего, прекрасного! Понимать, что какой-нибудь кретин-монголоид может испытывать что-то, что вам не дано и что он никогда не сможет оценить, потому что, как и вы, был еще до рождения обречен генетической прихотью, чем-то таким, где нет места справедливости, где царит чистейшая случайность.

— Справедливость появилась во Вселенной не сама по себе. Ее выдумал человек. Но, к сожалению, человек живет во Вселенной.

— Я прошу помощи не у Вселенной, а у вас.

— Извините, — сказал Рендер.

— Почему вы не хотите помочь мне?

— Потому что вы себя так ведете.

— А именно?..

— Эмоционально. Для вас слишком много значат эмоции. Когда врач находится в резонансе с пациентом, возникающее в нем возбуждение, как наркотик, отвлекает его от собственных телесных ощущений. Это неизбежно — его сознание должно быть полностью поглощено непосредственными операциями. И собственные эмоции тоже должны как бы на время отключаться. Конечно, в каком-то смысле это невозможно, поскольку личность всегда в той или иной степени эмоционально заряжена. Но эмоции врача сублимируются в отвлеченное чувство бодрости, веселья или, как в моем случае, в художественную грезу. В вас же «видение» может вызвать слишком сильную реакцию. Вы будете подвергаться постоянному риску утратить контроль за развитием сна.

— Я не согласна.

— Разумеется, вы не согласны. Однако факт остается фактом: вам придется, причем постоянно, иметь дело с патологией. Девяносто девять процентов людей не отдадут себе отчета в том, какая это могучая сила — неврозы, просто потому, что мы не в состоянии оценить масштабы собственных неврозов — я уж не говорю о

посторонних, — когда воспринимаем их извне. Поэтому ни один невроконтактор никогда не возьмется лечить вконец свихнувшегося психа. Из немногих первопроходцев в этой области почти все теперь сами — пациенты. Это похоже на низвержение в мальстрем. Если врач теряет контроль во время напряженного сеанса, он становится уже не Ваятелем, а Ваемым. В том случае, когда нервные импульсы искусственно усилены, симптомы нарастают в геометрической прогрессии, а эффект трансференции происходит мгновенно. Пять лет назад я ужасно часто катался на лыжах. Бегать на лыжах мне пришлось потому, что я вдруг начал страдать клаустрофобией, и вытравить из себя эти страхи удалось только через полгода, — а все из-за ничтожной ошибки, происшедшей в неуловимо короткое мгновение. Пациента же пришлось передать другому врачу. А ведь обратный эффект тогда сказался очень незначительно. Иначе, моя милая, можно провести остаток дней, прохладжаясь в психолечебнице.

Рендер наполнил ее пустой бокал. Ночь стремительно мчалась за окнами. Город остался далеко позади, и дорога лежала перед ними ясная и прямая. Падающие хлопья съедали темноту. Спиннер прибавил скорость.

— Хорошо, — согласилась Эйлин, — допустим, вы правы. И все же, я думаю, вы в силах помочь мне.

— Как? — спросил Рендер.

— Приучите меня видеть так, чтобы образы потеряли свою новизну, эмоции стерлись. Пусть я буду вашей пациенткой, а вы поможете мне избавиться от навязчивой идеи — видеть. Тогда то, о чем вы так убедительно рассказывали, не сможет на меня повлиять, я сумею уделить все свое внимание обучению и сублимировать радость видения в какие-нибудь другие эмоции.

Рендер задумался. Может быть, и удастся. Хотя предприятие не из легких. Да и сам по себе случай оказывался небезынтересным.

Квалификации тут не хватило бы никому, поскольку никто никогда не брался за подобное. Но Эйлин Шеллот действительно была редким... нет, не редким, а уникальным экземпляром, ведь, похоже, она — единственный человек на свете, у которого необходимая спе-

циальная подготовка сочетается с уникальной проблемой.

Рендер допил шампанское и снова наполнил оба бокала. Он все еще пребывал в задумчивости, когда донесся сигнал «перепроверка», и машина встала, свернув в тупик. Он выключил зуммер и долго сидел неподвижно, раздумывая.

Мало нашлось бы людей, перед которыми он открыто говорил бы о собственном мастерстве. Коллеги считали его скромным. Однако сейчас даже не слишком проникательный наблюдатель мог бы заметить — он понимал, что если когда-нибудь за дело возьмется невроконтактор лучше, чем он, то это будет скорее всего один из тех ангелов, что некогда нисходили к смятенному Ното Sapiens.

В бокалах еще оставалось шампанское. Рендер бросил пустую бутылку в мусоросборник.

— А знаете что?

— Что?

— Пожалуй, стоит попробовать.

Развернув кресло, он нагнулся над панелью, собираясь набрать новые координаты, но доктор Шеллот опередила его. Когда Рендер нажимал на кнопки и машина разворачивалась, Эйлин быстро поцеловала его. Глаза ее под темными стеклами очков были мокры от слез.

Глава 2

Известие о самоубийстве взволновало Рендера больше, чем можно было ожидать; к тому же миссис Ламбер позвонила накануне и сказала, что не придет на прием. Поэтому первую половину дня он решил провести в печальной задумчивости и в соответствии с ролью вошел в приемную, хмуро попыхивая сигарой.

— Вы уже знаете?.. — спросила миссис Хеджес.

— Да. — Рендер швырнул пальто на стол в дальнем углу и, подойдя к окну, посмотрел вниз. — Да, — повторил он. — Окна в машине были не затенены, и когда я проезжал, то видел, как убирают мостовую.

— Вы с ним знакомы?

— Откуда? Я даже не успел узнать, как его зовут.

— Мне только что звонила Присс Тьюли, секретарша из инженерной конторы на восемьдесят шестом этаже. Она сказала, что это был какой-то Джеймс Иризарри, дизайнер из соседнего офиса. С восемьдесят шестого лететь долго; наверное, он был уже без сознания, когда упал. Он задел за карниз. Можете высунуться, взглянуть — вон там слева, внизу...

— Не беспокойтесь, Бенни. У вашей приятельницы есть соображения, почему он это сделал?

— Особых нет. Его секретарша вбежала в холл, закричала. Кажется, она вошла в его кабинет спросить насчет каких-то эскизов и увидела, как он перелезает через подоконник. На столе оставлена записка: «У меня было все, что мне нужно. К чему тянуть?» Забавно, правда? То есть я не в том смысле — забавно...

— Да, да. Известно что-нибудь о его личной жизни?

— Женат. Двое ребятишек. Работал профессионально. Большое дело. Воплощенная строгость. И денег хватало — платить за офис в этом здании...

— Господи Боже! Вы что, заглядывали в его файл?

— Вы же знаете, — Бенни пожала своими пышными плечами, — у меня в этом муравейнике повсюду друзья. Когда особенной работы нет, можно и поболтать. Как-никак Присси моя свояченица...

— Хотите сказать, что, если бы я сейчас сиганул в окошко, подробности моей биографии через пять минут стали бы всеобщим достоянием?

— Может быть, — она скривила ярко покрашенные губы в улыбку, — минут через пять, плюс-минус. Но только не делайте этого сегодня, ладно? Иначе вы отнимете у бедняги долю известности, да и про вас лично, учитывая, что самоубийц было двое, так много не напишут... К тому же вы человек легкий, общительный, чего вам выбрасываться в окошко?

— Статистика с вами не согласна, — заметил Рендер. — С медиками, так же как с адвокатами, это случается втрое чаще, чем с людьми любой другой профессии.

— Эй! — крикнула Бенни притворно-встревоженным голосом. — Ну-ка отойдите от моего окна! А то придется мне наниматься к доктору Хансену, а он такой зануда и слюнтяй. — Она вернулась к своему столу. — Никогда не поймешь, шутите вы или говорите всерьез.

— Я искренне ценю вашу заботу, поверьте, — кивнул Рендер. — А в общем, я никогда излишне не доверял статистике, иначе мне пришлось бы закончить свою карьеру еще четыре года назад.

— Про вас написали бы на первых страницах, — мечтательно проговорила Бенни. — Репортеры бы все вились вокруг меня, расспрашивали... Хм, а почему они вообще это делают?

— Кто?

— Ну, все они.

— Откуда мне знать, Бенни. Ведь я всего-навсего что-то вроде психостимулятора. Если бы мне удалось точно определить общую для всех случаев причину, а потом, может быть, и выдумать способ, как их предупредить, это разогрело бы газетчиков больше, чем если

бы я просто выпрыгнул вниз. Увы, одной такой ясной и понятной причины нет, по крайней мере так кажется.

— Хм.

— Лет сорок назад самоубийство занимало девятое место в шкале смертности в Соединенных Штатах. А теперь уже шестое, если брать обе части континента.

— Выходит, никто никогда так и не узнает, почему Иризарри это сделал?

Рендер отставил кресло и сел, стряхнув сигарный пепел в маленькую блестящую пепельницу. Бенни быстрым движением опрокинула пепельницу в мусоросборник и многозначительно откашлялась.

— Разумеется, всегда можно строить гипотезы, — сказал Рендер, — а человек моей профессии так просто обязан. В первую очередь следует учесть те черты характера, которые предрасполагают человека к периодам депрессии. Люди, которые держат свои эмоции под строгим контролем, люди чувствительные, волей-неволей реагирующие на самые мелкие раздражители...

Он снова стряхнул толстый сигарный пепел в пепельницу и проследил, как Бенни, быстро вытянув руку, щелчком сбила пепел со своей сигареты и так же быстро убрала руку назад. Злорадная усмешка появилась на его лице.

— Короче, — заключил он, — черты, свойственные людям всех профессий, где индивидуальное начало проявляется больше, чем коллективное, — медицина, юриспруденция, искусство.

Бенни задумчиво поглядела на него.

— И все же не беспокойтесь, — Рендер широко улыбнулся, — я чертовски доволен жизнью.

— Что-то вы сегодня не в духе.

— Питер звонил. Вчера сломал на физкультуре лодыжку. Администрация ни за чем не следит. Пожалуй, надо перевести его в другую школу.

— Опять?

— Погляжу. Директор будет звонить мне сегодня после обеда. Конечно, не хотелось бы таскать парня с места на место, но я хочу, чтобы он окончил школу целым и невредимым.

— С мальчиком обязательно должно что-то случаться, хоть раз или два. Такова статистика.

— Статистика и судьба — разные вещи, Бенни. Каждый распоряжается ею сам.

— Чем, судьбой или статистикой?

— И тем, и другим, я полагаю.

— Мне кажется, если что-то должно произойти, это обязательно произойдет.

— А мне не кажется. Я считаю, что воля плюс здравый рассудок могут в той или иной степени контролировать то, что с нами происходит. Если бы я думал иначе, вряд ли бы я пускался в такие авантюры.

— Однако согласитесь, что жизнь — это причинно-следственный механизм. Статистика опирается на вероятность.

— Человеческое сознание — не механизм, и я никогда не знаю, где причина и где следствие. И никто не знает.

— Вы же специалист в химии, насколько я помню. Вы же ученый, док.

— Кто знает, а может, я троцкистский уклонист, — улыбнулся Рендер, потягиваясь. — Вы ведь тоже были когда-то учительницей танцев.

Он встал и взял со стола пальто.

— Кстати, звонила мисс де Виль, оставила послание. Велела спросить: «Как насчет Сент-Морица?»

— Не люблю шиковать, — сказал Рендер. — Лучше Давос.

Известие о самоубийстве взволновало его больше, чем можно было ожидать, и, закрыв дверь в кабинет и затенив окна, он включил диктофон. В комнате горела только настольная лампа.

«Какие качественные перемены в человеческой жизни произошли после начала промышленной революции?» — записал Рендер и, взяв в руку листок, перечитал записанную фразу. Это была тема лекции, с которой он должен был выступать в ближайшую субботу. Как всегда в таких случаях, он не знал, что будет говорить, потому что слишком многое хотелось бы сказать, а времени отводился только час.

Он встал и начал прохаживаться по кабинету, в полумраке которого плыли звуки Восьмой симфонии Бетховена.

— Возможность причинить ущерб другому, — сказал Рендер, выставляя максимальный уровень записи на прикрепленном к лацкану микрофоне, — росла пропорционально техническому прогрессу.

Воображаемая аудитория притихла. Он улыбнулся.

— Способность человека калечить себе подобных умножалась с ростом масштабов производства; его способность наносить психические травмы в процессе личного общения расширилась в точном соответствии с улучшением средств связи. Но все это общеизвестные факты, и говорить я сегодня собираюсь не об этом. Мне хотелось бы порассуждать о том, что я сам для себя называю автопсихомимесис, то есть самозарождающиеся невротические комплексы, которые на первый взгляд вполне напоминают классические образцы, а сегодня являются основными формами выброса психической энергии. Явление это характерно именно для нашего времени...

Он сделал паузу, чтобы закурить сигару и сформулировать следующую мысль.

— Автопсихомимесис — это саморазвивающийся подражательный комплекс, который уже начал привлекать к себе внимание. Вообразите, к примеру, джазиста, который во время игры как бы впадает в состояние наркотического опьянения, даже если он никогда не прибегал к наркотикам и едва помнит тех, кто это делал, ведь сегодня стимуляторы и транквилизаторы совершенно безвредны. Подобно Дон Кихоту, он устремлен вслед мечте, хотя сама по себе музыка — достаточный выход для его психического напряжения. Или, скажем, один из моих пациентов — корейский мальчик, осиротевший во время войны и оставшийся в живых только благодаря Красному Кресту, ЮНЕСКО и своим приемным родителям, которых он никогда не видел. Ему так хотелось семьи, что он придумал ее. И что же случилось потом? Он ненавидел своего воображаемого отца и нежно любил свою воображаемую мать, поскольку мальчик он был развитой и тоже стремился подражать классическим, хотя и полубогам, комплексам. Почему?

Психика сегодняшнего человека сложна настолько, что многие перестают понимать освященные веками

классические образцы психических расстройств. Сегодня большинство причин таких расстройств устранено, пусть не всегда радикально — как то, что сделало сиротой моего, теперь уже, кстати, взрослого корейца. Таким образом, мы живем среди старых неврозов, в психиатрическом прошлом. И снова встает вопрос — почему? Потому что время, в котором мы живем, ориентировано на такие ценности, как физическое здоровье, безопасность и благосостояние. Мы покончили с голодом, и все-таки выросший в лесной глуши сирота предпочтет получать свою порцию концентратов из рук человеческого существа, которое ухаживает за ним, нежели натуральную горячую пищу из автомата, установленного среди джунглей.

Телесное здоровье теперь — бесспорное право каждого. И это вызвало реакцию в области здоровья душевного. Развитие техники привело к тому, что причины многих социальных проблем ушли в прошлое, и вместе с ними — многие причины нарушений психики. Но между черными красками вчерашнего дня и светлым завтра лежит длинный и пасмурный сегодняшний день, полный ностальгии по прошлому и страха перед будущим, которые не могут быть объяснены только материалистически, и поэтому сегодня мы сталкиваемся с сознательным стремлением подражать старым неврозам...

Раздался короткий телефонный гудок. Рендер не услышал его из-за звуков симфонии.

— Мы боимся того, чего не знаем, — продолжал он, — а «завтра» — это великая загадка. Ведь даже та область психиатрии, в которой я работаю, еще не существовала каких-нибудь тридцать лет назад. Наука способна развиваться так быстро, что люди испытывают поистине тревогу — я бы даже сказал, мучительную тревогу, — перед логически напрашивающимся вопросом: а не приведет ли тотальная технологизация жизни в мире к...

Он проходил мимо стола, когда телефон зазвонил снова. Рендер отключил микрофон и сделал музыку тише

— Слушаю.

— Сент-Мориц? — раздался женский голос.

— Давос, — решительно ответил он.

— Чарли, ты безнадёжен!

- Джилл, милая, ты тоже.
- Поговорим об этом вечером?
- Тут не о чем говорить.
- Но ты хоть заедешь за мной в пять?

Он ответил не сразу.

- Да. А почему отключен экран?

— Я сделала прическу. Собираюсь снова тебя удивить.

Он подавил глупый произвольный смешок.

— Надеюсь, удивить приятно... Ладно, до встречи, — и, дождавшись ее «до свиданья», отключил связь.

Высветлив окна, он погасил свет и взглянул на улицу. Снова нависла серая пелена, медленно и густо падали снежинки, задумчиво кружась в неподвижном воздухе и теряясь внизу.

Открыв окно, он перегнулся через подоконник: действительно, слева внизу виднелась отметина — предпоследний след, оставленный на этом свете Иризарри.

Рендер закрыл окно и дослушал симфонию. Прошла уже почти неделя с того дня, когда они катались на спиннере с Эйлин. Ей было назначено на час.

Он вспомнил, как кончики ее пальцев, мягко щеко-ча, касались его лица, словно листья или лапки насекомого, изучая его внешность, — древняя манера слепых. Однако воспоминание было скорее неприятным. Любопытно почему...

Внизу был виден далекий кусочек политой из шланга мостовой, снова белой и чистой, но скользкой, как стекло, под тонким покровом только что выпавшего снега. Сторож вышел из дверей дома и стал энергично разбрасывать по мостовой соль: чтобы никто не поскользнулся, не ушибся.

Зигмунд казался ожившим мифическим Фенриром. После того как Рендер попросил миссис Хеджес: «Проводите их, пожалуйста», — дверь нерешительно приоткрылась, потом вдруг широко распахнулась, и пара дымчато-желтых глаз в упор взглянула на него.

Глаза были широко посажены на странной, искаженной формы собачьей голове. Лоб у Зигмунда был не такой, как у обычной собаки, — скошенный и едва замет-

ный; заросший густой шерстью, он поднимался мощно и высоко, и от этого глаза, казалось, сидели еще глубже. Рендеру стало слегка не по себе от вида и размеров глядящей на него собачьей морды. До этого ему приходилось видеть только щенков-мутантов. Зигмунд был уже совсем взрослым, и его серая, в черных подпалинах шерсть постоянно щетинилась, отчего пес казался больше, чем средний представитель породы мутантов.

Он совсем не по-собачьи, в упор взглянул на Рендера, издав низкий рычащий звук, слишком похожий на «привет, доктор», чтобы это могло быть совпадением.

Рендер кивнул в ответ и встал.

— Привет, Зигмунд, — сказал он. — Входи.

Собака повернула голову, приняв запах комнаты и словно решая, можно ли доверять хозяину этих чертогов. Потом пес снова перевел пристальный взгляд на Рендера, утвердительно склонил голову и толчком плеча распахнул дверь настежь. Знакомство, таким образом, длилось не больше секундного замешательства.

Эйлин шла за псом, слегка придерживая его за двойной поводок. Собака мягко, бесшумно ступала по толстому ковру, низко опустив голову, словно подкрадываясь к добыче. Взгляд ее ни на минуту не упускал из виду Рендера.

— Так вот он какой, Зигмунд... Как поживаете, Эйлин?

— Прекрасно... Да, он ужасно хотел поехать со мной, и я тоже очень хотела, чтобы вы с ним познакомились.

Рендер подвел ее к креслу и усадил. Щелкнув карабином, Эйлин отстегнула поводок и положила его на пол. Зигмунд сел перед своей упряжкой, по-прежнему пристально глядя на Рендера.

— Как дела в Центре?

— Как обычно. Можно стрельнуть у вас сигарету, доктор? Свои забыла дома.

Он вложил сигарету ей в пальцы, поднес зажигалку. Доктор Шеллот была в темно-синем платке, и стекла ее очков отливали яркой синевой. Огонек зажигалки отразился в серебряном кружке у нее на лбу; Рендер уже убрал руку, а она все еще продолжала глядеть в ту точ-

ку, где только что трепетал огонек. Ее волосы до плеч казались чуть светлее, чем в тот вечер, когда они встретились впервые; сейчас они были цвета только что отчеканенной медной монетки. Рендер сел на край стола, кончиком ботинка подняв с пола пепельницу-глобус.

— Вы говорили, что, хотя вы и слепа, это не значит, что вы никогда не видели. Тогда я не спросил, что вы имели в виду. Но теперь мне хотелось бы знать.

— У меня был сеанс с доктором Рискомом, — сказала она, — еще до несчастного случая. Он хотел приспособить мое сознание к зрительным впечатлениям. К сожалению, второй сеанс так никогда и не состоялся.

— Понятно. Как протекал тот сеанс?

Эйлин скрестила ноги, и Рендер заметил, какие у нее тонкие лодыжки.

— Помню в основном цветные пятна. Слишком сильное было переживание.

— Помните отчетливо? Как давно это было?

— Примерно полгода назад. Я их никогда не забуду. С тех пор мне даже стали сниться цветные сны.

— Часто?

— По нескольку раз в неделю.

— Какие ассоциации у вас возникают?

— Ничего особенного. Они просто возникают в мозгу, так же как и другие очаги возбуждения, без всякой системы.

— И все же, как именно?

— Ну, скажем, когда вы сейчас задали мне этот вопрос, я «увидела» узор из оранжево-желтых пятен. Когда вы поздоровались, узор был другой формы и серебристый. А сейчас, когда вы просто сидите и молча слушаете меня, вы представляетесь мне темно-синим, почти фиолетовым пятном.

Зигмунд перевел взгляд на стол и принялся рассматривать боковую панель. «Неужели он слышит шум магнитофона? — подумал Рендер. — А если слышит, неужели догадывается, что там такое и зачем оно шумит?» Если так, пес наверняка скажет об этом Эйлин, и дело не в том, что она не знает о подобной повсеместно принятой практике; ей может не понравиться лишнее напоминание, что он, Рендер, относится к ней как к пациентке. Если хоть на минуту поверить, что из этого мо-

жет выйти толк (он внутренне улыбнулся), он, пожалуй, поговорил бы с собакой наедине. При этой мысли Рендер незаметно пожал плечами.

— Что ж, тогда я придумаю какой-нибудь мир попроще, — сказал он наконец, — и познакомлю вас для начала с самыми элементарными формами.

Она улыбнулась, а Рендер взглянул вниз на мифологического зверя, свернувшегося у ног хозяйки, — язык у него свисал из-за частокола зубов, как кусок свежего мяса.

«Тоже улыбается?»

— Спасибо, — сказала она.

Зигмунд завилал хвостом.

— Хорошо, — Рендер положил дымящуюся сигарету рядом с Мадагаскаром. — Тогда я проверю «чрево». А пока, — он незаметно нажал на кнопку, — музыка поможет вам немного расслабиться.

Эйлин собиралась было что-то ответить, но раскаты вагнеровской увертюры заглушили ее слова. Рендер снова нажал кнопку и в последовавшей затем тишине произнес:

— Так-так, интересно. Я думал, потом идет Респиги.

Он еще два раза нажимал кнопку, пока не зазвучали «Пинии Рима».

— Можно было и оставить, — заметила она, — мне вполне нравится Вагнер.

— Спасибо за совет, а только позвольте мне самому распоряжаться последовательностью мелодий.

«Яйцо» вышло из шкафа на середину кабинета бесшумно, как облако. Рендер покатил его к пульта, как вдруг услышал у себя за спиной тихое рычание. Он быстро обернулся.

Стремительный, как тень птицы, Зигмунд поднялся и кругами ходил возле аппарата, обнюхивая его; хвост был напряжен, уши прижаты, зубы оскалены.

— Полегче, Зиг, — сказал Рендер. — Это всего-навсего Многоканальное Невроконтактное Устройство. Оно не кусается. Просто машина, вроде автомобиля, телевизора или посудомойки. Сегодня «яйцо» поможет нам показать Эйлин то, чего она еще не видела.

— Не нравится, — проворчал пес.

— Почему?

Ничего не ответив, Зигмунд бесшумно вернулся к Эйлин и положил голову ей на колени.

— Не нравится, — повторил он, глядя на хозяйку.

— Почему?

— Не могу объяснить, — сказал он наконец. — По-едем домой?

— Нет, — ответила Эйлин. — Пристройся где-нибудь в уголке и вздремни, а я пристроюсь внутри этой штуки и тоже подремлю — вроде того.

— Нехорошо, — сказал пес, понуро опустив хвост.

— Давай, давай, — подтолкнула она Зигмунда, — ложись и будь умницей.

Тот неохотно поплелся в угол, заскулив, когда Рендер затенил окна и нажал кнопку, превращая стол в пульт управления. Он заскулил снова, когда подсоединенное к сети «яйцо» раскололось на половинки и верхняя, откинувшись, открыла внутренность машины.

Рендер сел в кресло. Точнее, лег, потому что теперь оно представляло собой нечто вроде ложа, наполовину задвинутого под панель. Он привстал — и кресло снова стало креслом. Потом он коснулся пульта, и половина потолка, отсоединившись и изменив форму, нависла над креслом, как большой колокол.

Рендер встал и, обойдя пульт, подошел к «яйцу». Пока Респиги проникновенно повествовал о римских пиниях, Рендер отключил наушники, нагнувшись, заглянул внутрь «яйца», потом снова склонился над пультом. Прижав наушники к плечу, он проверил микрофон; свободная рука его бегала по панели, нажимая кнопки. Мерный рокот прибоа, рык мчащихся машин попеременно заглушали проникновенные звуки музыки; «...когда вы просто сидите и молча слушаете меня, вы представляетесь мне темно-синим, почти фиолетовым пятном», — прорвалось вдруг.

Он настроил контакты шлема и начал проверку: «один» — пахнуло корицей, «два» — лесной зеленью, «три» — липким, влажным мускусом; ...и дальше — мгновенное чувство жажды, вкус меда, уксуса, соли, и назад — сквозь запахи сирени и влажного бетона, сквозь свежее предгрозовое дуновение и дальше — сквозь все основные обонятельные и вкусовые коды утра, дня и вечера.

Ложе плавало в ртутной емкости, стабилизируемое магнитным полем, которое создавали стенки «яйца». Рендер поставил кассеты с записями.

«Чрево» было в идеальном состоянии.

— Все, проверено.

Эйлин положила очки поверх сложенной одежды. Пока Рендер проверял аппарат, она успела раздеться. Он почувствовал себя немного смущенным, глядя на ее тонкую талию, полные груди с темными сосками, длинные стройные ноги. «Слишком хорошо сложена для женщины ее роста», — решил он.

Разглядывая Эйлин, он подумал, что испытывает неловкость прежде всего от сознания, что она — его пациентка.

Взяв Эйлин под руку, Рендер подвел ее к машине. Пальцы ее внимательно изучали внутренность аппарата. Помогая ей забираться внутрь, он заметил, что серые глаза ее ярко позеленели. Рендер отметил это с неодобрением.

— Удобно?

— Да.

— Хорошо, приготовились. Я закрою. Приятных сновидений.

Верхняя створка медленно опустилась. Закрывшись, «яйцо» потускнело, потом ослепительно засияло. Рендер взглянул вниз, на собственное кривое отражение, и пошел обратно к пульту.

Зигмунд стоял у пульта, преграждая ему дорогу. Рендер протянул руку, чтобы потрепать его по голове, но пес отстранился.

— Пусти меня, хочю вместе, — проворчала собака.

— Боюсь, не получится, старина, — сказал Рендер. — Кроме того, мы ведь никуда не уходим. Просто вздремнем малость, не выходя из комнаты.

Однако пес, похоже, не собирался уступить.

— Зачем?

Рендер вздохнул. Спорить с собакой — подобная нелепость могла прийти в голову разве что с похмелья.

— Зиг, я собираюсь помочь Эйлин понять, как выглядит наш мир. Конечно, ты замечательно делаешь, вода ее среди всех этих невидимых для нее вещей, но ей нужно *знать*, как они выглядят.

— Тогда она... я не нужен.

— Конечно, ты будешь ей нужен, — Рендер с трудом сдерживал смех. Патетика момента так тесно переплелась с абсурдом, что это было и вправду презабавно. — Я не могу вернуть ей зрение, — объяснил он. — Я просто хочу внушить ей кое-какие зрительные абстракции, ну, как бы одолжить на время свои глаза. Ясно?

— Нет, — ответил пес. — Лучше мои.

Рендер выключил музыку.

«История отношений между собакой-мутантом и ее хозяйкой, — решил он про себя, — заслуживает по меньшей мере шести томов по-немецки».

— Поди туда и ляг, — он указал на дальний угол. — Эйлин же сказала тебе. Это продлится недолго, и, когда кончится, вы уйдете, как и пришли. И ты поведешь ее. Понял?

Зигмунд ничего не ответил и молча, опустив хвост, побрел в угол.

Рендер устроился в кресле и опустил колпак — теперь его рабочее место тоже напоминало «чрево». Он был один против девяноста белых кнопок и двух красных. Мир кончался в темноте за пультом. Рендер развязал галстук, расстегнул воротник рубашки.

Достав шлем, он проверил контакты. Потом надел шлем и опустил темное прозрачное забрало так, что оно сомкнулось с нижней половиной, закрывающей подбородок. Вложив правую руку в подвес, он одним движением отключил сознание пациентки.

Ваятель нажимает белые кнопки бессознательно. Он лишь отдает мысленные приказы. Потом датчик мышечных рефлексов передает напряжение чувствительному подвесу, тот перемещается в нужное положение и велит пальцу нажать необходимую кнопку. Когда кнопка нажата, подвес двигается дальше.

Рендер ощутил покалывание у основания черепа; запахло свежескошенной травой.

Мгновение — и он уже шел, восходя по широкой сумрачной аллее между двух миров...

После показавшегося долгим отрезка времени Рендер почувствовал под ногами непривычную, чужую землю. Он ничего не видел, и только какое-то смутное ощущение чьего-то присутствия подсказывало: он на

месте. То была самая непроглядная, самая темная из всех ночей, в которых ему пришлось побывать.

Он приказал тьме рассеяться. Никакого эффекта.

Часть его сознания пробудилась — та часть, которая не спала; он спросил у памяти, в чей мир он попал.

Неведомое присутствие — страх и настороженное ожидание.

Он приказал явиться цвету. Сначала — красный.

Возникло ответное движение. Потом откликнулось эхо.

Все окрасилось в красный цвет; он словно оказался в самой сердцевине огромного рубина.

Оранжевый. Желтый...

Он был мушкой в куске янтаря.

Потом зеленый — жаркие морские испарения. Синий принес вечернюю прохладу.

Он напряг мозг, стараясь вызвать все цвета сразу. И они явились — огромным переливающимся плюмажем.

Он разделил их, придавая каждому форму.

Слепящая, сияющая радуга выгнулась на черном небосводе.

Он вновь напрягся, призывая коричневое и серое. Цвета проступили снизу — мелькающими, мерцающими пятнами.

Он ощутил далекий трепет — ничего истеричного — и продолжал Ваять. Установил черту горизонта, впитавшего черный цвет. Небо слабо поголубело, и Рендер рискнул выпустить стаю темных туч.

Работая над перспективой, он почувствовал, как что-то сопротивляется его усилиям, и добавил к общей картине слабый шум прибоя. Представление о перспективе начало медленно смещаться там, на другом конце, как только он стал разгонять тучи. Чтобы компенсировать приступ акрофобии, он быстро набросал высокий лес. Паника улеглась.

Рендер сконцентрировался на больших деревьях — дубах и соснах, тополях и платанах. Он разметал их стволы вокруг, вонзая их в землю, как копыя, осыпая ворохом зеленых, коричневых и желтых лоскутков, раскатил толстый ковер травы в утренней росе, разбросал на неравном расстоянии серые валуны и зеленоватый

валежник и переплел ветви в высоте над головой, укрыв равномерной тенью всю лощину.

Эффект был ошеломляющий. Казалось, весь мир содрогнулся в радостных рыданиях и смолк.

Но сквозь застывшую тишину он чувствовал ее присутствие. Рендер решил, что лучше всего будет как можно скорее заложить основание, закрепиться на клочке ясной, осязаемой реальности, подготовить почву для маневра. Потом можно вернуться вспять по собственным следам, устранить последствия травмы во время следующих сеансов; но это необходимый для начала минимум.

Молчание не означало отступления. Эйлин была повсюду: в деревьях и траве, в камнях и зарослях кустарника; она воплощалась в их формы, соотносила их с осязательными ощущениями, звуками, запахами.

Мягким порывом ветра прошелестел он в ветвях деревьев. Воспроизвел плеск невидимого ручья.

Эйлин радостно откликнулась, и он обрадовался тоже.

Пока она держалась замечательно, и Рендер решил расширить сферу первой попытки.

Он позволил себе мысленно пройти среди деревьев, испытывая мгновенное удвоение зрения; в одно из таких мгновений увидел огромную руку возницы, направляющего алюминиевую колесницу к слепяще-белому кругу.

Он был уже по ту сторону ручья и осторожно шел ей навстречу.

Его уносило течением. Он еще не обрел формы. Всплески слились в согласное журчание ручья, который он заставлял течь, играя, между камней. Еще усилие — и лепет воды зазвучал членораздельно.

— Где ты? — спросил ручей.

— *Здесь! Здесь! И здесь!* — откликнулись деревья, кусты, камни, трава.

— Выбери одно, — сказал ручей; он разлился широко, обтекая большой валун, потом побежал под гору, к голубому озеру.

— *Я не могу,* — прошелестел ветер.

— Ты должна! — Ручей скользнул в озеро, взвихрив его ровную гладь, и замер, отражая ветви деревьев и темные облака. — Сейчас!

— *Хорошо*, — ответило легкое эхо. — *Одну минутку*.

Над озером встал туман и медленно поплыл к берегу.

— *Сейчас*, — прозвенел туман.

— *Тогда здесь...*

Она выбрала маленькую иву. Деревце покачивалось на ветру, склонив ветви к воде.

— *Эйлин Шеллот*, — сказал он, — *взгляни на озеро*.

Налетел порыв ветра, ива затрепетала. Ему не составило труда вспомнить ее лицо, ее тело. Деревце беспокойно кружилось — так, словно у него не было корней. Эйлин стояла среди смятенных, бесшумным взрывом разметанных листьев; со страхом взглянула она в глубокое синее зеркало воды — мыслей Рендера.

Она закрыла лицо руками, но это не мешало ей видеть.

— *Взгляни на себя*, — велел Рендер.

Она отняла руки и быстро опустила глаза. Потом медленно повернулась — в одну, в другую сторону, изучая себя.

— *Мне кажется, я вполне симпатичная*, — сказала она наконец. — *Это вы так захотели, или это правда?*

Говоря, она не переставала оглядываться в поисках Ваятеля.

— *Правда*. — *Голос Рендера звучал отовсюду*.

— *Спасибо*.

Налетел белый вихрь, и, когда он рассеялся, на ней оказалась шелковое, перехваченное кушаком платье. Свет, разгорающийся вдалеке, был едва уловим. Бледно-розовая полоса обозначилась вдоль нижней гряды облаков.

— *Что там происходит?* — спросила она, поворачиваясь.

— *Я хочу показать тебе восход солнца*, — сказал Рендер, — *боюсь, правда, выйдет неважно, ведь это первый восход в моей практике, да еще в таких условиях*.

— *А где ты?* — спросила она.

— *Везде*, — ответил он.

— *Пожалуйста, станьте чем-нибудь, я хочу вас видеть*.

— *Договорились*.

— *Станьте самим собой*.

Он представил, что стоит на берегу, у нее за спиной, и вот он уже там.

Что-то металлически блеснуло, и он опустил глаза. Мир на мгновение заколебался, потом вновь обрел стабильность. Рендер улыбнулся, но улыбка застыла на губах, когда он вспомнил.

На нем были те же рыцарские латы, которые стояли рядом со столиком в «Скальпеле и куропатке».

Она вытянула руку и коснулась стали.

— Рыцарские латы, они стояли рядом с нашим столиком, — сразу догадалась Эйлин, ощупывая металлические пластины и скрепы. — В тот вечер я представляла вас в них.

— И сейчас, не раздумывая, в них меня и засунула, — заметил он. — У тебя сильная воля.

Латы исчезли — на Рендере снова был его серо-коричневый костюм, свободно повязанный галстук цвета запекшейся крови, на лице — профессионально-сосредоточенное выражение.

— Представь себе реального меня, — он слабо улыбнулся. — А теперь — восход. Я использую все цвета. Смотри!

Они сели на зеленую парковую скамью, возникшую сзади, и Рендер указал в направлении, которое, как он решил, будет востоком.

Солнце, не торопясь, проделывало свою утреннюю работу. Впервые оно явилось в этом мире, подобное божеству, отразилось в поверхности озера, разорвало тучи, и туман, курясь, окутал влажную древесную листву, скрыл лошину.

Пристально, не отрываясь, глядела Эйлин на разгорающийся в небе пожар; долго сидела она, не вымолвив ни слова. Ее восхищение сообщалось Рендеру.

Она не сводила глаз со всемирного источника света, а восходящее светило, слепя, отражалось в металлическом кружке у нее на лбу, как блестящая капля крови.

— Это солнце, а это тучи, — сказал Рендер, хлопнул в ладоши — тучи скрыли солнце, и сверху послышались мягкие раскаты. — А это — гром.

Пошел дождь; капли его разбили зеркальную гладь озера; щекоча, покатались по щекам Эйлин, громко застучали по листьям деревьев, мягко зашлепали по тра-

ве; струйки дождя потекли с ветвей. Одежда на обоих вымокла, волосы слиплись, а капли все падали, стекая по лицам, заставляя жмуриться и превращая в грязь коричневые пятна земли.

Сверкающая молния прочертила небо, мгновение спустя снова прогрехотал гром.

— ...А это — летняя гроза, — наставительно произнес Рендер. — Можно наблюдать, какое действие оказывает дождь на листву и на людей. А то, что ты видела в небе перед громом, называется молния.

— Я устала, — сказала она. — Пожалуйста, пусть он на минутку перестанет.

Дождь мгновенно перестал, и солнце проглянуло сквозь тучи.

— Чертовски хочется курить, — проговорила Эйлин, — а сигареты я оставила там, в том мире.

Стоило ей сказать это, как зажженная сигарета уже дымилась в ее пальцах.

— Покажется пресной, — сказал Рендер загадочно. Потом он мельком взглянул на нее.

— Это не я дал тебе сигарету. Ты сама выудила ее у меня в мыслях.

Дым качнулся в сторону, завился спиралью и уплыл.

— А это значит, — продолжал он, — что уже второй раз сегодня я недооценил силу той свободной части твоего сознания, где должен помещаться механизм зрения. Ты усваиваешь впечатления очень быстро. А теперь даже подбираешься к новым. Будь осторожна. Постарайся держать себя в руках.

— Но это как голод!

— Пожалуй, на сегодня хватит.

Одежда их уже высохла. В ветвях запела птица.

— Нет, подождите! Пожалуйста! Я буду осторожной. Я хочу видеть еще.

— Ну, этот визит не последний, — сказал Рендер. — Но еще немножко можно. Что бы тебе больше всего хотелось увидеть?

— Зиму. Снег.

— О'кей, — улыбнулся Ваятель. — Тогда накинь эту шубу...

Часть дня, оставшаяся после ухода пациентки, пролетела незаметно.

Настроение у Рендера было хорошее. Казалось, что ему пришлось выплеснуть всю энергию, а теперь он снова полон ею до краев. Первый опыт прошел без каких-либо обратных воздействий. Видимо, успех обеспечен. Чувство удовлетворения было сильнее чувства страха.

Ощущая прилив бодрости, Рендер вернулся к работе над лекцией.

— В чем же состоит возможность причинить ущерб ближнему? — спросил он у микрофона. — Жизнь нашей управляют приятные и неприятные эмоции. Удовольствие и боль. Одно воодушевляет, другое подавляет. Но хотя удовольствие и боль имеют биологические корни, распределение их обусловлено обществом: общество формирует ценности. Огромные массы людей, жителей больших городов, ежедневно с лихорадочной поспешностью перемещаются с места на место, и возникла необходимость установления полностью механизированных форм контроля за этими передвижениями. Каждый день они прокладывают себе пути в новые области: управляют нашими автомобилями, пилотируют наши самолеты, опрашивают нас, ставят нам диагнозы, — и я не рискнул бы оценивать эти вторжения техники в моральном плане. Они неизбежны и в конце концов могут оказаться даже благотворными.

Но, как бы там ни было, я бы хотел сделать акцент на том, что мы часто не отдаем себе отчета в наших ценностях. Мы не можем прямо сказать, что значит для нас та или иная вещь, пока она не исчезнет из нашей жизни. Когда же ценностный объект исчезает, вложенная в него психическая энергия высвобождается. И мы отправляемся на поиски новых ценностных объектов, на которые могли бы обратить свою «ману», или свое «либидо», как вам больше нравится.

Надо сказать, что ни одно из явлений, исчезнувших за последние три, четыре или пять десятилетий, не обладало достаточной массовой значимостью; и ни одно из новшеств, появившихся за это время, нельзя считать враждебным по отношению к людям, которых оно заменило, или к тем, кого оно контролирует. Тем не менее

общество представляет собой сложную систему явлений, и, если они сменяют друг друга слишком быстро, результаты могут оказаться непредсказуемыми.

Тщательное изучение душевных заболеваний часто проливает свет на природу стрессов, бытующих в обществе, где эти заболевания возникли. Если психические расстройства подлежат классификации, то скрытые болезни общества так или иначе обнаруживаются в них. Карл Юнг установил, что, когда сознательное терпит постоянные неудачи в поисках ценностей, поиски эти переходят на уровень подсознания; если же и там подстерегает неудача, то оно обращается к гипотетическому коллективному подсознанию. В послевоенный период, изучая психологию бывших нацистов, он заметил, что чем дальше искали они что-либо жизнеспособное на руинах своих судеб — пройдя через период классического иконоборчества, а затем видя крах новых идеалов, — чем дальше они искали, тем глубже уходили они в коллективное подсознание своего народа. Даже их сны отливались в образы древнегерманских мифов.

Пусть не в столь драматической форме, нечто подобное происходит и сейчас. В некоторые исторические периоды групповая тенденция обращаться на самое себя, двигаться вспять возрастает сравнительно с другими эпохами. Сегодня мы переживаем эру донкихотства в изначальном значении этого слова. А отсюда следует, что в наши дни нанести ущерб можно, прежде всего, игнорируя, не признавая, строя козни, и мы уже не вправе сказать, что исключительная привилегия человеческих существ...

Телефонный гудок прервал речь. Отключив диктофон, Рендер нажал кнопку переговорного устройства.

— Чарльз Рендер слушает.

— Это Пол Чартер, — раздался шепелявый голос, — директор школы в Диллинге.

— Слушаю вас.

Появилась картинка. С экрана на Рендера глядело лицо человека с близко посаженными глазами и высоким лбом. Слова давались Чартеру с трудом, лоб морщился, губы кривились.

— Я хотел бы еще раз извиниться за то, что произошло. Дело в том, что этот физкультурный снаряд был неисправен, и...

— Неужели вы не в состоянии приобрести более качественное оборудование? Плата за обучение у вас достаточно высока.

— Но это новый снаряд. Дело в фабричном браке...

— Так, значит, класс был оставлен без присмотра?

— Нет, просто...

— Почему же тогда преподаватель не осмотрел снаряды? Почему не подстраховал мальчика?

— Он был радом, однако все произошло слишком быстро. А осматривать оборудование в целях обнаружения фабричного брака — не его задача. Послушайте, мне действительно очень жаль. Вашим мальчиком я весьма доволен. Уверяю вас, ничего подобного больше не произойдет.

— Вот тут вы правы, но только потому, что я завтра же забираю его и отдаю в школу, где соблюдаются соответствующие правила безопасности.

Нажав кнопку, Рендер прервал разговор.

Еще несколько минут он сидел за столом, потом встал и прошел в дальнюю часть комнаты, отгороженную книжным шкафом. Быстро, привычным движением открыл дверцу и достал шкатулку, в которой лежало дешевое ожерелье и фотография в рамке, изображавшая мужчину, похожего на Рендера, только моложе, и женщину с темными, зачесанными назад волосами и маленьким ртом; между ними стояла девочка и, держа на руках малыша, улыбалась широкой, ясной, хотя и несколько напряженной, улыбкой.

Как всегда в подобных случаях, Рендер несколько секунд смотрел на фотографию, ласково перебирая ожерелье, потом закрыл шкатулку и на долгие месяцы вновь спрятал ее в шкаф.

«Вумп! Вумп!» — гудели басы. «Чг-чг-чга-чг!» — сухо трещали маракасы.

Светильники бросали косые отсветы — красные, зеленые, синие и ядовито-желтые — на фигурки механических танцоров.

«Люди?» — вопрошала вывеска на балагане.

«Или роботы?» — было написано чуть ниже.

«Войдите, и вы увидите себя!» — значилось загадочно в самом низу.

Так они и сделали.

Джилл и Рендер сидели за крошечным столиком, специально поставленным так, чтобы посетители могли разглядеть нарисованные углем на стене карикатуры на местных знаменитостей, по большей части неизвестных (таких неизвестных знаменитостей немало найдется в субкультурах города с населением в четырнадцать миллионов человек).

Морща нос от удовольствия, Джилл упивалась самым колоритным зрелищем, каким могла угостить их эта субкультура, и, чтобы подчеркнуть переполнявший ее восторг, то и дело высоко поднимала плечи, прыскала и повизгивала. И действительно — танцоры были слишком похожи на людей, взять хотя бы то, с какой галантностью черный робот брал свою партнершу за руку, когда они сходились...

Рендер делил свое внимание между Джилл, танцорами и сомнительного вида смесью в стакане, напоминавшем бочонок виски, в котором колыхались морские водоросли (казалось, в любую минуту из них может вынырнуть Кракен, чтобы утянуть какое-нибудь злосчастное суденышко в роковые глубины).

— Чарли, по-моему, это взаправдашние люди!

Рендер отвел взгляд от волос Джилл и ее покачивающихся сережек и внимательно посмотрел вниз, на пол, где кружились под музыку танцующие фигурки.

А что, если внутри этих металлических каркасов действительно люди? Тогда мастерство их просто поразительно. Конечно, получить достаточно легкий сплав сейчас несложно, и все же от танцоров потребовалось бы большое искусство, чтобы так ловко выделять па на протяжении столь долгого времени, будучи с ног до головы закованными в броню, и ни разу не произвести ни малейшего звука.

Ни малейшего...

Они двигались легко, как чайки, скользящие над водой; тот, что побольше, отливал, как кусок антрацита; второй, поменьше, серебрился, будто лунный свет, падающий сквозь витрину на шелковое платье манекена.

Даже сталкивались они бесшумно, и если какой-то звук и возникал, он полностью заглушался наигрышами музыкантов.

«Вумп! Вумп! Чга-чг!»

Рендер заказал еще коктейль.

Движения замедлились; танцоры исполняли танец апашей. Рендер взглянул на часы. Пожалуй, слишком долго для наемных танцоров. Наверное, это все же роботы. Когда он вновь посмотрел на танцующую пару, черный робот подбросил свою партнершу футов на десять, а затем поймал. Никакого лязга или звона.

«Любопытно, сколько может стоять такая игрушка?» — подумал он.

— Чарли, я не слышала ни единого звука. Как это у них получается?

— Ни звука? — переспросил Рендер.

И снова замелькала подсветка — желтая, красная, синяя, зеленая.

— А тебе не кажется, что они могут сломаться?

Серебристый робот вернулся в прежнюю позицию; другой стоял, небрежно помахивая рукой с зажженной сигаретой. Когда он механически поднес сигарету к своему безгубому, безликому лицу, раздался смех. Серебристый робот снова стоял перед ним. Второй выбросил сигарету и беззвучно повернулся к партнерше. Неужели он опять проделает такой же трюк? Нет, вряд ли...

И вновь начался танец, причем танцоры выступали медленно и важно, как длинноногие птицы Востока, то и дело сходясь и расходясь.

Где-то в глубине Рендер чувствовал, что это забавно, однако ему не хотелось копаться в себе, выясняя, что же именно смешного в движениях танцующей пары. И он принялся разглядывать Кракена, притаившегося на дне стакана.

Джилл ущипнула его за бицепс, привлекая внимание к происходящему внизу.

Высвечивающие площадку прожекторы вновь принялись терзать спектр, и черный танцор стал медленно поднимать над головой серебристую партнершу, а затем, расставив ноги, прогнув спину и вытянув руки, начал вращать ее, поначалу медленно, а потом все быстрее и быстрее.

Скорость резко увеличивалась — и вот они уже вращались с немыслимой быстротой, и одновременно все быстрее мелькали цветные пятна.

Рендер встряхнул головой, в глазах рябило.

Танцоры вращались так быстро, что неминуемо должны были упасть — будь то роботы или люди. Однако они не падали. Очертания их тел слились в мандалу, в нечто расплывчатое, однородно-серое, Рендер даже отвел взгляд.

Но вот вращение стало замедляться. Медленнее, медленнее... Наконец они остановились. Музыка смолкла. Свет погас.

В темноте раздались аплодисменты.

Когда свет снова зажегся, оба робота стояли, застыв, как статуи, перед публикой. Медленно, очень-очень медленно они поклонились.

Аплодисменты стали громче.

Танцоры повернулись и скрылись.

И снова заиграла музыка, загорелся ровный яркий свет. Зазвучал слитный гул голосов.

Рендер прикончил Кракена.

— И что ты об этом думаешь? — спросила Джилл.

Рендер напустил на себя серьезность.

— Человек ли я, которому снится, что он робот, или робот, которому снится, что он — человек? — Он усмехнулся. — Не знаю.

Джилл весело хлопнула его по плечу, и Рендер заметил, что она пьяна.

— Ничего подобного, — запротестовала она. — Разве что капельку. Меньше, чем ты.

— И все же, я думаю, тебе стоит показаться врачу. Такому, как я. Такой, как сейчас. Может, пойдём отсюда, покатаемся?

— Подожди, Чарли, подожди немного. Я хочу еще раз их увидеть. Ну пожалуйста!

— Если я еще выпью, вряд ли я что-нибудь увижу.

— Тогда закажи чашку кофе.

— Уф-ф!

— Тогда пива.

— Обойдусь без пива.

На площадке танцевало несколько пар, но у Рендера ноги словно налились свинцом. Он закурил.

— Значит, ты сегодня говорил с собакой?

— Да. Очень странная история...

— Она была хорошенькая?

— Это был кобель. И далеко не красавец.

— Глупый, я про хозяйку.

— Ты ведь знаешь, Джилл, я никогда не обсуждаю пациентов.

— Ты же сам рассказывал, что она слепая, и про собаку... Мне только интересно: она хорошенькая?

— Как сказать... и да, и нет. — Он шлепнул ее под столом и неопределенно пожал плечами: — Понимаешь...

— То же и еще раз то же, — сказала она официанту, неожиданно возникшему из темноты рядом с ними. Официант кивнул и так же мгновенно исчез.

— Вот чем заканчиваются всегда мои благие намерения, — вздохнул Рендер. — Похоже, тебе хочется, чтобы тебя обследовал подвыпивший врач, иначе я не могу объяснить.

— Ну, ты у нас быстро трезвеешь. Секреты Гиппократата.

Он фыркнул, взглянул на часы.

— Завтра еду в Коннектикут, забрать Пита из этой чертовой школы.

Джилл зевнула; тема явно ей надоела.

— Мне кажется, ты слишком за него переживаешь. Сломать лодыжку — обычная история для молодого парня. Это болезнь роста. Я сломала руку в детстве, когда мне было семь лет. Несчастный случай. Школа тут не виновата.

— Черта с два, — сказал Рендер, принимая стакан с темным напитком из рук темного человека с темным подносом. — Если им не справиться со своей работой, я найду того, кто справится.

Джилл пожала плечами.

— Тебе виднее. Я знаю только то, о чем пишут в газетах... А ты по-прежнему настаиваешь на Давосе, хотя знаешь, что публика в Сент-Морице гораздо приличнее.

— Не забывай: мы едем кататься на лыжах. А бегать на лыжах мне больше нравится в Давосе.

— Может, мне удастся выиграть хоть один забег сегодня?

Рендер пожал ее руку.

— Ты же всегда обгоняешь меня, милая.

Они допили свои коктейли, и докурили свои сигареты, и долго сидели, взявшись за руки, пока люди не ушли с танцевального круга и вновь не замелькали разноцветные пятна, закружились, окрашивая клубы табачного дыма то inferнально-красным, то нежно-розовым, как заря, цветом, и в оркестре не бухнул бас: «Вумп!». «Чга-чг!» — отозвались маракасы.

— Чарли, смотри, вот они опять!

Небо было как темное стекло. Дорожное покрытие — чистое. Снег перестал. Джилл дышала ровно, как дышат спящие. С-7 стремительно мчался через городские мосты. Когда Рендер сидел, не шевелясь, ему удавалось убедить себя, что сознание его работает трезво; однако стоило чуть наклонить голову — и Вселенная начинала кружиться. В такие моменты ему казалось, что все вокруг — сон, и это он изваял его.

И так оно и было, когда он перевел стрелку звездного циферблата назад, улыбнувшись во сне. Но вот он снова проснулся, и улыбка исчезла с лица. Вселенная мстила ему за самонадеянность. На одно ослепительное мгновение, с беспомощностью, которая была ему дороже помощи, она спросила с него сполна за озерный мираж; и когда он вновь устремился к разбитому остову на поверхности мира — как ныряльщик, не в силах открыть рот для крика, — то услышал донесшийся сверху, сквозь толщу покрывающих Землю вод, вой Фенрира Волка, разинувшего пасть, чтобы пожрать луну; и едва Рендер услышал этот звук, как понял, что тот похож на трубы Судного дня, как женщина рядом с ним похожа на луну. Во всем. Как ни взгляни. И ему стало страшно.

Глава 3

Он был собакой.

Но собакой необычной.

Он сидел — сам — за штурвалом автомобиля, едущего за город.

Крупный, по виду похожий на немецкую овчарку, он сидел на задних лапах на переднем сиденье, глядя на проезжающие мимо машины и на пейзаж за окном. Он ехал по полосе скоростного движения, обгоняя другие машины. День был холодный, снег лежал на полях; деревья были скованы ледяной броней, и птицы в небе и на земле казались черными пятнами.

Пес открыл пасть, и длинный язык лизнул оконное стекло, затуманившееся от собачьего дыхания. Морда у него была длиннее любой другой собачьей морды, кроме, пожалуй, ирландского волкодава, глаза темные, глубоко посаженные. Открыв пасть, он смеялся.

Он прибавил скорость. Наконец машина замедлила ход и, перестроившись на правую боковую полосу, свернула на проселочную дорогу. Еще несколько миль она ехала по проселку, затем опять свернула — на узкую аллею — и остановилась под деревом. Мотор заглох; дверца открылась.

Пес вышел из машины и с силой толкнул дверь плечом. Увидев, что свет внутри погас, повернулся и полем побежал к лесу. Осторожно переставляя лапы, он изучал собственные следы. Вбежав в лес, глубоко втянул в себя воздух. Потом встряхнулся — от кончика носа до хвоста и, залаяв странным, не похожим на собачий, лаем, побежал в глубь леса.

Пес бежал между деревьев и валунов, перепрыгивая через замерзшие лужи, небольшие промоины, взбегая по склонам холмов и сбегая вниз, в лощины, ломая ледяную коросту на траве, на радужно-разноцветных кустах, и дальше — по заледеневшему руслу ручья.

Потом он остановился, тяжело дыша. Принюхался. Открыл пасть и засмеялся — этому он научился у людей. Затем, глубоко вздохнув, поднял морду к небу и завыл — этому он научился не у людей. По правде сказать, он и сам не знал, у кого.

Вой прокатился по холмам и эхом отозвался вдалеке, как зычный звук охотничьего рога. В ответ донесся вой, похожий и не похожий на его собственный. Любой другой голос не мог быть похож на его, ведь он был не просто собакой. Он прислушался, понюхал воздух и снова завыл; и снова донесся ответный зов. На этот раз ближе...

Он подождал, принюхиваясь — что несут с собой порывы ветра.

Собака приближалась к нему по склону холма, сначала быстро, потом сменив рысцу на шаг. Остановившись футах в сорока, она внимательно уставилась на него. Потом опустила голову. Она была похожа на гончую — большая, вислоухая дворняга.

Еще раз потянув воздух, он издал горлом короткий, неопределенный звук. Собака оскалилась. Он двинулся навстречу незнакомцу, и тот не двигался, пока он не подошел футов на десять.

Тогда незнакомец повернулся и стал отступать. Он остановился. Собака, внимательно за ним наблюдая, принялась кружить вокруг него. Двигаясь с подветренной стороны, она постоянно принюхивалась.

Наконец, глядя на собаку, он издал глубокий горловой звук, странно похожий на «привет!».

Собака заворчала. Он шагнул ей навстречу.

— Хорошая собака, — сказал он наконец.

Незнакомец склонил голову набок.

— Хорошая собака, — повторил он и сделал еще шаг вперед. Потом еще. Потом сел. — Оч-чень хоро-шая собака.

Хвост его едва заметно вильнул.

Встав, он пошел к собаке, и та внимательно обнюхала его. Он ответил ей взаимной вежливостью.

Собака, помахивая хвостом, вновь принялась описывать круги и, запрокинув голову, дважды пролаяла. Она все расширяла круги, время от времени опуская морду к земле, и вдруг стремглав бросилась в лес, по-прежнему держа голову низко опущенной.

Он подошел к месту, где она только что стояла, и обнюхал его. Потом повернулся и побежал по следу между деревьями.

Через несколько секунд он поравнялся с собакой, и теперь они бежали бок о бок. Потом он вырвался вперед; след описал круг, начал петлять. И все же он был достаточно отчетлив.

Из-под куста выскочил затаившийся кролик. Он быстро догнал его и схватил своими мощными челюстями. Кролик забился, пока не хрустнули позвонки, потом еще раз дернулся и затих.

Держа в пасти тельце зверька, он оглянулся. Гончая спешила к нему, вся дрожа. Он бросил кролика перед ней. Гончая выжидательно взглянула на него. Он следил за ней. Она опустила морду и вонзила клыки в маленькую тушку. Кровь дымилась в холодном воздухе. Редкие снежинки, кружась, падали на коричневую морду собаки. Она жадно глотала кусок за куском...

Наконец он тоже опустил морду и откусил от добычи. Мясо было теплое, жесткое и пахло дичью. Глядя на него, собака отступила, глухо рыча. Он был не очень голоден, поэтому тут же бросил кролика и отошел. Собака вновь склонилась над тушкой.

После этого они несколько часов охотились вместе. И каждый раз он опережал гончую в поимке добычи и каждый раз оставлял добычу ей.

Всего им удалось поймать семь кроликов. Последних двух они не тронули. Собака села, внимательно на него глядя.

— Хорошая собака, — сказал он.

Она завиляла хвостом.

— Плохая собака, — сказал он.

Хвост замер.

— Очень плохая собака.

Она опустила голову, потом виновато взглянула на него. Он развернулся и пошел прочь. Собака последовала за ним, поджав хвост.

Остановившись, оглянулся. Собака еще больше поджала хвост и съежилась.

Тогда он пролаял пять раз и завыл. Собака приободрилась, хвост выпрямился. Она подошла к нему и снова его обнюхала.

Он издал звук, похожий на смех.

— Хорошая собака.

Хвост заходил из стороны в сторону. Он снова рассмеялся.

— И-ди-от. Ми-кро-це-фал, — сказал он.

Хвост продолжал вилять. Он засмеялся.

— Хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака.

Она стала бегать вокруг него маленькими кругами, потом опустила голову, прижав ее к земле между передними лапами, и взглянула на него.

Он оскалил клыки и заворчал. Потом прыгнул на нее и укусил в плечо.

Она отбежала, заскулив.

— Дурак! — прорычал он. — Дурак, дурак, дурак, дурак, дурак!

Ответа не было.

Он зарычал снова — так не рычит больше ни один зверь на свете.

Потом вернулся к машине, носом открыл дверцу и запрыгнул внутрь. Нагнувшись, он нажал на кнопку, и мотор завелся. Дверца медленно опустилась.

Лапой он набрал нужные координаты. Машина вырулила из-под дерева, выехала по узкой дороге на шоссе. Потом, доехав до хайвея, смешалась с потоком других машин.

А в это время где-то шел человек.

Утро было холодное, и он мог бы надеть пальто потеплее, но ему нравилось старое, с меховым воротником.

Засунув руки в карманы, он шел вдоль ограждения. По другую сторону, рыча, проносились машины.

Человек не замечал их.

Он мог быть в это время в тысяче других мест, и все же выбрал именно это. Он предпочел путь пешком в то

холодное утро. Он предпочел не замечать ничего и просто шел.

Машины мчались мимо, а он шел, медленно, но верно двигаясь вперед. Навстречу ему не попался ни один пешеход.

Дул ветер, и он поднял воротник, но все равно было зябко. Он шел, и утро хлестало его по лицу и дергало за полы его одежды. День раскрывал перед ним свою бесконечную анфиладу, и он шел, никем не учтенный и не замеченный.

Канун Рождества.

...Противоположность Новому году.

Это время, когда семьи собираются вместе, и большие рождественские поленья трещат в каминах; время подарков, время особых кушаний и особых напитков. Это время больше принадлежит личности, чем обществу. Это время, чтобы обратиться к себе и к семье, оставив в стороне общественные проблемы; это время морозных узоров на окнах, ангелов в украшенных звездами одеяниях, пылающих каминов, пойманных жарптиц, толстых Санта-Клаусов, надевающих две пары брюк (ведь малыши, которых они усаживают к себе на колени, могут и описаться в благоговейном трепете); это время, когда ярко горят окна соборов, время метелей, рождественских гимнов, колоколов, сценок с волхвами у яслей, поздравлений от тех, кто не с нами (даже если они живут поблизости), время радиопостановок по Диккенсу, время ветвей падуба, свечей и неувядающей зелени, сугробов, разряженных елок, сосен, Библии и Доброй Старой Англии, время, когда поют «Что за дитя?» и «Городок Вифлеем»; время рождения и надежды, света и тьмы; время сиюминутное и грядущее, чувство перед свершением, свершение до срока, время красного и зеленого, смена того, кто стоит на страже, время традиций, одиночества, симпатий, антипатий, сентиментальности, песен, веры, надежды, милосердия, любви, желаний, стремлений, страха, свершений, исполнения желаний, веры, надежды, смерти; время собирать камни и время разбрасывать камни, время объятий, находок, потерь, смеха, танцев, сна под утро, усталости,

молчания, разговоров, смерти и вновь молчания. Это время разрушать и время строить, время сеять и время пожинать посеянное...

Чарльз Рендер, Питер Рендер и Джилл де Биль были вместе в этот тихий вечер в канун Рождества. Квартира Рендера находилась на самом верху башни из стекла и стали. В ней царил дух спокойствия и постоянства. Ряды книг протянулись по стенам; то тут, то там статуэтка нарушала однообразие корешков; картины примитивистов, сияющие чистыми красками, висели в простенках. Маленькие зеркала, выпуклые и вогнутые, украшенные ветками падуба, были развешаны в беспорядке.

На скатерти стояли рождественские открытки с поздравлениями. Растения в горшках (два в столовой, одно в кабинете, еще по одному в кухне и в ванной) были украшены блестками и звездами из фольги.

Чаша для пунша из розового камня, инкрустированного бриллиантами, занимала почетное место на столике из фруктового дерева, окружающие ее бокалы поблескивали в мягком, рассеянном свете.

Настало время открывать подарки...

Джилл завернулась в свой, оцетинившийся тысячью маленьких мягких копий.

— Горностаи! — воскликнула она. — Великолепно! До чего ж красиво! Спасибо тебе, Ваятель!

Рендер улыбнулся и выпустил клуб дыма. Манто искрилось, переливалось.

— Теплый снег! Мягкий лед! — сказала она.

— Шкуры убитых животных, — заметил он, — лучше всего доказывают умение охотника. Я добыл их для тебя, обойдя вдоль и поперек всю Землю. Я настиг красивейших из белых созданий и сказал: «Отдайте мне свои шкуры», — и они сделали это. Слава великому охотнику Рендеру!

— У меня есть для тебя кое-что, — сказала она.

— Что же?

— А вот. Это тебе.

Рендер стал разворачивать обертку.

— Так-так, запонки. В виде тотема. Три лица — одно над другим. Золото. «Оно», «я» и «сверх-я». Пожалуй, я назову их так, поскольку верхнее кажется мне наиболее экспрессивным.

— Зато нижнее улыбается, — заметил Питер.

Рендер кивнул.

— Я не уточнил, какое именно я беру за точку отсчета, — сказал он сыну, — а улыбается оно потому, что ему доступны радости, о которых плебеи не имеют ни малейшего понятия.

— Бодлер? — спросил Питер.

— Хм. Да, Бодлер.

— ...Цитата, мягко говоря, неточная, — прокомментировал сын.

— Бывает, — отозвался Рендер, — все зависит от контекста. В контексте Рождества Бодлер заставляет вспомнить о старом и предвещает новое.

— Звучит как свадебное поздравление, — сказал Питер.

Лицо Джилл над белоснежным мехом вспыхнуло; Рендер сделал вид, что не расслышал.

— Ну, пора и тебе посмотреть подарки.

— Посмотрим.

Питер разорвал обертку.

— Ага! Набор юного алхимика. То, о чем я всегда мечтал. Змеевики, реторты, паровая ванна и эликсир жизни. Здорово! Благодарю, мисс де Виль.

— Пожалуйста, зови меня Джилл.

— Конечно. Спасибо, Джилл.

— Открывай второй.

— Сейчас.

Он снял обертку из белой бумаги с рисунком из ветвей падубы и колокольчиков.

— Потрясающе! Еще две мечты: синее и грустное — семейный альбом в синем переплете, а также копия доклада доктора Рендера в Сенатскую подкомиссию слушаний по вопросу о социопатических расстройствах среди государственных служащих. И еще — полные собрания Лофтинга, Грэхема и Толкина. Спасибо, па. О боги!.. И еще Тальи, Морелли, Моцарт и покойный старина Бах. Музыкой я теперь обеспечен! Спасибо, спасибо, спасибо! А теперь моя очередь. Посмо-о-о-отрим... Ну-ка, а как насчет этого?

Он вручил отцу и Джилл по пакету.

Каждый развернул свой.

Рендер: шахматы.

Джилл: пудреница.

Рендер:

— Спасибо.

Джилл:

— Спасибо.

— Не стоит благодарности.

— А как поживает твой магнитофон? — спросил

Рендер.

— Могу дать послушать, — сказал Питер.

Он настроил магнитофон и включил его. Магнитофон заиграл музыку, которая рассказывала о Рождестве и о святости, о вечерней заре и сверкающих звездах, о теплоте домашнего очага, о верных вассалах, пастухах, королях, о свете и об ангельских голосах.

Когда музыка кончилась, Питер отключил магнитофон и убрал его.

— Очень хорошо, — вздохнул Рендер.

— Да, хорошо, — сказала Джилл. — Очень...

— Спасибо.

— Как в школе? — спросила Джилл.

— Нормально, — ответил Питер.

— Все-таки новое место.

— Ничего.

— Правда?

— Правда. Просто я хороший. Хороший ученик Папа меня отлично подготовил.

— Но там новые учителя...

Питер пожал плечами.

— Если вы разбираетесь только в учителях, это одно. Если в предметах — другое. Я предпочитаю разбираться в предметах.

— А архитектуру ты знаешь? — неожиданно спросила она.

— В каком смысле? — спросил, улыбаясь, Питер.

Джилл откинулась в кресле и отвела взгляд.

— По твоей реакции видно, что ты кое-что о ней знаешь.

— Верно, — согласился он. — Знаю. Мы ее недавно изучали.

— Да я просто так спросила, правда...

— Спасибо. Я рад, что вы верите в мои скромные знания.

— И все же, откуда ты знаешь архитектуру? Вряд ли она входит в обычную программу.

— *Nihil hominum*, — пожал плечами Питер.

— Ну ладно. Я просто полюбопытствовала... И что же ты думаешь об архитектуре? — Она достала из сумочки сигарету.

Питер улыбнулся.

— А что можно думать об архитектуре? Это как солнце: оно большое, яркое, и оно существует. И так обо всем, если обходиться без ученых слов.

Джилл опять покраснела. Рендер поднес зажигалку к ее сигарете.

— Я хотела спросить — тебе она нравится?

— Да, любая: и древние развалины, и новый дом, когда я — внутри, а на улице холодно. Я утилитарен в том, что касается физических удовольствий, и романтик во всем, что связано с эмоциями.

— Господи! — сказала Джилл, взглянув на Рендера. — И чему ты только учишь своего ребенка!

— Всему, чему могу, — ответил Рендер. — И по возможности ускоренно.

— Не хочу, чтобы в один прекрасный день на него обрушилась эдакая современная Вавилонская башня, напичканная фактами вперемешку с законами современной физики.

— Это дурной тон — говорить о присутствующих так, словно их тут нет, — вмешался Питер.

— Правильно, — сказал Рендер, — но хороший тон — это не всегда хороший тон.

— Ты говоришь так, словно кто-то перед кем-то должен оправдываться.

— Это каждый сам решает для себя, иначе какой смысл?

— В таком случае я решил, что ни перед кем оправдываться не буду. А если кто-нибудь захочет оправдаться передо мной, я приму его извинения как джентльмен, это и будет хороший тон.

— Питер, — Рендер строго взглянул на сына.

— Можно мне еще пунша? — спросила Джилл. — Очень вкусно, я уже весь выпила.

Рендер потянулся к ее бокалу.

— Дай я, — сказал Питер.

Взяв бокал, он помешал пунш хрустальным ковшом. Потом встал, облокотившись одной рукой на подлокотник кресла.

— Питер!

Мальчик покачнулся. Бокал с пуншем упал на колени Джилл. Красные струйки растекались по белому меху манто. Бокал покатился по дивану, остановившись в центре быстро расплывающегося пятна. Питер вскрикнул, схватившись за лодыжку, и осел на пол.

Раздался звонок в дверь. Гости.

Рендер разразился длинным латинским термином. Наклонившись над сыном, он взял его ногу, потрогал лодыжку.

— Больно?

— Да!

— А здесь?

— Да! Да! Везде больно!

— А вот здесь?

— Вот здесь, сбоку. Да, да!

Рендер помог ему встать на здоровую ногу и подал костыли.

— Иди. Держись за меня. У доктора Хейделла здесь, внизу, домашняя лаборатория. Гипс треснул. Я хочу сделать новый снимок.

— Не надо! Все в порядке...

— А как же мое манто? — спросила Джилл.

Снова раздался звонок.

— Черт бы всех побрал! — и Рендер нажал переговорную кнопку. — Да, слушаю!

Кто-то молча дышал в микрофон.

— Уф! — раздался наконец запыхавшийся голос. — Это я, босс. Похоже, я не вовремя?

— Бенни! Послушай, извини, что я на тебя наорал, но тут черт знает что творится. Поднимайся. Надеюсь, пока ты едешь наверх, страсти улягутся.

— О'кей, раз вы уверены, что все в порядке, значит, так оно и есть. Я на минутку. Мне еще надо кое-куда заехать.

— Да, да, конечно. Дверь рядом.

Он нажал кнопку.

— Джилл, оставайся здесь и впусти ее. Мы вернемся через пару минут.

— А как же с моим манто? И с диваном?

— Все будет в порядке. Не переживай. Ну, трогай, Пит.

Поддерживая сына, Рендер прошел с ним через холл, вызвал лифт, и они спустились на шестой этаж. По дороге их лифт разминуслся с лифтом, в котором ехала Бенни.

Дверь щелкнула, но Рендер нажал кнопку «занято».

— Питер, — сказал он, — ты ведешь себя, как вредный сопляк.

Мальчик сделал вид, что утирает глаза.

— Вот дьявол, я не виноват, что у меня преждевременное развитие... А что касается сопляка... — Питер шмыгнул носом.

Рендер медленно поднял руку, потом опустил.

— Обсудим это позже, — вздохнул он.

Кнопка была отпущена, и дверь лифта скользнула в сторону.

Квартира доктора Хейделла помещалась в конце коридора. На двери, окружая медный молоток, висел большой венок из еловых веток с шишками. Рендер стукнул несколько раз.

Изнутри доносились слабые звуки рождественских мелодий. Через минуту послышались шаги, и дверь открылась.

Доктор Хейделл стоял перед ними, глядя снизу вверх из-под очков с толстыми стеклами.

— А вот и ряженые, — возвестил он басом. — Входите, Чарльз. Входите...

— Мой сын, Питер, — сказал Рендер.

— Рад познакомиться, Питер, — произнес Хейделл. — Входите, присоединяйтесь.

Он широко распахнул дверь и отступил, пропуская гостей.

Переступив порог, они почувствовали, как на них дохнуло Рождеством.

— Видите ли, — объяснил Рендер, — у нас там произошел небольшой инцидент. Питер недавно сломал лодыжку, а сегодня опять упал на эту ногу. Я хотел бы сделать рентген, на всякий случай.

— Конечно, конечно! — воскликнул маленький доктор. — Сюда, пожалуйста.

Он провел их через гостиную, где в разных позах сидели и стояли около десятка человек.

— Счастливого Рождества!

— Эй, Чарли!

— Счастливого Рождества, док!

— Как идет прочистка мозгов?

Рендер машинально поднял руку в знак приветствия, несколько раз кивнул.

— Это Чарльз Рендер, невроконтактор, — объяснил Хейделл остальным, — а это его сын Питер. Мы через пару минут вернемся. Нужна моя помощь.

Пройдя через комнату, они вышли в вестибюль. Хейделл открыл дверь в свою изолированную лабораторию.

Оборудовать ее стоило ему немало времени и затрат. Потребовалось согласие местной жилищной администрации, пришлось подписать документ о том, что оборудование удовлетворяет всем требованиям безопасности, предъявляемым к госпитальным лабораториям, понадобилось также разрешение управления по найму, которое, в свою очередь, основывалось на согласии всех жильцов. Некоторые из них затребовали финансовое обоснование; Рендер хорошо все это понимал.

Они вошли в лабораторию, и Хейделл подготовил установку к работе. Сняв несколько проекций, он запустил снимки в аппарат скоростного проявления и просушки.

— Все в порядке, — сказал он, посмотрев снимки. — Никаких новых повреждений, и сам перелом уже почти сросся.

Рендер улыбнулся. Он заметил, что руки его едва заметно дрожат.

Хейделл хлопнул его по плечу.

— Ну что, пойдемте отведаем нашего пунша!

— Спасибо, Хейделл. Хорошая мысль. — Он всегда называл своего тезку по фамилии.

Отключив оборудование, они вышли из лаборатории.

Снова оказавшись в гостиной, Рендер пожал несколько приятельски протянутых ему рук и сел на диван рядом с Питером. Он не спеша отхлебывал пунш, когда один из тех, кого он только что приветствовал, доктор Минтон, обратился к нему:

— Так, значит, вы — Ваятель?

— Совершенно верно.

— Я всегда этим интересовался. У нас в госпитале на прошлой неделе такие были страсти, просто коррида...

— Да что вы?

— И все из-за того, что наш ведущий психиатр заявил, что невроконтактный метод ничуть не более эффективен, чем обычные терапевтические методики.

— Я полагаю, он вряд ли имеет право судить, особенно если вы говорите о Майке Мисмайре, а я думаю, что о нем.

Доктор Минтон воздел руки к потолку.

— Он сказал, что ведет статистику.

— Изменения в психике пациента, полученные в процессе невроконтактного сеанса, носят качественный характер. Я не знаю, что он имел в виду, говоря об «эффективности». Лечение эффективно, если вам удалось помочь пациенту. Путь здесь столько же, сколько врачей, — но невроконтактный метод качественно превосходит любой психоанализ, поскольку влечет значительные, качественные изменения. Он воздействует в первую очередь непосредственно на нервную систему, сквозь поверхностный слой ложных центростремительных импульсов. Он провоцирует требуемое состояние самоосознанности и подводит под них необходимое неврологическое обоснование. Психоанализ и смежные с ним дисциплины сугубо функциональны. В большинстве случаев использование невроконтакта позволяет радикально устранить причину заболевания.

— Почему же вы тогда не лечите психозы?

— Лечили, и не раз. Но, как правило, это рискованно. Напомню, ключевое слово здесь — контакт. Взаимодействуют два сознания, две нервные системы. Процесс может принять обратный характер, стать своего рода «антиконтактом», если оператор оказывается не в силах справиться с патологией пациента. Тогда уже изменяется его самотождественность, смещаются основы его нервной системы. Он сам становится психопатом в результате органических изменений мозга.

— Неужели же нельзя как-то отсекают эту обратную связь? — спросил Минтон.

— Пока нельзя, — объяснил Рендер, — и немало операторов пострадали в поисках возможности такой отсечки. Над этой проблемой как раз сейчас работают в Вене, хотя чем дальше они продвигаются, тем дальше они от цели.

— Если вам все же это удастся, вы, вероятно, сможете вторгнуться и в область более радикальных психических нарушений.

Рендер допил пунш. Ему не понравилось, с каким выражением Минтон произнес слово «радикальные».

— Ну, а пока, — ответил он после небольшой паузы, — мы лечим то, что в силах лечить, и наилучшим из всех возможных способов, а невроконттакт, безусловно, наилучший.

— Находятся люди, которые считают, что вы не столько лечите неврозы, сколько потакаете неврастеникам, давая пациентам возможность передохнуть от реальной жизни, снабжая их собственными маленькими мирами, где они распоряжаются всем, как полубоги,

— Это не совсем так, — ответил Рендер. — То, что происходит в «маленьких мирах», вовсе не обязательно приятно для пациентов. И не они распоряжаются в них; распоряжается Ваятель, или, как вы заметили, полубог. Там вы учитесь на собственном опыте. Опыт же этот может быть и приятным, и болезненным. Причем, как правило, скорее болезненный, чем приятный.

Он зажег сигарету, взял полный кубок.

— Вот почему я считаю критику нашего метода несостоятельной.

— К тому же это недешево, — сказал Минтон.

— А вы когда-нибудь прикидывали, во сколько обходится многоканальное невроконттактное устройство?

— Нет.

— Займитесь на досуге.

Прислушавшись к звукам рождественской песенки, Рендер отложил сигарету и встал.

— Огромное спасибо, Хейделл, — сказал он. — Мне надо идти.

— Куда торопиться? — возразил Хейделл. — Побудьте еще немного.

— Я бы не прочь, но там, наверху, меня ждут.

— И много у вас народу?

— Двое.

— Пусть спускаются. Я собирался устраивать буфет, и запасов предостаточно. Я их и накормлю, и напою.

— Договорились, — сказал Рендер.

— Отлично. Почему бы не позвонить им прямо отсюда?

Рендер позвонил.

— С Питером все в порядке, — сказал он.

— Замечательно, но как же мое манто? — спросила

Джилл.

— Пока забудь о нем. А потом я все устрою.

— Я попробовала отмыть теплой водой, но все равно остаются розовые пятна...

— Положи его обратно в коробку и не морочь мне больше голову! Я сказал, что все сделаю сам.

— Хорошо, хорошо. Мы спустимся через минуту. Бенни принесла подарок Питеру и кое-что для тебя. Она едет к сестре, но говорит, что может задержаться.

— Прекрасно. Тащи ее сюда. Хейделла она знает.

— Хорошо. — Джилл повесила трубку.

Канун Рождества.

...Противоположность Новому году.

Это время больше принадлежит личности, чем обществу; это время, чтобы обратиться к себе и к семье, позабыв об общественных проблемах. Это время для самых разных вещей: время находить и время терять, время соединять и время порывать. Время сеять и время пожинать посеянное...

Они ели, стоя у буфета. Большинство гостей пили подогретый ром с корицей и гвоздикой, фруктовые коктейли и имбирный пунш. Говорили о пластиковых легких, о кровяных фильтрах, о компьютерных диагнозах и о том, что пенициллин безнадежно устарел.

Питер сидел, зажав руки между колен, слушал и наблюдал. Костыли были сложены у ног. Комната наполнилась музыкой.

Джилл тоже сидела и слушала. Когда говорил Рендер, другие разговоры смолкали.

Бенни, улыбаясь, опустошала бокал за бокалом. Шутит доктор или нет, но невозможно было устоять

против его голоса диск-жокея, рассуждающего с логикой незуита. Ее босс был знаменитостью. Кто слышал о Минтоне? Или о Хейделле? Другие врачи, коллеги — и все. Ваятели были символом времени, и она, она была его секретаршей. О Ваятелях знали все. Подумаешь, что значит какой-нибудь кардиолог, анестезиолог, специалист по кишечнику или вообще какой-нибудь костоправ? Ее босс был ее мерой известности. Другие девочки всегда спрашивали про него и про его волшебную машину... «Тайм» окрестил невроконтакторов «электронными Свенгали» и посвятил Рендеру на три колонки больше, чем остальным. Кроме, конечно, Бартельметца.

Музыка тем временем сменилась: зазвучала легкая классика, балетные партитуры.

Бенни почувствовала прилив тоски по уходящему году, и ей захотелось танцевать, как она танцевала когда-то, давным-давно. Праздник, компания, в которую она попала, вместе с музыкой, пуншем и висящими на стенах еловыми гирляндами — все это действовало на нее, непроизвольно заставляя тихонько отстукивать каблуками ритм и вспоминать о высвеченной в темноте площадке, полной движения и цвета, и о себе самой — там, далеко.

Она прислушалась к разговору.

— ...но если вы можете передавать и принимать их, значит, вы можете и записывать, — продолжал допытываться Минтон.

— Да, — ответил Рендер.

— Так я и думал. Почему же об этой стороне дела почти совсем не пишут?

— Еще лет десять, если не меньше, — и об этом будут писать все. А пока использование воспроизводящих систем разрешено только самому квалифицированному персоналу.

— Почему?

— Понимаете, — Рендер сделал паузу, чтобы прикурить сигарету, — если быть до конца откровенным, то дело в том, что желательно держать эту область под контролем, пока мы не узнаем о ней больше. Если не соблюдать определенной секретности, то результаты

могут использовать преждевременно в коммерческих интересах, и с катастрофическими последствиями.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что способен сконструировать в сознании психически вполне здорового человека любой сон, даже такой, какой вы не в состоянии представить, на любую тему, — начиная от секса и насилия и кончая садизмом и другими извращениями, — сон со сложным и законченным сюжетом или сон, граничащий с безумием, сон, в котором будут исполняться любые желания и разыгрываться любые роли. Я даже могу подобрать, по вашему желанию, соответствующий видеоряд или живописный стиль — от импрессионизма до сюрреализма. Скажем, сон с насилием в кубистическом варианте. Неплохо? Отлично!.. Если захотите, вы даже можете стать конем из «Герники». Нет проблем!.. А потом я запишу все происходящее и буду прокручивать вам же или кому-нибудь другому сколько угодно раз.

— О Боже!

— Вот именно. Я мог бы сделать вас и Богом, если вы того пожелаете, и дать вам возможность пережить все семь дней творения. Я контролирую чувство времени — ваши внутренние часы — и поэтому в состоянии превратить объективно протекшие минуты в часы субъективного переживания.

— И рано или поздно это сбудется, не правда ли?

— Да.

— Каковы же окажутся результаты?

— Этого никто не знает.

— Босс, — робко вмешалась Бенни, — а вы не можете воскресить воспоминания? Отыскать что-то в прошлом и заставить человека пережить в воображении все сначала — так, как оно было когда-то, все сначала?

Рендер прикусил губу и как-то странно взглянул на Бенни.

— Да, — промолвил он наконец, — но думаю, это было бы нехорошо. Это подталкивало бы людей жить в прошлом, в уже не существующем времени. Это нанесло бы ущерб психике, способствовало бы регрессу, движению вспять и давало бы возможность неврастеникам укрываться в собственном прошлом.

Сюита из «Щелкунчика» закончилась, и по комнате поплыли звуки «Лебединого озера».

— И все же, — сказала Бенни, — я бы так хотела еще раз побыть лебедем...

Она тяжело поднялась и сделала несколько неуклюжих па — тучный, подвыпивший лебедь в красно-коричневом оперении.

Вся вспыхнув, Бенни поспешила снова сесть. Потом не выдержала и рассмеялась так заразительно, что все рассмеялись вместе с ней.

— А где бы вы хотели оказаться? — обратился Минтон к Хейделлу.

Маленький доктор улыбнулся.

— На одном пикнике, в летние каникулы, когда я учился на третьем курсе... Да, я бы уж точно за неделю протер эту запись до дыр. Ну, а ты, сынок? — обратился он к Питеру.

— Я еще слишком молод, и хороших воспоминаний у меня немного, — отозвался Питер.

— А вы, Джилл?

— Не знаю... Наверное, мне хотелось бы снова стать маленькой, и чтобы папа, мой любимый папа, читал мне зимой по воскресеньям книжки вслух.

Она быстро взглянула на Рендера.

— А ты, Чарли? Если бы ты хоть на минутку позабыл про работу, что бы с тобой было в эту минутку?

— То же, что и сейчас, — ответил он с улыбкой. — Я счастлив быть здесь, в настоящем, я принадлежу ему.

— Правда? Скажи, что это правда.

— Да, — кивнул он, взяв новый бокал пунша. Потом рассмеялся: — Ну конечно, правда.

Сзади, за его креслом, послышался тихий храп. Бенни вздремнула.

Музыка звучала не умолкая, и Джилл переводила взгляд с отца на сына и обратно. Рендер заменил Питеру гипсовую повязку.

Мальчик зевал и тер глаза.

Она внимательно взгляделась в него. Каким он будет через десять лет? А через пятнадцать? Надломленным, истощенным вундеркиндом? Или повелителем еще не открытых сил природы?

— ...но это не может быть полноценным видом искусства, — говорил Минтон, — и я не представляю, каким образом цензура...

Джилл перевела взгляд на Рендера.

— ...человек не имеет права быть безумным, — говорил он, — так же, как не имеет права сам уходить из жизни...

Она коснулась его руки, и он подпрыгнул в кресле, словно очнувшись, и отдернул руку.

— Я устала, — сказала Джилл. — Ты не мог бы отвезти меня домой?

— Сейчас, — кивнул Рендер, — только пусть Бенни еще немножко подремлет.

И он вновь повернулся к Минтону.

Питер с улыбкой посмотрел на нее. Неожиданно Джилл и в самом деле почувствовала себя очень уставшей. А ведь она всегда любила Рождество.

Сидя напротив нее в кресле, Бенни продолжала тихонько посапывать, и слабая улыбка изредка пробежала по ее лицу.

Где-то там, далеко, она танцевала.

Где-то там, далеко, человек по имени Пьер пронзительно кричал, может быть, потому, что уже не был Пьером.

Кто я? Я — Жизнелюб, как пишут в «Тайм», который вы получаете каждую неделю. Подсаживайся-ка, Чарли, заморим червячка. Нет, не твоего! Моего червячка. Видишь? Вон там. Нужное слово всегда приходит слишком поздно. Ладно, от добра добра не ищут, словом, ты понимаешь... Попроси парня принести кувшин с водой и тазик, о'кей? «Конец номера» — так они это назвали. Говорят, человек может выступать с одним и тем же номером несколько лет, двигаясь внутри большой и сложной социологической структуры, известной под названием «социоцепи», подыскивая себе свеженькую аудиторию. Смертельно люблю жизнь! Мировая сеть телекоммуникаций спихнула эту колымагу вниз бесчисленное количество выборов назад. Сейчас она, наверное, громыкает по скалам ада. А мы — на пороге новой эры, славной эры жизнелюбов... Так вот, все вы там — от

Хельсинки до Огненной Земли — навострите ваши уши и скажите мне: слышали вы нечто подобное раньше? Словом, речь об одном древнем комике, который возмался над своим «номером».

Как-то раз выступал он в радиопередаче, и, естественно, со своим «номером». «Номер» был что надо: остроумный, остролосовный, с тезаи и антитезаи, словом, шедевр. Только вот беда: с работы его после этого турнулы, потому что оказалось, что номер-то старый. В отчаянии, разодрав на себе одежды и посыпав главу пеплом, взобрался комик на перила ближайшего моста и приготовился сигануть в черные струи символа смерти, протекавшего вниз. Как вдруг — голос. «Не бросайся, мол, в черные струи символа смерти, подбери свои одежды, стряхни пепел и спускайся сюда, на рельсы». Обернулся он и видит странное существо, скорее, не странное, а страшное, страхолудное — все в белом, смотрит на него: рот до ушей, а во рту один зуб торчит. «Кто ты, странное, улыбающееся существо в белом?» — спрашивает комик. «Ангел Света, — отвечает она. — Явилась, чтоб ты руки на себя не наложил». Он головой качает: «Увы! Ничего мне больше не осталось, номер мой все знают, никому не смешно». Она ему: «Не надо. Выбрось из головы. Мы, Ангелы Света, творим чудеса. Я тебе столько анекдотов расскажу, что ты потом их за всю вашу недолгую и скучную смертную жизнь не перескажешь». — «Благодарю, — он отвечает. — Что же я должен сделать, чтобы сбылось такое диво дивное?» — «А ты переспи со мной», — отвечает Ангел. «Да неужто вы, ангелы, тоже этим занимаетесь?» — он спрашивает. «Очень даже, — отвечает Ангел. — Ты Ветхий Завет перечитай повнимательней, много чего про нас, ангелов, узнаешь». — «Ладно, договорились», — говорит комик и пепел с главы отрясает. И они удалились, и сделал он с ней «номер», хотя, по правде сказать, вряд ли это была среди Дочерей Света первая красавица. Наутро проснулся он бодрый и полный сил, прикрыл ее наготу и кричит: «Пробудись! Пора сдержать слово — жду твоих анекдотов». Она открывает один глаз и так это смотрит на него. «Ты со своим номером сколько выступал?» — спрашивает. «Тридцать лет», — комик отвечает. «А всего тебе сколько годков будет?» — «Уф, сорок пять». Она

зевнула и говорит с улыбочкой: «В твои-то годы странно в Ангелов Света верить». Ну вот, это и был его новый номер... А теперь поставьте мне какую-нибудь музыку душевную, ладно? Вот-вот, хорошо. Сразу ничего не чувствуешь. А знаешь, почему? Где теперь, в наши дни, услышишь душевную музыку? У дантиста, в банке, магазине и в таких местах, как это, где приходится черт знает сколько ждать, пока тебя обслужат. То есть слушаешь ты душевную музыку и одновременно получаешь психическую травму. И каков результат? А таков, что душевная музыка теперь — самая бездушная вещь. Но аппетит от нее — зверский. Почему? Потому, что ее играют во всех ресторанах, где приходится долго ждать. Ждешь, ждешь, и тебе ублажают душу душевной музыкой. Ладно... Где парень с водой и с тазиком? Я хочу вымыть руки... А это ты слышал — про чудака, которого послали на Альфу Центавра? Обнаружил он там гуманоидов и стал изучать их нравы и обычаи, фольклор и табу. В конце концов столкнулся с проблемой воспроизводства. Подвернулась тут нежная юная особа, взяла нашего чудака под ручку и отвела на фабрику, где этих самых центаврийцев делали. А там такая картинка: туловища по конвейеру едут, суставы им ввинчивают, мозги прямо в черепушки отгружают, ногти в пальцы вставляют, требуху по животам распихивают, ну, и прочее. Удивился наш чудак, а юная леди его спрашивает: «Что ж тут удивительного? А вы на Земле как обходитесь?» Взял он ее тогда за белую руку. «Пойдем, — говорит, — вон за тот пригорок, там я тебе и покажу». Пошли, стал он показывать, а она хохочет. «В чем дело? — он интересуется. — Почему смеешься?» «А потому, — она отвечает, — что у нас так машины делают...» Не забывайте меня, девочки, пишите письма!

— ...Это я, Орфей, рвите меня на куски! Пришло время! Придите, корибанты, и свершите над несчастным: певцом вашу волю!

Темнота. Крик.

Тишина...

Аплодисменты!

Она всегда приходила задолго до начала, одна, и всегда садилась на одно и то же место — в десятом ряду, справа, и единственное, что действительно причиняло ей неудобство, было то, что в антракте она могла помешать тем, кто хотел выйти.

Она приходила задолго до начала и оставалась в зале, пока театр не стихал. Ей нравились хорошо поставленные актерские голоса, и поэтому она предпочитала английских актеров американским.

Она любила мюзиклы, даже не столько потому, что любила музыку, сколько потому, что ей нравились трепетные звуки голосов. Поэтому же она особенно любила пьесы в стихах.

Она любила елизаветинцев, но не любила «Короля Лира». Ее глубоко волновали пьесы древних греков, однако слушать «Царя Эдипа» было выше ее сил. «Чудотворец» и «Свет погас» ей тоже не нравились.

Она носила дымчатые очки и не носила трость.

Как-то вечером, еще до того, как поднялся занавес перед последним действием, темноту прорезал луч света, и появившийся в нем мужчина спросил: «Есть в зале врач?»

Никто не откликнулся.

— Это срочно, — продолжал мужчина. — Если здесь есть врач, большая просьба пройти в канцелярию в главном фойе, сейчас же.

Говоря, он оглядывал ряды, но люди сидели не шевелясь.

— Спасибо, — сказал он и покинул сцену.

Когда в темноте появился луч света, она инстинктивно наклонила голову в его сторону. После объявления занавес поднялся, движение и голоса на сцене возобновились. Она ожидала, вслушиваясь. Потом, встав, пошла вдоль рядов, ведя кончиками пальцев по стене.

Выйдя в фойе, остановилась.

— Разрешите помочь вам, мисс?

— Да, я ищущу канцелярию.

— Это здесь, налево.

Она повернулась и двинулась влево, выставив вперед руку. Коснувшись стены, провела по ней ладонью, быстро нащупав дверной косяк. Потом постучала.

— Да? — Дверь открылась.

— Вам нужен врач?

— А вы врач?

— Да, да.

— Тогда скорее! Вот сюда, пожалуйста!

Она двинулась вперед, следуя за звуком мужских шагов, вверх по коридору, опоясывающему зал. Потом услышала, как провожатый поднялся на семь ступенек вверх, и сделала то же самое.

Они приблизились к артистической уборной; она вошла следом за ним.

— Вот.

Она повернулась вслед за его голосом.

— Что случилось? — спросила она, подходя к тому месту, куда указывал голос.

Руки ее коснулись лежащего тела. В тот же момент раздалась неприятный булькающий звук и тихое, еле слышное покашливание.

— Рабочий сцены, — пояснил мужской голос. — Кажется, подавился конфетой. Он все время их сосет. Короче, что-то у него там, в глотке, застряло. Не проглотить, не выплюнуть.

— «Скорую» вызвали?

— Да. Но вы поглядите, он уже синеть начал! Боясь, как бы они не опоздали.

Опустив руку, она запрокинула голову рабочего и ощупала горло.

— Да, что-то у него застряло, от этого и удушье. Придется резать, иначе мне никак не добраться. Дайте мне короткий острый нож — стерильный. Скорее!

— Слушаю, мэм, сейчас!

Мужчина ушел. Она осталась одна. Прощупала пульс на сонной артерии. Положила руки на судорожно вздымающуюся грудную клетку. Еще больше запрокинула голову и снова ощупала горло.

Прошла минута, еще одна. Послышались торопливые шаги.

— Вот, возьмите... Мы протерли лезвие спиртом...

Она взяла нож. Издалека донеслась сирена «скорой». Однако нельзя было сказать наверняка, успеет ли она.

Женщина провела кончиками пальцев по лезвию. Потом еще раз ощупала горло лежащего перед ней че-

ловека. Развернувшись вполоборота к тому, чье присутствие угадывалось за спиной, она сказала:

— Думаю, вам лучше не смотреть. Мне придется сделать экстренную трахеотомию. Это зрелище не из приятных.

— Хорошо. Я подожду в коридоре.

Звук шагов. Звук закрывшейся двери.

Она сделала первый надрез. Послышалось нечто вроде вдоха. Струя воздуха вырвалась наружу. Потом было мокро... Хлюпающий звук.

Она откинула голову. Когда врачи «скорой» вошли в комнату, руки ее уже перестали дрожать: она знала, что человек будет жить.

— ...Шеллот, — представилась она врачу. — Эйлин Шеллот, психиатр.

— Я слышал о вас. Но разве вы?..

— Совершенно верно. В людях читать легче, чем читать по Брейлю.

— Да, я понимаю. Значит, встретимся с вами в Центре?

— Конечно.

— Спасибо, доктор. Спасибо, — сказал директор театра.

Она вернулась на свое место и досидела до конца. Занавес опустился. Она подождала, пока разойдется публика.

Даже сидя в своем кресле, Эйлин живо чувствовала сцену. На сцене для нее, как в фокусе, собиралось все: звук, движение, ритм, оттенки — не света, но светотени; сцена была для нее неким темно-сияющим центром жизни; там бился пульс пифагорейской триады — *rathema*, *mathema*, *roema*, в круговороте чувств и страстей ощущались содрогания жизни; сцена была тем местом, где способные к благородным страданиям герои благородно страдали, где остроумные французы плели паутинное кружево своих комедий вокруг мощных идей; местом, где черная поэзия нигилистов отдавалась за стоимость одного билета тем, над кем издевалась, где лилась кровь, раздавались вопли, звучали песни, где Аполлон и Дионис ухмылялись из-за кулис, где Арлекин без конца дурачил капитана Спеццаффера, заставляя того терять штаны. Сцена была местом, где умели подражать всему, но где за всем скрывались два основ-

ных чувства: радость и грусть, комическое и трагическое, иными словами, жизнь и смерть — две вещи, определяющие место человека в мире; местом, где появлялись герои и те, кому было далеко до героев; местом, которое Эйлин любила и где видела единственного человека, чье лицо она знала, — он ходил многоликим Символом по подмосткам Сцены... И, ополчась на море смут, в недобрый час, при лунном свете, сразить их противоборством, — кто призывал мятежные ветра, от волн зеленых вздымал валы до голубых небес, — два перла там, где взор сиял... Что за мастерское создание — человек! Как бесконечен способностью! В обличии и в движении — как выразителен и чудесен!

Она знала все его роли, которые тем не менее не могли существовать без аудитории. Он был самой Жизнью. Он был Ваятелем. Он был Творцом и Двигателем миров. Он был выше героев.

Сознание способно запечатлеть многое. Оно учится. Однако оно не в силах научиться не думать, Эмоции человека качественно не меняются на протяжении жизни; внешние впечатления могут меняться, но чувства — вечный товар. Вот почему театр так жизнеспособен; он — перекресток культур; в нем — альфа и омега человеческого бытия; он — как магнит, притягивающий частицы человеческих эмоций.

Сознание не может научиться не думать, но чувства следуют определенным моделям. Он был для нее театром...

Он был альфой и омегой.

Он был действием.

Он был не имитацией действий, а самими действиями.

Она знала, что этого талантливого человека зовут Чарльз Рендер. Она чувствовала, что он — Ваятель.

Сознание способно запечатлеть многое. Но он не был чем-то одним. Он был всем.

...И она чувствовала это.

Она встала, пошла к выходу, и каблуки ее туфель стучали в пустынной тьме. Она шла вверх по проходу, и звуки вновь и вновь возвращались к ней. Она шла по

пустому залу, удаляясь от опустевшей сцены. Ей было одиноко.

Дойдя до верха, она остановилась. Словно далекий смех, прерванный неожиданным хлопком, и — тишина.

Она уже не была ни публикой, ни актерами — одна в темном театре. Она разрежала горло и спасла жизнь. Сегодня она слушала, переживала, хлопала. И вот — все это ушло, и она одна в темном театре.

Ей стало страшно. Человек продолжал идти вдоль шоссе, пока не дошел до знакомого дерева. Держа руки в карманах, он долго стоял, глядя на него. Потом обернулся и пошел обратно тем же путем.

Завтра был новый день.

«О венчанная печалью, единственная моя любовь! Почему ты покинул меня? Разве я не хороша? Я долго любила тебя, и все тихие уголки полнятся моими стенаниями. Я любила тебя больше, чем самое себя, и страдаю за это. Я любила тебя больше жизни с ее усадями, и вот все улады обратились в горечь. Я готова расстаться с моею жизнью ради тебя. Почему унесли тебя за море быстрогокрылые, многорукие корабли, и всех своих божеств взял ты с собою, а я здесь — одна? Я взойду на костер, и да испепелится время, да сгорит пространство, разделившее нас. Я буду с тобой всегда. Не кроткой жертвой пойду я навстречу гибели, но великим будет мой плач. Ведь я не из тех, кто станет чахнуть и томиться, не из тех, чья кожа желтеет и вянет от скорби. Ибо в моих жилах течет кровь Царей Земных, а рука моя в битве крепка, как рука мужа. Перед мечом моим — ничто любые доспехи врагов моих. И никому никогда не покорялась я, мой господин. Но ныне глаза мои ослепли от слез, и язык не в силах вымолвить слова. Тяжкий грех совершил тот, по чьей воле увидала я тебя, а потом разлучилась с тобою навеки. Не прошу я тебя, не прошу и своей любви. Было время, когда смешны мне были песни любви, что поют девушки над рекой. Вырвали у меня смех, как стрелу из раны, одна я теперь, и нет тебя рядом. Не прощай меня и ты, любимый, за то, что любила

тебя. И пусть ярче разгорится огонь от воспоминаний моих и надежд. Пусть пылает он, как пылают мои мысли о тебе, пусть пеплом станут напевные слова моей любви. Я любила тебя — и вот нет тебя рядом. Никогда уже в этой жизни не увидеть мне тебя, не услышать сладких звуков голоса твоего, не почувствовать, как содрогается тело от ласк твоих. Я любила тебя — и вот я покинута и одна. Я любила тебя, но уши твои были глухи к моим словам, а глаза не видели меня. Разве я не хороша, ответьте мне, ветры земные, вы, что раздуваете пламя моего костра? Ответь, о сердце, что бьется в моей груди, — почему он покинул меня? Отцу моему, огню, вверяю себя, да будет он ласков ко мне. Много любимых на свете, но никто так не любим, как ты. Быть может, благословят тебя, о мой свет, и да не будет суровым их суд за то, что ты сделал со мной. Из-за тебя я гибну, Эней! О огонь, будь моей последней любовью!»

Стоя в освещенном круге, она пошатнулась и упала. Раздались аплодисменты. Комната погрузилась в темноту.

Через мгновение снова вспыхнул свет, и прочие члены Мифологического клуба поспешили подойти к ней, чтобы поздравить с прочувствованной игрой. Потом заговорили о важности фольклорных мотивов — от «сатти» до жертвоприношения Брунгильды. Да, огонь в основе — это хорошо, — таково было общее мнение. «Огонь — моя последняя любовь!» Хорошо! Эрос и Танатос, объединившиеся в последней вспышке очистительного пламени.

После того как все комплименты были произнесены, на середину комнаты вышли невысокий сутулый мужчина и его похожая на птицу, по-птичьи мелко ступающая жена.

— «Абеляр и Элоиза», — объявил мужчина.

В комнате воцарилась почтительная тишина. Плотный мужчина, лет за сорок, с лицом, лоснящимся от пота, подошел к Абеляру.

— Мой главный кастратор, — сказал Абеляр.

Здоровяк с улыбкой поклонился.

— Что ж, начнем...

Раздался одинокий хлопок, и свет погас.

Подобно глубоко зарывшимся в землю мифологическим червям, тянутся через весь континент трубопроводы, силовые кабели, трубки пневмопочты. Пульсируя, напрягая свои тела, они пьют соки Земли, изнуряют ее недра. Нефть и электроэнергия, вода и уголь, бандероли, посылки и письма — все проходит через их чрево. И, пройдя через него, под землей, все это исторгается в чрева машин, ожидающих в пункте назначения. Слепые, они прячутся подалее от солнечных лучей; не зная, что такое вкус, равнодушно жуют тело Земли; лишенные обоняния и слуха, навечно заключены они в скалистую темницу. Лишь осязание знакомо им; и в постоянном осязании — их суть. В нем — подспугная, темная радость червя.

Переговорив с психологом, работавшим в новой школе Питера, Рендер сам проверил спортивное оборудование. Потом прошелся по общежитию, и оно ему в общем понравилось.

И все же то, что он снова оставил парня в школе, не давало ему покоя. Он сам не понимал почему. Казалось бы, все было в порядке, как и в первый раз. И Питер выглядел бодро. Даже очень бодро.

Он сел в машину и выехал на хайвей, это огромное, лишенное корней дерево, чьи ветви охватывали два континента (а после того, как будет закончен мост через Берингов пролив, они раскинутся по всему миру, кроме Австралии, полярных шапок и островов), неотступно думая, в чем же причина его беспокойства. Думая — и не находя ответа.

Может быть, стоит позвонить Джилл и спросить, почему она с ним так холодна? Или она еще до сих пор сердится из-за манти и рождественского вечера?

Он отпустил штурвал; холмистый пейзаж скачками мчался за окном.

Рука вновь потянулась к панели.

— Слушаю.

— Здравствуйте, Эйлин. Это Рендер. Не мог позвонить вам раньше, но я слышал о том, как вы сделали трахеотомию в театре...

— Да, — сказала она, — я вовремя оказалась там, я — и острый нож. Откуда вы звоните?

— Из машины. Только что отвозил Питера в школу, теперь еду назад.

— Как он? Как его нога?..

— Все в порядке. Правда, на Рождество у нас случилась маленькая неприятность, но все обошлось. Расскажите поподробнее, как это было там, в театре. Если, конечно, вам не тяжело.

— Ну, я ведь врач, — она тихо рассмеялась. — Собственно, было уже поздно, спектакль заканчивался...

Рендер с улыбкой откинулся в кресле, закурил и приготовился слушать.

За окном холмы сменились равниной, и машина мчалась по ней, как бильярдный шар, катящийся точно в лузу.

Он проехал мимо идущего по обочине человека.

Под протянутыми высоко в небе проводами, над захороненными глубоко в земле кабелями он шел по одному из могучих ответвлений горожного грева, шел сквозь усеянный снежинками, пронизанный эфирными голосами воздуш.

Машины проносились мимо, но не многие из едущих в них людей замечали его.

Он шел, засунув руки в карманы и опустив голову, не глядя вокруг. Воротник его куртки был поднят, и снежинки — тающий дар неба — оседали на полях его шляпы. На ногах у человека были галоши. Земля была мокрой, покрытой тонким слоем слякоти.

Он шел, медленно, с трудом — заблудшая частица в поле действия вселенского генератора.

— Поужинаем сегодня в «Скальпеле и куропатке»?

— Почему бы и нет? — ответил Рендер.

— Скажем, в восемь.

— В восемь? Отлично!

Некоторые из них падали с небес, но чаще они мчались, как самолеты в шторме, по дорогам...

Люди выходили на платформы из машин, запаркованных в похожие на огромные улы гаражи. Воздушные такси садилась на специальные площадки рядом с киосками у входа на подземный эскалатор.

Но на чем бы они ни приезжали, все посетители ходили по Выставочному залу пешком.

Крыша восьмиугольного здания напоминала перевернутую восьмиугольную. Восемь треугольников из черного камня, не несущие специальной архитектурной нагрузки, украшали каждый угол. «Супница» одновременно играла роль светофильтра. В данный момент фильтр забирал из атмосферы все оттенки голубого, рассеянные в серых сумерках, и слабо светился снаружи — белее, чем грязный вчерашний снег. Крыша раскинулась над залом, как безоблачное летнее небо часов в одиннадцать утра, как безупречный в своей бесконечной голубизне огромный Инеистый Вьюнок.

Людской поток двигался под этим небосводом, оттеня экспонаты, подобно волнам прилива в гроте. Иногда в плавно струящемся потоке возникали завихрения, водовороты. Струи кружились, свиваясь и развиваясь; слышался похожий на журчание гул голосов. То здесь, то там мерцали яркие вспышки...

Поток людей непрерывно стекался в зал из припаркованных под искусственным синим небом машин. Когда круг был пройден и замыкался, люди возвращались в породившие их стальные облака.

Павильон, где происходило это безостановочное движение, назывался «Лики Космоса». «Лики Космоса» представляли из себя выставку, устроенную и финансируемую Министерством военно-воздушных сил; работавшая уже две недели выставка была открыта круглосуточно и привлекала посетителей со всех концов земного шара. «Лики» давали возможность ознакомиться со всеми последними достижениями человечества в космосе.

Возглавлял выставку генерал-полковник, командовавший дюжиной полковников, восемнадцатью подполковниками, множеством майоров, капитанов и бесчисленным количеством лейтенантов. Никогда никто не видел самого генерала, кроме полковников и представителей Выставочной компании.

Выставочный зал принадлежал Выставочной компании в качестве аэропорта; на время выставок компания переоборудовала зал в полном согласии с требованиями клиентов и хорошего вкуса.

Сразу направо, как только вы входили в Зал-Поганку, как в шутку окрестил главный зал один из Жизнелюбков, находилась Галерея.

По стенам Галереи висели огромные фотографии, которые посетитель мог обойти кругом и изнутри, блуждая между высоких призрачных гор, окружавших Третью лунную базу (таких высоких и призрачных, что, казалось, они раскачивались бы на ветру, если бы на Луне дули ветры); или можно было побродить под надувным куполом этого подлунного города и даже, пожалуй, украдкой провести рукой по одной из холодных долей — отсеков Мозга-наблюдателя и услышать, как быстро щелкают его мысли; или заглянуть в пыльную пустыню под бледно-зеленым небом и, кашлянув раз другой, выплюнуть кровавый сгусток, пройтись вокруг высоких стен наземного Комплекса — серо-голубых, без единого шва, возведенных на руинах Бог весть каких древних сооружений, — войти в эту крепость, где, как привидения, ходят сотрудники Марсианского отдела, попробовать на ощупь фактуру гладких стеклянистых стен и нарушить вечное безмолвие мира, где все звуки звучат приглушенно и мягко; или в прохладной капсуле Воображения прогуляться по Дьявольскому кладбищу меркурианской поверхности, упиваясь игрой цветов — пламенно-желтого, карминного и оранжевого, — и, наконец, отдохнуть в Большой Ледяной Шкатулке, где Мороз-великан не на жизнь, а на смерть бьется с Огнечеловеком и где каждый отсек опечатан и наглухо отделен от остальных, как в подводной лодке или на транспортной ракете, по тем же причинам; или совершить вылазку на Пятую окологемную станцию, где сердца героев пылают, а сердца злодеев холодны, постоять в добела раскаленной морозом печи горной пещеры, держа руки в карманах, считая разноцветные прожилки на опаловых стенах, увидеть блистающий кристалл Солнца, выдыхая облака пара и дрожа от холода, и признать, что да, немало дивных див вращается вокруг Солнца, да и фотографии не хуже.

За Галереей находились Гравитационные комнаты, к которым вела лестница, пахнувшая свежесрубленным деревом. Там, наверху, каждый мог выбрать гравитационное поле по вкусу: как на Луне, как на Марсе или Меркурии, — и затем съехать вниз, в Зал, на пневмоподушке, похожей на лифт, и на несколько минут ощутить себя важной персоной, которую персонально доставляют на любую приглянувшуюся ей планету. Платформа уходит вниз, мягкое приземление... Слово падаешь в стог сена, валишься на пышно взбитую перину.

Дальше был зал Фонтана Миров, опоясанного медным поручнем. Хочешь — перегнись, посмотри вниз... Как выкопанная в световой толще яма, зияет чернота бездонного колодца...

Это был планетарий.

Сияя, миры крутились во тьме по магнитным орбитам. В центре пылающим пляжным мячом висело солнце; масштаб пропорционально уменьшался, и дальние планеты мерцали во мраке слабым холодным светом; Земля переливалась изумрудом и бирюзой; матово-зеленым отливала Венера; Марс напоминал цветом апельсинный шербет; Меркурий — масло, а комета Галлея была золотистой, как корочка свежевыпеченного хлеба.

Фонтан Миров был похож на выставку съедобных драгоценностей. И те, кого привлекала роскошь, и кто был голоден, равно завороченно глядели вниз, свесившись через поручень. Таков материал наших мечтаний и снов.

Иные бросали на Фонтан беглый взгляд и шли дальше — посмотреть выполненную в натуральную величину модель декомпрессионной камеры с Первой лунной станции или послушать специалиста, рассказывающего малоизвестные факты, касающиеся конструкции и механизма действия запорных клапанов и мощности вакуумных насосов (невысокий рыжий человек, большой эрудит). Или покататься по залу в подвешенных к монорельсу машинках. Или посмотреть двадцатиминутный фильм «Лики Космоса — понемногу о многом», в котором вместо обычной фонограммы текст читал помещенный внутри экрана живой диктор.

Посетители поднимались на возникающие на стенных экранах горы в кабинах подвесной дороги и могли

сами попробовать управлять огромными, похожими на клешни захватами машин, используемых для добычи угля во взнезменных условиях.

Те, кому было особенно любопытно, подолгу задерживались в одном месте. Они больше стояли и вели себя тише. В общем потоке они образовывали сверкающие бликами заводи...

— Ну что, интересно было бы как-нибудь отправиться туда самому?

Мальчик обернулся, опираясь на костыли, оглядел заговорившего с ним подполковника.

Высокий мужчина в военной форме. Продубленная на солнце, загорелая кожа, темные глаза, коротко подстриженные усы и маленькая дымящаяся трубка из красноватого дерева были самыми запоминающимися деталями в его внешности, не считая безусловно пошитого, с иголки мундира.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Ты как раз в том возрасте, когда человек начинает задумываться о будущем. Свой жизненный путь надо рассчитывать заранее. Если не продумать все наперед, можно и к тридцати оказаться не у дел.

— Я много читал...

— Конечно. В твои годы все много читают. Но сейчас ты видишь модели — пойми, всего только модели — того, что есть в настоящей жизни. Это все наши форты на границе с неизвестным, и граница эта велика. По книжкам нельзя научиться *чувствовать*.

Вагон монорельсовой дороги со свистом промчался через Зал над их головами. Офицер указал на него трубкой.

— Даже это — совсем не то, что скатиться по ледяному склону Большого Каньона.

— Значит, виноваты те, кто сочиняет книжки, — заявил мальчик. — Любой человеческий опыт может быть расшифрован и описан хорошим писателем.

Офицер покосился на него.

— Что-то я не совсем понял, сынок.

— Я хотел сказать, что если вы не находите в ваших книжках того, что хотите, это не вина материала.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Да, для своих десяти ты смекалистый.

Мальчик пожал плечами, поднял один из костылей и указал в сторону Галереи.

— Хороший художник может в своей картине выразить в сто раз больше, чем эти огромные переводные картинки.

— Но это действительно отличные фотографии.

— Конечно, замечательные. И, наверное, дорогие. А настоящий художник мог бы воспроизвести любую из этих сцен, и это не стоило бы ему ни копейки.

— Художники туда еще не добрались. Сначала идут землепроходцы, а уже потом — культура.

— Тогда почему бы не изменить ситуацию и не пригласить нескольких художников? Они могли бы помочь вам найти хороших землепроходцев.

— Хм, — сказал подполковник. — Интересная мысль. Может, пройдемся немного вместе? Посмотрим еще виды?

— Конечно, — откликнулся мальчик. — Почему бы и нет? Хотя «пройтись» — не совсем то слово...

Он повернулся на костылях, и они пошли рядом. Налево подвесная дорога поднимала посетителей в горы, щелкали клешни захватов.

— А что, правда, что этот механизм скопирован с лапок скорпиона?

— Да, — сказал офицер. — Какая-то светлая голова украла эту хитрую штуковину у Природы. Вот такие умы, пожалуй, нужны нам больше всего.

Мальчик кивнул.

— Когда-то я жил в Кливленде. На Куайога-ривер используют то, что называют хьюлановским конвейером для разгрузки вагонеток с рудой. Он действует по принципу лапки кузнечика. Один молодой человек со светлой головой — из тех, что вас интересуют, — лежал как-то у себя во дворе и отрывал лапки кузнечикам, пока один из них его не укусил. «Ага, — сказал молодой человек, — должен же во всем этом быть какой-то смысл». Наловил еще кузнечиков для своих опытов — так и возник хьюлановский конвейер. Одним словом, он, как вы выражаетесь, украл эту хитрую штуковину у

Природы, приспособившей ее для тварей, которые только и делают, что бездельничают, прыгают по травке и жуют свою жвачку. Как-то раз отец повез меня на пароходе вверх по реке, и я видел, как эта штука работает. Такие огромные металлические лапы с захватами на концах, и тархтят они ужасно, как духи всех замученных кузнециков, собравшиеся вместе. Боюсь, у меня не тот ум, который вам нужен.

— Что ж, — сказал военный, — похоже, у тебя действительно тот, другой ум.

— Какой другой?

— Тот, про который ты рассказывал. Который умеет видеть и объяснять, который сможет потом рассказать людям о том, как все это выглядит там.

— Вы хотите взять меня летописцем?

— Нет, тебе мы подыщем что-нибудь другое. Но это не должно тебя смущать. Скольких людей мировые войны навели на мысль написать роман о войне? И сколько их, военных романов, было написано? И сколько среди них хороших? Ведь были же хорошие, ты сам знаешь. Ты тоже мог бы. Что-нибудь в этом духе.

— Не исключено, — сказал мальчик.

Они двинулись дальше.

— Пойдем сюда? — предложил военный.

Мальчик кивнул и пошел вслед за ним.

Они свернули в коридор и сели в лифт. Дверь закрылась, и голос из микрофона спросил, куда их везти.

— Нижний ярус, — сказал подполковник.

Движение было практически неощутимо. Дверь снова открылась.

Они вышли на узкий балкон, опоясывавший «супницу». Закрытый стеклянным козырьком балкон был освещен мягким рассеянным светом. Отсюда, сверху, была хорошо видна почти вся экспозиция и часть взлетной площадки.

— Скоро отправляется несколько кораблей, — сказал офицер. — Я хочу, чтобы ты посмотрел, как взлетают эти огненные колесницы.

— Огненные колесницы, — улыбаясь, повторил мальчик. — Как же, помню, эта фраза часто встречается в ваших проспектах. Да, сэр, это действительно поэтично.

Подполковник ничего не ответил. Стальные башни стояли неподвижно.

— Эти никуда не полетят, ты же знаешь, — сказал он наконец. — Они только доставляют людей и материалы на орбитальные станции. Настоящие большие корабли никогда не возвращаются.

— Да, я знаю. А что, тот парень, утром, и в самом деле покончил с собой здесь, на выставке?

— Нет, — произнес офицер, отводя взгляд. — Это был несчастный случай. Он вошел в комнату марсианской гравитации, когда воздушная подушка была отключена. Упал в шахту.

— Тогда почему же этот павильон не закрыли?

— Потому что техника безопасности в принципе работает нормально. Световая предупредительная сигнализация и ограждения в порядке.

— Тогда почему вы сказали — «несчастный случай»?

— Потому что он не оставил записки... Смотри! Одна из них сейчас стартует!

Офицер указал в сторону ракет трубкой.

Пышные клубы дыма окружили основание одного из стальных сталагмитов. Сердцевина его засветилась. Затем свечение сместилось в нижний конец, дым волнами растекся по взлетной площадке, стеной поднялся в воздух. И все же верхняя часть корабля была видна.

...Он поднимался. Почти незаметно оторвался он от земли. Но постепенно движение ускорялось, становилось очевидным. Вдруг пламя ринулось из сопла, и ракета в одно мгновение ушла высоко, пронзая серый сумеречный воздух. Сначала казалось, что в небе пылает яркий костер; уменьшаясь, он превратился в сияющую звезду, уносящуюся ввысь.

— Ничто не сравнится с ракетой в полете, — сказал офицер.

— Да, — кивнул мальчик. — Вы правы.

— А ты хотел бы полететь вслед за ней, вслед за этой звездой?

— Да, и когда-нибудь я обязательно полечу.

— Мне подготовка далась нелегко, а сейчас требования еще серьезнее.

Они проводили взглядами еще два взлетевших корабля.

— А сами вы когда последний раз летали? — спросил мальчик.

— Совсем недавно... — ответил мужчина.

— Пожалуй, мне пора идти. Еще работу писать для школы.

— Погоди, я хочу тебе дать наши новые проспекты.

— Спасибо, они у меня уже все есть.

— Что ж, ладно... Доброй ночи, дружок.

— Доброй ночи. Спасибо, что показали выставку.

Мальчик повернулся и пошел обратно, к лифту.

Офицер еще долго стоял на балконе, глядя вверх, на небо, и держа в руке догоревшую трубку.

В кругу света судорожно сплелись фигуры борцов...

Потом — темнота.

— О мой меч! Как больно входит в тело сталь! Тысячеустый, я истекаю кровью!

Тишина.

Аплодисменты.

Глава 4

«...Архитектура Винчестерского собора, — гласил путеводитель, — отличается прямыми, жесткими, суровыми очертаниями. Ряды мощных, как древесные стволы, колонн строго упорядочивают внутреннее пространство: потолки плоские; нефы, разделенные колоннами, сами по себе усиливают ощущение незыблемости и прочности. Действительно, кажется, что собор воплотил в себе характер Вильгельма Завоевателя. Пренебрежение к вычурности и страстное, влюбленное стремление к иному миру делают его, помимо прочего, подходящей декорацией для какой-нибудь истории в духе Мэлори...»

«Обратите внимание также на зубчатые капители, — значилось далее. — Их примитивные каннелюры предвосхитили то, что впоследствии стало широко распространенным мотивом...»

— Фу! — сказал Рендер, впрочем, достаточно тихо, поскольку вокруг плотно стояли экскурсанты.

— Ш-ш!.. — сказала Джилл (последняя ее фамилия была Фотлок) де Виль.

Однако Рендер был разочарован не меньше, чем восхищен.

Отвращение к хобби, которое выбрала себе Джилл, тем не менее настолько превратилось у него в рефлекс, что он скорее предпочел бы отдохнуть под хитроумным восточным изобретением, по капле сочащим воду на череп осужденного, чем признать, что ему иногда и в самом деле нравится бродить по аркадам и галереям, по

анфиладам и туннелям и, задыхаясь, карабкаться по винтовым лестницам древних башен.

И, еще раз окинув взглядом всю картину, он сжег вымысел, а потом восстановил декорацию из еще дымящихся обломков воспоминания, чтобы позднее можно было возобновить представление для единственного пациента, который мог видеть все только так, а не иначе. Это здание нравилось ему все же больше других. Да, он снова построит его для нее.

И, пока фотокамера сознания запечатлевала окружающее, Рендер покорно шел вместе с группой, перекинув пальто через руку и постоянно теребя в кармане сигареты. Не обращая внимания на гида, он был занят своим делом, — впрочем, прекрасно понимая, что это низшая из форм человеческого протеста. Бродя по Винчестеру, он вспоминал последние два сеанса с Эйлин Шеллот.

И снова они бродили вместе.

Там, где пантера скачет по ветвям...

Они бродили.

Там, где олень от голога ревет...

Она остановилась, поднесла руки с вывернутыми наружу ладонями и растопыренными пальцами к вискам и посмотрела на него — губы ее приоткрылись, словно она хотела спросить о чем-то.

— Оленьи рога, — подсказал Рендер.

Эйлин кивнула, и олень-самец подошел. Она пощупала его рога, погладила нос, внимательно оглядела попыта.

— Да.

Олень повернулся, отошел, и тут, одним прыжком очутившись у него на спине, пантера разорвала ему глотку. Олень дважды успел вонзить рога в тело зверя и затих. Пантера принялась рвать тушу, и Эйлин отвела глаза.

Там, где гремучая змея на камне греется, подставив солнцу каждую чешуйку...

Она наблюдала за тем, как змея сворачивается, потом вытягивается, потом снова сворачивается, и так трижды. Потом потрогала кольца на хвосте.

— А для чего это? — спросила она, обернувшись к Рендеру.

— Природа — не всегда идиллия, — сказал он и объяснил назначение колец.

Там, где аллигатор в бугорчатой броне в трясине гремлет...

Она коснулась пластинчатой шкуры. Зверь широко зевнул, и Эйлин с любопытством рассматривала его зубы, строение челюстей.

Насекомые, жужжа, кружились вокруг нее. Комар сел ей на руку и вонзил в кожу свой хоботок. Она пришепнула комара и рассмеялась.

— Ну как, получается?

Рендер улыбнулся, кивнул.

— Держишься отлично.

Он хлопнул в ладоши — лес и болото исчезли.

Они стояли, босые, на волнистом песке; колышущийся призрак солнца виднелся сквозь толщу воды где-то высоко над их головами. Стая разноцветных блестящих рыбок проплыла между ними, а водоросли плавно покачивались, словно полируя струи течений.

Их волосы развевались, колыхаясь, как водоросли, и одежда колыхалась в такт движениям воды. Причудливо закрученные раковины самых разных форм и цветов — розовые и голубые, красные, белые и шоколадные — лежали перед ними драгоценной россыпью, вздымались стены коралловых рифов, груды высились отполированные камни, и огромные моллюски разевали свои беззубые рты.

Они двинулись вперед сквозь зеленое марево. Наклонившись, Эйлин подняла одну из ракушек — большую, тонкую, как яичная скорлупа; один ее конец напоминал оттиск большого пальца какого-нибудь великана, потом она круто, штопором скручивалась тонкими, как спагеттинка, витками и заканчивалась игриво изогнутым хвостиком.

— Это и есть ракушка Дедала, — сказала Эйлин.

— Ракушка Дедала?

— А разве мой господин не знает историю о том, как величайший из умельцев, Дедал, однажды вынужден был прятаться от царя Миноса?

— Слабо припоминаю...

— Царь искал его по всему древнему миру, но безуспешно. Ибо мастерство Дедала позволяло ему менять свой облик быстрее и искуснее, чем Протею. И все же в конце концов один из советников царя измыслил план, как отыскать его.

— И как же?

— С помощью ракушки, вот этой самой, которую я сейчас держу в руке перед тобой, мой умелец.

Рендер взял у Эйлин ракушку и внимательно, со всех сторон осмотрел ее.

— Он разослал такие ракушки во все города Эгейского моря и посулил богатую награду тому, кто сможет продеть нить сквозь все ее изгибы.

— Кажется, начинаю вспоминать...

— Что именно: как это было сделано или почему?.. Минос знал, что единственный человек, которому это под силу, должен быть величайшим из умельцев, и он знал также, как самолюбив Дедал. Знал: он отважится на невозможное, дабы доказать, что он может свершить то, что не дано никому в мире.

— Да, — произнес Рендер, продевая шелковую нить в устье ракушки и наблюдая за тем, как кончик нити показывается из отверстия на другом конце. — Да, я вспомнил. Он обвязал кончик нити вокруг маленького ползучего насекомого, сознавая, что оно привыкло к темным, запутанным, как лабиринт, ходам и что сила его намного превосходит его размеры.

— ...и продел нить сквозь ракушку, и явился за наградой, и был схвачен царем.

— Хороший урок всем Ваятелям: будь в своем ремесле мудр, но не перемудри.

Эйлин рассмеялась.

— Но, конечно, потом он бежал.

— Конечно.

Они карабкались по коралловым уступам.

Рендер вытащил нитку, приложил раковину к губам и дунул. Протяжный звук разнесся по океанским глубинам.

Там, где выдра подстерегает рыбу...

Гибкое, похожее на торпеду тело стремительно вторглось в стаю рыб, жадно хватая добычу направо и налево...

Они подождали, пока охота закончится и зверь вынырнет из воды, и продолжили карабкаться по колючим коралловым уступам.

Потом медленно выходили из воды — сначала показали головы, потом плечи, руки, бедра, и вот уже они стояли, обсыхая, на узкой полосе песчаного берега. Вошли в окаймлявший ее лес и стали двигаться вверх по течению впадающего в море ручья.

Там, где черный медведь выкапывает корни и ищет мед и где бобр шлепает по грязи своим широким, как весло, хвостом...

— Слова, — сказала Эйлин, прикоснувшись к уху...

— Да, но взгляни на медведя и на бобра.

Она взглянула.

Пчелы, остервенело жужжа, роились вокруг мохнатого мародера; грязь шлепала, когда хвост грызуна ударял по ней.

— Медведь и бобр, бобр и медведь, — проговорила она. — Ну, куда отправимся теперь?

— *Сквозь побеги сахарного тростника, сквозь желтые цветы хлопка, по затопленным рисовым полям,* — ответил он, указывая вперед.

— О чем вы?

— Взгляни, и ты увидишь. Посмотри на растения, на их цвета, на их формы.

Они шли, глядя по сторонам.

— *Сквозь рощи хурмы, сквозь многолетнюю кукурузу, по расцветшему нежными голубыми цветами льняному полю.*

Эйлин становилась на колени, вглядывалась, принюхивалась, пробовала на ощупь и на вкус. Они шли по полям, и она чувствовала босыми ступнями черную теплую землю.

— ...Мне как будто вспоминается что-то, — сказала она.

— *По матово-зеленой ржи,* — сказал Рендер, — *когда она волнуется и рябит в порывах ветра.*

— Подожди немного, Дедал, — попросила Эйлин. — Оно приходит ко мне медленно. Ты подарил мне желание, которое я никогда не решалась назвать вслух.

— Давай поднимемся на эту гору, — предложил он. — *Крепче держись за уступы.*

Они начали подниматься, и скоро земля осталась далеко внизу.

— И только ветер холодный и скалы — там, высоко в горах, — сказала она. — Куда мы идем?

— На вершину. На самый верх.

Вечность протекла или мгновение — но они уже стояли на вершине горы. Сейчас восхождение казалось им долгим.

— Расстояние, перспектива. Мы прошли все это, все, что ты видишь там, внизу. Равнины, за ними леса и море.

— А гора выдуманная, — заметила Эйлин. — Когда-то я уже забиралась на нее, только не видела.

Он кивнул, и она снова с любопытством взглянула на океан, лежавший вдали под голубым океаном неба.

Через некоторое время они начали спускаться по противоположному склону.

И снова Время дурачило их, то затягиваясь, то сжимаясь, и, оказавшись у подножия горы, они двинулись вперед.

...Игги протоптанной в траве тропой и чувствовать прикосновение листьев.

— Теперь я знаю! — воскликнула Эйлин, хлопая в ладоши. — Теперь я знаю!

— Тогда — где мы? — спросил Рендер.

Она бережно сорвала травинку, протянула ее Рендеру, потом пожевала кончик.

— Где? — переспросила Эйлин. — Ну, конечно же, там, где слышен перепела свист в лесах, в пшеничном поле.

В этот момент раздался свист перепела, и птица пересекла им дорогу, причем птенцы шли сзади ровной цепочкой, словно нанизанные на нить.

— А я всегда гадала, что бы это могло значить... — Тьма сгущалась над тропинкой, которая вела их то лесом, то между пшеничных полей. — Как много всего, — продолжила Эйлин. — Целый каталог чувств Сизерса и Робука. Дайте мне еще строчку.

— Там, где летучая мышь кружит накануне Сегоднего месяца, — сказал Рендер, поднимая руку.

Летучая мышь резко спикировала вниз, Эйлин пригнулась, и темное пятно, трепеща в воздухе, скрылось за деревьями.

— Там, где большой золотой жук мелькает во тьме, — подхватила она.

...И мгновенно маленький сверкающий метеорит в двадцать четыре карата прочертил темнеющий воздух и упал на дорожку к их ногам. Пролетав мгновение неподвижно, как золотистый, солнечный скарабей, он уполз на обочину и исчез в траве.

— Теперь ты помнишь, — сказал Рендер.

— Теперь я помню, — ответила Эйлин.

Канун Седьмого месяца выдался холодный, и звезды бледными огоньками зажглись в небе. Они шли по тропинке, Рендер показывал Эйлин созвездия. Месяц повис, зацепившись за горизонт, и еще одна летучая мышь перечеркнула его. Вдалеке заухала сова. Оживленный разговор сверчков донесся словно бы из-под земли. И все же последнее, предзакатное сияние упорно не исчезало с небосвода, озаряя мир вокруг.

— Мы далеко ушли, — сказала Эйлин.

— Как далеко? — спросил Рендер.

— Туда, где ручей, рождаясь меж корней, течет в луга, — уверенно ответила она.

— Верно. — И, вытянув руку, Рендер нагнулся к корням большого старого дерева, мимо которого они проходили.

Между корней бил ключ, питавший ручей, вдоль которого они шли раньше. Словно связка бубенчиков, вода взлетала вверх и падала со звоном, растекаясь по земле. Ручеек журчал между деревьев, прокладывая себе русло, виляя на пути к морю.

Эйлин вошла в воду. Плавные струи пенились у ее ног. Брызги окатили ее всю: спину, шею, грудь, руки.

— Идите сюда, — позвала она. — Этот ручей волшебный.

Но Рендер покачал головой и не тронулся с места.

Выйдя из воды, Эйлин встряхнулась и снова была сухой, как прежде.

— Лед и радуга, — заметила она.

— Да, — сказал Рендер, — я еще много чего позабыл.

— Я тоже, но я помню, что чуть дальше идет строчка о *пересмешнике, который курлычет нежно, залива-ется трелями, стенает и плачет.*

И Рендер вздрогнул, словно заслышав пение пересмешника.

— Но это не мой пересмешник!

Эйлин засмеялась.

— Какая разница? Все равно скоро его очередь.

Рендер покачал головой и отвернулся. Эйлин снова оказалась у него за спиной.

— Жаль. Я буду внимательнее.

— Прекрасно.

Он сошел с тропинки и двинулся вперед.

— Я забыл, что дальше.

— Я тоже.

Ручей остался далеко позади. Они шли, приминая траву, по бескрайним плоским равнинам, и только краешек пылающей солнечной короны виднелся над горизонтом.

Там, где закатные тени тянутся по безграничным, безлюдным прериям...

— Вы что-то сказали? — спросила Эйлин.

— Нет. Но я опять вспомнил. Вот это место: *там, где стада бизонов, растекшись темными пятнами на много миль, движутся с места на место.*

Большое темное пятно слева от них постепенно принимало все более отчетливые очертания, все более явно в темноте проступали формы бизона — царя американских равнин. Слово и не было никогда никаких родео, ярмарок скота, изображений на старых пятицентовиках, — животные стояли теперь перед ними, неповторимые, темные, пахнущие землей, медлительные, могучие, мохнатые; стояли тесно, опустив книзу рогатые головы, мощные бока вздымались и опадали; это был живой символ зодиакального Быка, неистощимого весеннего плодородия; и вместе с сумерками таяли они, уходя в прошедшее, в прошлое — быть может, туда, где трепещут радужные колибри.

Они шли по огромной равнине, и луна поднялась уже высоко.

Наконец они вновь подошли к краю земли, где снова были высокогорные озера, ручьи, пруды, где снова

было море. Пройдя мимо опустевших ферм с садами, они пошли дальше по краю воды.

— Там, где лебедь-долгожитель плавает, покачиваясь и изогнув свою длинную шею, — сказала Эйлин, и это был первый лебедь, которого она увидела. Он медленно скользил в лунном свете по глади озера.

— Там, где чайки мечутся над берегом, хохоча, — подхватил Рендер, — и хохот их так похож на человеческий.

И хохот раздался в ночи, но он не был похож ни на смех чайки, ни на смех человека, потому что Рендер никогда не слышал хохочущих чаек. Кудахтающие звуки, которые он извлек из сырой необработанной эмоции, сделали вечерний воздух холодным, неудобным.

Он заставил воздух потеплеть снова, подсветил темноту серебристым свечением.

Странный смех сошел на нет, замер. Подобие чайки, вспыхивая серебристым исподом крыльев, унеслось в сторону моря.

— Ну вот, — сказал Рендер, — это почти все на сегодня.

— Но ведь еще много, так много осталось! — возразила Эйлин. — Ведь вы так хорошо запоминаете меню. Неужели вы сейчас ничего больше не вспомните? Я помню еще кое-что о куропатках, которые на ночь усаживаются в кружок, выставив наружу головы, о хохлатой желтой цапле, по ночам охотящейся на крабов в тине, и о темном кузнечике, что сидит на ореховом дереве над колодцем, и...

— Прекрасная память, — сказал Рендер. — Превосходная. Даже, пожалуй, слишком.

Они шли сквозь лимонные и апельсиновые рощи, еловые леса, там, где охотилась цапля и где кузнечик распевал свою песенку, сидя на ореховом дереве над колодцем, и где куропатки спали, сидя кружком и выставив головы наружу.

— Вы назовете мне всех этих животных в следующий раз? — спросила Эйлин.

— Да.

Она свернула на тропинку, ведущую к ферме, открыла дверь, вошла. Рендер с улыбкой последовал за нею.

Внутри была тьма. Плотная, беспросветная тьма, какая может быть только в абсолютной пустоте. В доме не было ничего. Вообще ничего.

— Что случилось? — донесся откуда-то голос Эйлин.

— Несанкционированное вмешательство в сценарий, — ответил Рендер. — Я уже собирался опустить занавес, но вы захотели, чтобы представление продолжалось. Тогда я решил не делать вам больше никаких подсказок.

— Мне не всегда удается контролировать это, — произнесла Эйлин. — Извините. Давайте вернемся. Я уже взяла себя в руки.

— Нет, пойдём дальше, — сказал Рендер. — Свет!

Они стояли на высоком холме, и вокруг ущербного месяца кружились стальные летучие мыши. Вечерний воздух был холодным, и резкие, каркающие звуки доносились с мусорных куч. Не деревья, а стальные столбы раскинули вокруг свои намертво прикрепленные ветви. Вместо травы под ногами расстилалось зеленое пластиковое покрытие. Огромный пустынный хайвей тянулся внизу.

— Но... где мы? — спросила Эйлин.

— Вы только что побывали в «Песни-О-Себе», — ответил Рендер, — и вложили в нее столько нарциссизма, сколько смогли. Ничего странного, впрочем, в этом нет. Разве только то, что вы слегка перестарались. Теперь, я думаю, пора несколько сбалансировать ситуацию. Иначе я просто разорюсь, если каждый раз буду только и делать, что рассказывать сказки.

— Что вы намерены...

— Как насчет «Песни-Не-О-Себе»? — И он хлопнул в ладоши.

— ...Там, где пересохшие равнины Даст-Баула алчут воды, — произнес чей-то голос. Эйлин и Рендер шли вперед, кашляя.

— ...Там, где все живое погибло в загрязненных водах рек, — продолжал голос, — и пена их цвета ржавчины.

Они шли по берегу зловонной речки; Эйлин зажимала нос, но и это не могло помешать ей почувствовать зловоние.

...Там, где леса сведены под корень и пейзаж напоминает ад.

Они шли, обходя пни, наступая на обломанные сухие ветви; мертвая листва шуршала под ногами. Зловещий, изъязвленный лик луны, словно подвешенный на тонкой нити, угрюмо глядел на них с черных небес. Словно великаны, шли они между пней по голым пустошам, где когда-то шумели бескрайние леса. Под покровом сухих листьев земля покрылась глубокими трещинами.

...Где шахты — как обескровленные артерии в выжженной плоти Земли.

Огромная свалка машин простиралась перед ними. Погребальными курганами высилась во тьме развороченная земля. Провалы и ямы были наполнены чем-то, напоминающим сгустки черной крови.

...Пой, Жестяная Муза, ты, что показала древним пастухам, как стройный и прекрасный мир возникает из Хаоса, или, ежели смерть приятнее твоим очам, гляди — вот величайшее из кладбищ земных!

Они стояли на вершине холма, озирая груды металлического лома. Здесь были тракторы, бульдозеры, экскаваторы с их некогда мощными, а теперь бессильно замершими ковшами и гусеницами. Горы металла — ржавого, искореженного, ненужного. Станины, рамы, лопасти, корпуса, стрелы подъемных кранов — все было погнуто, сломано, сплющено. Могильным холмом, Землей Горшечника было это место для стальной плоти машин.

— Что это? — спросила Эйлин.

— Свалка, — ответил Рендер. — Эту сторону жизни Уолт позабыл воспеть. Это то, что подмяло под себя нежную траву его лугов и лесов, а сами леса свело под корень.

Они пошли через свалку машин.

— Впрочем, в каком-то смысле меня сюда тянет, — добавил Рендер. — Вот этот бульдозер, например, сровнял с землей древнюю индейскую усыпальницу, а этот свалил самое старое дерево на нашем континенте. Вот этот экскаватор прорыл канал, чтобы отвести реку, затопившую и превратившую в пустыню прекрасную зеленую долину. Вот этот кран рушил стены домов наших

предков и возводил перекрытия уродливых башен, выросших на их месте...

— Вы очень несправедливы, — сказала Эйлин.

— Конечно, — кивнул Рендер. — Стремясь к малому, всегда замахиваешься на большое. Вспомните, я взял вас туда, где пантера скачет по ветвям, где гремучая змея на камне греется, подставляя солнцу каждую чешуйку, где аллигатор, в бугорчатой броне, в трясине дремлет. И помните, что я ответил, когда вы спросили: «А для чего это?»

— Вы сказали: «Природа — не всегда идиллия».

— Верно, и, когда вы снова попробовали перехватить у меня инициативу, я решил, что лучше дать вам понять, что в мире, помимо удовольствия, есть еще и боль. Мне кажется, вы уже и сами уловили, что именно не в порядке.

— Да, я понимаю. Но как выглядит эта дорога в ад, вымощенная нашими благими намерениями? Какая она — белая или черная?

— Ни то и ни другое, — ответил он. — Серая. Пройдем еще немного.

Они обогнули груды пустых банок, бутылок и пружинных матрацев. Нагнувшись, Рендер откинул выступающую крышку люка.

— Взгляните, что скрыто в этом темном чреве уже много веков.

Он открыл ящик с инструментами, и волшебное сияние мягким зеленым светом озарило темную глубину.

— О!..

— Чаша Святого Грааля, — провозгласил Рендер. — Это называется энантиадромия, моя дорогая. Круг всегда рано или поздно замыкается. И когда его начало смыкается с концом, начинается спираль. Откуда я все это знаю? Но Грааль может таиться в ящике с инструментами. И мало ли что еще. Время искажает вещи. Со временем друзья становятся врагами; то, что было злом, может обернуться добром. Я позволю себе выгадать немного времени, чтобы рассказать вам одну маленькую историю, раз уж вы подарили мне сюжет о греке Дедале. Мне поведал ее один из моих пациентов по фамилии Ротман, он изучал Каббалу. Как вы думаете, каково про-

исхождение Грааля, этого символа чистоты, света, святости и божественного величия?

— Тут ничего про это не сказано.

— Да, но есть предание, легенда; ее-то и рассказал мне Ротман. Мельхиседек, первосвященник Израиля, передал Грааль в наследство своим потомкам, чтобы те вручили его Мессии. Но откуда же попал он к Мельхиседеку? Он вырубил его из огромного изумруда, найденного им в пустыне, а изумруд этот выпал из короны Измаила, Ангела Тьмы, когда тот был низвергнут с небес. Таков Грааль: из света во тьму, из тьмы — к свету и снова во тьму, и что дальше — кто знает? Так в чем же тут дело? В энантиадромии, моя дорогая. До свиданья, Грааль.

Рендер закрыл крышку, и все погрузилось во тьму.

И потом, бродя под плоскими потолками Винчестерского собора, проходя мимо статуи, обезглавленной по приказу Кромвеля (как уверял путеводитель), он вспоминал следующий сеанс. Он вспоминал, как, сам того не желая, вынужден был выступать в роли Адама, давая имена проходящим перед ними животным, во главе которых, разумеется, шло то, которое она хотела видеть, — жуткой окраски, поскольку он немного нервничал. Потом ему пришлось пережить несколько приятных, идиллических минут, когда, проштудировав старый учебник ботаники, он ваял и давал имена полевым цветам.

Пока они держались вдалеке от городов, от машин. Эмоции Эйлин пока еще слишком живо откликались даже на самые простые, осторожно вводимые в ее психику объекты, для того чтобы подвергать ее риску, сразу погрузив в сложные, хаотичные городские дебри; нет, он будет строить ее город не спеша.

Что-то быстро пронеслось в высоте над собором, издав гулкий, похожий на громовой раскат звук. Рендер задержал руку Джилл в своей и улыбнулся, когда она взглянула на него сверху вниз.

Джилл знала, что ее можно назвать почти красивой, и обычно прилагала массу усилий, чтобы действительно выглядеть красавицей. Но сегодня ее волосы были просто зачесаны назад, а чуть оттопыренные уши казались тоньше, бледнее и чуть заостренными кверху.

— Обратите внимание также на зубчатые капители, — прошептала она. — Их примитивные каннелюры предвосхитили то, что впоследствии стало широко распространенным мотивом.

— Фу-у! — сказал Рендер.

— Ш-ш! — пробурчала маленькая женщина с красной, сожженной на солнце кожей.

Говоря, она быстро открывала и закрывала рот, похожий на трещину в глине.

— Ну что, как Винчестер? — спросил Рендер, когда они медленно шли обратно к отелю.

— Полный порядок.

— Довольна?

— Довольна.

— Хорошо, тогда можно будет отправиться прямо сегодня.

— Ладно.

— В Швейцарию...

Джилл остановилась и потербила пуговицу у него на пальто.

— А не могли бы мы еще пару дней побродить по старым замкам? В конце концов только и дел, что перебраться через Ла-Манш, и ты спокойно будешь дегустировать местные вина, пока я...

— О'кей, — сказал Рендер.

Она подняла голову — лицо ее выражало крайнее изумление.

— Что случилось? Он даже не спорит! — Джилл улыбнулась. — А где же твой пресловутый бойцовский дух? Подозрительная сговорчивость.

Она взяла его за руку, и они пошли дальше.

— Вчера, — сказал Рендер, — когда мы рысью пробежали под этими почтенными сводами, я услышал слабый стон, и затем чей-то голос воскликнул: «Ради всего святого, Монтрезор!» Полагаю, это и был мой бойцовский дух, поскольку голос был точно мой. Я отрекся от *der Geist, der stets verneint. Pax vobiscum!* Отправляемся во Францию. *Alors!*

— Милый Ренди, всего только на денек-другой...

— Аминь, — сказал Рендер. — Жаль только, что я уже смазал лыжи.

Они сделали все так, как и было решено, однако когда на утро третьего дня Джилл завела речь о замках Испании, Рендер принялся вслух рассуждать о том, что если психологи, выпив, обычно ограничиваются тем, что впадают в раж, то психиатры, как известно, не только впадают в раж, но и начинают бить посуду.

Восприняв это как скрытый намек на свою коллекцию веджвудского фарфора, Джилл сложила оружие и согласилась отправиться кататься на лыжах.

«Свобода!» Рендер едва удержался, чтобы не выкрикнуть это слово вслух. Кровь стучала у него в висках. Он мчался, сжавшись в комок. Вираз налево. Ветер упруго и больно хлестал по лицу; мелкие льдинки, острые, как наждачная крошка, летели ему в лицо, царапая щеки.

Он мчался вперед. Отныне и навсегда — мир кончился в Вайсфлойхе, и Дорфтали лежал далеко внизу. Его ноги стали двумя светящимися реками, бежавшими по волнистым, замерзшим равнинам; они текли, они двигались, они не могли замерзнуть. Вниз. Тело было текучим, струящимся. Долой мир, замкнутый в четырех стенах. Прочь от душной рутины буден, прочь от цивилизации, которая кормит тебя с ложечки, от убийственной жвачки насильственных развлечений, придуманных с одной целью — убить стоглавую гидру скуки. Прочь!

И пока он мчался вниз по склону, растворяясь в текучем чувстве движения, его не покидало желание оглянуться, как бы для того, чтобы посмотреть, действительно ли мир, который он оставил там, позади, послал ему вослед свой жуткий символ, свою тень неотступно следовать за ним и затащить его обратно, в повисший в небе теплый, ярко освещенный гроб и уложить его там на покой, пронзив его волю алюминиевыми острями и убаюкивая переменными токами его дух.

— Ненавижу, — выдохнул он сквозь стиснутые зубы, и ветер отнес слова назад; потом он засмеялся, ведь он привык анализировать свои эмоции с точки зрения рефлексов, и добавил: — Те же и Орест, безумный, преследуемый фуриями...

Склон становился все более пологим, и скоро Рендер притормозил, остановился. Выкурив сигарету, он вновь полез в гору, чтобы повторить спуск, на этот раз уже не в медицинских целях.

Вечером Рендер сидел у камина в просторном охотничьем домике, чувствуя, как жадно впитывают тепло его усталые мышцы. И пока Джилл массировала ему плечи, он угадывал в огнистых узорах углей фигуры, наподобие таблиц Роршаха, и в тот момент, когда в пламени ясно обрисовался сверкающий кубок, из Зала Девяти Каминов донесся чей-то знакомый голос.

— Чарльз Рендер! — произнес голос (хотя это прозвучало скорее как «Шарльц Рандер»).

Рендер инстинктивно обернулся, но призрачные узоры еще плясали у него перед глазами, и он не сразу идентифицировал источник звука.

— Морис? — спросил он через секунду. — Бартельметц?

— Он самый, — раздалось в ответ, и Рендер различил знакомое пепельно-серое лицо человека с лысой, как бильярдный шар, головой, практически без шеи, одетого в красно-синий свитер из грубой шерсти, который сидел в обтяжку, не скрывая мощных округлостей похожей на бочонок фигуры. Человек двигался в сторону Джилл и Рендера, ловко пробираясь между лежащими на полу лыжами, палками, составленными в пирамиды, и людьми, которые, подобно Джилл и Рендеру, презирали отдых в кресле.

— Что-то ты потяжелел, — заметил Рендер, оглядывая фигуру Бартельметца. — Нездоровый симптом.

— Ерунда, сплошные мышцы!.. Ну, как живешь, как дела?

Он взглянул на Джилл, и она улыбнулась ему в ответ.

— Мисс де Виль, — пояснил Рендер.

— Джилл, — представилась она.

Бартельметц слегка поклонился, отпустив наконец уже занывшую руку Рендера.

— А это — профессор Морис Бартельметц из Вены, — закончил Рендер, — укрывшийся под покровом мрака последователь всех форм диалектического пессимизма и выдающийся первооткрыватель в области невроконтактной терапии, хотя, глядя на него, этого и не скажешь. Я имел счастье быть его учеником в течение года.

Бартельметц утвердительно кивнул, принимая от Рендера фляжку для шнапса, которую тот вынул из ма-

ленького пластикового рюкзака, и наполнил свой складной стаканчик до краев.

— Да, ты все еще хороший специалист, — вздохнул он. — Моментально ставишь диагноз и прописываешь правильное лечение. Ваше здоровье.

— Семь лет — залпом, — важно произнес Рендер, вновь наполняя стаканчик.

— Что ж, потянем время — будем пить мелкими глоточками.

Они уселись на полу.

Огонь рычал в камине, дымом уносясь в большую кирпичную трубу; объятые пламенем поленья сгорали: и толстые сучья, и тоненькие веточки, и годовые кольца — кольцо за кольцом.

Рендер разворошил огонь.

— Я читал твою последнюю книгу, — сказал Бартельметц как бы невзначай. — Года четыре назад.

— Верно, — утвердительно кивнул Рендер.

— Над чем-нибудь сейчас работаешь?

Рендер лениво ткнул кочергой в горящее полено.

— Да, есть кое-что.

Он бросил беглый взгляд на Джилл — та дремала, прислонив голову к подлокотнику высокого кожаного кресла, подложив под бок рюкзак Рендера, и алые тени огня выпукло скользили по ее лицу.

— Я столкнулся с довольно необычным явлением и начал работать над темой, о которой давно собирался написать.

— Необычным? В каком смысле?

— Хотя бы в том, что пациентка — слепая от рождения.

— И ты пользуешься МНУ?

— Да. Она хочет стать Ваятелем.

— Verflucht! А ты учитываешь возможность обратных воздействий?

— Конечно.

— Ты ничего не знаешь о бедняге Пьере?

— Нет.

— Что ж, значит, им удалось это скрыть. Пьер был студентом-философом в Парижском университете и писал диссертацию об эволюции сознания. В этом году, летом, он решил, что для его работы необходимо иссле-

довать мозг обезьяны, с тем чтобы установить, кто из них, он или обезьяна, более легкомыслен, не иначе. Как бы там ни было, ему удалось получить незаконный доступ к МНУ и к мозгам нашей мохнатой родственницы. Потом так и не установили, насколько он успел ознакомить обезьяну с банком внешних воздействий, однако надо полагать, что именно один из тех сигналов, которые по-разному резонируют в сознании человека и обезьяны, — шум транспорта и тому подобное, — напугал неразумное создание. Пьер до сих пор сидит в обитой войлоком палате, и реакция у него — точь-в-точь такие, как у испуганной обезьяны.

Так что, хоть ему и не удалось завершить собственную диссертацию, — закончил свой рассказ Бартельметц, — он вполне может послужить материалом для чужого исследования.

Рендер покачал головой.

— Впечатляющая история, — сказал он мягко, — но в моем случае все отнюдь не так драматично. Моя пациентка — человек с исключительно стабильной психикой, в конце концов она сама психиатр, прошедший школу обычного психоанализа. Она давно хотела заниматься невроконтактной терапией, но ее удерживал страх перед зрительной травмой. Я постепенно вводил ее в мир зрительных образов. Когда курс будет закончен, она должна полностью свыкнуться с процессом усвоения видеоряда и сможет уделить все внимание невроконтактной терапии, не боясь ослепнуть от зрения, если можно так выразиться. У нас уже было четыре сеанса.

— И?

— Она держалась прекрасно.

— Ты уверен?

— Да, и думаю, что здесь я достаточно компетентен.

— М-м, — протянул Бартельметц. — Скажи, как по-твоему, у нее достаточно сильная воля? Я имею в виду, нет ли у нее навязчивого комплекса сопротивляться внешнему принуждению?

— Нет.

— И никогда не бывало так, чтобы она брала в свои руки контроль над сновидением?

— Нет!

— Врешь, — сказал Бартельметц просто.

Рендер потянулся за сигаретами. Прикурив, он улыбнулся.

— Каюсь, учитель, каюсь, старый лукавец, — произнес он примирительно, — годы не притупили твоего чутья. Мне легче провести самого себя. Да, ее действительно очень и очень непросто контролировать. Ей недостаточно просто видеть. Уже сейчас она сама хочет ваять. Это понятно нам обоим — и мне, и ей, — но расщудочное и эмоциональное восприятия, видимо, никогда не достигнут гармонии. Иногда ей удавалось доминировать, но я почти сразу снова брал ее под контроль. В конце концов это я заказываю музыку!

— Хм, — пробормотал Бартельметц, — Тебе никогда не попадался буддистский текст «Шанкара»?

— Боюсь, что нет.

— Тогда слушай, я тебя просвещу. «Шанкара» утверждает, причем абсолютно безотносительно к невроконтактной терапии, что существуют два «я» — истинное и ложное. Истинное «я» в человеке бессмертно, и оно переходит в нирвану — словом, что-то вроде души. Отлично. Что же касается ложного «я», то это обычное, находящееся в плену иллюзий человеческое сознание — твое, мое, всех тех, с кем мы сталкиваемся в процессе работы. Согласен? Согласен. Материалом для этого ложного «я» служит то, что индусы называют «скандами». Сканды включают чувства, восприятия, мыслительные способности, само сознание и даже физическое строение. Подход явно ненаучный. Да. Но дело в том, что сканды — это отнюдь не то же самое, что неврозы, или «лже-жизни» мистера Ибсена, или галлюцинации, — нет, даже учитывая, что они не истинны, поскольку изначально являются частью ложного единства. Взятые вместе, пять сканд составляют то весьма эксцентричное целое, которое мы называем личностью, — в верхнем слое располагаются неврозы и прочая ерунда, за счет которой мы и кормимся. Согласен? Слушай дальше. Я решил прочитать тебе эту небольшую лекцию, потому что сейчас мне, как никогда, нужны сильные драматические выражения, поскольку я собираюсь изречь нечто весьма драматичное. Если предположить, что сканды образуют дно, то неврозы — это рябь на поверхности воды; истинное же «я», если таковое имеет-

ся, спрятано глубоко под выстилающим дно песком. Итак. Рыбь лежит в промежутке, образует, так сказать, *Zwischenwelt* между субъектом и объектом. Сканды — это часть субъекта, неотъемлемая, уникальная часть его сути, бытия. Пока возражений нет?

— Есть, и немало.

— Хорошо. Теперь, когда мы договорились о понятиях, я попробую сформулировать свою точку зрения. Ты попусту тратишь время, потому что хочешь воздействовать уже не просто на невроты, а на сканды. Хочешь гармонизировать общее представление этой женщины о себе самой и о мире. И для этого пользуешься МНУ. С тем же успехом ты мог бы воздействовать на психопата или обезьяну. На первый взгляд все идет прекрасно, но в любой момент, сам того не подозревая, ты можешь сделать что-нибудь такое, показать ей что-то необычное или обычное в таком необычном ракурсе, что ее самоощущение нарушится, нарушится одна из сканд, а это все равно что пробить дно. В этом месте образуется водоворот, который затянет тебя и... Словом, молодой человек, юный мастер, я не хотел бы видеть вас в числе своих пациентов и поэтому советую приостановить эксперимент. Не следует использовать МНУ в таких целях.

Рендер бросил сигарету в камин.

— Во-первых, — сказал он, загибая палец, — вы пустили мистического тумана, хотя все ясно как день. Единственное, что я пытаюсь сделать, это подготовить ее сознание к восприятию дополнительных впечатлений — во многом за счет других чувств. Во-вторых, вначале ее эмоциональные реакции действительно были достаточно болезненными, поскольку затрагивали травмированную область психики, но этот этап уже позади. Теперь она только удивляется новизне мира. Скоро и новизна утратит свою необычность. В-третьих, Эйлин сама психиатр; она хорошо разбирается в методике лечения и полностью сознает, насколько тонким делом мы занимаемся. В-четвертых, ее самоощущения и ее желания, или ее сканды, называйте как хотите, непоколебимы, как Гибралтарская скала. Только представьте, какие усилия Эйлин приложила, чтобы получить такое образование, какое она получила. Тут нужна

была стальная воля и самообладание, которому может позавидовать любой отшельник...

— ...и если в одно неуловимое мгновение из-за минутного замешательства весь этот могучий потенциал высвободится, — Бартельметц грустно улыбнулся, — желаю тебе встретить тени Зигмунда Фрейда и Карла Юнга в Долине тьмы. И в-пятых, — неожиданно добавил он, пристально взглянув в глаза своего ученика, — в-пятых, — он загнул последний палец, — она хорошенькая?

Рендер промолчал и отвернулся к огню.

— Мудро, — вздохнул Бартельметц.

Огонь бросал алые отсветы на его лицо, так что нельзя было понять, покраснел ли он.

— Значит, ты отдаешь себе отчет в том, что сам сможешь стать источником возбуждения. Сегодня же вечером поставлю свечку перед портретом Адлера и буду молиться, чтобы он дал тебе силы выйти победителем в поединке с новым пациентом.

Рендер посмотрел на Джилл. Она по-прежнему спала. Он нагнулся и откинул локон, упавший ей на лицо.

— Тем не менее, — сказал Бартельметц, — если все и дальше пойдет успешно, я с огромным интересом буду ждать выхода твоей книги. Не помню, рассказывал я или нет, но мне случалось лечить буддистов, и никакого «истинного я» найти не удалось.

Оба дружно рассмеялись.

Этот, на поводке, похожий и не похожий на меня, пахнувший страхом, маленький, серый, доверчивый. «Рр-р-р!» — и он задержается в ошейнике, задыхаясь. В голове у него пусто, как в духовке, пока она не нажмет кнопку и не начнет готовиться еда. Сколько с ними ни говори — не поймут. И все же они как я. Однажды я убью одного из них, но зачем?..

Сверни сюда. «Три ступеньки вверх. Стеклянная дверь. Теперь направо». Зачем? Сюда, вперед. Сады — там, внизу. Запах, приятный. Трава, мокро, грязно, деревья и чистый воздух. Я вижу. Птицы, снова. Я вижу все. Я.

«Четыре ступеньки».

Вниз. Да. Из глотки рвутся звуки, хочется звуков, громких. Глупо. Много деревьев, чисто, приятно... Она любит посидеть на скамейке, пожевать листик, подышать чистым, свежим воздухом. Не может видеть, как я. Или теперь!.. Нет.

Не может Зигмунд плохо трава, деревья, здесь. Жаль. Отличное место.

«Внимательно. Четыре ступеньки».

Вперед. Направо, налево, направо, налево, деревья и трава. Зигмунд видит. Медленно. Идем... Доктор с машиной дает ей свои глаза. «Рр-р-р!» — и он перестанет дергаться. Запаха страха — нет.

Вырой глубокую яму и похорони в ней глаза. Бог — слеп. Зигмунд видит. Ее глаза прозрели, а он — он боится острых клыков. Он поможет ей видеть и унесет ее высоко в небеса, где видно все, далеко. Я выкопаю глубокую яму в земле...

Было уже начало одиннадцатого, когда Джилл проснулась. Даже не поворачиваясь, она знала, что Рендер уже ушел. Он всегда вставал рано.

Джилл протерла глаза, потянулась, приподнялась на локтях. Мельком взглянув на стоявшие рядом с кроватью часы, она взяла со столика сигареты и зажигалку. По запаху было понятно, что пепельницу вынесли. Конечно, это Рендер — он не одобрял курение в постели.

Зевая, пофыркивая, Джилл выскользнула из-под одеяла и, накинув плед, поспешила стряхнуть пепел. Она ужасно не любила вставать, но, раз поднявшись, уже не могла допустить, чтобы хоть что-нибудь нарушило предустановленное течение дня. «Вот противный». Джилл улыбнулась. Она хотела заказать завтрак в постель, но было уже поздно.

Обдумывая свой туалет, она вдруг заметила пару незнакомых лыж, стоявших в углу. На конец одной из них был наколот листок бумаги. Джилл подошла поближе. «Не желаете присоединиться?» — значилось в записке. Джилл решительно покачала головой, и ей почему-то стало грустно. Она каталась на лыжах всего два раза в жизни и боялась их. И все же хоть она и понимала, что стоит попытаться еще, поскольку это, безуслов-

но, достойный вид спорта, но при одном только воспоминании о том, с какой неприличной быстротой и беспомощностью летишь вниз по склону (такие «полеты» довольно скоро оканчивались в сугробе), ее пробирала дрожь и моментально возвращалось муторное чувство, знакомое ей по первым попыткам. Поэтому, приняв душ и одевшись, она спустилась в ресторан.

Огонь уже вовсю ревел в девяти каминах, когда она проходила через холл. Несколько лыжников с красными обветренными лицами грелись, протянув руки к ярко пылавшему пламени центрального очага. Вообще же народу было немного. На решетке для сушки обуви стояло всего несколько пар ботинок, с которых капало, яркие лыжные шапочки висели на вешалке, сохли составленные за дверьми лыжи.

Посередине холла в креслах сидели несколько человек — читали газеты, курили, негромко беседовали. Никого из знакомых не было, и Джилл двинулась в сторону ресторана. Когда она проходила мимо конторки регистратора, сидевший там старик остановил ее, назвав по имени. Джилл с улыбкой подошла к нему.

— Вам письмо, — сказал старик, поворачиваясь к ящичку с корреспонденцией. — Вот. Похоже, что-то важное.

С этими словами он протянул Джилл объемистый коричневый конверт с обратным адресом ее адвоката. Письмо было трижды проштемпелевано.

— Спасибо.

Она отошла к креслу, стоявшему у большого окна (за ним виднелся заснеженный сад, коток и вьющаяся вдалеке тропа, по которой двигались маленькие темные фигурки с лыжами на плече), и разорвала конверт.

Наконец-то. В конверте лежала короткая записка от адвоката и копия свидетельства о разводе. Джилл только недавно приняла решение разорвать официальные отношения с мистером Фотлоком, чью фамилию она перестала носить еще пять лет назад, когда они расстались. Теперь же, добившись цели, она не знала, что ей делать дальше.

«Зато вот радости-то будет для Ренди», — подумала она. Надо сообщить ему с таким невинным выражением.

Джилл достала пудреницу и состроила перед зеркальцем недоуменную гримаску. «Ладно, — пропела она тихонько, — с этим можно не торопиться». Хотя и особо тянуть тоже не следует... Ее тридцатилетие маячило на горизонте, как большая черная туча, заранее отравляя весь апрель, до которого, впрочем, было еще четыре месяца.

Она подвела помадой свой лукавый ротик, хорошенько припудрила родинку возле носа и захлопнула косметичку.

В ресторане на видном месте перед огромной яичницей, штабелями кроваво-красных сосисок, горей тостов с сыром и наполовину опорожненной бутылкой апельсинового сока восседал доктор Бартельметц. Большая чашка кофе дымилась сбоку. Бартельметц сидел очень прямо, и только вилка, которой он орудовал, мелькала, как крылья ветряной мельницы.

— Доброе утро, — сказала Джилл.

Бартельметц воззрился на нее.

— А, мисс де Виль... Джилл... Доброе утро, — он кивнул на кресло напротив. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Джилл села и обратилась к подошедшему официанту:

— Мне, пожалуйста, то же самое, только раз в десять поменьше... Вы не видели сегодня Чарльза? — Она обернулась к доктору.

— Увы! — Бартельметц сокрушенно развел руками. — Хотя мне бы очень хотелось продолжить нашу дискуссию, пока его сознание еще пребывало на ранней стадии пробуждения и было сравнительно податливо. К сожалению, — доктор сделал большой глоток кофе, — он спит хорошо и сразу вступает где-то примерно в середине второго акта.

— А вот я обычно вступаю в интермедии и сразу прошу кого-нибудь объяснить мне, в чем суть дела, — подхватила Джилл. — Так почему бы не продолжить дискуссию со мной? Я всегда податлива, и мои сканды в форме.

Их взгляды встретились, и Бартельметц откусил кусок тоста.

— Да, — сказал он после паузы. — Кажется, я правильно вас понял. Что же, тем лучше. Что вы знаете о работе Чарльза?

Джилл поудобнее устроилась в кресле.

— М-м. Он — редкий специалист в некоей сверх-специальной области, и мне, конечно, трудно судить по тому немногому, что он о ней рассказывает. Мне бы тоже хотелось иногда заглянуть в чужие мысли — конечно, только чтобы узнать, что люди думают обо мне, — но я вряд ли могла бы долго находиться там. Особенно, — Джилл кокетливо передернула плечами, — если это человек... с комплексами. Боюсь, я могу отнестись к нему слишком сочувственно, или напугаться, или... словом, мало ли что. И тогда, если верить тому, что я читала, в силу некоей магии взаимности, его комплексы перейдут ко мне.

— Впрочем, — продолжала она, — у Чарльза почти никогда не возникает таких сложностей. По крайней мере мне он о них не рассказывает. Хотя в последнее время он меня беспокоит. Похоже, эта слепая девушка и ее говорящая собака значат для него слишком много.

— Говорящая собака? — переспросил Бартельметц.

— Да, у нее собака-поводырь из этих, знаете, мутантов.

— Очень интересно... Вы когда-нибудь с ней встречались?

— Ни разу.

— Так, так, — пробормотал Бартельметц. — Иногда невроконтакторам приходится иметь дело с пациентами, проблемы которых близки им самим. Тогда сеансы могут проходить достаточно болезненно. Со мной всегда так бывало, когда я брался лечить своих коллег. Возможно, Чарльзу эта ситуация кажется в чем-то похожей на то, что волнует его лично. Я никогда не обследовал его психики с точки зрения психоанализа. И не могу похвастать, что знаю все уголки его души, хотя он и был моим учеником довольно долго. Он всегда был сдержанным, несколько даже скрытным; хотя при всем том умел бывать и категоричным, властным... А что еще его волнует в последнее время?

— Он постоянно переживает из-за Питера, своего сына. В среднем раз в год переводит его в новую школу.

Подали завтрак. Джилл расстелила на коленях салфетку и подвинулась ближе к столу.

— ...И еще он все время читает материалы о самоубийствах и говорит про них, говорит и говорит.

— Почему?

Джилл пожалла плечами и приступила к еде.

— Ничего не объясняет, — сказала она, поднимая глаза на Бартельметца. — Может, пишет что-нибудь.

Покончив с яичницей, Бартельметц налил себе еще кофе.

— А вас не тревожит эта его новая пациентка?

— Нет... То есть да. Беспокоит.

— Почему?

— Боюсь магии взаимности, — сказала Джилл, слегка покраснев.

— Звучит достаточно многозначительно.

— Да, — согласилась она и после минутной паузы добавила: — Мы оба заботимся о его благополучии, и оба видим, откуда исходит угроза. Поэтому... могу я попросить вас об одной услуге?

— Можете.

— Поговорите с ним еще раз. Попробуйте убедить его отказаться.

Бартельметц сложил свою салфетку.

— Попробую, после обеда, — решительно сказал он. — Я верю в ритуальную силу попыток спасти человека. Их обязательно стоит предпринимать.

Дорогой мой богоподобный папочка!

Что сказать, школа отличная, нога тоже ведет себя на «отлично», а ребята в классе все — юные гении. С монетами порядок, даже слишком, к новому расписанию и учителям понемногу привыкаю, так что ни о чем не беспокойся, ладно?

Школу описывать не стану, ты ведь сам видел это мрачайшее сооружение. Спортплощадки описал бы, да не могу, поскольку в настоящий момент они покоятся под холодными белыми пеленами. Бр-р! Я думаю, ты сейчас наслаждаешься разными

зимними утехами. Разделяю твой энтузиазм, однако предпочитаю зиму на картинках или на стаканчиках с мороженым.

Больная нога сковывает свободу моих передвижений, сосед по комнате укатил домой на уик-энд; и то, и другое — истинное блаженство (как выразился бы Панглосс), потому что теперь можно хоть иногда прочесть пару страниц. Чем и собираюсь немедленно заняться.

*Твой чудо-ребенок
Питер.*

Рендер нагнулся, чтобы потрепать тяжелую лохматую голову. Его движение было воспринято со стоическим самообладанием, темные глаза взглянули на австрийца, у которого Рендер попросил прикурить, — так, словно спрашивали: «Должен ли я терпеть подобное унижение?» Мужчина улыбнулся при виде страдальческого выражения, написанного на собачьей морде, и громко щелкнув, закрыл зажигалку; Рендер заметил, что один из выгравированных сбоку инициалов — маленькое «в».

— Спасибо, — сказал он и обратился к собаке: — Как тебя зовут?

— Бисмарк, — проворчал пес.

— Ты мне напомнил одного такого же. Того зовут Зигмунд, он друг и поводырь одной моей слепой знакомой — там, в Америке.

— А мой Бисмарк — охотник, — сказал молодой человек. — И нет такой добычи, которая бы могла его перехитрить, — ни олень, ни семейство кошачьих.

Собака наострила уши и взглянула на Рендера гордыми сияющими глазами.

— Мы охотились в Африке и в Северной и Юго-Западной Америке. И в Центральной Америке тоже. Он никогда не терял следа. Никогда не сдавался. Прекрасный зверь, а зубы у него не хуже золингеновской стали.

— Да, у вас и вправду прекрасный товарищ для охоты.

— Я охочусь, — проворчал пес, — я иду по следу...
А иногда я убиваю...

— Так, значит, вы не слышали о собаке по имени Зигмунд и о ее хозяйке — Эйлин Шеллот? — спросил Рендер.

Мужчина покачал головой.

— Нет, Бисмарка прислали мне из Массачусетса, но сам я в Центре никогда не был. И ни с кем из других хозяев не встречался.

— Понятно. Что ж, спасибо. Всего хорошего.

— Всего хорошего.

— Все-го хо-рро-ше-го...

Засунув руки в карманы, Рендер медленно двинулся вперед по узкой улочке.

Он извинился и ушел, не сказав, куда. И теперь шагал вперед без всякой цели. Вторая попытка Бартельметца увещевать его едва не заставила Рендера наговорить резкостей, о чем он сам бы потом пожалел. Прогулка была выходом — слишком тяжелый получался разговор.

Повинуясь неожиданному импульсу, он зашел в лавочку и купил часы с кукушкой, которые привлекли его внимание. Бартельметц правильно поймет его подарок.

Улыбнувшись, Рендер пошел дальше. Интересно, а что это за письмо, которое клерк так торжественно вручил Джилл за обедом? Три штемпеля на конверте и обратный адрес — адрес ее адвоката.

Джилл не стала вскрывать письмо, однако улыбнулась и, наградив старика щедрыми чаевыми, спрятала конверт в сумочку. Пришлось вскользь намекнуть на то, что его интересует содержание загадочного послания. Ну что ж, раз уж он такой любопытный, она пожалеет его и скажет.

Порыв студеного ветра налетел с севера, и как будто сам небосвод зашатался на своих ледяных устоях. Рендер поборол дрожь, еще больше втянул голову в плечи. Зажав под мышкой часы, он поспешил обратно.

В ту ночь змея, что держит хвост в собственной пасти, изрыгнула огонь, Фенрир Волк напал на Луну, кукушка прокуковала в маленьких часах, и утро явилось,

как последний бык Манолите, потрясая роговые ворота своим ревом и обещая пролить реку львов на песок.

Рендер поклялся себе, что покончит наконец с сентиментальными бреднями.

Позже, гораздо позже, когда похожий на хищную птицу лайнер мчал их в поднебесье, то и дело проваливаясь в воздушные ямы, Рендер взглянул вниз, на лежащую в темноте Землю, представив звездные огни ее горючих пород, потом вверх — на их небесные отражения, потом — на ряд экранов, на прищуренные лица людей, представил, как автоматы, раздающие кофе, чай и коктейли, пытаются заглянуть в души своих гипотетических клиентов, посылают флюиды, стараясь заставить каждого нажать нужную кнопку, потом посмотрел на Джилл, так привязавшуюся к каменным интерьерам старинных построек, — он знал, что она чувствует его взгляд, и сам, почувствовав команду своего кресла, откинулся, превратив его в постель, и — уснул.

Глава 5

В ее приемной всегда было много цветов, она любила экзотические ароматы и даже иногда жгла ладан. Ей нравилось до изнеможения нежиться в горячих бассейнах, гулять во время снегопада, без конца и, быть может, слишком громко слушать музыку, каждый вечер смаковать ликеры (ее излюбленным был анисовый, в который иногда она добавляла несколько капель полынной настойки).

У нее были длинные, тонкие пальцы. Колец она не носила.

«...Обследован пациент. Жалобы: нервозность, бессонница, боли в области желудка, периодически депрессивные состояния. Имеется запись предыдущих обследований. Поступил в госпиталь в 1995, с диагнозом — маниакально-депрессивный психоз; поступил вторично 2 марта 1996. Также госпитализировался в другую клинику 9 февраля 1997. Артериальное кровяное давление 170/100. Общее физическое состояние удовлетворительное — запись от 12 ноября 1998. Также отмечены жалобы на хронические боли в спине и умеренные симптомы алкогольной абстиненции. В дальнейшем никаких патологий в физическом развитии не обнаружено; мышечные рефлексы выраженные, в пределах нормы. Последствия алкогольной абстиненции. Психопатических симптомов и галлюцинаций за период обследования не отмечалось. Временная, пространственная и самоориентация — удовлетворительные. Психологическое тестирование показало некоторую склонность к мании величия, экспансивности, а также

определенную агрессивность. Потенциально может являться источником конфликтных ситуаций. Учитывая опыт работы поваром, определен работать на кухне, после чего наблюдалось значительное улучшение общего состояния. Реакции более свободные, уровень общительности повысился. Диагноз: маниакально-депрессивные реакции (прогрессирующих последствий внешних стрессов не отмечалось). Степень психопатологических отклонений умеренная. Может считаться юридически полноценным лицом. Курс терапевтического лечения в госпитале — продолжить».

Она остановила магнитофон и рассмеялась. Смех прозвучал жутковато. Смех — явление общественное, а она была одна.

Покусывая кончик носового платка, Эйлин отмотала запись к началу, и вновь в тишине зазвучала мягкая скороговорка. Скоро внимание ее переключилось, и она уже не слышала магнитофонного голоса.

Когда запись подошла к концу, она выключила магнитофон, чувствуя себя одинокой. Очень одинокой. Такой одинокой, что, когда она повернулась к окну и небольшое пятно света упало на ее лицо, ей вдруг показалось, что в этом небольшом пятне света — вся жизнь, что в мире нет ничего важнее его. Ей захотелось, чтобы оно разлилось, превратилось в океан света. Или наоборот — самой стать такой маленькой, чтобы утонуть в нем.

Вчера исполнилось три недели с того дня, как...

«Я слишком долго ждала, — решила она. — Нет! Не может быть! Но что, если он исчезнет, как исчез Риск-ком? Нет! Он не может. Не может. Он неуязвим. Что бы ни случилось. Он могуч и закован в латы. И все же, все же теперь придется ждать следующего месяца, чтобы начать снова. Три недели... Обратная реакция зрения — вот что это было. Неужели память не способна удерживать то, что я видела? Неужели воспоминания поблекнут? (Как выглядит дерево? А облако? Нет, я не могу вспомнить! Какой он — красный цвет? А зеленый? Господи, да это просто истерика! Я вижу, и я не могу не видеть! Таблетку, скорее принять таблетку!)»

Плечи ее начали вздрагивать. И все же она не стала принимать таблетку, а лишь еще крепче впилась в уголок платка, пока зубы не прорвали ткань.

— Бойся, — повторила Эйлин про себя свою формулу блаженства, — бойся тех, кто алчет справедливости, ибо нам воздастся. И бойся кротких, ибо мы попытаемся унаследовать Землю. Бойся...

Раздался отрывистый телефонный звонок. Отложив платок, она придала лицу обычное сдержанное выражение и включила экран.

— Слушаю?..

— Эйлин, я вернулся. Как вы?

— Неплохо, даже можно сказать, хорошо. Ну, как провели отпуск?

— Пожаловаться не на что. Я уже давно хотел хорошенько отдохнуть, и, думаю, я этого заслуживаю. Послушайте, я тут кое-что привез показать вам — скажем, Винчестерский собор. Может быть, встретимся на этой неделе? У меня все вечера свободны.

«Сегодня? Нет, мне слишком этого хочется. Не надо, чтобы он это заметил».

— Как насчет завтра? — спросила она. — Или послезавтра?

— Прекрасно, давайте завтра, — кивнул Рендер. — Буду ждать вас в «Скальпеле и куропатке» около семи.

— Может быть, заказать столик?

— Почему бы и нет? Я закажу.

— Отлично. До встречи.

— До свидания.

Гудки.

И в этот момент красочный водоворот снова закружился у нее перед глазами; она увидела деревья: дубы и сосны, тополя и платаны — они были высокие, кроны их отсвечивали зеленым и коричневым, а стволы отливали сталью; она увидела пышные, кудрявые облака, которые словно окунули в разведенную акварель, и теперь они медленно растушевывали небо; увидела пылающее солнце и маленькую иву у темно-синего, почти фиолетового озера.

Сложив порванный платок, она убрала его. Потом нажала кнопку внизу стола, и по комнате поплыли звуки музыки — Скрябин. Потом она нашла начало записи, которую до того диктовала, и включила, слушая одновременно обе пленки.

Пьер недоверчиво обнюхал еду. Служитель отошел от подноса и, выйдя в холл, закрыл за собой дверь. Огромная миска с салатом стояла на полу. Пьер осторожно приблизился, схватил горсть овощей и стал жадно записывать их в рот. Вид у него был напуганный.

О, если бы только умолк этот звон стали, ударяющей о сталь, там, во тьме ночной... О, если бы только.

Зигмунд встал и зевнул. Задние лапы на мгновение вытянулись, он настороженно прислушался, потом встряхнулся. Она скоро должна прийти. Повиливая хвостом, он взглянул на часы с рельефным циферблатом, висевшие на высоте человеческого роста, еще раз проверил свою внутреннюю готовность, затем пересек комнату и подошел к телевизору. Встал на задние лапы и, опираясь одной из передних лап о панель, другой нажал сетевую кнопку.

По телевизору как раз передавали сводку погоды. На дорогах ожидалась гололедица.

«Я ехал мимо сельских кладбищ, — записал Рендер, — этих дремучих каменных лесов, которые разрастаются день ото дня. Почему человек так ревниво относится ко всему, что связано со смертью? Не потому ли, что это монументальный и одновременно демократичный способ обрести бессмертие, предельное выражение возможности причинить боль — иными словами, самой жизни — увековечения ее. Унамуно полагал, что дело именно в этом. Если он прав, то в этом году процент людей, активно взыскивающих бессмертия, выше, чем когда бы то ни было...»

Чг-чга, чга-чг!

— Ты думаешь, это настоящие люди?

— Нет, они слишком безупречны.

Вечер был ослепительно звездный, сияюще льдистый. Рендер завернул С-7 в подземный гараж, осто-

рожно выруливая, поставил его на свободное место. Исходящий от бетонных стен сырой холод мелкими крысиными зубами впивался в кожу, кости.

Рендер провел свою спутницу налево; оба выдыхали клубы пара, которые медленно таяли в воздухе.

— Слегка прохладно, — заметил Рендер.

Она кивнула, покусывая губы.

В лифте он со вздохом размотал шарф, закурил.

— Дайте и мне тоже, — попросила она, почувствовав запах дыма.

Рендер дал ей сигарету.

Лифт медленно ехал вверх, и Рендер, прислонясь к стене, после каждой затяжки выдувал клубы дыма, смешанные с влажным паром.

— Я встретил еще одного мутанта, — вспомнил он, — в Швейцарии. Большой, как Зигмунд. Однако завзятый охотник и пруссак по духу, как и хозяин.

Он усмехнулся.

— Зигмунд тоже любит охотиться, — заметила его спутница. — Каждый год мы дважды уезжаем на Север, в леса, и я предоставляю ему полную свободу. Иногда он отсутствует несколько дней подряд, а когда возвращается, вид у него очень довольный. Что он делал в лесу, не рассказывает никогда, но, похоже, голодать ему не приходится. Я уже давно догадывалась, что ему нужно время от времени отдыхать от людей, чтобы сохранять внутреннее равновесие. Скорее всего, так и есть.

Лифт остановился, дверь открылась, и они прошли в холл, причем Рендер снова взял Эйлин под руку.

Он включил в приемной обогреватель, в комнате пахло теплом. Повесив пальто в задней комнате, Рендер выкатил «яйцо» МНУ из его гнезда, подключил аппарат к сети и сел за пульт.

— Как вы думаете, долго это продлится? — спросила Эйлин, проводя кончиками пальцев по гладким холодным выпуклостям. — Я говорю про всю операцию. Про то, чтобы полностью адаптироваться к зрению.

Рендер задумался.

— Понятия не имею, — ответил он наконец. — По крайней мере пока. Начало можно считать удачным, хотя осталась еще масса работы. Думаю, месяца через три я смогу дать более точный прогноз.

Эйлин задумчиво подошла к пульту, ощупала кнопки панели — пальцы ее были похожи на распущенные перья птичьего хвоста.

— Осторожно, не нажмите чего-нибудь ненароком.

— Да, конечно. А как вы думаете, сколько времени понадобится, чтобы я тоже могла управлять такой машиной?

— Через три месяца можно будет сказать, сколько. Через шесть — вы достигнете достаточного профессионального уровня; и, наконец, еще через полгода стажировки под строгим контролем вам можно будет доверить самостоятельную работу. То есть всего около года.

— Уф-ф! — она пододвинула кресло.

Рендер подключил времена года, пробудил к жизни фазы дня, ароматы деревни, городские запахи, воздушные стихии во всей их первоизданной наготе и десятки других непоседливых духов, которых он использовал, созидая миры. Круто вмешавшись в течение времени, он испытывал горечь и сладость разных возрастов, данных человеку.

— О'кей. Готово.

Дальнейшее произошло очень быстро и совершенно неожиданно для Рендера. На мгновение все застлала серая пелена. Затем мертвенно-белый туман. Затем туман развеялся, словно под дуновением ветра, хотя никакого ветра Рендер не ощутил.

Он стоял перед ивовым деревцем на берегу озера; Эйлин глядела на него, полускрытая листвой и кружевом теней. Солнце клонилось к закату.

— Мы вернулись, — сказала Эйлин, делая шаг вперед; листья запутались в ее волосах. — Одно время я боялась, что это никогда не повторится, но я снова вижу и помню все.

— Хорошо, — сказал Рендер. — Взгляни на себя.

И Эйлин взглянула на свое отражение в поверхности озера.

— Я не изменилась. Совсем не изменилась...

— Да.

— А вот вы изменились, — продолжала она, поднимая глаза на Рендера. — Вы стали выше, и как будто еще что-то...

— Нет, — ответил он.

— Наверное, я ошибаюсь, — быстро отозвалась Эйлин. — Я еще не понимаю всего, что вижу. Но я научусь.

— Конечно.

— Что вы собираетесь делать?

— Смотри внимательно, — предупредил ее Рендер.

Вдалеке за деревьями, скользя по ровной бесцветной асфальтовой реке, показалась машина. Казалось, она спускается с неба, перепрыгивая через горы, с ревом одолевая холмы, петляя между болотами, всколыхивая трясину слитной серебристо-серой мощью своего голоса; рябь пробежала по воде озера от этих звуков; машина остановилась футов в ста, почти не видная сквозь густой кустарник, выжидая. Это был С-7.

— Пойдем, — сказал Рендер, беря Эйлин за руку. — Пойдем прокатимся.

Пройдя между деревьями, они подошли к спиннеру. Эйлин коснулась поверхности блестящего стального кокона, провела рукой по антенне, дотронулась до окон — и они, словно почувствовав прикосновения, осветлились. Заглянув внутрь машины, она кивнула.

— Это же наш спиннер.

— Да. — Рендер открыл дверцу. — Садись. Вернемся в клуб. Теперь самое время. Воспоминания еще свежи, и они будут приятными или, в конечном счете, нейтральными.

— Лучше приятными, — сказала Эйлин, садясь в машину.

Рендер закрыл дверцу и, обойдя спиннер, сел на переднее сиденье.

Эйлин внимательно наблюдала за тем, как он набирает воображаемые координаты. Спиннер устремился вперед; деревья по обе стороны дороги слились в одну мелькающую полосу. Рендер чувствовал, что напряжение возрастает, поэтому не стал менять декораций. Поворачиваясь на своем сиденье, Эйлин изучала внутренний вид машины.

— Да, — промолвила она наконец, — теперь я разобралась, что к чему.

Она вновь поглядела в окно, на стремительно летящие навстречу деревья. Рендер проследил за ее взгля-

дом и почувствовал, как стремительно нарастает беспокойство. Он затенил окна.

— Спасибо, — сказала Эйлин. — Так действительно лучше. Мне вдруг стало больно видеть... Все это мелькало так быстро, исчезало позади, как...

— Конечно, — кивнул Рендер, по-прежнему поддерживая ощущение движения вперед. — Я это предвидел. Однако ты начинаешь все больше привыкать.

Расслабься, — приказал он через минуту. — Расслабься!

Где-то нажалась невидимая кнопка; Эйлин расслабилась, а они все ехали и ехали дальше, и наконец машина стала замедлять ход, и Рендер произнес:

— А теперь выгляни. Ненадолго. Тебе это должно понравиться.

И она выглянула.

Рендер извлек из банка эмоций все, что только могло спровоцировать чувство приятной расслабленности, и вокруг машины возник город. Эйлин увидела очертания башен и монолиты отдельных зданий, потом промелькнули три закусовых быстрого обслуживания, большое увеселительное заведение, аптека, медицинский центр — здание из желтого кирпича с алюминиевыми кадуцеями над арками, все почти сплошь из стекла здание школы, пустое во время каникул, бензоколонка на пятьдесят заправочных автоматов, еще одна аптека и множество машин, припаркованных или с ревом проносящихся мимо, и, конечно, она увидела людей — людей, входящих и выходящих из домов, идущих по улице, садящихся или выходящих из машин; было лето, и свет поздних сумерек струился, окрашивая дома и одежды прохожих — тех, что гуляли по бульвару или беспечно болтали на террасах, глядели на улицу, перегнувшись через балконные решетки, свесившись с подоконников; человека, вышедшего из телефонной будки на углу, и другого — зашедшего позвонить; женщину с пуделем, сворачивающую за угол; высоко в небе то тут, то там вспыхивали ракеты.

Но вот мир распался, и Рендер аккуратно собрал осколки.

Воцарилась абсолютная темнота, которую он под-держивал, не позволяя проникать в нее ни единой эмо-ции, оставив лишь чувство движения вперед.

Постепенно проступил слабый, рассеянный свет. Они вновь сидели в спиннере, окна были вновь затене-ны, и воздух, который они вдыхали, казался напоенным душистым бальзамом.

— Господи, — выдохнула Эйлин, — сколько всего в мире! Неужели я и вправду все это видела?

— Я не собирался делать это сегодня, но вам уда-лось меня переубедить. Мне показалось, что вы готовы.

— Да, — сказала Эйлин, и тут окна снова стали про-зрачными. Она быстро обернулась.

— Города уже нет, — объяснил Рендер. — Я хотел, чтобы вы только чуть заглянули.

Теперь за окном было темно; спиннер медленно ехал по высокому мосту. Внизу лежали фабричные кварталы, иногда то тут, то там мелькал яркий, похожий на маленький дремлющий вулкан огонек плавильни, оранжевые искры снопами взлетали высоко в небо, ко-торое было усыпано звездами: они мерцали в мерно ды-шащей темной глубине под мостом, будто светящаяся татуировка, испещрившая небосвод. Наклонные опоры моста неторопливо шагали сквозь ночь.

— Ты сделал это, — сказала Эйлин. — Спасибо.

— Но что ты на самом деле? — спросила она после небольшой паузы.

Это был именно тот вопрос, которого ждал от нее Рендер.

— Я — это я, — засмеялся он.

И они продолжали свой путь через темные опустев-шие окраины города, пока не добрались до клуба и не въехали под большой купол.

Когда они вошли, Рендер тщательно проверил все чувства Эйлин, готовый в одно мгновение стереть окру-жающее при малейшем сигнале тревоги. Однако инту-иция подсказывала ему, что все будет в порядке.

На этот раз в клубе, так решил Рендер, не должно было быть слишкомлюдно. Их провели к столику у ба-ра, тому самому, в небольшой нише, где стояли рыцар-ские доспехи, и, устроившись, они заказали то же, что и в тот, первый вечер.

— Нет, — сказал Рендер, взглянув вниз, — их место там.

Доспехи вновь заняли положенное место, а на Рендере снова появился его серый костюм и черный галстук с серебряной булавкой в виде веточки.

Оба рассмеялись.

— Вся эта железная мишура мне не идет, так что, пожалуйста, не надо представлять меня в ней.

— Прошу прощения, — улыбнулась Эйлин. — Сама не понимаю, как это у меня вышло и зачем.

— Зато я понимаю и отклоняю свою кандидатуру. Хочу предупредить еще раз: ты не должна ни на минуту забывать, что все это — иллюзия. Я стараюсь использовать ситуацию максимально. Хотя большинство пациентов в процессе сеанса принимают все за реальность, и это влечет за собой либо травму, либо возникновение еще более мощного потока образов. Но поскольку ты представляешь масштабы игры, то вольно или невольно контролируешь ситуацию, в отличие от тех, с кем я обычно имею дело. Пожалуйста, будь осторожна.

— Извини. Я нечаянно.

— Понимаю. А вот и наш съеденный ужин.

— Уф! Страшно подумать! Неужели мы могли столько съесть?

— Могли, — усмехнулся Рендер. — Вот это нож, это вилка, это ложка. Это ростбиф, это пюре, вот горшок, а вот масло...

— Боже правый! Нет, мне решительно не по себе.

— ...салаты и приправы. А это — озерная форель, объеденье! Картофель-фри. В бутылке — вино. Хм, посмотрим... «Романи-Конти», что ж, все равно не мне платить, ну и наконец — бутылка «Айкема»... Эй!

Стены зашатались. Столик, ресторан были мгновенно уничтожены. Оба снова стояли на лесной прогалине. Сквозь прозрачную ткань, разделяющую миры, Рендер следил за рукой, которая двигалась вдоль пульта. Одна кнопка, другая, третья. Мир снова стал осязаемым, вещным. Пустой столик теперь стоял на берегу озера, снова была ночь и лето, и скатерть ослепительно белела в свете огромной полной луны.

— Какой же я дурак, — сказал Рендер. — Просто ужасный болван. Надо было действовать постепенно.

Реальный вид пищи, вызывающей вкусовые ощущения, может вызвать сильный стресс у человека, увидевшего ее впервые. Так увлечься Ваянием, что позабыть про пациента, — хорошо, нечего сказать! Приношу свои извинения.

— Ничего, со мной все в порядке. Правда.

Он приказал подуть свежему ветру.

— ...А вот — луна, — добавил он неуверенно, винноватым тоном.

Эйлин кивнула, и маленький лунный диск блеснул у нее на лбу; он сиял не хуже, чем луна в небе, и волосы, и платье отливали серебром.

На столике появилась бутылка «Романи-Конти» и два бокала.

— А это откуда?

Она пожала плечами. Рендер наполнил бокал до краев.

— Вкус может показаться пресноватым, — предупредил он.

— Нет, нет. Вот попробуй. — И Эйлин протянула ему бокал.

Сделав глоток, Рендер и в самом деле почувствовал все оттенки букета: здесь был и *fruité*, который дает только лоза, возвращенная на каких-нибудь Блаженных Островах, мягкий, упругий привкус *charnu* и *capiteux*, отдающий дымком горящих маковых полей.

С изумлением он понял, что его рука — там, над пультом, — проходит сейчас по всей шкале чувственных восприятий, гармонизируя их шифры в скрещивающемся потоке прямого и обратного воздействия — здесь, на берегу озера.

— Да, верно, — сказал Рендер. — А теперь пора возвращаться.

— Так скоро? Но ведь я еще не видела собора...

— Так скоро.

Он приказал окружающему исчезнуть. И оно исчезло.

— Здесь холодно, — сказала Эйлин, одеваясь. — Холодно и темно.

— Да, я знаю. Приготовлю нам чего-нибудь выпить, а потом почищу машину.

— Отлично.

Рендер просмотрел запись сеанса и покачал головой. Затем подошел к бару.

— Это, конечно, не «Романи-Конти», — произнес он, откупоривая бутылку.

— Ну и что. Все равно я не против.

Сейчас не против был и Рендер. А потом он почистил машину, они выпили, он помог Эйлин одеться, и они вышли.

Когда лифт вез их вниз, в гараж, Рендер снова приказал окружающему исчезнуть. Но оно не подчинилось.

«Сейчас в стране насчитывается примерно один миллиард восемьдесят миллионов жителей и около пятисот шестидесяти миллионов частных автомашин. Если один человек занимает два квадратных фута земли, а машина около ста двадцати квадратных футов, то самый нехитрый подсчет покажет, что в то время, как люди занимают два миллиарда сто шестьдесят миллионов квадратных футов всей территории нашего государства, на автомобили приходится шестьдесят семь миллиардов два миллиона, то есть примерно в тридцать раз больше пространства, занимаемого людьми. Если на данный момент половина из этих машин используется активно и перевозит в среднем по два пассажира, то пропорция увеличится до одного к сорока семи. Таким образом, для того, чтобы технический прогресс мог в дальнейшем свободно развиваться в предсказанном статистикой темпе, достаточно всего лишь превратить поверхность земного шара в сплошное дорожное полотно, ну, а людям — либо вернуться в Мировой океан, из которого они вышли, либо переселиться в подземные жилища, либо улететь на другие планеты».

Из речи Сибила К. Дельфи
в день присвоения ему звания
Почетного профессора в отставке
Брокенрокского Государственного
педагогического колледжа,
Шотовер, штат Юта.

Па! Я тут предпринял вылазку, доковылял от школы до такси, а от такси до космодрома, где выставка ВВС «Луки Космоса». (Ладно, насчет «доковылял» я слегка преувеличиваю. Хотя, конечно, на костылях особенно не разбежишься.) Затеяли они всю эту штуку, думаю, чтобы погубить представителей молодого поколения на неболящую, лет на пять, прогулку типа автостопа. И неплохо вышло. Я тоже хочу записаться. Хочу отправиться Туда. Как думаешь — возьмут, когда погросту? То есть, я хочу сказать, Туда, а не в какую-нибудь занудную газетенку. Согласен?

В общем, я решил.

Нашелся там один хитрюга подполковник (пардон, забыл, как это по-французски), заметил увечного парнишку, что ему все интересно, и решил его потихоньку уболтать. Слушай, па! Он меня по всей галерее провел, показал, каких они там чудес понастроили, и Лунную базу, и на Марсе. Прочитал целый лекцион о Великих Традициях ВВС, а какие там мультики крутят, настоящий бой в условиях невесомости, «где уменьше решает, не сила», помнишь, а всякие фигуры объемные и цветные прямо в воздухе, и как морская пехота готовится к высадке с крейсера. Потрясно!

А по-честному, я бы хотел сам увидеть высадку Пятой межпланетной и выход в космос. Не из-за всех этих лиловых капсул и скафандров, которые рисуют в буклетах, и прочей ерунды. Просто я думаю, что везде должен быть человек с чувствами, чтобы запечатлеть, как все это было. Такой, знаешь, честняга-летописец Фронтира. Вроде Фрэнсиса Паркмена или Мэри Остин. Так что я решил лететь.

Этот парень из ВВС со своими цыплячьими крылышками на погонах хоть учить меня не пытался. Просто мы сто-

яли на галерее, смотрели, как уходят ракеты, и он говорил, что если я буду стараться в учебе и вообще, то тоже смогу когда-нибудь так. Не хотелось его напрягать и объяснять, что вряд ли я такой уж умственно отсталый, и аттестат получу, когда мне еще будет слишком мало, чтобы что-нибудь предпринять всерьез, ну хотя бы поступить в их службу. Просто сказал ему спокойно — как раз ракета взлетала — «Через десять лет я буду смотреть уже не снизу вверх, а сверху вниз». Я не стал спрашивать, как это он сам так вяпался, что теперь торчит здесь. Нет, правильно, что не стал, я еще потом об этом думал. Сам-то он теперь что-то вроде экспоната. Надеюсь, со мной такого не случится.

Спасибо тебе за монеты, теплые носки и струнные квинтеты Моцарта, как раз сейчас слушаю. На следующее лето я бы лучше поехал в гости к Селене, чем в Европу. Впрочем, не буду загадывать... Уф, если только одолею новый тест, который ты мне непременно устроишь... Но все равно, пожалуйста, подумай насчет этого.

Твой сын Пит.

— Добрый день! Психиатрический институт.
— Я хотела бы записаться на обследование.
— Минутку. Соединяю вас с бюро записи.
— Добрый день. Бюро записи слушает.
— Я хотела бы записаться на обследование.
— Минутку... Какое именно обследование?
— Я хочу поговорить с доктором Шеллот. Эйлин Шеллот. И чем скорее, тем лучше.

— Минутку. Я должна проверить ее расписание... Вы могли бы подойти к двум часам в следующий вторник?

- Очень хорошо.
- Ваше имя, пожалуйста.
- Де Виль. Джилл де Виль.

- Хорошо, мисс де Виль. Вторник, в два часа.
- Спасибо.

Человек шел вдоль хайвея. По хайвею проезжали машины. Те, что ехали по полосе скоростного движения, мелькали расплывчатыми пятнами.

Десять тридцать утра. И утро было холодным.

Человек шел, подняв отороченный мехом воротник, засунув руки в карманы, сгибаясь под порывами ветра. За ограждением дорога была чистой и сухой. Утреннее солнце глубоко зарылось в тучи.

За четверть мили впереди в несвежем, пасмурном свете виднелось дерево. Человек увидел его, но не ускорила шага. Он шел, не спуская глаз с дерева. Маленькие камушки хрустели под его башмаками.

Дойдя до дерева, он снял куртку и аккуратно ее сложил. Потом положил куртку на землю и стал карабкаться на дерево. Добравшись до ветки, которая свешивалась через заграждение, посмотрел, нет ли внизу машин. Потом на мгновение повис, схватившись за ветку обеими руками, ветка согнулась — и человек прыгнул на дорогу.

Ширина хайвея была сто ярдов, правая полоса занимала половину. Человек быстро взглянул налево, еще раз убедился, что машин нет, и пошел к центральной полосе. Он знал, что ему до нее никогда не дойти. В это время машины на полосе движутся со скоростью около ста шестидесяти миль в час. Человек шел вперед.

Машины проносились мимо. Человек шел, не глядя по сторонам. Пассажиры в машинах с затененными окнами, а таких было большинство, просто не могли заметить его. И лишь позже, увидев вмятину на капоте, могли бы догадаться о столкновении.

Перед ним промчалась машина. Ее окна были выслетлены. На мгновение мелькнули два перепуганных лица с вытаращенными глазами.

Лицо человека было по-прежнему бесстрашно. Оно застыло, как маска.

Еще две стремительно промелькнувшие машины с затененными окнами. Человек отошел уже ярдов на двадцать от края хайвея. Двадцать пять...

То ли порыв ветра, то ли грожь земли под ногами шепнули ему, что оно приближается. Человек не обернулся. Краешком глаза он увидел — близко. Но походка его оставалась спокойной и ровной.

Окна в машине Сесила Грина были высветлены, ему так больше нравилось. Левая его рука шарила в блузке спутницы, юбка ее задралась, и правая рука Сесила уже готова была потянуть на себя штурвал, чтобы опустить сиденья.

Вдруг девушка оттолкнула его и сгавленно вскрикнула. Сесил быстро взглянул в левое окно. Взглянул — и увидел идущего по дороге человека. Увидел только в профиль, потому что человек не обернулся, а походка его оставалась спокойной и ровной.

Мгновение — и человек исчез.

Машину слегка подбросило, автоматически включились «дворники». Сесил Грин не затормозил. Потом он затенил окна.

«Как это могло случиться?» — недоумевая, спрашивал он себя; спутница прижалась к нему, всхлипывая. «Наверное, просмотрел монитор...»

«Но как же он проник через ограждение?..»

«Просто сумасшедший!»

«Мог бы придумать что-нибудь попроще.»

Обернись он, чье лицо увидел бы Сесил?.. Свое собственное?

Стараясь унять грожь, Сесил опустил сиденья.

— Привет, ребята! Как вам понравилась эта улыбка крупным планом, эти толстые губы, смачно жующие табак? Весело, верно? Сегодня вечером мы решили несколько выйти, так сказать, за рамки общепринятых рамок. И начинаем с заумнейшего и по последней моде инсценированного драматического представления. Мы хотим показать вам Миф — Миф с большой буквы.

Надо сказать, нам пришлось немало покопаться в тайниках человеческих душ и исследовать самые темные глубины человеческой психики, прежде чем мы

решили представить сегодня вашему вниманию именно этот миф.

Да, вы правильно догадались: я жую табак марки «Краснокожий», высший сорт — беспошлинный плиточный табак.

А теперь, когда я буду кувыряться по сцене и поплеывать вокруг, — кто из вас первый догадается, сцену из какого мифа я представляю? Только не все сразу бегите к телефонам!

Правильно, правильно, леди и джентльмены и все, кто нас теперь слушает. Я — Тифон, бессмертный старина Тифон, и мне ничего не стоит прямо на ваших глазах превратиться в кузнечика.

А теперь, для моего следующего номера, мне нужен свет. Много света. Больше света, пожалуйста! Еще больше!..

Яркий свет, ослепительный свет! Отлично!

А теперь — где мой летный шлем, зонтик от солнца и мое любимое шелковое кашне... Подать мне хлыст!

Итак, все готово.

Вперед, собачки! Гони! Гони! Направо, налево! Быстрей, быстрей! Хоп! Хоп! Выше, в небо — туда, бессмертные кони! Выше! Выше!

Добавьте света!

Вперед, лошадки! Быстрее! Папочка с мамочкой смотрят на нас снизу, и моя девчонка с ними! Давай! Жми! Не подведите сейчас, раз уж мы забрались так высоко!

А что это, черт возьми, там, сзади? Да это похоже на мол-ни-ю-ю-ю-ю... А-а-а!

Фу... Это был Фазтон, решивший заняться блайндс-пином на солнечной колеснице.

Надеюсь, вы все помните старую поговорку «Только Бог может создать дерево». А этот миф называется «Аполлон и Дафна»... Убейте их!.. Они ослепли от слишком яркого света!

Чарльз Рендер работал над главой «Некрополь» для книги «Недостающее звено — Человек», первой книги после четырехлетнего перерыва. Вернувшись из Давоса, он регулярно, каждый вторник и четверг, запирался

в кабинете, покрывая страницу за страницей неразборчивым почерком, внося бесконечные исправления.

«Смерть всегда одинакова, но является в разных обличьях...» — писал он, когда раздался сначала короткий, потом длинный, потом снова короткий гудок.

— Да? — Рендер нажал на кнопку.

— К вам посетитель, — между «вам» и «посетитель» говорящий слегка запнулся.

Положив баллончик с аэрозолем во внутренний карман, Рендер встал и подошел к входной двери. Открыв дверь, он выглянул на лестницу.

— Доктор... помогите...

Рендер сделал несколько шагов и опустился на колени.

— Что случилось?

— Поедем, она... заболела, — раздалось в ответ глухое ворчание.

— Заболела? Но чем? Что с ней?

— Не знаю. Ты — ехать.

Рендер встретил нечеловечий взгляд в упор.

— Чем заболела? — настойчиво повторил он.

— Не знаю, — снова ответил пес. — Молчит. Не встает. Я... чувствую. Заболела.

— Как ты сюда попал?

— Помню ко-ор-ди-на-ты... Машина — там.

— Сейчас я позвоню.

Рендер двинулся к телефону.

— Не надо. Не ответит.

Да, пес был прав.

Рендер вернулся в приемную, взял пальто и аптечку. Он выглянул в окно и увидел машину Эйлин; она была припаркована у въезда на боковую полосу, там, где монитор уже не действовал и нужно было управлять вручную. Если бы машину не завели на боковую полосу, монитор автоматически припарковал бы ее на нейтральной. Другие машины, ведомые монитором, объезжали ее.

«Так просто — даже собака может вести машину, — подумал Рендер. — Надо скорее спускаться, пока не приехала контрольная служба. Возможно, блок управления уже подал сигнал о самопроизвольной остановке. А возможно, и нет. У меня еще несколько минут в запасе».

Он взглянул на большие настенные часы.

— Отлично, Зиг. Едем.

Они спустились вниз и, выйдя через дверь слева от главного подъезда, поспешили к машине. Мотор еще потихоньку работал.

Рендер открыл дверцу для пассажиров, и Зигмунд скользнул внутрь. Он последовал за псом и собирался была сесть за штурвал, но собака уже тыкала лапой, набирая координаты на табло.

«Невольно почувствуешь себя не на своем месте», — мелькнуло у Рендера. Он закурил.

Машина свернула в подземную развязку, выехав на противоположную боковую полосу, притормозила и плавно влилась в поток бегущих мимо машин. Собака перевела автомобиль на полосу скоростного движения.

— Уф! — выдохнул Зигмунд.

Рендеру захотелось потрепать его по мохнатой голове, но, взглянув на оскаленные клыки, решил воздержаться.

— Когда ты заметил, что с ней неладно?

— Пришла с работы. Не ела. Я спрашивал — что, молчала. Сидела молча.

— А раньше она когда-нибудь так себя вела?

— Нет.

«Что могло повлиять, ускорить процесс? Может, просто выдался тяжелый день, неприятности на работе? В конце концов Зиг всего лишь собака — ну, вроде. Нет. Он не ошибся. Но почему?»

— А как она вела себя вчера? И когда сегодня ушла из дома?

— Как всегда.

Рендер снова набрал ее номер. Ответа не было.

— Ты. Из-за тебя, — сказал пес.

— Что именно?

— Глаза. Видеть. Ты. Машина. Плохо.

— Нет, — сказал Рендер, и его рука нащупала в кармане газовый баллончик.

— Да, — сказал пес, снова поворачиваясь к нему. — Ты, ее, вылечишь?..

— Конечно, — ответил Рендер.

Зигмунд опять уставился вперед, на дорогу.

Рендер чувствовал физическое возбуждение, но мысль работала вяло. Он думал о том, что могло нарушить процесс. Предчувствие не покидало его еще со времени первого сеанса. В том облике Эйлин Шеллот, который у него сложился, всегда было что-то тревожное: сочетание высокоразвитого интеллекта и беспомощности, решительности и ранимости, чувствительности и жесткости.

«А может быть, именно этим она так привлекает меня? Нет! Тут всего лишь обратное воздействие, черт возьми!»

— Пахнешь страхом, — сказала собака.

— Тогда раскрась меня страхом, — ответил Рендер, — и берись за следующую картинку.

Машина то притормаживала на поворотах, то снова набирала скорость, снова притормаживала и снова разгонялась. Наконец они оказались на узком участке хайвея, в одном из малозастроенных районов города.

В глубине пульта раздался мягкий щелчок, и машина въехала в парковочный бункер у высокого кирпичного дома. Щелчок произвел скорее всего специальный сервомеханизм, взявший контроль над машиной после монитора. Он медленно провел автомобиль в его прозрачный парковочный отсек и затормозил. Рендер выключил зажигание.

Зигмунд тем временем успел открыть боковую дверцу. Рендер прошел вслед за ним в дом, и лифт доставил их на пятидесятый этаж.

Пес быстро перебежал через холл, нажал носом металлическую, вделанную в дверь дощечку и уселся, выжидая. Дверь слегка приоткрылась внутрь. Он толкнул ее плечом и вошел. Рендер вошел тоже, прикрыв за собой дверь.

Стены просторной комнаты были практически голы — никаких украшений, окрашены в мягкие, успокаивающие тона. В одном углу высилась настоящая пирамида кассет с записями; перед ней располагался устрашающего вида аудиоконбайн. У окна стоял широкий стол на изогнутых ножках, а справа, вдоль стены, — низкий диван. За диваном была запертая дверь, а сводчатый коридор вел, очевидно, в другие комнаты.

Эйлин сидела в кресле с пушистой обивкой в дальнем углу, у окна. Зигмунд стал рядом с креслом.

Рендер пересек комнату, извлек из пачки сигарету. Щелкнув зажигалкой, он не закрывал ее, пока Эйлин не повернула голову в сторону пламени.

— Сигарету? — спросил Рендер.

— Чарльз?

— Угадали.

— Да, спасибо. Пожалуй, тоже закурю.

Эйлин взяла сигарету из рук Рендера, поднесла ее к губам.

— Спасибо. А что вы здесь делаете?

— Вызов по соседству.

— Я не слышала ни звонка, ни стука.

— Вздремнули, наверное. Зиг меня впустил.

— Да, наверное, задремала, — она потянулась. — А сколько времени?

— Около половины пятого.

— Значит, я уже два часа как дома... Наверное, слишком устала...

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. Сделать вам чашку кофе?

— Давайте я сам.

— Что-нибудь перекусите?

— Нет, спасибо.

— А если немного баккарди к кофе?

— Вот это неплохо.

— Тогда подождите минутку, пожалуйста.

Она вышла в дверь рядом с диваном, и Рендер успел заметить большую, блистающую чистотой автоматизированную кухню.

— По-моему, ничего? — шепнул он псу.

Зигмунд покачал головой.

— Обычно другая.

Рендер в свою очередь покачал головой. Он положил пальто на диван, накрыв им аптечку, сел и задумался.

«Не слишком ли я нагрузил ее зрительными впечатлениями? А может, сказались побочные депрессивные эффекты, скажем, подавленные воспоминания, нервное переутомление? Или я как-то повлиял на процесс сенсорной адаптации, вызвал обострение синдрома? К чему было так торопиться? Никаких поводов для спеш-

ки нет. Неужели, черт возьми, мне так уж не терпится описать этот случай? Или это она подгоняет меня? Достаточно ли она сильна — сознательно или бессознательно — для этого? Или это я оказался в чем-то уязвим?»

Эйлин позвала его помочь ей принести поднос. Рендер поставил поднос на стол и сел напротив своей пациентки.

— Хороший кофе, — сказал он, глотая обжигающую жидкость.

— Автомат хорошо варит, — отозвалась она, оборачиваясь на звук его голоса. Зигмунд лег, вытянувшись, на ковре у стола, положил морду между передних лап, зевнул и закрыл глаза.

— Я все думаю, — начал Рендер, — о возможных последствиях последнего сеанса, ну, скажем, о возросшей синестезии, о появлении новых форм сновидений или о галлюцинациях...

— Да, — вяло согласилась Эйлин, — новые сны.

— Какого рода?

— Последний сеанс. Он снится мне снова и снова.

— Весь целиком?

— Нет. Строгой связи между эпизодами нет. Скорее — вспышками: то мы едем по городу, то переезжаем через мост, сидим за столиком в клубе или идем к машине. Яркие вспышки.

— А какие чувства вызывают эти... вспышки?

— Не знаю. Очень запутанные.

— А что вы чувствуете сейчас, когда говорите о них?

— То же самое. Все перепутано.

— Испытываете страх?

— Н-нет. Я бы так не сказала.

— Может быть, сделаем небольшую передышку? Вам не кажется, что мы продвигаемся слишком быстро?

— Дело совсем не в этом. Как бы вам объяснить... словно ты учишься плавать: вот ты наконец научился и плаваешь, плаваешь, плаваешь, пока хватает сил. А потом лежишь, еле дышишь, а приятели не отстают, подначивают: «Пошли опять!» И это здорово, хотя тебя и колотит от холода, и мышцы свело... В конечном счете я всегда веду себя именно так. Так я вела себя с первого

до последнего сеанса. Первый раз — это всегда что-то особенное... Мышцы уже не сводит, я согрелась и отдохнула. Нет, Бога ради, я не хочу никаких передышек! Я чувствую себя отлично.

— Вы привыкли спать днем?

Эйлин потянулась, и ее лежащие на столе руки сжались и разжались, выпустив десять ярко-красных ногтей.

— ...Нет, просто устала. — Она улыбнулась, подавляя зевок. — Половина нашего персонала в отпуске или болеет, вот мне и приходится отдуваться за всех. После работы я едва волочу ноги. Но теперь я передохнула, и все в порядке.

Она взяла свою чашку обеими руками и сделала большой глоток.

— Уф! Хорошо. Я немного беспокоилась за вас. Слава Богу, страхи были пустые.

— Беспокоились? А вы читали заметки доктора Рискома о моем анализе, спрашивали у МНУ? И после всего этого вы говорите, что беспокоились обо мне! У меня имплантированный доброкачественный невроз, гарантирующий психику от распада. Он помогает мне концентрировать энергию, координирует мои усилия, направленные к достижению определенной цели. Чувство адекватности и целостности...

— Дьявольская у вас память, — заметила Эйлин. — Почти слово в слово.

— Конечно. Кстати, и Зигмунд сегодня обо мне беспокоился.

— Зиг? Что это значит?

Пес беспокойно зашевелился и приоткрыл один глаз.

— Да, — проворчал он, глядя на Рендера тускло голящим взглядом. — Надо. Его. Подвезти.

— Ты что, опять водил машину?

— Да.

— И это после того, как я тебе запретила?

— Да.

— Зачем?

— Я ис-пу-гал-ся. Ты не отвечала. Когда я. Спрашивал.

— Я просто очень, очень устала. А если ты еще раз возьмешь машину, я запру дверь, так что ты не сможешь выйти, и тогда делай, что хочешь.

— Прости.

— Со мной все в порядке, ясно?

— Я. Вижу.

— *Никогда* больше не делай этого.

— Прости. — Полыхающий зрачок собаки следил за Рендером. Рендер отвел взгляд.

— Не ругайте так беднягу, — вступился он. — Просто Зиг решил, что вы заболели, и поехал за Доктором. Разве он не прав? Вам его благодарить, а не ругать нужно.

Не смирившись, Зигмунд еще раз пронзил взглядом Рендера и закрыл глаза.

— Когда он ведет себя плохо, я всегда даю ему понять, — наставительно закончила Эйлин.

— Допустим, — сказал Рендер, делая глоток кофе. — И раз уж я здесь, давайте побеседуем на профессиональные темы. Я тут кое-что сочиняю, хотелось бы услышать квалифицированный отзыв.

— Отлично. Жду пояснений.

— Сейчас поясню. Во-первых, как вы считаете: отличаются ли друг от друга основные мотивы самоубийств в разных странах?

— Мое веское мнение — нет, не отличаются, — сказала Эйлин. — Психические расстройства могут приводить либо к депрессиям, либо к буйному помешательству; если они выражены достаточно сильно, то они могут спровоцировать акт самоуничтожения. Вы спрашиваете о мотивах, — продолжала она, — и я полагаю, что в основном они одинаковы. В моем понимании это один из основных атрибутов человеческого бытия, и здесь — точка пересечения всех культур и всех эпох. Я думаю, что, не изменив самой сути человека, тут ничего не изменить.

— О'кей. Принято. Что же является побуждающим фактором? Пусть человек неизменен, но ведь его окружение меняется. И если мы возьмем ситуацию, в которой человек сверхзащищен, то как, по-вашему, — в большей или меньшей степени он сумеет противиться факторам, толкающим его к умопомешательству?

— Хм. Желательно, чтобы вы конкретизировали свой пример, однако в любом случае, полагаю, все зависит от самого человека. Но теперь я вижу, куда вы клоните: массовая предрасположенность людей прыгать в

окна ни с того ни с сего, тем более что окно само распаивается перед вами по вашему приказу, — восстание изнывающих от скуки масс... Я не разделяю эту концепцию. Мне она не нравится.

— Я тоже, хотя я имел в виду, так сказать, символические самоубийства — функциональные расстройств, вызванные неадекватными, ничтожными поводами.

— А, да-да. Ваша последняя лекция: автопсихомесис. У меня сохранилась запись. Красиво, но не слишком убедительно.

— Теперь и я это чувствую. Поэтому хочу переработать целиком главу, которую для себя называю «Танатос в стране чокнутых ангелов». Да, инстинкт саморазрушения дает знать о себе все сильнее.

— Хорошо, допустим, я вам дам скальпель и представлю в ваше распоряжение труп — вы сможете вырезать этот инстинкт и показать его мне?

— Сомневаюсь, — произнес Рендер притворно-ироничным тоном. — Думаю, у трупа он уже весь израсходован. А вот если найдется доброволец, то уже одним своим поступком он докажет мою правоту.

— Неопровержимая логика, — улыбнулась Эйлин. — Принесите еще кофе, ладно?

На кухне Рендер налил кофе, добавил баккарди, выпил стакан воды и вернулся в комнату. Эйлин сидела в той же позе; Зигмунд тоже лежал, не шевелясь.

— А чем занимается Ваятель в свободное от Ваяния время? — спросила Эйлин.

— Тем же, чем и все простые смертные: ест, пьет, спит, разговаривает, встречается с друзьями, и не только с друзьями, путешествует, читает...

— А вы умеете прощать?

— Не всегда. Почему вы спросили?

— Простите меня. Я сегодня слишком резко обошлась с одной женщиной, ее фамилия де Виль.

— О чем же вы говорили?

— О вас. Она мне наговорила такого, что, кажется, право, лучше бы мне и не рождаться на свет. Вы собираетесь на ней жениться?

— Нет, брак — это нечто из области алхимии. Когда-то эта идея мне очень помогла, но теперь в ней нет необходимости.

— Хорошо.

— И что вы ей сказали?

— Выдала ее карту с результатами обследования.
Диагноз: сука. Рекомендации: физиотерапия и хороший намордник.

— Вот как, — протянул Рендер.

— Она порвала ее и швырнула мне в лицо.

— Интересно, почему бы это?

Эйлин улыбнулась и пожала плечами, чертя пальцем на скатерти квадратный узор.

— «Вы, старики и молодые, ответьте, — что такое ад?» — вздохнул Рендер.

— Думаю, ад — это страдание от неспособности любить, — подытожила Эйлин. — Разве Достоевский не прав?

— Сомневаюсь. Я бы порекомендовал ему групповую терапию. Вот это бы для него было настоящим адом. В одной компании со своими вдруг ожившими персонажами.

Рендер поставил чашку на стол, отодвинул кресло.

— Уже собираетесь уходить?

— Мне действительно надо.

— Могу ли я соблазнить вас обедом?

— Да нет.

Она встала.

— Сейчас, только накину пальто.

— Я могу добраться и сам, а потом отправлю машину по обратному монитору.

— Нет! Когда я слышу о том, что по городу разъезжают пустые машины, мне становится страшно. Последние две недели только об этом и говорят. К тому же, — добавила Эйлин, выходя в сводчатую дверь, — вы обещали мне Винчестерский собор.

— Хотите прямо сегодня?

— Если удастся вас уговорить.

Рендер остановился в нерешительности. Зигмунд поднялся и встал напротив, глядя прямо в глаза человеку. Он несколько раз открывал и закрывал пасть, но не издал ни звука. Потом пес повернулся и вышел из комнаты.

— Нет, — донесся голос Эйлин. — Побудь здесь, пока я не вернусь.

Рендер поднял пальто, надел, спрятав аптечку в карман.

Когда они шли через холл к лифту, Рендеру показалось, что он слышит очень слабый, доносящийся откуда-то издалека вой.

Это было единственное место, где Рендер точно знал; он — повелитель всего.

Он не был чужим в этих чуждых мирах, где время застыло, в мирах, где обитают цветы-любовники, а светила воюют друг с другом в небесах и, расколовшись на тысячи осколков, истекая пурпурной кровью, падают на землю, как разбитые кубки, где моря уходят вглубь, ища тайных подземных ходов, и где руки подымаются из пещер, размахивая факелами, пламя которых похоже на зыбкие призрачные лица, — долгий кошмар в зимнюю глухую ночь, когда лето ушло побираться по дорогам; все это было хорошо знакомо Рендеру, ведь он не раз, выбрав подходящий момент, отправлялся в эти миры в научные командировки и провел в них немало прекрасных минут. Одним движением пальца он мог пленять злых волшебников, вершить над ними суд по обвинению в государственной измене, казнить их и назначать им преемников. Ах!..

Но на сей раз, по счастью, это был скорее визит вежливости...

Он шел по лесной прогалине в поисках Эйлин. Он чувствовал ее присутствие повсюду и с каждой минутой все сильнее.

Раздвинув ветви, Рендер вышел на берег озера. Озеро лежало перед ним, холодное, голубое, бездонное, и маленькая стройная ива, в ветвях которой обычно появлялась Эйлин, отражалась в его поверхности.

— Эйлин!

Деревце качнулось ему навстречу.

— Эйлин! Явись!

Ива обронила несколько листьев, и, упав на зеркальную гладь воды, они разрушили мирно застывшее отражение.

— Эйлин?

Все листья, разом пожелтев, облетели, заколыхались на воде. Деревце застыло. Станный звук раздался в темнеющем небе — словно провода высоковольтной линии загудели в холодный осенний день.

Внезапно двойной ряд лун протянулся по небу. Рендер выбрал одну, дотянулся до нее, нажал. Как только он сделал это, другие луны поблекли, и кругом стало светлее; гул в воздухе смолк.

Рендер обошел озеро кругом, чтобы выгадать для себя небольшую передышку и предупредить обратное воздействие. Потом двинулся между сосен к тому месту, где должен был возникнуть собор.

В ветвях деревьев теперь было слышно птичье пение. Мягко повеял ветер. Присутствие Эйлин ощущалось достаточно сильно.

— Сюда, Эйлин. Сюда.

Она прошла рядом: зеленый шелк платья, отливающие бронзой волосы, глаза как расплавленный изумруд; на лбу у нее тоже было изумрудное украшение.

Мягко ступая по ковру хвои ногами в зеленых туфельках, она спросила:

— Что случилось?

— Ты испугалась.

— Чего?

— Может быть, собора. А ты не ведьма? — Рендер улыбнулся.

— Вообще да, но сегодня у меня выходной.

Он рассмеялся. Взял ее за руку, и они пошли вокруг острова пышной зелени, и там, в глубине, на поросшем шелковистой травой холме, увидели собор — тот рос, раздвигая ветви, тянулся вверх, вот уже показался в небе над вершинами деревьев, гулко вздыхая органными трубами, отражая снопы солнечных лучей.

— Держись крепче, теснее контакт, — сказал Рендер. — Экскурсия начинается.

Они приблизились и вошли.

«...Ряды мощных, как древесные стволы, колонн строго упорядочивают внутреннее пространство», — начал Рендер. — Цитирую по путеводителю. «Взгляните на северный трансепт...»

— «Зеленые рукава», — прервала Эйлин. — Орган играет «Зеленые рукава».

— Верно. Но только я тут ни при чем. «Обратите внимание на зубчатые капители...»

— Подойдем поближе. Мне нравится эта музыка.

— Хорошо. Тогда вот сюда.

Рендер чувствовал, что что-то не так, хотя никак не мог определить, что именно.

Мир кругом по-прежнему казался устойчивым, прочным...

И вдруг что-то гулко ухнуло в небе над собором. Рендер улыбнулся — теперь он наконец понял: произошло нечто вроде оговорки — на мгновение он спутал Эйлин с Джилл, да, вот в чем было дело. Но тогда почему...

Алтарь казался вспышкой ослепительной белизны. Однако раньше его здесь вообще не было. От темных стен, смыкавшихся в вышине, веяло холодом. Свечи мерцали по углам и в высоких нишах. Орган стройно гремел под руками невидимого органиста.

Но Рендер не мог не почувствовать: что-то не так.

Он обернулся к Эйлин: зеленый конус высился у нее на голове, зеленая вуаль ниспадала на волосы тонкими складками. А на шее, плохо различимое в полутьме, было...

— Откуда это ожерелье? Откуда оно?

— Я не знаю, — улыбнулась Эйлин.

Кубок в ее руках мерцал, лучился розовым светом. Пучок отраженного света падал на кубок от лучистого изумруда, словно омывал его волнами прохладного ветра.

— Выпете? — спросила Эйлин, протягивая кубок.

— Не двигайся, — приказал Рендер.

Он пожелал, чтобы стены рухнули, и они заколыхались в темноте.

— Не двигайся! — повторил Рендер еще более резким тоном. — Стой на месте. Попробуй не думать.

— Падите! — крикнул он.

Обломки стен разлетелись в разные стороны, кровлю сорвало и унесло в небо.

Эйлин и Рендер стояли посреди развалин, освещаемых слабым светом единственной тоненькой свечи. Ночь кругом была черной, как смола.

— Почему ты сделал это? — спросила Эйлин, все еще протягивая Рендеру кубок.

— Не думай. Постарайся ни о чем не думать, — сказал он. — Расслабься. Ты слишком устала. Твое сознание еле мерцает сейчас, как эта свеча. Ты едва борешься со сном. Едва стоишь на ногах. Твои глаза закрываются. Здесь мы уже все посмотрели, смотреть больше нечего.

Он приказал свече погаснуть.

Свеча продолжала гореть.

— Я не устала. Пожалуйста, выпей.

Звуки органа донеслись сквозь ночную тьму. Но строй был уже иным. Рендер слышал его впервые.

— Мне нужна твоя помощь.

— Я готова сделать все, что угодно.

— Взгляни, луна! — Рендер указал на небо.

Эйлин взглянула вверх. Из-за чернильно-черной тучи показалась луна.

— А вот еще и еще...

Луны выплывали одна за другой в темном небе, как нанизанные на нитку жемчужины.

— Последняя будет красной, — уверенно сказал Рендер.

В небе показалась красная луна. Тогда, протянув правую руку с вытянутым указательным пальцем так далеко, как только мог, Рендер попытался достать красный кружок.

Боль ожога заставила его отдернуть руку. Она безвольно повисла.

— Проснись! — закричал он изо всех сил.

Красная луна исчезла, и белые исчезли вслед за ней.

— Пожалуйста, выпей.

Рендер выбил кубок из ее рук и отвернулся. Но Эйлин вновь стояла перед ним, по-прежнему протягивая ему кубок.

— Выпей.

Повернувшись, Рендер стремглав бросился в обступившую его тьму.

Это было похоже на бег по глубокому снегу. Решение было неправильное. Он допустил ошибку — бег лишь истощал его силы и увеличивал силы Эйлин. Бег истощал силы, отбирал энергию...

Рендер остановился. Кругом была тьма.

— Мир вокруг меня движется, — произнес он. — И я — его центр.

— Пожалуйста, выпей, — сказала Эйлин, и Рендер увидел, что он вновь стоит перед столиком на берегу озера.

Поверхность озера была черной, а луна отливала серебром, высокая и недосыгаемая. В слабом пламени свечи, мерцавшей на столе, волосы и платье Эйлин тоже казались серебряными. На лбу у нее сияла маленькая луна.

На белой скатерти стояла бутылка «Романи-Конти» и широкий бокал. Он был полон, этот бокал, и ожерелье розовой пены вскипало до краев.

Рендера мучила жажда, а Эйлин была прекрасней, чем всегда, — изумруд на ее груди сиял, с озера повеяло прохладой, и было что-то во всем этом... что-то такое знакомое...

Он шагнул к ней, и сталь доспехов тихонько звякнула. Рендер потянулся к бокалу, но боль в правой руке была слишком сильной.

— Ты ранен!

Рендер медленно опустил взгляд.

Кровь текла из открытой раны на плече, стекала, капала с кончиков пальцев. Латы, закрывавшие плечо, были рассечены.

Он заставил себя отвести взгляд.

— Выпей это, любовь моя. Этот напиток излечит тебя. — Эйлин встала. — Я подержу бокал.

Рендер пристально следил, как она подносит бокал к его губам.

— Кто я? — спросил он.

Эйлин молчала, но что-то — легкий всплеск, донесшийся с озера, — ответило ему:

— Ты — Рендер, Ваятель.

— Да, помню, — сказал Рендер, и, как за соломинку, цепляясь за ту ложь, которая одна могла разрушить иллюзию, заставил себя выговорить: — Эйлин Шеллот, я ненавижу тебя.

Мир вокруг содрогнулся, словно сотрясаемый судорожными рыданиями.

— Чарльз! — вскрикнула Эйлин, и тьма мгновенно обступила обоих. — Проснись!

— Проснись! — кричал он, снова чувствуя жгучую боль от кровотокающей раны.

Теперь он стоял один посередине белой равнины — безмолвной, бескрайней. Она полого уходила к горизонту — туда, где кончался мир. Поверхность ее светилась, а вместо неба над головой было ничто. Ничто. Он был один. И эхо его собственного голоса донесло от пределов мира: «...ненавижу, ненавижу...»

Он упал на колени. Он знал теперь, что он — Рендер. И ему хотелось плакать.

Красная луна взошла над равниной, заливая бледным, мертвенно-бледным светом все пространство. Скалы отвесной стеной поднимались справа и слева.

Рендер поднял правую руку. Поддерживая больную кисть левой рукой, он вытянул указательный палец и дотянулся до луны.

И тогда из-за скал донесся скорбный вопль — нечеловеческий, полный угрозы, и одинокой тоски, и боли.

Рендер увидел, как, ступая по вершинам скал, сметая с них снежные лавины своим хвостом, бежал, объятый яростью, последний человек-волк, последний великий оборотень Севера — Фенрир, сын Локи.

Взметнувшись в небо, он проглотил луну — и опустился рядом с Рендером.

Его огромные глаза горели желтым огнем. Бешумно ступая, он крался по равнине, по морозным белым полям, окружавшим скалы; и Рендер обратился в бегство: он бежал то вверх, то вниз по склонам холмов, по расщелинам и ущельям гор, пересекал долины, преодолевая леса сталагмитов и горные пики, — бежал через ледники и по руслам замерзших рек, все вниз и вниз, пока не почувствовал сзади горячего дыхания и не увидел, как разверзлась над ним огромная хохочущая пасть.

Тогда ноги его стали двумя светящимися реками, уносящими его прочь. Одним рывком он оставил весь мир позади и теперь скользил вниз по склону — все вниз и вниз, все быстрее и быстрее...

Прочь...

Он оглянулся.

Серый призрак прыжками несся за ним.

Рендер почувствовал, что он может в любой момент сократить разделяющее их расстояние. Надо было двигаться быстрее.

Все мелькало и кружилось вокруг. Начал падать снег.

Он мчался вперед. Впереди ломаным контуром обрисовалось темное пятно.

Он мчался вперед, разрывая снежную завесу, — казалось, что снежинки теперь падают не сверху вниз, а наоборот, снизу вверх, как поднимающиеся в воде пузырьки.

Он приближался к обломкам. Он приближался к ним, подобно ныряльщику, который не может крикнуть, чтобы не захлебнуться, — ведь тогда он уже не узнает, никогда не узнает...

Движение вперед стало неконтролируемым, неподвластным ему, словно на волне прилива. Наконец он приблизился и остановился.

Есть вещи, которые не меняются. Вещи, которые давно перестали существовать в вещном мире и одиноко стоят среди не внесенных ни в один календарь событий, выпав из потока, именуемого Время.

Рендер стоял перед обломками, и ему было уже все равно, даже если бы Фенрир прыгнул сейчас ему на плечи и выгрыз его мозг. Он закрыл глаза, но и это сейчас не могло помешать ему видеть. Не могло заставить его думать о чем-то другом.

Перед ним лежала умершая, и большая, часть его самого.

Раздался вой. Серая тень взметнулась в воздух. Сумрачно блеснули глаза, и окровавленные клыки впились в обломки машины, сминая сталь, дробя стекло...

— Нет! Чудовище! Пожиратель трупов! — крикнул Рендер. — Мертвые — это святыня! Мои мертвые для меня — святыня!

В руках его оказался скальпель, и он яростно и умело впился стальным острием в жилистую плоть, в напрягшиеся мускулистые плечи, в мягкое брюхо, рассекая прочные, как канаты, артерии.

Пот и слезы, мешаясь, текли по его лицу, пока он пластовал тушу чудовища, расчлняя ее, и кровь текла потоками, заливая искореженный остов и мертвые тела .

в нем, сочились адские животные соки, и вот уже вся равнина кругом корчилась, окрасившись в злоедейский красный цвет.

Рендер упал ничком на смятый капот, и тот показался ему мягким, теплым и сухим. Он лежал, тихо всхлипывая.

— Не плачь, — сказала она.

И Рендер увидел, что он стоит, опершись на ее плечо, крепко обняв ее, на берегу черного, как смола, озера, а луна в небе словно сошла с росписи веджвудского фарфора.

Пламя свечи слабо колыхалось над столом. Она поднесла бокал к его губам.

— Пожалуйста, выпей!

— Да, я хочу пить!

Он одним залпом осушил бокал, и вино мягким струящимся светом растеклось по его телу. Оно согрело, и Рендер ощутил, как силы возвращаются к нему.

— Я...

— Ты — Рендер, Ваятель, — всплеском отозвалось озеро.

— Нет!

Он снова повернулся и бросился прочь, ища взглядом разбитый остов машины. Он должен был быть там, он должен был вернуться...

— Ты не можешь.

— Могу! — крикнул он. — Могу, если попытаюсь...

Желтые языки пламени прошли душный воздух. Как желтые змеи, они обвивались вокруг его ног.

И вот, колыхаясь в сумрачном мареве, показалась огромная, как башня, двухголовая фигура Врага.

Осыпь мелких камней прошуршала сзади. Невыносимый запах впился в его ноздри, ударил в голову.

— Ваятель! — прорычала одна из голов.

— Ты вернулся, чтобы рассчитаться со мной! — проревела другая.

Рендер глядел, вспоминая.

— Мне ничего от тебя не нужно, Таумиель, — сказал он. — Я уже победил тебя и сковал цепями для... для Ротмана, да, это был Ротман, каббалист.

Он начертил в воздухе пентаграмму.

— Возвращайся в Клипот. Я изгоняю тебя.

— Клипот — здесь!

— ...Именем Хамаэля, ангела крови, именем Элохима Гебора, всеми силами небесными заклинаю тебя и приказываю тебе исчезнуть!

— На этот раз не выйдет! — Обе головы захохотали.

Чудовище двинулось на Рендера.

Он отступал шаг за шагом, и желтые змеи обвивались вокруг его ног, а за спиной разверзлась бездна. Мир был похож на загадочную мозаику, рассыпающуюся по частям. Рендер видел, как они смешиваются в беспорядке.

— Сгинь!

Ревущий хохот двух голов был ему ответом.

Рендер запнулся.

— Сюда, любовь моя!

Она стояла у входа в небольшую пещеру справа от него.

Рендер покачал головой и продолжал отступать к разверзшейся сзади бездне.

Таумиель ринулся вперед. Рендер покачнулся на краю.

— Чарльз! — раздался пронзительный женский крик, и мир распался на куски от рыданий.

— Что ж. Значит, Vernichtung, — откликнулся Рендер, уже падая. — Я спешу к тебе, во тьму.

Все оборвалось.

— Я хочу видеть доктора Чарльза Рендера.

— Очень жаль, но это невозможно.

— Я просто с ног сбился, пока его искал. Хотел его поблагодарить. Он сделал из меня другого человека, понимаете! Он изменил мою жизнь!

— Очень жаль, мистер Эриксон, но я еще утром, когда вы звонили, сказал — это невозможно.

— Сэр, я — Представитель Эриксон, когда-то Рендер оказал мне огромную услугу.

— А теперь ваша очередь. Поезжайте домой.

— Вы не имеете права так со мной разговаривать!

— Имею. Пожалуйста, оставьте его в покое. Может быть, через год...

— Всего несколько слов могут сделать настоящее чудо...

— Вот и поберегите их!

— Что ж... извините...

Это было красиво: море, как влага, выплеснувшаяся из огромного кубка, дымилось и розово переливалось в лучах зари, — но он знал, что скоро это должно кончиться. А следовательно...

Он спустился по узкой лестнице башни и вошел во двор. Подойдя к увитой розами беседке, заглянул внутрь, где посередине на грубом соломенном ложе лежал царь, и сказал:

— Приветствую вас, милорд.

— Приветствую тебя, — отозвался рыцарь.

Кровь сочилась у него из раны и, блестя на латах, стекала и капала с кончиков пальцев. Кровь пропитала землю, забрызгала цветы и траву.

— Как ваше здравие, милорд?

Рыцарь покачал головой.

— Моя надежда истекает кровью.

— Но близок ожиданию конец.

— Что ты хочешь этим сказать? — Рыцарь приподнялся и сел.

— Корабль. Там, в море, показались паруса.

Рыцарь встал, прислонившись к обомшелому столу.

Голос слуги, широкоплечего, бородатого, звучал хрипло, по-варварски грубо.

— Как черный лебедь перед бурей, он стремится назад — в свое гнездо.

— Черный, ты сказал? Черный?

— Паруса его черны, лорд Тристан!

— Ты лжешь!

— Желаете взглянуть? Взгляните сами!

Слуга указал в сторону моря.

Земля под ногами вздрогнула, мир пошатнулся. Пыль взвилась и осела. С того места, где они стояли, был виден корабль, спешивший к пристани под черными, как ночь, парусами.

— Нет! Ты солгал! Смотри — они белые!

Свет зари плясал на водной ряби. Тени бежали, рассекаемые парусами.

— Что за чушь! Черные! Они должны быть черными!

— Белые! Они белые!.. Изольда, ты верна мне! Ты вернулась!

И рыцарь бегом бросился к пристани.

— Вернитесь!.. Ваша рана!

Корабль под белыми парусами приближался к берегу в лучах солнца, похожего на красную кнопку. Слуга быстро нажал ее.

И пала тьма.

ДОЛИНА ПРОКЛЯТИЙ

Чайка сорвалась с места, взмыла в воздух и на миг, казалось, застыла на распростертых крыльях. Черт Таннер большим и указательным пальцами швырнул окурок и угодил прямо в птицу.

Чайка издала хриплый крик и резко забила крыльями. Она поднялась на пятьдесят футов и если и крикнула второй раз, то звук потерялся в реве ветра и грохоте прибоя. Одно серое перо, качаясь в фиолетовом небе, проплыло у края скалы и полетело вниз, к поверхности океана.

Таннер ухмыльнулся в бороду, скинул ноги с руля и завел мотоцикл. Он медленно поднялся по склону, свернул на тропу, затем прибавил скорость и, выходя на шоссе, делал уже шестьдесят миль в час. Дорога принадлежала только ему. Таннер слился с рулем и дал газ. Через забрызганные грязью защитные очки мир казался мерзким и пакостным; впрочем, таким же он казался ему и без очков.

Все знаки с его куртки исчезли. Особенно жаль старой эмблемы. Может, удастся раздобыть такую эмблему в Тихуане и заставить какую-нибудь крошку пришить ее... Нет, не пойдет. Все это мертво, все в прошлом. Надо продать «харли», двинуться вдоль побережья и посмотреть, что можно найти в другой Америке.

Он проскочил Лагуна-Бич, Капистрано-Бич, Сан-Клементе и Сан-Оиофре. Там заправился и прошел Карлсбад и множество мертвых поселков, что заполняли побережье до Солана-Бич-Дель-Мар. А за Сан-Диего его ждали.

Таннер увидел дорожный блок и развернулся. Они даже не сообразили, как он сумел это сделать — так быстро и на такой скорости. Сзади слышались выстрелы, потом раздались сирены.

В ответ он дважды нажал на клаксон и еще плотнее приник к рулю. «Харли» рванулся вперед; от напряженной работающего на пределе мотора гудела стальная рама. Десять минут — оторваться не удалось. Пятнадцать минут...

Он взлетел на подъем и далеко впереди увидел второй блок. Его взяли в тиски.

Таннер огляделся в надежде найти боковые дороги. Боковых дорог не было. Тогда он пошел прямо на блок. Можно попробовать прорваться...

Бесполезно! Машины перегораживали все шоссе, даже обочину.

В самую последнюю секунду он притормозил, встал на заднее колесо, развернулся и помчался навстречу преследователям. Их было шестеро. А за спиной уже завывали новые сирены.

Он снова притормозил, взял влево, нажал на газ и прыгнул. Мотоцикл понесся вперед, а Таннер покатился по земле, вскочил на ноги и бросился бежать.

Послышался скрежет тормозов. Потом удар. Потом опять выстрелы. Он продолжал бежать. Стреляли по-верх его головы, но он этого не знал. Они хотели взять его живым.

Через пятнадцать минут его загнали к каменной стене. Под дулами винтовок он отшвырнул монтировку и поднял руки.

— Ваша взяла, — проговорил он. — Вяжите.

На него надели наручники и втокнули на заднее сиденье одной из машин. С обеих сторон уселись полицейские. Еще один, с обрезом на коленях, сидел рядом с водителем.

Водитель завел двигатель и на задней передаче выехал на шоссе. Человек с обрезом повернулся и пристально посмотрел на Таннера через бифокальные очки. Секунд десять он не сводил с него глаз, а потом произнес:

— Очень глупо с твоей стороны.

Черт Таннер смотрел на него так же пристально, пока человек не повторил:

— Очень глупо, Таннер.

— О, я не знал, что ты обращаешься ко мне.

— Я смотрю на тебя, сынок.

— А я смотрю на тебя. Привет!

Водитель, не отрывая глаз от дороги, сказал:

— Жаль, что мы должны доставить его в целости — после того, как он разбил машину своим проклятым мотоциклом...

— Мало ли что еще случится. К примеру, он может упасть и сломать парочку ребер, — заметил полицейский слева от Таннера.

Тот, что сидел справа, промолчал, но человек с обрезаем покачал головой:

— Только если попытается бежать. Л-А он нужен в хорошей форме... Почему ты хотел смыться, приятель? Ты же знаешь, мы тебя все равно бы изловили.

Таннер пожал плечами.

— А чего меня ловить? Разве я что сделал?

Водитель громко хмыкнул:

— Вот именно. Ты ничего не сделал — а должен был. Припоминаешь?

— Я никому ничего не должен. Меня помиловали и отпустили подчистую.

— У тебя слабая память, парень. Когда тебя вчера выпускали, ты дал Калифорнийскому государству обещание. Двадцать четыре часа, которые ты испросил на улаживание личных дел, истекли. Если хочешь, можешь сказать «нет», и помилование аннулируют. Никто тебя не заставляет. Тогда остаток своих дней будешь дробить большие камни и камешки помельче. Нам плевать. Я слышал, у них есть другой вариант.

— Дайте сигарету, — сказал Таннер.

Полицейский справа протянул ему зажженную сигарету. Он поднял руки, взял сигарету. Куря, стряхивал пепел на пол.

Они мчались по шоссе. Когда машина проезжала горodки или встречалась с транспортом, водитель врубал сирену, а наверху начинал мигать красный маяк. Тогда сзади вторили сирены патрульных машин сопровождения. На протяжении всего пути до Л-А водитель ни разу не прикасался к тормозу и каждые две минуты выходил на связь по рации.

Внезапно с оглушительным шумом на них опустилось облако пыли и гравия. В правом нижнем углу пуленепробиваемого ветроного стекла появилась крохотная трещина. По крыше и капоту заколотили камни. Вся поверхность дороги мгновенно покрылась гравием, шины отчаянно завизжали. Вокруг тяжелым непроницаемым туманом повисла пыль. Когда через десять секунд они выскочили из облака, все в машине подались вперед и устремили глаза вверх.

Небо стало багровым. Его расчертили черные линии, двигавшиеся с запада на восток. Они то распухали, то сужались, то раскачивались из стороны в сторону, иногда сливаясь.

— Похоже, надвигается большая буря, — заметил человек с обрезом.

Водитель кивнул.

— Взгляните дальше на север.

Послышалось какое-то завывание, темные полосы продолжали расширяться. Звук нарастал, терял звонкость, переходил в мощный рев. Небо потемнело на глазах, и вместе с пылью на землю упала беззвездная, безлунная ночь. Иногда раздавалось резкое «понг!», когда в машину ударял осколок покрупнее.

Водитель зажег противотуманные фары и снова врубил сирену. Машина неслась вперед. Завывание и грохот сочетались с душераздирающим воем sireны, а на севере разливалось голубое пульсирующее сияние. Таннер докурил сигарету, и ему протянули другую. Теперь курили все.

— Твое счастье, что мы тебя подобрали, парень, — сказал сосед слева. — Не то попал бы ты на своем мотоцикле...

— Был бы рад, — ответил Таннер.

— Ты спятил.

— Нет. Я бы прошел. Не впервой.

Когда они достигли Лос-Анджелеса, розовато-голубое сияние заполняло полнеба. Его простреливали дымчато-желтые молнии, которые, словно паутина, тянулись к югу. Грохот стал оглушающим. Он бил по барабанным перепонкам и заставлял вибрировать кожу.

В тот момент, когда полицейский кортеж подъезжал к зданию с колоннами, на его фасаде отражались

холодные блики всполохов. То оно походило на скульптуру, высеченную из глыбы льда, то казалось восковым, готовым расплавиться при первом дуновении жара.

Они торопливо взбежали по ступеням, и дежурный полицейский впустил прибывших через маленькую дверь справа от тяжелых металлических двойных ворот, служивших главным входом в здание. Увидев Таннера, дежурный расстегнул свою кобуру, а затем закрыл дверь на замок и цепочку.

— Куда? — спросил человек с обрезом.

— На второй этаж, — ответил полицейский, махнув в сторону лестницы. — Наверх и прямо до конца.

— Спасибо.

Грохот сюда почти не доносился, и в искусственном освещении все вновь обрело обыкновенный вид.

Дойдя до последнего кабинета, человек с обрезом кивнул водителю:

— Стучи.

На пороге появилась женщина. Она начала что-то говорить, но, увидев Таннера, замолчала, отошла в сторону и распахнула дверь.

— Сюда, — пригласила она, и они протиснулись в приемную. Женщина нажала кнопку на столе.

— Да, миссис Фиск? — раздался голос.

— Они здесь, сэр.

— Пусть заходят.

Она провела их в конец приемной и открыла темную дверь.

Сидящий за столом мужчина откинулся в кресле и переплел под подбородком короткие толстые пальцы. Его властные глаза были чуть-чуть темнее серебристо-серых волос.

— Садитесь, — сказал он Таннеру мягким голосом. И добавил, обращаясь к остальным: — А вы подождите в приемной.

— Мистер Дентон, этот тип опасен, — предупредил человек с обрезом, когда Таннер небрежно развалился в кресле напротив стола.

Окна помещения закрывали стальные шторы, и о ярости разгулявшейся стихии можно было догадываться лишь по доносившимся издали пулеметным очередям.

— Я знаю.

— По крайней мере, он в наручниках. Оставить вам оружие?

— У меня есть.

— Хорошо. Мы будем поблизости.

Они покинули комнату.

Двое мужчин не сводили друг с друга глаз, пока дверь не закрылась. Затем тот, кого называли Дентоном, произнес:

— Теперь ваши дела улажены?

Другой пожал плечами.

— И все-таки, как вас действительно зовут? Даже по документам...

— Черт, — сказал Таннер. — Так меня зовут. Я был седьмым ребенком в семье, и, когда повитуха показала меня старику и спросила, какое имя он хочет мне дать, тот буркнул: «Черт!» — и ушел. Так меня и записали. Это рассказал мне брат. Я не мог расспросить своего папашу, потому что никогда его не видел. Он сгинул в тот же день.

— Значит, всех семерых воспитала мать?

— Нет. Она померла спустя две недели, и нас приютили родственники.

— Понятно... — проговорил Дентон. — У вас еще есть выбор. Хотите попробовать или нет?

— А кто вы, собственно, такой? — спросил Таннер.

— Министр транспорта государства Калифорния.

— При чем тут это дело?

— Я за него отвечаю. С таким же успехом на моем месте мог быть Главный врач или Начальник почт, но я все-таки лучше прочих знаю техническую сторону. Лучше знаю шансы на успех...

— И каковы они? — поинтересовался Таннер.

Впервые за весь разговор Дентон отвел глаза.

— Да, дело рискованное...

— Точнее, оно еще никому не удавалось, кроме того парня, который принес сообщение. Но он мертв... И после этого вы говорите о шансах на успех?

— Вы думаете, — медленно произнес Дентон, — что это самоубийство. Возможно, вы правы... Мы посылаем три машины с двумя водителями в каждой. Если хотя бы одна из них подберется достаточно близко, то

ее радиомаяк наведет группы из Бостона... Впрочем, можете отказаться.

— Ага. И провести остаток жизни в тюрьме.

— Вы убили трех человек. Вас могли казнить.

— Но не казнили, так что к чему пустые разговоры?

Послушайте, мистер, я не желаю подыхать, однако и ваш вариант меня не прельщает.

— Или вы едете, или нет. Выбирайте. Но помните: если вы поедете и доберетесь до Бостона, все будет забыто; вы свободны и можете делать что хотите. Государство Калифорния даже заплатит за тот мотоцикл, который вы угнали и разбили, не говоря уже об ущербе, нанесенном полицейской машине.

— Большое спасибо...

Ураганный ветер бился и завывал за стенами, и резкие удары в стальные шторы сотрясали комнату.

— Вы очень хороший водитель, — продолжал Дентон. — Вам приходилось водить практически все, что способно ездить. Когда вы занимались контрабандой, то делали ежемесячные рейсы в Солт-Лейк-Сити. Даже сегодня очень немногие отважились бы на это.

Таннер улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Вы были лучшим водителем на сизтловском маршруте и единственным человеком, сумевшим доставить почту в Альбукерке. После вас это никому не удавалось... Я хочу лишь сказать, что из всех наших асов у вас лучшие шансы на успех. Если кто-нибудь и дойдет до цели, то скорее всего вы. Вот почему с вами были терпеливы. Но больше мы ждать не можем. Ответ нужен немедленно, и в случае согласия — выезд через час.

Таннер поднял скованные руки и указал на окно.

— В такую погоду?

— Машины смогут выдержать, — ответил Дентон.

— Да вы с ума сошли!

— Пока мы здесь с вами болтаем, там умирают люди.

— Парочкой больше, парочкой меньше... Разве нельзя отложить до завтра?

— Нет! Человек пожертвовал своей жизнью, чтобы доставить нам это сообщение! Континент необходимо пересечь как можно скорее, иначе все лишается смысла. Буря или не буря, машины должны уйти немедленно

но! И ваши чувства здесь совершенно ни при чем. Итак, я жду ответа.

— Мне необходимо поесть. Я не...

— В машине есть еда. Ну?

— Хорошо, — промолвил Таннер, глядя в темное окно. — Я пройду для вас Долину Проклятий. Но я не двинусь с места, пока не получу кое-какую бумагу.

— Она у меня.

Дентон открыл ящик стола и вытащил плотный пакет, из которого извлек лист бумаги с ярким оттиском Большой государственной печати Калифорнии.

Таннер внимательно прочитал текст.

— Здесь говорится, что если я доберусь до Бостона, то получу полное прощение за все преступные действия, совершенные на территории государства Калифорния...

— Да.

— Входят ли сюда преступления, о которых вам неизвестно, если те вдруг всплывут?

— Там ясно сказано: «все преступные действия».

— Значит, договорились. Снимите эти браслеты и покажите мне мою машину.

Дентон откинулся на спинку кресла.

— Вот еще что: если вздумаете где-нибудь по пути отстать... В общем, у других водителей есть приказ на этот случай, и они согласны его выполнить. Приказ открыт огонь. От вас и пепла не останется. Ясно?

— Еще бы, — ответил Таннер. — Я так понимаю, что обязан оказать им ту же услугу?

— Верно.

— Это может быть любопытно.

— Не сомневался, что вам понравится. Но перед тем как снять наручники, я хочу сказать, что я о вас думаю.

— Что ж, если вы желаете тратить время, пока там умирают люди...

— Заткнитесь! Вам на них совершенно наплевать... По моему мнению, вы — самое низкое существо, которое я когда-либо встречал. Вы убивали мужчин и насиловали женщин. Однажды вы выкололи человеку глаза — просто для забавы. Вас два раза судили за торговлю наркотиками и три раза — за сводничество. Вы — пьяница и дегенерат. Думаю, что вы не принимали ванну со дня

своего рождения. С друзьями головорезами вы терроризировали честных людей, старавшихся сплотиться и встать на ноги после войны. Вы крали и грабили, не гнушались отбирать самое необходимое. Жаль, что вас не убили, как прочих, во время Большого Рейда. Вы — не человек. В вас нет того, что позволяет людям жить в обществе. Единственное ваше достоинство — если это можно назвать достоинством — заключается в том, что ваши рефлексы немного быстрее, мускулы немного сильнее, зрение немного острее, чем у большинства из нас, и вы сумеете проехать сквозь что угодно, если через это вообще можно проехать. Государство Калифорния готово простить вашу бесчеловечность, если хоть раз вы употребите свое единственное достоинство на пользу, а не во вред людям... Мне это не нравится. Я бы на вас не стал полагаться, потому что вы не из тех людей, на кого можно положиться. Я был бы рад, если бы вы сдохли, и, хотя я очень хочу, чтобы кто-нибудь доехал, надеюсь, это будете не вы. Я ненавижу вас. А теперь идем. Машина ждет.

Дентон поднялся.

Поднялся и Таннер, глядя на него сверху вниз и скалясь в усмешке.

— Я доеду. Если этот бостонец доехал и помер, то я доеду и останусь жить.

Они подошли к двери.

— Желаю удачи, — процедил Дентон. — Не ради вас, конечно.

— Конечно, я понимаю.

Дентон открыл дверь.

— Освободите его. Он едет.

Старший полицейский передал обрез тому, кто угощал Таннера сигаретами, и полез в карман за ключами. Отомкнув наручники, он отступил назад и повесил их себе на пояс.

— Я пойду с вами, — сказал Дентон. — Гараж внизу.

Когда они ушли, миссис Фиск достала из сумочки четки и склонила голову. Она молилась за Бостон, она молилась за душу усопшего гонца. Она помолилась даже за Черта Таннера.

Они спустились вниз, и Таннер увидел три машины и пятерых мужчин, сидящих вдоль стены. Одного он узнал.

— Денни, — шагнув вперед, промолвил он, — по-дойди сюда.

К нему приблизился стройный светловолосый юноша, держащий в правой руке шлем.

— Какого дьявола ты здесь ошиваешься? — требовательно спросил Таннер.

— Я — второй водитель машины номер три.

— У тебя собственный гараж и нет никаких грязных дел за спиной. Чего ради ты согласился?

— Дентон предложил мне пятьдесят тысяч, — сказал юноша, и Таннер отвел взгляд. — Я хочу жениться, и они бы мнегодились.

— Я считал, что тебе хватает.

— Да, но я собираюсь купить дом.

— Твоя девушка знает, что ты надумал?

— Нет.

— Послушай, у меня другого выхода нет. А ты можешь не соглашаться...

— Это уж мне решать.

— ...поэтому вот что я тебе скажу: поезжай в Пасадену, в то место, где мы играли мальчишками. Помнишь скалы у больших деревьев?

— Конечно.

— От дерева в центре, с той стороны, где я вырезал свои инициалы, отмерь семь шагов и копай там фута на четыре. Ты понял?

— Ну. А что там такое?

— Мое наследство. Найдешь стальной ящик, наверное, весь проржавевший. Внутри, в опилках, запаянная с обеих сторон труба. В ней чуть больше пяти тысяч; купюры чистые.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что теперь это твои деньги, — ответил Таннер и ударил юношу в челюсть. Денни упал, и Таннер еще трижды ударил его ногой в ребра, прежде чем подоспели полицейские.

— Идиот! — закричал Дентон. — Проклятый, сумасшедший идиот!

— Угу, — ухмыльнулся Таннер. — Но мой брат не поедет по Долине Проклятий, пока я рядом и в состоянии вывести его из игры. Лучше ищите другого водителя — у Денни переломаны ребра. Или дайте мне вести самому.

— Значит, ты поведешь один, — решил Дентон. — Мы не можем больше ждать. В машине есть тонизирующие средства, не дай Бог тебе заснуть. Если отстанешь, тебя сожгут. Не забывай.

— Не забуду. И вас не забуду, мистер, если когда-нибудь снова окажусь в этом городе. Не сомневайтесь.

— Тогда садись в машину номер два. Вакцина под задним сиденьем... Двигай, подонок!

Таннер сплюнул на пол и повернулся спиной к министру транспорта. Несколько полицейских оказывали первую помощь его брату, один побежал за врачом. Пока Дентон разбивал оставшихся четырех водителей на пары, Таннер забрался в машину, завел мотор и стал ждать. В одном из отделений он нашел сигареты, закурил и откинулся на спинку сиденья.

Водители заняли места в бронированных автомобилях. Ожила рация; раздались треск, гул, шорох и, наконец, голос:

— Машина номер один — готовы!

Затем, после паузы, другой голос доложил:

— Машина номер три — готовы!

Таннер взял микрофон, вдавил кнопку сбоку и произнес:

— Готов.

— Пошли!

Машины поднялись по наклонной плоскости, проехали через откатившиеся в сторону стальные двери и влились в ураган.

Путь от Лос-Анджелеса до шоссе № 91 оказался настоящим кошмаром. Вода низвергалась потоками, и камни с бейсбольный мяч величиной колотили в броню автомобилей. Таннер закурил, включил специальные фары, надел инфракрасные очки и упорно шел сквозь свирепствующую ночь.

Рация трещала, и много раз ему чудились далекие голоса, но ни разу он не мог разобрать слов.

Сначала машины двигались по шоссе, а когда оно кончилось и шины, соприкоснувшись с исковерканной землей, натужно завздохали, Таннер вырвался вперед. Остальные послушно пристроились сзади. Он знал дорогу, они — нет.

Таннер выбрал старый путь контрабандистов, по которому обычно провозил сласти мормонам. Возможно, кроме него, уже не осталось в живых людей, знавших эту дорогу.

Начали срываться молнии, и не по одной, а целыми стенами. Машина была заземлена, однако вскоре волосы у Таннера на голове встали дыбом. Один раз ему показалось, что он увидел гигантскую джилу, но Таннер не был в этом абсолютно уверен и даже не повернулся к пульта управления огнем. Судя по задним экранам, один из автомобилей выпустил ракету, однако радиосвязь была потеряна, как только они выехали из гаража.

Навстречу неся разбивающийся о машину поток воды. В небе гроыхала артиллерийская канонада. Прямо впереди упал булыжник размером с могильную плиту, и Таннер резко крутанул руль, объезжая его. С севера на юг небеса прорезали яркие багровые вспышки. В их свете он различал множество черных полос, скользящих с запада на восток.

Таннер объехал очаг радиации, не ослабевшей за те четыре года, что он здесь не был, и у места, где песок сплавился в стеклянное озеро, сбавил скорость, остерегаясь скрытых расселин.

Еще трижды обрушивались лавины камней. Затем небеса раскололись, и оттуда полился яркий голубой свет. Темные шторы откатились, гроыхание стихло. Только на севере еще было заметно бледно-лиловое свечение. Зеленое солнце падало за горизонт.

Таннер вырубил инфрапрожекторы, стянул очки и включил обычные ночные фары.

Что-то большое, похожее на гигантскую летучую мышь, промелькнуло в коридоре света. Через пять минут тварь возникла снова, на этот раз гораздо ближе, и Таннер выпустил осветительную ракету. Обрисовалась черная туша футов сорок в поперечнике. Таннер дал две

очереди из пулемета, туша провалилась и больше не появлялась.

Для всех людей здесь уже была Долина Проклятий; для Черта Таннера это все еще была автостоянка. Он проходил тут тридцать два раза. Лично для него Долина Проклятий начиналась с места, раньше называвшегося Колорадо.

Самолеты давно не летали. Ни один аппарат не мог подняться выше двухсот футов — туда, где хозяйничали свирепые ветры, опоясывающие земной шар. Эти ветры сносили вершины гор, вырывали гигантские секвойи, разрушали здания, забрасывали птиц, летучих мышей и насекомых в мертвую зону. Они пронизывали небо черными полосами, начиненными мусором. Иногда полосы сталкивались и сливались, обрушивая на землю тонны этого месива, если его масса оказывалась слишком большой. Воздушное сообщение абсолютно исключалось, ибо ветры были повсюду и никогда не утихали — по крайней мере, на двадцатипятилетней памяти Черта Таннера.

Таннер упорно двигался вперед, под углом к заходящему зеленому солнцу. Продолжала падать пыль, небо стало фиолетовым, потом опять багровым, и наступила ночь. Высоко-высоко чуть заметными пятнышками мерцали звезды. Через некоторое время взошла луна, и в сиянии ее полубрезанного лика ночь была цвета красного вина, тускло освещенного свечой.

Таннер вытащил сигарету, закурил и стал ругаться — медленно, тихо и бесстрастно.

Они прокладывали путь сквозь нагромождения камней, кусков стали, обломков автомобилей.

Вдруг перед Таннером возникло отливающее зеленою туловище с мусорный бак в поперечнике, и он остановил машину. Змея была не менее ста двадцати футов длиной, и только когда вся она проползла, Таннер снял ногу с тормоза и плавно нажал на педаль газа. Он посмотрел на левосторонний экран, и ему показалось, что во тьме сверкают два огромных глаза. Таннер положил руку на пульт управления огнем и не снимал ее до тех пор, пока не проехал несколько миль.

Окон в автомобиле не было — только экраны, дающие обзор во всех направлениях, включая небо наверху и землю под машиной. Автомобиль тридцати двух футов в длину, защищавший водителя от радиации, двигался на восьми колесах с армированными покрышками. Он был оборудован десятью пулеметами пятидесятого калибра и четырьмя гранатометами и, кроме того, нес тридцать бронебойных ракет, которые можно было пускать прямо перед собой или под углом возвышения до сорока градусов. Со всех четырех бортов и на крыше стояло по огнемету. Острые, как бритва, «крылья» из закаленной стали размахом в двенадцать футов выдвигались из корпуса на высоте двух с половиной футов и, словно ножи, могли рассечь что угодно. Машина была бронирована, оснащена установкой кондиционирования воздуха, в ней имелись запасы пищи и санитарные удобства. На левой двери был укреплен длинноствольный «магnum». Пистолет-автомат сорок пятого калибра и шесть ручных гранат занимали полку над головой водителя.

Но Таннер сохранил и собственное оружие — длинный тонкий эсэсовский кинжал в правом ботинке...

Таннер стянул перчатки и вытер ладони о штаны. В огнях приборной доски вытатуированное на правой руке сердце светилось красным, пронзивший его нож и буквы имени, наколотые на каждом суставе четырех пальцев, начиная от мизинца, отливали синим.

Таннер перерыл два ближайших отделения, но сигар не нашел. Он бросил окурок на пол, раздавил и достал другую сигарету.

На экране переднего обзора показались заросли, и Таннер сбросил скорость. Он попытался выйти на связь, однако радио доносило лишь треск статических помех. Он опять сбавил скорость, всмотрелся вперед и вверх, остановился, включил фары на полную яркость и задулся.

Перед ним стояла плотная стена колючего кустарника высотой около двенадцати футов. Она тянулась налево и направо, и конца ей не было видно. Судить о ее прочности Таннер не мог, так как еще несколько лет назад стены здесь не было.

Две другие машины остановились сзади и притушили огни. Таннер медленно подъехал вплотную к зарос-

лям и включил фронтальный огнемёт. Длинный язык пламени рванулся вперед, облизывая кустарник.

Он выключил огнемёт, подождал и включил снова. Огонь яростно взметнулся вверх и растекся в стороны. Таннер подал назад и уменьшил яркость экранов. Пожар неистовствовал, расширяясь на сто футов, двести, триста... Перед Таннером в обе стороны текла река огня, и ночь озарялась языками пламени.

Он глядел на пылающий поток, пока ему не начало казаться, что перед ним расплавленный океан. Тогда Таннер полез в холодильник, но пива не обнаружил. Он достал прохладительный напиток и, посасывая из банки, стал смотреть на беснующийся огонь. Через десять минут включился кондиционер. Орды черных тварей закрыли передний экран, по бамперу и крыше заскрежетали когти.

Таннер притушил фары, выключил двигатель и швырнул пустую банку в корзину для мусора. Потом откинул спинку кресла, устроился поудобнее и закрыл глаза.

Его разбудили гудки. Еще стояла ночь. Судя по часам на приборной панели, он проспал чуть больше трех часов.

Таннер потянулся и сел. Две другие машины подъехали и стояли по бокам. Он дважды нажал на клаксон и завел мотор. Потом зажег передние фары и, натягивая перчатки, стал осматриваться.

Почерневшая почва еще дымилась, и где-то вдали слева и справа мерцало сияние, словно пожар продолжался.

Он потер глаза, почесал нос, затем дал еще один гудок и отжал сцепление. Машина въехала на выгоревшее поле, и экраны сразу заволокло клубами дыма. Под колесами трещали чьи-то хрупкие останки. Таннер выпустил осветительную ракету и в ярком холодном свете увидел тянущуюся до горизонта мертвую выжженную равнину.

Он вдавил акселератор, и расположившиеся по флангам и чуть сзади машины разъехались далеко в стороны, чтобы не попасть в черные тучи пепла, поднятые

его броневиком. Затрещало радио, раздался слабый голос, но слов было не разобрать.

Он снова нажал на клаксон и прибавил скорость.

Через полтора часа пепел кончился, и впереди оказался чистый песок. Они опять двигались по пустыне. Таннер сориентировался по компасу и взял чуть западнее. Машины номер один и номер три повторили его маневр и с той же скоростью шли следом.

Одной рукой он держал руль, другая была занята бутербродом с солониной.

Когда наступило утро, Таннер принял тонизирующую таблетку и прислушался к завыванию ветра. Справа серебряным расплавленным шаром поднялось солнце, и треть янтарного небосвода затянуло, словно паутиной, тонкими нитями. Пустыня сверкала топазом. Постоянно висящая за спиной бурая пелена пыли, пронизываемая лишь восемью копьями света идущих сзади машин, приобретала розовый оттенок, по мере того как солнце наращивало ярко-красную корону и тени бежали на запад.

Мимо пронеслась стая гигантских крыс. Далеко впереди Таннер увидел низвергающийся с неба водопад, но когда машина подъехала к влажному песку, тот исчез. Слева валялась дохлая акула, повсюду были водоросли, водоросли, водоросли...

Таннер залпом выпил бутылку ледяной воды и почувствовал, как она комом легла в желудке. У огромного оранжевого кактуса, формой напоминавшего поганку футов пятидесяти в диаметре, сидела пара койотов с высунутыми ярко-алыми языками. Казалось, они смеются.

Таннер нажал кнопку, и кабину наполнили мягкие звуки струнных инструментов. Он выругался, однако музыку оставил.

Вскоре ему попало еще одно озеро расплавленного песка с колоссальной воронкой посередине, которую пришлось объехать. Небо постепенно бледнело, его розовый цвет менялся на синий. Темные линии на нем сохранились; иногда одна из них расширялась в черную реку, текущую на восток. В полдень такая река на одиннадцать минут затмила солнце. Налетела пыльная буря, и Таннер включил радар и фары. Он знал, что где-то впереди проходит расщелина; наткнувшись на нее, взял

влево и ехал вдоль края около двух миль, пока она не сузилась и наконец не исчезла. Бурю развеял резкий порыв ветра, и Таннер надел темные очки: блеск солнечного света, отраженного от зеркальной равнины, слепил глаза.

По пути встречались какие-то высокие кварцевые образования. Таннер и раньше никогда не останавливался, чтобы осмотреть их повнимательней, не имел он такого желания и сейчас.

Опять начался песок — белый, серовато-коричневый и красный. На склонах огромных вздымающихся дюн кое-где росли кактусы. Небо продолжало менять цвет, пока не стало голубым, как глаза младенца. Таннер тихоноcko мычал в такт музыке. И тут он увидел чудовище.

Это была гигантская джила — ядовитая ящерица, громадная, больше автомобиля. Она выскочила из-за затененной гряды и помчалась навстречу машине. Ее чешуйчатое тело сверкало на солнце разноцветными красками, темные глаза смотрели не мигая, песчаные струйки срывались с широкого, заостренного к концу хвоста.

Таннер не мог использовать ракеты, потому что чудовище было сбоку. Он открыл пулеметный огонь, выдвинул «крылья» и вжал педаль газа в пол. Затем пустил облако огня. Открыли стрельбу и другие машины.

Джила взмахнула хвостом и разинула пасть. Фонтаном ударила и потекла на землю кровь. Потом в чудовище попала ракета. Оно повернулось и прыгнуло...

Когда огромная безжизненная туша упала на машину номер один, раздался громкий скрежещущий звук.

Таннер развернулся, затормозил и бросился к искореженной машине. Но прежде чем приблизиться к ней, он выпустил из винтовки шесть пуль в голову чудовища.

Распахнутая дверца висела на нижней петле. Внутри лежали двое; на приборной доске адела кровь.

Подожли два других водителя; все молча смотрели на машину. Затем тот, кто был поменьше ростом, влез в исковерканный салон, пощупал пульс, прислушался к дыханию.

— Майк мертв, — сообщил он, — а Грег, по-моему, приходит в себя.

У заднего бампера появилось быстро расплывающееся пятно, в воздухе запахло бензином. Таннер вытащил сигарету, передумал и засунул ее в пачку. Слышно было, как с бульканьем льется на землю горячее из топливных баков.

Человек, стоявший рядом с Таннером, проговорил:

— Никогда не видел ничего подобного. Только на картинках...

— Я видел, — оборвал его Таннер.

В эту минуту из машины выбрался низкорослый водитель, тащивший за собой Грега.

— С Грегом все в порядке. Просто ударился головой о приборную доску. Возьми его к себе, Черт, тебе нужен напарник.

Таннер пожал плечами, отвернулся и зажег сигарету.

— Здесь, по-моему, курить не... — начал стоявший рядом водитель. В ответ Таннер выпустил ему в лицо клуб дыма.

В Греге, похоже, текла индейская кровь. Скуластый, темноволосый и темноглазый, с густым загаром, ростом он не уступал Таннеру, хотя был полегче. Теперь, когда Грег глотнул свежего воздуха и несколько оправился, осанка его стала прямой; двигался он легко, с кошачьим изяществом.

— Надо похоронить Майка, — сказал тот, который был пониже ростом.

— Жаль терять время, — отозвался его товарищ, — однако...

И тут Таннер швырнул сигарету в темную лужу под машиной и бросился на землю.

Взметнулось пламя. С визгом сорвавшиеся ракеты прочертили темные борозды в раскаленном полуденном воздухе. Начали взрываться пулеметные патроны, за ними ручные гранаты. Таннер все глубже зарывался в песок, закрывая голову и зажимая уши.

Когда наконец все стихло, он потянулся за винтовкой, но его опередили, и Таннер, глядя в дуло пистолета, медленно поднял руки и встал.

— Какого черта ты это сделал? — взревел человек с пистолетом.

— Теперь не надо хоронить, — усмехнулся Таннер. — Кремация ничуть не хуже.

— Ты мог всех нас угробить, если бы пулеметы или ракеты были нацелены в нашу сторону!

— Я посмотрел.

— Осколки... А, понимаю! Ну-ка, приятель, подбери свою винтовку... Дулом к земле!.. Разряди и положи патроны в карман... Хотел от нас отделаться, да? Чтобы самому улизнуть, как пытался вчера?

— Я этого не говорил.

— Но это так. Тебе ведь наплевать, если в Бостоне все загнуты?

— Винтовка разряжена.

— Тогда забирайся в машину и пошел! Учти — я буду сзади.

Таннер направился к своей машине. Он слышал за спиной шум спора, но был уверен, что они не станут стрелять. Открыв дверцу, он увидел краем глаза тень и резко обернулся. Рядом стоял Грег, высокий и тихий, как призрак.

— Хочешь, я поведу? — бесстрастно предложил он.

— Отдыхай. Я пока в форме. Может быть, позже.

Грег кивнул, обошел машину и, усевшись, сразу откинул спинку сиденья. Таннер захлопнул дверцу и завел мотор. С гулом ожил кондиционер.

— Перезаряди и положи на место. — Он передал винтовку и патроны, натянул перчатки и добавил: — В холодильнике полно лимонада. И ничего другого.

Напарник снова молча кивнул.

— Что ж, покатили, — пробормотал Таннер, услышав заработавший двигатель машины номер три, и отжал сцепление.

Чарльз Бритт слушал колокольный звон. Его офис находился наискось от собора, и от каждого удара массивного колокола содрогались стены. Бритт рассеянно просматривал папку с документами суда, чувствуя, как от монотонных ударов вибрируют пломбы и начинают болеть зубы. Убрав со лба прядь светлых волос, он задумчиво взглянул поверх бифокальных очков. Затем, перевернув страницу в пухлой папке, продолжил чтение.

Убытки, сплошные убытки. Эх, если бы он занялся лекарствами! Патентованные препараты и аспирин —

вот, пожалуй, единственное, что сейчас покупают. С одеждой покончено — все обходятся тем, что есть. К продуктам относились с подозрением. Промтовары практически не шли — некому ремонтировать. Да и зачем?

Он глубоко переживал, когда дело касалось одежды, продуктов или промтоваров.

Бритт выругался и перевернул страницу. Никто не работает, никто ничего не покупает. Три судна ожидают в порту, из-за карантина не имея возможности сдать груз, его груз. А ограбления!.. Оставалось лишь проклинать все на свете. Страховые компании наверняка найдут способ расторгнуть с ним контракт; он в этом не сомневался, потому что сам владел большой долей бизнеса. По крайней мере, хоть полиция открывала огонь, когда дело касалось грабителей. Бритт улыбнулся при мысли об этом.

Мелкий дождь застучал по стеклу, размывая очертания собора за окном. Ему стало жалко мокнувшего под дождем городского глашатая, чье «Слушайте! Слушайте!» звучало над площадью, соперничая с ударами бездушного колокола. Он посочувствовал ему, потому что сам он, Чарльз Бритт, в свое время тоже был городским глашатаем — раньше, когда носил короткие штаны и когда его глаза не были еще отягощены очками и чтением толстенных папок. В то время он ненавидел дождь.

Никто не ездил в принадлежащих ему такси. Сегодня всю работу выполняли катафалки и санитарные автомобили. А у него не было ни тех, ни других. Никто не покупал оружия и боеприпасов. Населения стало меньше; оружия вокруг было предостаточно и для нападения, и для защиты. Никто не посещал его кинотеатры, потому что драматизма и страданий в жизни было вполне достаточно, чтобы наполнить жизнь каждого человека.

И никто, совсем никто не покупал последний, специальный выпуск его газеты, за который он платил служащим вдвое. Это был выпуск, посвященный чуме: бросающаяся в глаза первая страница в черной рамке, эксклюзивная статья профессора Гарвардского университета «Чума в истории человечества», материал сугубо медицинского характера о симптомах бубонной и легочной чумы, чтобы читатель мог определить, каким видом чу-

мы он болен, шесть с половиной страниц некрологов, сотня интервью с отцами, матерями, братьями, сестрами умерших, вдовами и вдовцами, а также волнующая статья о шести героях-водителях, направляющихся к западному побережью на трех обреченных автомобилях. Бритт почти плакал, когда видел кипы устаревающих на складах газет, хранящихся напрасно, — ведь ничто так не отдаёт затхлостью, как старая газета, даже если у нее привлекательная, в черной рамке первая страница.

Единственное, что заставило его опять улыбнуться, это последний лист в папке. Бритт сумел в последний момент скупить больше половины всех гробов в городе, два цветочных магазина, содержать которые в настоящее время было накладно, и более пятисот участков на кладбище. «Покупай для рынка, на котором растут цены», — вот его философия, не говоря уже о его религии, понятиях о сексе и эстетике. Это, по крайней мере, послужит грузом на другой чаше весов, возможно, даже принесет ему прибыль. Он представлял себе, что если смерть — волна будущего, то надо скользить по ней.

Бритт напряг слух, опять прислушиваясь к словам глашатая, наполовину теряющимся за ударами колокола.

— ...для сожжения!

Он забеспокоился. Невольно вспомнилась статья гарвардского профессора «Чума в истории человечества». Больницы и морги сейчас переполнены, как когда-то были переполнены старые покойницкие. Поэтому в такое время необходимо... Да.

— Массовая кремация во избежание распространения эпидемии, — выкрикивал мальчик. — Выделено три места, куда надлежит доставлять умерших для сожжения! Первое место — бостонский...

Чарльз Бритт захлопнул папку, снял очки и начал протирать их. Он решил подать заявление завтра. Крепко сжав губами холодное лезвие, он почувствовал во рту металлический привкус.

Они ехали молча на протяжении получаса. Потом Грег произнес:

— Это правда, что сказал Марлоу?

— Какой еще Марлоу?

— Который ведет другую машину. Ты пытался убить нас? Ты в самом деле хотел смяться?

Таннер засмеялся:

— Верно. Угодил в точку.

— Почему?

— А почему бы и нет? — помолчав, ответил Таннер. — Я не рвусь умирать. Лично мне хочется отодвинуть это событие как можно дальше.

— Но если мы не дойдем, половина народу на континенте погибнет! — воскликнул Грег.

— Когда стоит вопрос «я или они», то «я» мне как-то ближе.

— Откуда только берутся такие люди...

— Тем же образом, что и остальные, — усмехнулся Таннер. — Сперва двое забавляются, а потом кто-то расхлебывает.

— Что они тебе сделали, Черт?

— Ничего. А что они сделали для меня? Тоже ничего! Что я им должен? То же самое.

— Зачем ты избил своего брата?

— Не хочу, чтобы он подох по собственной глупости. Ребра срastутся, а вот смерть — штука непоправимая.

— Я не о том... Разве тебе не плевать, если он загноится?

— Он хороший парень. Но сейчас зациклился на своей девочке и валяет дурака.

— Ну а тебе-то что?

— Я же сказал: он мой брат и хороший парень. Он мне по душе.

— То есть?

— О, черт подери! Мы с ним немало повидали, вот и все! Что тебе от меня надо?

— Просто любопытно.

— Отвяжись! Подыщи другую тему, если хочешь болтать, ясно?

— Ясно. Ты здесь уже бывал?

— Да.

— А дальше к востоку?

— Я доезжал до самой Миссисипи.

— Ты знаешь, как перебраться на тот берег?

— Вроде бы. У Сент-Луиса сохранился мост.

- А зачем ты так далеко заходил?
- Хотел посмотреть, что там творится. Я слышал дикие истории.
- И на что же это похоже?
- На кучу хлама. Сожженные города, огромные воронки, обезумевшие звери, люди...
- Люди? Там есть люди?
- Если можно их так назвать. Все чокнутые. Бродят в каких-то лохмотьях или в шурах, а то и голышом. Швыряли в меня камнями, пока я не пристрелил парочку. Только тогда оставили в покое.
- Давно это было?
- Лет шесть-семь назад. Я совсем юнцом был.
- И никому не рассказывал?
- Рассказывал. Двум друзьям. Больше меня никто не спрашивал. Мы собрались отправиться туда за девочками, но ребята струхнули.
- А что бы вы с ними сделали?
- Таннер пожал плечами.
- Не знаю. Продали бы, наверное.
- Вы там действительно... ну, продавали людей?
- Таннер снова пожал плечами.
- Бывало, — бросил он. — До Рейда.
- Как ты ухитрился остаться в живых? Говорят, тогда никто не ушел.
- Я сидел. За бандитизм.
- А чем занимался, когда тебя выпустили?
- Позволил себя перевоспитывать. Мне дали работу — развозить почту.
- А, слышал. Правда, только сейчас догадался, что речь шла о тебе. Вроде сначала все складывалось хорошо — ты даже шел на повышение. А потом избил начальника и потерял работу. Как это получилось?
- Он вечно поддевал меня по поводу прошлого, вспоминал мою старую банду с Побережья... Ну и в один прекрасный день я велел ему заткнуться. Он расхохотался, а я жажнул его цепью. Выбил у ублюдка передние зубы.
- Дела...
- Я был у него лучшим водителем. Никто больше не соглашался ходить на Альбукерке, даже сегодня не соглашаются. Разве уж совсем припрет с деньгами.

— Ну а пока ты ездил, нравилось?

— Да, я люблю водить.

— Тебе, наверное, следовало попросить перевода, когда он стал приставать.

— Знаю. Сейчас бы я, пожалуй, так и сделал. А тогда я был совсем бешеный.

— Если мы дойдем до Бостона и вернемся назад, тебе наверняка удастся получить это место. Ты бы согласился?

— Во-первых, — сказал Таннер, — я не думаю, что мы дойдем. А во-вторых, если нам все-таки повезет и если там еще есть люди, я вряд ли вернусь обратно.

Грег кивнул:

— Разумно. Ты будешь героем. И никому не известно твое прошлое. Можно неплохо устроиться.

— К черту героев... — процедил Таннер.

— А я вот вернусь. У меня старуха мать и орава братьев да сестер, о которых надо заботиться. И девушка.

Небо постепенно бледнело, и Таннер увеличил яркость экранов.

— Расскажи мне про свою мать.

— Она у нас хорошая. Вырастила семерых. А сейчас у нее тяжелый артрит... Днем она работала, но всегда готовила нам еду, а иногда приносила что-нибудь сладкое. Шила одежду, играла с нами, бывало, вспомнит о довоенных временах...

— А твой старик? — после короткого молчания спросил Таннер.

— Он сильно пил, часто сидел без работы. Но никогда не дрался. Погиб, когда мне и двенадцати не было.

— И теперь обо всех заботишься ты?

— Да. Я старший.

— Чем ты занимался?

— Работал на твоём месте. Возил почту в Альбукерке.

— Не шутишь?

— Нет.

— Будь я проклят!.. Горман все еще инспектор?

— Ушел на пенсию в прошлом году, по инвалидности.

— Черт побери, забавно! Послушай, ты там, в Альбукерке, никогда не бывал в баре «У Педро»?

— Бывал.

— У них играла на пианино такая маленькая блондиночка, Маргарет...

— Сейчас ее нет.

— А...

— Вместо нее какой-то парень — жирный, со здоровенным кольцом на левой руке.

— Как твоя голова? — немного погодя спросил Таннер.

— Вроде бы нормально.

— Сможешь вести?

— Конечно.

— Тогда садись за руль. — Таннер ударил по клаксону и остановил машину. — Иди по компасу миль сто, а потом меня разбудишь. Ясно?

— Хорошо. На что обращать внимание?

— На змей. Наверняка попадетя парочка. Ни в коем случае не наезжай на них.

— Понял.

Они поменялись местами. Таннер откинулся на спинку кресла, зажег сигарету и заснул, не выкурив и половины.

Колокол заглушал его слова, но поскольку он повторял их многократно, то ничего не прошло мимо ушей восьми стойких слушателей, съездившихся на скамейках перед ним, — пяти женщин и трех мужчин разного возраста. Другие подходили и, постояв в некотором отдалении, ближе к светофору, послушав, торопились дальше, так как накрапывал дождь. Да и все уже знали то, о чем он говорил. Воротник его обтрепался, правая рука была забинтована, и казалось, что с каждым взмахом руки повязка становилась все грязнее и грязнее.

— Следы на моем теле... они говорят, что мои дни... — Его глаза, темные и слезящиеся, как ночь и дождь, сверкали, словно огни светофора. — Божья кара!.. Все мы и каждый из нас: мужчины... дети... наказаны этим!.. Можете мне поверить... и больше ничего! Вы видите... день своей жизни. И сейчас... зол, братья мои, за... что мы все вместе... *Вы* знаете это! *Я* знаю это!.. говорит нам об этих днях! Может... посмотреть вокруг и не сумеет... именно эти слова... реальностью в нашей... Конечно, нет! Пото-

му что... бежал слишком долго, и люди обратились к... Ничего удивительного, что Тварь... с семью головами и десятью рогами... их, возникает из океана... семь печатей сломано... четыре всадника, чьи имена известны... что страшный хищник!.. Кто идет за ним... кто кладет руки на нас... последний, ужасный, смертельный! ...Свершил суд над нами, и теперь только... может спасти нас от страшного... лежащего на человечестве! Да, вот ответ, братья! Истинный... еще может спасти нас от... куда попадут все... есть отметины... на руках и на лбу!.. сказано в святом... Можем ли мы думать по-другому? Можем ли мы... это? В ваших сердцах есть ответ!.. Давайте объединимся и...

Он опустил голову, передохнул и продолжил сражаться с колоколом, потому что знал: шансы в его пользу.

— Как долго? Как долго? О, мой... Доколе человечество не увидит вездесущего...

И вдруг небеса наполнились тайными, не поддающимися расшифровке знаками, когда голубая молния прорезала все небо от полюса до полюса. Изумленный, проповедник облизал мокрые от дождя губы и проглотил несколько капель, смочив пересохшее горло.

Когда Грег разбудил его, стояла ночь. Таннер покашлялся, отпил глоток ледяной воды и пролез в туалет. Выйдя, он занял место водителя, взглянул на счетчик пути и определился по компасу.

— К утру доберемся до Солт-Лейк-Сити, если повезет. Все нормально?

— Никаких осложнений. Видел парочку змей и держался от них подальше.

Таннер ухмыльнулся и тронул машину.

— Как звали того парня, который принес известие об эпидемии?

— Не то Брейди, не то Бройди...

— Он не болел? Мог ведь занести мор в Л-А...

Грег покачал головой:

— Нет. Его машина была разбита, сам он покалечен, ну и облучился. Тело сожгли, машину тоже, и всем, кто с ним имел дело, вкололи дозу Хавкина.

— Это что еще за штука?

— То, что мы везем. Сыворотка Хавкина, единственное средство от чумы. Тебе делали какие-нибудь уколы?

— Перед тем, как выпустить... Интересно, где он перебирался через Миссисипи? Не говорил?

— Он вообще ничего не успел сказать. Все стало известно из письма.

— Должно быть, чертовски хороший водитель... Я бы с ним с удовольствием познакомился.

— Я тоже. Жаль, что теперь нельзя связаться с Бостоном по радио, как в старые времена.

— Почему?

— Тогда ему не было бы нужды ехать. Да и мы, между прочим, знали бы, стоит ли спешить. Покойникам сыворотка ни к чему.

— Что правда, то правда... Гляди!

Весь экран закрыли кувыркающиеся в воздухе гигантские летучие мыши.

— Да их здесь тысячи...

— Похоже. Вроде бы больше, чем пару лет назад. В Солт-Лейк-Сити мне рассказывали об их ярости. Настанет день, когда кому-то придется освободить место — им или нам.

— Знаешь, ты напарник не из самых веселых...

Таннер, посмеиваясь, закурил.

— Свари-ка лучше кофе, — сказал он. — А об этих тварях пусть беспокоятся наши дети, если они у нас будут.

Грег залил кофейник водой и поставил на плитку. Через несколько минут тот забурчал.

— Что за чертовщина? — проговорил Таннер и нажал на тормоз.

Вторая машина тоже затормозила и остановилась в нескольких сотнях ярдов сзади. Таннер включил рацию и взял микрофон.

— Номер три! Вы с таким сталкивались?

В миле впереди между небом и землей вращались, покачиваясь из стороны в сторону, огромные конические воронки. Их было около пятнадцати. Они то застывали, словно колонны, то принимались танцевать, ввинчиваясь в землю, всасывая желтую пыль и затмевая собой звезды.

— Я слышал о смерчах, — произнес Грег. — Никогда сам не видел, но по описанию — это они.

Затрещал приемник, и донесся приглушенный голос водителя по имени Марлоу:

— Гигантские пыльные дьяволы. Все, что засосет такая штука, выбрасывается наверх в мертвый пояс. Мой партнер их видел. Советует выбросить якоря и закрепитесь.

Таннер не спешил отвечать. Он смотрел вперед. Постепенно смерчи увеличивались в размере.

— Они приближаются, — наконец сказал он. — Я не собираюсь торчать на месте, словно подсадная утка. Я хочу иметь свободу маневра. Пойду на них.

— По-моему, это ошибка.

— Тебя никто не спрашивает, мистер. Но если бы у тебя башка варила, ты бы сделал то же самое.

— Учти, я держу тебя на прицеле, Таннер.

— Ты не станешь стрелять — ведь я могу быть прав. Кроме того, со мной Грег.

Наступила тишина, прерываемая шумом помех, потом голос произнес:

— Твоя взяла, Черт, иди.

— Я дам осветительную ракету, когда выскочу на ту сторону, — отозвался Таннер. — Как увидите, трогайтесь.

Таннер выключил рацию и посмотрел вперед, на раздувшиеся черные колонны.

— Ну, поехали, — сказал он, включая фары на полную яркость. — Пристегнись, парень.

Машина двинулась. Покачивающиеся колонны росли на глазах, и теперь слышался резкий звенящий звук, свирепый хор ветров. Таннер прошел от первой воронки ярдах в трехстах и взял влево, чтобы объехать ее прямо по ходу. На смену ей тут же выросла другая, и он снова принял влево. Впереди открылся проход, и Таннер устремился меж двух черных, как смоль, столбов. Уши заложило, руль едва не вырвало из рук. Он резко взял вправо и, набирая скорость, проскочил мимо еще одного столба, который мгновение спустя прошел у него за спиной.

Таннер тяжело выдохнул и повернул налево. Его окружали четыре воронки. С одного бока две из них слились и с пронзительным визгом двинулись прочь. Пере-

секая его путь, слева направо неслась третья воронка, и он так резко затормозил, что ремень врезался в грудь. Передок машины уже было оторвался от земли, но через секунду, отпущенный, тяжело упал. Таннер вдавил педаль газа в пол, проскочил между последними двумя столбами, и все осталось позади.

Проехав еще с четверть мили, он поднялся на небольшой холм, развернулся и остановил машину. Отсюда Таннер пустил осветительную ракету. Она взмыла в воздух и на полминуты зависла высоко наверху, словно умирающая звезда. Таннер закурил сигарету и стал ждать.

— Ничего, — произнес он, затушив окурочок. — Может быть, они не увидели...

— Надеюсь, — отозвался Грег.

— Сколько ты хочешь ждать?

— Давай выпьем кофе.

Прошел час, второй. Столбы начали рассасываться. Наконец их осталось только три, самых тонких. Затем воронки двинулись на восток и вскоре скрылись из виду.

— Давай вернемся, — предложил Грег.

— Хорошо.

Они вернулись. И ничего не нашли, совершенно ничего, что могло бы поведать о судьбе машины номер три. Когда они закончили поиски, на востоке уже занималась заря. Таннер сверился с компасом и повернул на север.

— Как скоро, по-твоему, мы доберемся до Солт-Лейк-Сити? — спросил Грег после долгого молчания.

— Может быть, часа через два.

— Ты боялся, когда проходил эти чертовы штуки?

— Нет. Вот потом...

Грег кивнул.

— Хочешь, я сяду за руль?

— Я все равно не засну. В Солт-Лейк заправимся и перекусим, пока механик проверит машину. Затем найду нужную дорогу, и ты поведешь.

Черные полосы снова стали расширяться. Таннер выругался и прибавил скорость. Две летучие мыши решили рассмотреть машину поближе, и он выпустил в них струю из огнемёта.

Грег протянул ему чашку кофе.

Когда они достигли Солт-Лейк-Сити, небо было затянуто синей пеленой. Джон Брейди — так звали гонца из Бостона — побывал здесь всего несколько дней назад, и город ждал. Почти все десять тысяч его жителей высыпали на улицу. Черт и Грег въехали в первый попавшийся гараж; прежде чем они успели вылезти из машины, подскочили три механика, подняли капот и начали копать в двигателе.

К ним подошел один из механиков — невысокого роста, с загоревшим, лоснящимся от жира лицом, так что его глаза казались еще бледнее, чем на самом деле. Он протянул было руку для приветствия, но, взглянув на грязь, окаймлявшую ногти, отдернул ее и вытер о свой зеленый комбинезон. При этом он ухмыльнулся, обнажив целый ряд золотых коронок.

— Привет. Меня зовут Монк. Вы те, кто направляется в Бостон, да?

— Точно.

— Моим ребятам потребуется часа два, чтобы привести вашу машину в порядок. Как вас зовут?

— Грег.

— Черт.

— Черт?

— Черт, — повторил Таннер. — Где тут у вас можно поесть?

— Через дорогу есть ресторанчик, но, судя по толпе возле дома, вам туда не пробиться. Хотите, отправлю кого-нибудь из парней, чтобы принесли перекусить? Поедите в моем кабинете.

— Хорошо.

— Я думал, что отправили несколько машин.

— Так и было. Две мы потеряли.

— О, печально слышать. Знаете, я разговаривал с тем парнем, Брейди, когда он был здесь. Он сказал, что из Бостона отправили шесть машин. Он сам чувствовал себя совсем неважно, а его автомобиль выглядел, как после бомбежки. Наш президент просил его остаться, сказал, что дальше мы отправим своих людей. Но Брейди и слушать не хотел: заявил, что уж если добрался сюда, то с Божьей помощью доберется и до Лос-Анджелеса.

— Дурак, — сказал Таннер.

— Он даже вытащил карабин, когда мы попытались отвести его к врачу. Так и не вышел из машины. Я думаю, что у него не все дома. Именно поэтому мы послали свою машину следом — хотели удостовериться, что вы получите сообщение.

— Какую машину? — спросил Грег.

— Разве?..

Грег пожал плечами.

Монк достал из нагрудного кармана пачку сигарет, предложил всем. Его руки подрагивали, когда он держал горящую спичку.

— Я думал, что наш водитель...

— Только Брейди, — сказал Грег. — Больше никто.

— Как он?

— Мертв.

— Защитная броня его автомобиля совсем никуда не годилась. Счетчик Гейгера просто зашкаливал, когда измеряли уровень радиации внутри салона. Мы хотели дать ему другую машину, но он опять вытащил свой карабин. И заявил, что поедет только на своем автомобиле, в каком бы состоянии тот ни был. Броню-то мы укрепили, но второпях ее не так просто дезактивировать. Выезжая отсюда, бедолага Брейди, должно быть, чувствовал себя как в печке. Это еще одна из причин, почему мы послали Дарвера... Пройдемте в кабинет. — Монк указал жестом на массивную зеленую дверь. — Эй, Рыжий!

Механик помоложе, вполне оправдывавший свое прозвище, прервал работу и подошел, вытирая руки пропитанной бензином тряпкой.

— Что, Монк?

— Помойся и сбегай через дорогу. Купи этим ребятам чего-нибудь поесть и принеси сюда. Мы будем в кабинете.

— Хорошо. Как насчет денег?

— Возьми пятерку из кассы, только отметь в журнале.

— Ясно.

Рыжий направился в дальний угол, где виднелся разрисованный желтыми полосами умывальник. Они вошли в кабинет. Монк закрыл за ними дверь и рукой указал на стулья.

— Располагайтесь. — Он опустил жалюзи, отгородившись ими от четырех пар любопытных глаз, уставившихся через окно. Затем прислонился к зеленому, выдавшему виды шкафу для бумаг и вздохнул. — Я хочу пожелать вам удачи. О, боже!.. Надо было видеть этого Брейди, когда он въехал сюда! Бледный, как смерть!

— Ладно, — прервал его Грег. — Хватит об этом, а? — Извините. Я не хотел. Просто...

— Конечно. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Таннер усмехнулся и выпустил колечко дыма.

— Как думаете, сегодня будет дождь?

Грег открыл рот, но, ничего не сказав, опять закрыл его. Монк приподнял край жалюзи и выглянул наружу.

— Двое полицейских сдерживают людей, а еще один расчищает дорогу для автомобиля. Похоже, это автомобиль президента, но я не уверен.

— Что ему надо? — спросил Таннер.

— Наверное, хочет поприветствовать вас и пожелать удачи.

Грег поправил волосы рукой.

— Как тебе нравится? Сам президент!..

— К чертовой матери.

— Точно, президент, — воскликнул Монк, опустив нижнюю планку жалюзи. — Я пойду встречу его.

— Я бы лучше поел, — сказал Таннер, когда Монк вышел из комнаты.

— Почему ты ведешь себя так? — спросил Грег.

— Как?

— Несносно. Парень этот — большая шишка здесь. Он приехал сказать нам что-нибудь хорошее. Почему ты хочешь лишить его этого удовольствия?

— Кто сказал?

— Я тебе говорю.

— Ну, ты не прав. Я буду самым милым, самым любезным, самым подлизистым героем из тех, с какими этому ублюдку когда-либо приходилось беседовать в надежде, что его переизберут на выборах. Доволен?

— Мне наплевать.

Таннер опять усмехнулся. Доносившийся с улицы гул стал громче, когда где-то открыли дверь. Таннер бросил окурок на бетонный пол и закурил новую сига-

рету. Грег подошел к охладителю воды, наполнил бумажный стаканчик и выпил.

Через несколько секунд раздались шаги, и дверь распахнулась.

Президент, худой лысеющий мужчина с крючковатым носом на розовом лице, обнажив в улыбке ряд жемчужно-белых искусственных зубов, поднял правую руку:

— Меня зовут Трейвис. Я очень рад познакомиться с вами, ребята, и приветствовать вас в славном городе Солт-Лейк-Сити.

— Это — президент, — сказал Монк, вытирая руки о свой комбинезон и улыбаясь.

Таннер встал и протянул руку.

— Меня зовут Таннер, сэр. Для меня большая честь познакомиться с вами. Это мой товарищ, Грег. Я счастлив опять оказаться в Солт-Лейк-Сити. С каждым разом он выглядит все краше.

— Привет, Грег, — лучезарно улыбнулся президент и повернул голову к Таннеру: — Вы бывали у нас прежде?

— Очень часто. Именно поэтому из множества добровольцев для этого дела выбрали меня. До того, как удалиться на отдых, я не выпускал баранку из рук.

— В самом деле?

— Сейчас у меня маленькое ранчо и несколько слуг. Большую часть времени я слушаю классическую музыку и читаю книги по философии, иногда пишу стихи. Когда я слышал об этом деле, то понял: мой долг перед обществом и государством Калифорния — стать добровольцем. Ведь всю жизнь я видел только самое доброе к себе отношение. Таким образом я оказался в вашем городе в очередной раз.

— Восхищаюсь силой вашего духа, мистер Таннер. А почему вы, Грег, вызвались участвовать в этой операции?

— Я... ну, потому что я шофер. Я возил почту в Альбукерке. У меня большой опыт.

— Понятно. Вы оба достойны похвалы. Если все пойдет, как мы ожидаем, вы будете возвращаться по этой же дороге?

— Очевидно, сэр, — ответил Таннер.

— Очень хорошо. Я буду рад встретиться с вами вновь. Вместе пообедаем, и, может быть, вы подробно расскажете о своем путешествии.

— С удовольствием, сэр. Если когда-нибудь доведется попасть в Лос-Анджелес, надеюсь, вы заедите погостить ко мне на ранчо?

— Буду счастлив.

Таннер улыбнулся и стряхнул пепел на пол.

— Я думаю, по какому маршруту нам следовать дальше.

— Шоссе № 40 в хорошем состоянии, правда, никто не знает, как далеко. У нас не было необходимости посылать свои машины в том направлении.

— Понимаю. Что ж, ладно. Я, собственно, и хотел рвануть по этой дороге. Спасибо.

— Рад был помочь. Вы уже поели?

— Один из работающих здесь парней как раз пошел купить чего-нибудь. Он должен скоро вернуться. У нас мало времени.

— Да, вы правы. Если понадобится помощь, дайте мне знать.

— Спасибо.

Они опять пожали друг другу руки.

— Удачи! Наши жители будут надеяться и молиться за вас.

— Мы это высоко ценим, господин президент.

— Еще увидимся.

— До свидания.

— До свидания.

Президент вышел из кабинета, Монк последовал за ним. После их ухода Таннер рассмеялся.

— Зачем ты наговорил ему кучу дерьма, Черт?

— А я знал, что он поверит.

— Почему?

— Он хочет, чтобы все было красиво. Я ему и наговорил красивых вещей — и он поверил. Безмозглый ублюдок и вправду думает, что кто-то согласился на это дело добровольно.

— Некоторые ребята вызвались по собственной воле, Черт.

— Почему же им не разрешили сесть за руль?

— Они не подошли.

— Может, поэтому они и вызвались добровольцами? Теперь могут хвастаться этим... Заметил, как он начал подлизываться ко мне, когда я сказал о долге перед

обществом? Ненавижу таких людей! Все они — обманщики.

— По крайней мере, он ушел весьма довольный.

Таннер снова рассмеялся. Затем открылась дверь, и в комнату вошел Монк в сопровождении Рыжего, который нес большую коричневую сумку.

— Здесь ваш обед. Пойду помогу с машиной, пока вы едите. Между прочим, Черт, там один парень по имени Блинки говорит, что знает тебя.

— Никогда о таком не слышал.

— Ладно, я его тогда отправлю.

Дверь за механиками мягко затворилась. Таннер и Грег приступили к обеду. Через несколько минут дверь медленно приоткрылась, и в комнату заглянул высокий худощавый молодой человек со впалыми щеками и копной светлых волос. Поправив на носу очки с толстыми стеклами, он вошел.

— Привет, Черт.

— Что тебе надо?

— А что у тебя есть?

— Для тебя ничего. Убирайся.

— Разве так разговаривают с тем, кто сделал тебя богатым?

— О каком богатстве ты говоришь?

— Я слышал, как президент рассказывал о твоём ранчо на побережье. Уверен, что все эти бешеные деньги — от наших совместных затей.

— Убирайся!

— Что ты привез на этот раз?

— Лекарство для Бостона.

— Такой парень, как ты, не отправляется в подобное путешествие, если от него не будет прибыли. Выкладывай: что притащил?

— Если ты еще будешь здесь, когда я съем этот гренок, я покажу тебе новый способ причинения боли.

— Черт, в этом городе ты должен иметь дело только со мной. Что везешь? Как обычно, конфеты и мариуану?

Таннер запихнул гренок в рот и поднялся, достав свой эсэсовский кинжал.

— Я смотрю, ты не только плохо видишь, но и плохо слышишь, Блинки, — сказал он, ухватив клинок за лез-

вие таким образом, что острие выступало между большим и указательным пальцами сантиметра на три. Таннер сделал несколько шагов вперед, и Блинки взялся за ручку двери.

— Не пугай меня, Черт. Я тебе нужен.

Таннер вскинул руку с ножом и полоснул Блинки по левой щеке.

— Зачем ты сделал это? — Голос Блинки не изменился.

— Ради смеха, — ответил Таннер и ударил его ногой по голени. Блинки согнулся. Таннер занес нож, но Грег схватил его за руку.

— Ради бога! Прекрати! — взмолился он, когда Таннер левой рукой ударил Блинки в живот. — Просто вышвырни его отсюда! Зачем же резать бедолагу на куски!

Пытаясь высвободить руку, Таннер сильно ударил Блинки коленом промеж ног, тот взвыл и упал на пол. Грег оттащил Таннера в сторону, не дав ему ударить упавшего по ребрам.

— Хватит, черт побери! Кто тебе позволил вести себя так?!

— Ладно. Только убери его с моих глаз!

Грег поднял Блинки с пола. Таннер вытер кинжал о штаны и спрятал. Грег, подставив обмякшему Блинки плечо, помог ему выйти из комнаты. Через несколько минут он вернулся.

— Я соврал о том, что произошло, и мне поверили, потому что у этого парня уже есть судимость. Но зачем ты это сделал?

— Он меня раздражает.

— Чем?

— Он грязный торговец наркотиками, и «нет» для него — не ответ.

— Разве это причина, чтобы так его отделявать?

— Почему же не развлечься?

— Ты — жалкий ублюдок.

— Ешь. Твои гренки остывают.

— Что бы ты сделал, если бы я не остановил тебя? Убил бы его?

— Нет. Может, выбил бы ему пару зубов этими плоскогубцами на столе.

Грег сел и уставился на свой обед.

— Ты спятил, — произнес он наконец.

— Разве все мы не спятили?

— Возможно. Но это было так...

— Грег, ты, наверное, и в самом деле не понимаешь.

Я — Ангел. Я последний Ангел, оставшийся в живых. И я был Ангелом еще до того, как мы сменили хлопок на кожу из-за проклятых штормов. Ты знаешь, что это означает? Я — последний, и мне надо поддерживать репутацию. Я не даю отпора, потому что никто не насаждает. А этот вшивый торговец решил, что может размазать меня по стенке, потому что у него в городе есть сила, если я забастую и начну поставлять товар кому-нибудь другому. Поэтому он пришел и обращался со мной, как хозяин. Пришлось поставить его на место, понимаешь? Я дал ему возможность заткнуться, но он не воспользовался ею. Тогда это уже стало делом чести.

— Но сейчас ты ведь один из всей банды.

— А разве последний католик не будет считать себя папой римским?

— Пожалуй.

— Ну.

— Не думаю, что ты долго протянешь, Черт!

— Согласен. Но я не уверен, что ты протянешь дольше.

Таннер снял крышку со стаканчика с кофе, отпил, посмаковал и звучно рыгнул.

— Я рад, что наконец прищучил этого ублюдка. Он мне никогда не нравился.

— Почему они выбрали тебя?

— Потому, что я хороший шофер. Ты видишь, куда мы добрались?

Грег не ответил. Таннер встал и подошел к окну, раздвинул планки жалюзи.

— Так, толпа немного поредела. Многие перешли на другую сторону улицы и забрались на крышу. — Взглянув на часы, он добавил: — Думаю, нам пора отправляться. Хотелось бы выехать из города засветло.

Грег не ответил, поэтому Таннер открыл шкаф, осмотрел его содержимое, закрыл. Выпив еще глоток кофе, он закурил сигарету.

— Интересно, как там дела с ремонтом?

Грег закончил обед и бросил пустые упаковки в корзину для мусора. Собрав остатки после Таннера, он и их бросил в корзину.

— Ну и лентяй же ты!

Таннер зевнул и вновь выглянул в окно.

— Пойду поищу начальника, — сказал Грег, выходя из комнаты.

Таннер постоял немного, покурил и тоже решил посмотреть, как продвигаются дела.

— Ну как?

— Пока все нормально. Видели того порезанного? Весь в крови.

— Масло менять будете?

— Конечно.

— Сколько времени вам еще нужно?

— Может быть, час.

— Здесь есть черный ход?

— Идите мимо этой красной машины слева. Дверь там.

— Не знаете, снаружи народ стоит?

— Вряд ли. Там одни сорняки и куча мусора.

Таннер пошел в дальний угол мастерской, приоткрыл дверь и, оглядевшись вокруг, вышел наружу. В теплом воздухе пахло копотью и бензином. И все же он с удовольствием ловил ноздрями запах влажной травы.

Вечер еще не наступил, но уже начинало темнеть. Оглянувшись вокруг, Таннер увидел узкую скамейку и направился к ней. Сел, прислонившись спиной к теплой бетонной стене, и закурил. Пламя затухающей спички высветило сваленные в кучу автомобильные крылья, полуоси, детали двигателей, местами покрытые ржавчиной... Над этим бесформенным нагромождением хлама была натянута какая-то лента — словно замороженный в темноте раскат грома. В кроне громадного дерева, ветви которого почти касались земли за кучей хлама, слышалось пение какой-то птицы.

Прихлопнув москита, Таннер почувствовал, как по его лицу пробежал легкий прохладный ветерок — похоже, собирался дождь. Сделав пару глубоких затяжек, он бросил камень в выскочившую из кучи крысу, но не попал и фыркнул. А фыркнув, вдруг представил себе, как переплетаются прошлые преступления и страх от осоз-

нания грядущих неприятностей. Перед мысленным взором встало огромное пламя, словно цветок смерти, охватывающее его автомобиль с двумя темнеющими скелетами внутри; вот взорвались боеприпасы, и все добропорядочные граждане, ненавидевшие его, смеясь и что-то невнятно бормоча, образовали огромное живое кольцо вокруг этого погребального костра и пляшут, сжимая в руках полицейские дубинки...

— Черт бы вас всех побрал, — тихо проговорил Таннер.

Вспомнилось то время, когда он был Номером Один. Полиция провела рейд, убив или схватив всех его людей, а он спокойно сидел в тюрьме. С тех пор он чувствовал себя... безлюдной страной. Теперь другая судьба, другой жребий выпал на его долю — служить тем, кто охотился за ним тогда. Ему не хватало его красавца, его одноглазого маяка в жизни — «харли-дэвидсона» с четырехскоростной коробкой передач, с двумя большими карбюраторами. Не хватало дрожащей, вибрирующей, взрывной мощи между бедрами, ручек управления в руках, запаха жженой резины и выхлопных газов. Ушло. Ушло навсегда. Мотоцикл конфискован и продан в уплату штрафов и судебных издержек. Такова участь всего железа. Вот и сейчас перед ним куча хлама. Кто знает? Мотоцикл был ему почти женой, и эта куча железа могла бы быть его могильным холмом, а его, Таннера, могила — чуть дальше к востоку...

Он выругался и подумал о брате. Последний раз он видел Денни больше года назад. Их разделяла стеклянная стена, а в комнате находился охранник, который разрешил передать сигареты. О чем им было говорить? А сейчас Денни, наверное, лежит где-нибудь в больнице забинтованный, спасенный от огня и кучи дерьма. Нет, брат — единственный, кого следовало спасти.

Таннер прикурил новую сигарету и швырнул окурок в железный хлам. С писком метнулась прочь крыса.

Он вспомнил обряд своего посвящения. Ему тогда было шестнадцать. Ведро передавали из рук в руки, а он гордо стоял в своем светлом костюме и блестящих наручниках и, хотя был немного пьян, не шатался. Все по очереди мочились в ведро, потом содержимое вылили ему на голову. Это было его крещение, он стал Ангелом.

Целый год он носил смердящую одежду, а еще через два года, когда ему стукнуло девятнадцать, он стал Номером Один. Он водил их на дело. Все знали его имя и уступали дорогу. Он был Чертом, и его люди были хозяевами на Побережье. Они совершали вылазки, куда могли, и делали все, что хотели, пока он не угодил в серьезный переплет и не попался.

Город тоже постоянно переживал обряд посвящения, получая на голову тонны грязи с небес, только их банда была больше, чем его. И однажды они сразились.

Он сидел в камере, шесть на восемь, с любителем маленьких девочек. После попытки убить сокамерника, Таннера пересадили в одиночку. Он предпочел бы и дальше одиночку бессмысленной болтовне человека с диким выражением глаз, к которому его перевели. Крейг, так звали безумца, без умолку говорил с пеной у рта, и однажды, не выдержав, Таннер ударил его в челюсть, отчего пена стала вмиг красной. В последнюю минуту охране удалось разжать пальцы Таннера, стиснувшие горло Крейга, при этом один палец ему сломали. Они подумали, что он в одиночке свихнулся. Ему сказали об этом позже, через несколько месяцев, когда поместили в общую камеру. Они думали, что ему нужна компания, поскольку он — человек из банды. Они не понимали. Они думали, что они — ангелы, а единственный Ангел — ничтожество.

Ошибка вышла! Он не сошел с ума, или, по крайней мере, так полагал. Он не играл в игры, не считал дни. Он просто сидел. Он тогда уже понял, что не могут ему причинить вред. И ждал. Чего — сам не знал. Может, этого? Этого. Именно этого он ждал, сидя там, мечтая о Большой Машине.

Таннер прихлопнул еще одного москита. В воздухе по-прежнему пахло дождем. Птица замолчала, затих кузнечик, когда молния прорезала небо, осветив все белым ярким светом. Небосвод стал похож на светящееся фосфорное море. Все вокруг Таннера внезапно озарилось неестественным сиянием, а ствол огромного дерева будто сжался. Каждый кусок металлолома в куче ожил, и он мог, прислушавшись, уловить разговор мусора о прошедших днях, о пользе и бесполезности сохранившихся в мире дорог. Куча мусора рассказывала ему

о сельской местности, и он слушал, пока не скрипнула дверь и не послышался голос Грега:

— Все почти готово, Черт!

— Прекрасно.

— Что ты здесь делаешь?

— Копаюсь в памяти.

Дверь захлопнулась. Таннер посидел еще несколько минут, пока не начал накрапывать мелкий дождь, погасив сияние окружающего мира, заставив замолчать мусор, промочив птицу на дереве и крыс в их норах, застучав по лицу, зашлепав по ботинкам, поднимая, как пепел, запах с земли.

Встав, Таннер отряхнул капли с бороды и вошел в гараж.

— Все готово, — Монк жестом указал на автомобиль. — Может, подождете, пока кончится дождь?

— Нет. Скоро, наверное, начнет темнеть.

— Наверное.

Они подошли к окну и несколько секунд смотрели на дождь. Люди на улице не расходились.

— Тупые ублюдки, — сказал Таннер. — Не догадуются спрятаться.

— Они хотят нас проводить.

— Ну, тогда мы устроим им представление. Монк, дайте еще запасные покрышки, и можно открыть двери.

— Спасибо за обед, — сказал Грег.

— Это минимум, что я мог сделать.

— Что стало с тем парнем? — спросил Грег.

— С каким?

— Блинки. С которым произошел несчастный случай.

— А, он в больнице. Полицейские отвезли его, чтобы наложить швы, но там у него случился сердечный приступ. Ему сейчас дают кислород... Мелкий проходец, за ним тянется хвост дел. Не могу сказать, что это большая потеря для города.

— Очень плохо.

Монк пожал плечами.

— Сам напросился. Так вы поедете по шоссе № 40?

— Да, — ответил Таннер. — Кто может сожрать это чудовище джигу?

— Что?

— У нас есть огромные змеи, которых пожирают джилы. Они пожирают и бизонов, и койотов, и бог знает кого еще. Есть большие летучие мыши, которые объели все фруктовые деревья по пути в Мексику, есть пятнистые пауки, которые пожирают все, что попадает им в сети. Но кто поедает джилу? Парень по имени Алекс рассказывал мне дома, что, поскольку всегда на любую тварь есть управа, должно быть что-то, что способно уничтожить джилу. Я ничего не смог ему ответить. А вы не знаете?

— Бабочки, — ответил Монк. — Я слышал, бабочки.

— Бабочки?

— Да. С ними лучше не связываться. Они крупнее коршунов; устраиваются на шее у джилы и жалят ее до полусмерти. Затем откладывают яйца. Гусеницы, после того, как выведутся, питаются парализованной ящерицей.

— Понятно.

— А кто же тогда пожирает бабочек? — спросил Грег.

— Кто его знает? Может, летучие мыши. Этот новый мир отличается от того, что был лет сто назад, и продолжает быстро изменяться. Вряд ли мы поспеваем.

— М-м-м.

— Я подозреваю, что большинство тварей скоро будет довольствоваться людьми.

— Спасибо за все, — поблагодарил Грег. — Рад был с вами познакомиться, Монк.

— Еще увидимся. — Механик протянул на прощанье руку.

— Сомневаюсь, — сказал Таннер. — Я не уверен, что мы когда-нибудь опять увидимся. Однако за обед спасибо. Может, вы еще о нас услышите.

— Счастливого пути.

Таннер открыл дверцу машины и сел на место водителя. Грег сел с другой стороны.

— Ты даже не пожал ему руку, — сказал он.

— Не одобряю рукопожатия, — ответил Таннер. — Большинство людей рискуют, когдажимают руки. Если ты протягиваешь пустую руку, это означает, что у тебя нет в ней ножа, и все. А если ты левша? Выходит, риск. Я — левша, я могу здороваться за руку, а могу и

обойтись. Если у меня есть друг, то ему не надо жать мне руку, чтобы доказать это. Знаешь ведь, как бывает: встречаешь кого-то, и неожиданно вы оба понимаете, что вы чем-то похожи. Все нормально. И вы — приятели. И нет необходимости в этом старинном протоколе. Вот и все.

Таннер завел двигатель, послушал немного, как работает машина на холостом ходу, затем включил экраны. Большая дверь гаража распахнулась, и он просигнализировал один раз.

— Поехали.

При выезде из гаража их встретили восторженные возгласы, которые они еще долго слышали, набирая скорость и уносясь на восток.

— Не взяли пива, — с досадой бросил Таннер. — Проклятье!

Машина ехала вдоль остатков того, что некогда называлось шоссе № 40. Таннер уступил место за рулем Грегу, а сам растянулся в пассажирском кресле. Небо над ними продолжало чернеть, как за день до того в Л-А.

— Может быть, мы ее перегоним, — сказал Грег.

— Надеюсь.

На севере запульсировало голубое сияние, разлился ослепительный свет. Небосвод набух и почернел.

— Жми! — закричал Таннер. — Там впереди горы! Может, успеем проскочить и найдем навес или пещеру!

Но ад обрушился на них раньше. Сперва пошел град, затем артиллерийский обстрел. С неба стали валиться камни, и правый экран потух. Двигатель захлебывался и кашлял под неистовым водно-песчаным потоком.

И все-таки они достигли гор и нашли место в узкой расщелине. Вокруг ревели и надрывались ветры. Они курили и слушали.

— Нам не пройти, — промолвил Грег. — Ты был прав. Я думал, что у нас есть шанс. Но нет. Все против нас, даже погода.

— У нас есть шанс, — сказал Таннер. — Не слишком большой, но есть. До сих пор нам везло, не забывая. Грег сплюнул.

— Откуда такой оптимизм? Причем от тебя?

— Я просто срывал злость. Я и сейчас зол; но, кроме того, у меня появилось предчувствие. Предчувствие удачи.

Грег рассмеялся.

— К черту удачу. Ты посмотри, что творится!

— Вижу, — спокойно сказал Таннер. — Наша машина рассчитана на это и должна выдержать. Кроме того, до нас доходит процентов десять всей силы.

— Буря может продолжаться несколько дней.

— Переждем.

— Если ждать долго, то даже эти десять процентов сотрут нас в порошок. Если ждать долго, вообще не надо будет ехать. А попробуй высунуть нос — и нам конец.

— На починку радара уйдет минут пятнадцать — двадцать. Запасные «глаза» есть. Если через шесть часов буря не утихнет, все равно двинемся вперед.

— Кто сказал?

— Я сказал.

— Ты? Но почему? Это же ты так рвался спасти свою шкуру! Теперь она тебе не дорога? Не говоря уже о моей...

Таннер сосредоточенно курил.

— Я много думал, — произнес он и надолго замолчал.

— О чем? — спросил Грег.

— О тех людях в Бостоне... Да, они не сделали мне ничего хорошего. Но черт побери, я люблю действовать ну и не прочь узнать, каково быть героем, — так, ради любопытства. И Бостон увидеть интересно... Пойми меня правильно: мне вообще-то плевать, да только неохота, чтобы все на Земле было выжженным, и исковерканным, и мертвым, как здесь, в Долине. Когда мы потеряли в торнадо машину, я начал думать. Вот и все.

Грег покачал головой.

— Я и не подозревал, что ты философ...

— Я тоже. Просто устал. Расскажи-ка мне о своей семье...

Через четыре часа, когда буря утихла и вместо камней стали летать песчинки, а яростный ливень перешел в моросящий дождь, Таннер починил радар, и они дви-

нулись в путь. Вечером миновали руины Денвера. Таннер сел за руль и повел машину к месту, некогда известному под названием Канзас. Он вел всю ночь и утром впервые за много дней увидел чистое небо. Правая нога давила на газ, в голове неторопливо текли мысли, рядом тихо посапывал Грег.

Руки сжимали руль, в кармане лежала амнистия, но Таннером овладело странное чувство. Сзади клубилась пыль. Небо стало розовым, темные полосы снова сжались. Таннеру вспомнились рассказы о тех днях, когда пришли ракеты, когда было уничтожено все, кроме районов на северо-востоке и юго-западе, и о тех днях, когда налетели ветры, растаяли тучи и небо потеряло голубизну; днях, когда Панамский канал исчез с лица земли и замолчали радиостанции; когда перестали летать самолеты. Больше всего Таннеру было жаль самолетов. Он всегда мечтал летать: взмывать в воздух и парить высоко-высоко, как птица... Где-то впереди его помощи ждал город — единственный уцелевший город, кроме Лос-Анджелеса, последняя цитадель американской земли. Он, Таннер, может спасти его, если поспеет вовремя...

Вокруг были скалы и песок. К склону горы прижился старый покосившийся гараж — разбитый, с провалившейся крышей, он напоминал полуразложившийся труп. Таннера стала бить дрожь, и нога непроизвольно усилила нажим на акселератор, хотя педаль и так уже была вжата в пол. Справа впереди поднималась стена черного дыма. Подъехав ближе, он увидел обезглавленную гору. На месте вершины свили гнездо клубящиеся языки пламени. Таннер взял влево, на много-много миль отклоняясь от намеченного пути. Иногда под колесами дрожала земля. Вокруг падал пепел, но дымящийся конус отодвинулся на задний план правостороннего экрана.

Таннер думал о прошлом и о том немногом, что знал о нем. Если пробьется, обязательно узнает больше. Его никогда не просили сделать что-то важное, и он надеялся, что впредь не попросят. Однако им завладело чувство, что он может это сделать. Хочет сделать. Впереди, сзади, по сторонам простиралась Долина Проклятий — кипящая, бурлящая, содрогающаяся. Если он ее не победит, половина человечества погибнет. И удвоятся

шансы, что весь мир скоро станет частью Долины... На побелевших суставах ярко проступила татуировка.

Грег спал. Таннер прищурил глаза и жевал бороду и не прикоснулся к тормозу, даже когда увидел оползень. Он проскочил его и шумно выдохнул. Все чувства были обострены до предела, мозг словно превратился в экран, на котором регистрировались мельчайшие детали. Таннер чувствовал колыхание воздуха в машине и упрямое давление педали на ногу. В горле пересохло, но это не имело значения. Он мчался по искалеченным равнинам Канзаса, слившись с машиной в одно целое, и испытывал состояние, похожее на отрешенность и счастье. Проклятый Дентон был прав. Надо доехать.

Таннер остановился на краю глубокой расщелины и повернул к северу. Через тридцать миль расщелина кончилась, и он снова взял курс на юго-восток. Грег что-то бормотал во сне. Солнце стояло в зените, и Таннеру чудилось, будто он, бестелесный, парит над бурой землей... Он сжал зубы. Его мысли вернулись к Денни. Наверно, тот сейчас в больнице. Что ж, все лучше, чем сгнить в Долине. Хоть бы только деньги были на месте...

Таннер почувствовал боль — болели шея, плечи. Боль распространилась на руки, и он заметил, что сжимает руль изо всех сил. Таннер глубоко вздохнул и закурил. Солнце скатывалось ему за спину. Он отпил воды и притушил экран заднего обзора. Потом услышал звук, напоминающий отдаленный раскат грома, и сразу же насторожился.

Таннер немного притормозил, а вскоре совсем остановил машину. И тут он увидел их. Он сидел и наблюдал, как они шли в полумиле перед ним. Громадное стадо бизонов пересекало его путь. Больше часа огромные тяжелые животные, склонив головы, бежали перед машиной, взметая копытами землю, и наконец ушли к югу. Шум постепенно затих, только гигантское облако пыли все еще висело в воздухе. Включив фары, Таннер направил в него автомобиль.

Он выехал на шоссе с неплохо сохранившимся покрытием и резко прибавил скорость. Через некоторое время показался выцветший покосившийся указатель: «ТОПИКА — 110 миль».

Грег зевнул, потянулся, потер кулаками глаза.

— Который час?

Таннер кивнул на часы.

— Утра или вечера?

— Вечера.

— Ну и ну! Выходит, я проспал битых пятнадцать часов!

— Верно.

— Ты, должно быть, совсем выдохся. Весь побелел. Сейчас я тебя сменяю.

— Не возражаю.

Грег полез в заднюю часть машины. Через пять минут они подъехали к окраинам мертвого города. Почти все здания развалились, подвалы были наполнены водой. Через трещины в асфальте пробивалась трава. Чудом уцелевший телеграфный столб накренился к земле, и свисавшие с него провода походили на черные спагетти. Разбитые витрины, ржавые остовы автомобилей, скелеты, ослепшие светофоры...

Грег, крихтя, пролез вперед.

— Ну, давай меняться.

— Сперва я хочу отсюда выехать.

Наконец, когда минут через пятнадцать город остался позади, Таннер остановил машину.

— Мы недалеко от Топики. Буди меня в случае чего.

— Кстати, как ты ехал, пока я спал?

— Нормально, — ответил Таннер и закрыл глаза.

Грег вел машину прочь от заката. До Топики он съел три бутерброда с ветчиной и выпил кварту молока.

Таннер проснулся от визга запускаемых ракет. Он машинально протер глаза и тупо уставился вперед. Вокруг клубились облака каких-то гигантских сухих листьев. Летучие мыши, летучие мыши, летучие мыши... Воздух был наполнен летучими мышами. Движение автомобиля заметно тормозилось их черными телами, а слух терзали скрежещущие писклявые звуки.

— Где мы?

— Канзас-Сити. Тут их полно.

Грег выпустил еще одну ракету, которая прорезала огнем дикую завывающую орду.

— Побереги ракеты. Давай огнеметами. — Таннер переключил фронтальный пулемет на ручное управление и навел перекрестие прицела на экран. — Одновременно во все стороны. Пять-шесть секунд — потом продолжу я.

Огонь рванулся вперед, расцветая мрачно-оранжевыми лепестками пламени. Когда лепестки опали, Таннер взгляделся в экран и нажал на гашетку. Обгоревшие тела устилали землю, и к курящимся гурдам добавлялись новые.

— Жми! — закричал Таннер, и машина пошла вперед, давя колесами хрустящие тушки. В холодном сиянии осветительной ракеты казалось, что на них налетают миллионы вампироподобных тварей. Таннер стрелял, и они падали, как перезревшие яблоки. Потом он скомандовал:

— Притормози и дай из верхнего огнемета! — И Грег повиновался.

— Теперь боковые! Передний и задний!

Повсюду вокруг них горели тела, и машина прокладывала путь через стену обугленной плоти. Таннер пустил вторую осветительную ракету. Летучие мыши еще были здесь, но уже не спускались так низко. Таннер нацелил пулеметы и ждал, но они больше не нападали стаями; лишь отдельные особи подлетали ближе, и он сбивал их одиночными выстрелами.

Через десять минут Таннер произнес:

— Слева от нас Миссури. Если идти вдоль берега, то попадем в Сент-Луис.

— Знаю. Думаешь, там тоже будет полно летучих мышей?

— Вероятно. Но если не станем гнать и придем утром, они нам не помешают. Там решим, как перебраться через Миссисипи.

На экране заднего обзора на фоне бледных звезд темнел город Канзас-Сити, а над его силуэтом, облитые светом кровавой луны, металась летучие мыши.

Через некоторое время Таннер снова заснул. Ему снилось, что он медленно едет на мотоцикле посреди широкой улицы, а на тротуарах стоят люди и приветствуют его восторженными возгласами. Они бросают конфетти, но на него падает мусор, мокрый и вонючий. Тог-

да он дает газ, однако мотоцикл замедляет ход, и теперь они уже кричат на него, осыпают ругательствами. «Харли» начинает захлебываться, но его ноги застыли и не двигаются. Через секунду он упадет. Мотоцикл останавливается и начинает опрокидываться вправо. Таннер падает, на него бросается толпа...

Таннер резко очнулся и увидел утро: яркую монету в центре темно-синей скатерти.

— Вот она, — прошептал Грег. — Миссисипи.

Таннер неожиданно почувствовал голод.

Они освежились и стали искать мост.

— Что-то не видно твоих голых дикарей с копьями, — заметил Грег. — Конечно, мы могли миновать их в темноте — если они еще здесь.

— И слава богу, — сказал Таннер. — Сэкономили патроны.

Показался мост — провисший, темный, лишь на металлических канатах играли солнечные блики. Машина медленно двигалась по улицам, иногда приходилось объезжать целые кварталы. За два часа они прошли мило, а к подножию моста попали в полдень.

— Похоже, Брейди проезжал здесь, — произнес Грег, глядя на узкий расчищенный проход. — Как, потвоему, он это сделал?

— Наверное, каким-то образом спихивал мешающие машины вниз.

— А прежде они здесь были?

— Собственно, я тогда к мосту не подъезжал. Я остановился на том холме. — Таннер кивнул на задний экран. — Что ж, может, и мы пройдем.

Они двинулись вперед на мост и медленно поехали над величественной рекой. Временами мост под ними трещал, стонал, и они чувствовали, как он дышит.

Начало подниматься солнце, а они все шли вперед, задевая бамперами ржавые остовы машин. Через три часа колеса наконец коснулись противоположного берега. Грег тяжело вздохнул и чуть дрожащей рукой зажег сигарету.

— Не хочешь немного повести, Черт?

— Давай.

Они поменялись местами. Грег тут же откинулся на спинку и закрыл глаза.

— Боже, я совершенно измочален, — пробормотал он.

Таннер вел машину через руины Восточного Сент-Луиса, торопясь выехать из города до наступления темноты. Улицы были захламлены и разбиты. Начал повышаться уровень радиации, но в салоне машины, судя по индикатору, все пока было в норме.

Шли часы. Когда солнце скатилось за спину, Таннер вновь увидел на севере разливающееся голубое сияние. Однако небо оставалось чистым — звездное небо, уже без черных полос. Впереди повисла розовая луна. Таннер тихонько включил музыку и глянул на Грега. Тот крепко спал.

Уровень радиации упорно лез вверх. Затем Таннер увидел на экране кратер и остановился. Кратер было около полумили в диаметре. Таннер пустил осветительную ракету и в ее сиянии рассмотрел окрестности. Подъезды были ровнее справа, и он повернул туда.

Радиация! Очень высокий уровень! Таннер резко вдавил педаль газа и подумал, глядя на индикатор: «На что это было похоже в тот день? В тот день, когда здесь вспыхнуло искусственное солнце, на какое-то время затмило настоящее, а потом медленно потонуло в черном шквале...» Таннер попытался представить себе это, картина живо возникла перед его глазами, и он тут же захотел прогнать ее, но не смог.

Какой была жизнь раньше, в те дни, когда стоило лишь вскочить на мотоцикл — и кати куда душе угодно? И на голову с небес не лились помои?.. Таннера охватило щемящее чувство, будто его обманули. Он испытывал его не в первый раз, но сейчас ругался злее и дольше, чем обычно.

Объехав наконец кратер, Таннер закурил и впервые за долгие месяцы улыбнулся, когда показания индикатора радиации пошли вниз. Через несколько миль показалась трава, а вскоре появились и деревья.

Деревья были низкорослые и кривые, но чем дальше он бежал от кровавой вакханалии, тем выше и стройнее они становились. Таких деревьев он никогда раньше не видел: пятьдесят, шестьдесят футов высотой, изящ-

ные, серебриющиеся под лунным светом, здесь, на равнинах Иллинойса.

Машина мчалась по твердой широкой дороге, и Таннером завладело желание ехать по ней вечно — до Флориды, штата мхов и торфяных болот, апельсинов и чудесных пляжей; до холодного скалистого мыса, мыса, где все серое и бурое, где волны разбиваются о маяки и соленый ветер обжигает лицо, где на надгробных плитах древних кладбищ вырублены стершиеся, но еще различимые надписи; потом вниз по великой Миссиссипи, туда, где она дробится на рукава и выходит в Мексиканский залив, на крошечных островках которого пираты зарывали награбленные сокровища; в горы — Покомок, Кэт-Скилл, на плато Озарк; проехать через леса Шенандоа; оставить машину и поплавать в Чесапикском заливе; посмотреть на Великие озера и на то место, где падает вода, — на Ниагару... Ехать и ехать по этой дороге, увидеть все, впитать в себя весь мир... Да, может быть, осталась не только Проклятая Долина! Он желал этого страстно, сжигаемый изнутри жадным огнем.

Неожиданно почувствовав себя всемогущим, он коротко и резко хохотнул.

Музыка играла тихо, пожалуй, даже слишком грустно, нежно, и он растворился в ней полностью.

Повторяющиеся удары колокола не заглушали полностью звуки разбивающегося стекла. Тишина после каждого удара становилась глубже и напряженнее под воздействием памяти и ожидания, но в трепещущей уже нервной системе города чувствовалась боль этого момента.

Моросил мелкий дождь, и небеса исходили молниями. Ливень вперемежку с мертвой рыбой, продлившийся около пятнадцати секунд, залил несколько улиц, на телефонных проводах висели морские водоросли, песок хлестал по окнам, Шевеля усами и хвостами, блестя глазами в предвкушении пищи, из погребов, сараев, ангаров и аллей, из мусорных куч и траншей повалили крысы, чтобы полакомиться белобрюхой манной небесной. После себя они оставляли похожие на стрелы цвета слоновой кости рыбные скелеты. Многие крысы, напо-

минавшие чернильные пятна на лужайках, тротуарах, крылечках, не торопясь, пили из луж.

Сержант Донахью, сидевший за рулем, повернулся к лейтенанту Спано.

— Сирену включить?

— Нет.

Лейтенант Спано расстегнул черную кобуру, висевшую на поясе справа.

— Выключи фары.

Сержант исполнил приказание. Мир перед полицейской машиной погрузился во тьму, в которой металась темные тени. Свернув за угол, они сбавили скорость и медленно направились вдоль витрин магазинов, выстроившихся по обеим сторонам улицы.

— Подготовь прожектор.

— Готово.

Они молча ехали вдоль влажно поблескивающего края тротуара. С севера раздался раскат грома, и молния превратила небо в желтый свиток, испещренный иероглифами. На секунду осветился весь квартал: автомобили, провода, магазины, деревья, дома и крысы.

— Вот он — справа. Включай!

Донахью включил прожектор и повел луч вдоль домов. Яркое пятно пригвоздило человека с мешком, собиравшегося шмыгнуть в разбитое окно.

— Не двигаться! Вы арестованы! — сказал Донахью через громкоговоритель.

Человек обернулся и уставился на свет. Затем, бросив мешок, пустился бежать вдоль улицы. Лейтенант Спано выстрелил шесть раз из своего револьвера тридцать восьмого калибра, и человек упал. Он лежал, как грязная выжатая тряпка для мытья посуды, и кровь растекалась по луже на тротуаре. Возле его правой руки валялась мертвая крыса, а рядом с головой — обглоданный рыбный скелет.

— Ты убил его! — воскликнул Донахью, резко затормозив.

— Он пытался скрыться, — ответил Спано.

— У нас ведь приказ — пытаться взять их живыми.

— Но он хотел скрыться.

— Тогда мы должны только ранить.

— Да, но он не остановился после того, как я попал в него. Он пытался скрыться.

Донахью встретился глазами с напарником и отвел взгляд.

— Он пытался скрыться, — согласился сержант.

Выйдя из машины, они подошли к распростертому телу. Спано перевернул труп.

— Совсем мальчишка, — произнес Донахью. Он подобрал мешок и открыл его. — Спортивное снаряжение: бейсбольные мячи, пара бит, рукавицы. Тут еще два футбольных мяча... гантели... Совсем мальчишка.

Спано смотрел в сторону. Через минуту он сказал:

— Грабитель.

— Да, и пытался убежать.

— Ступай, постарайся дозвониться в участок.

— Я не...

— Донахью, заткнись. Ты видел, как все произошло.

— Да.

Спано закурил, поскольку ночь стала красной и нереальной, и малиновые звуки колокола до краев наполнили мир своей дрожью.

Девять мокрых крыс, волочащих лапы и щелкающих зубами, умело использовали замешательство и движение.

К утру Таннер въехал в Индиану. По дороге встречались внешне целые фермы, в которых, вероятно, жили люди. Ему очень хотелось проверить это, но он не смел остановиться. Затем растительность стала хиреть. Исчезла трава; редкие искривленные деревья склонялись над голой землей. Снова возросла радиоактивность. Сохранившийся указатель возвестил о приближении Индианаполиса.

Таннеру пришлось сделать большой крюк и даже вернуться до городка под названием Мартинсвилль, чтобы перебраться на другую сторону Белой реки. Затем, когда он снова взял курс на восток, неожиданно затрещало и ожило радио. Слабо донесся голос: «Неопознанный автомобиль, немедленно остановитесь!» Таннер включил экран на полное увеличение и далеко впереди, на холме, увидел мужчину с биноклем и рацией.

Он ехал по более или менее сносному участку дороги со скоростью около сорока миль в час и постепенно увеличил скорость до пятидесяти. От толчков на выбоинах проснулся Грег.

Из приемника все настойчивее и громче раздавались команды. Таннер впился взглядом в передний экран. Входя в крутой вираж, он прикоснулся к тормозу, не отвечая на вопрос Грега: «В чем дело?»

Дорогу перегораживал танк, и дуло его большого орудия смотрело прямо в лоб.

Таннер среагировал молниеносно.

Пока глаза искали и нашли боковой съезд, правая рука пустила три бронебойные ракеты, которые с визгом устремились вперед, а левая — резко крутанула руль против часовой стрелки, нога же изо всей силы вжала педаль газа.

Он уже съехал на обочину, когда танк харкнул вспышкой, а потом расцвел огненным цветком и исчез в дыму.

Когда они, миновав танк, выскочили на дорогу, начался ружейный огонь. Грег швырнул налево и направо по гранате, а затем ударил из крупнокалиберных пулеметов. Машина на бешеной скорости неслась вперед; через полмили Таннер взял микрофон и проговорил: «Прошу прощения, ребята, у меня не работают тормоза». Ответа не последовало.

Как только они выехали на ровную местность с хорошим обзором во всех направлениях, Таннер остановил машину, и на место водителя сел Грег.

— Как ты думаешь, где они раздобыли танк?

— Кто их знает...

— А зачем хотели остановить нас?

— Они понятия не имели, что мы везем. А может, просто нужен был автомобиль...

— Влепить снаряд — далеко не лучший способ отнять машину.

— Если она не достанется им, то с какой стати оставлять ее нам?

— Ты прямо читаешь их мысли, да?

— Верно.

— Закурим.

Таннер с благодарностью взял сигарету.

- Нам пришлось туго.
- Не могу не согласиться.
- А ехать еще далеко...
- Тоже не спору. Так что давай, покатали.
- Раньше ты говорил, что мы все равно сдохнем.
- Теперь я передумал. Мы доедем.
- После всего того, что было?
- После всего того, что было.
- А что нас ждет впереди? С чем еще нам предстоит столкнуться?
- Не знаю.
- Один раз ты попытался улизнуть. Теперь я тебя понимаю.
- Ты трусишь, Грег?
- Какой толк моей семье от покойника?
- Тогда почему ты согласился?
- Я и не предполагал, на что это будет похоже. Никто не посмеет упрекнуть нас в случае неудачи. В конце концов мы сделали все, что смогли.
- А как же те люди в Бостоне, о которых ты столько говорил?
- Там уж наверняка никого нет в живых.
- А тот парень, Брейди? Он умер, чтобы доставить нам известие.
- Видит Бог, я восхищаюсь его подвигом. Но мы потеряли уже четверых, и надо ли доводить это число до шести, лишь бы показать всем, что мы не трусы?
- Грег, сейчас нам гораздо ближе до Бостона, чем до Лос-Анджелеса. На обратный путь даже не хватит горячего.
- Можно заправиться в Солт-Лейк-Сити. Да и вообще последнюю сотню миль пройти на мотоциклах.
- А ты меня еще поносил. Удивлялся, откуда берутся такие... Ты спрашивал, что они мне сделали. И я ответил: ничего. Теперь, может быть, я что-нибудь для них сделаю, просто потому, что мне так хочется. Я немало думал.
- Тебе не приходится кормить семью. А мне надо беспокоиться не только о себе.
- Ты очень красиво оправдываешься, когда хочешь смалодушничать. Ты говоришь: «Я не боюсь, но у

меня есть мать, сестры и братья и еще одна крошка, от которой я без ума. Только поэтому я иду на попятный...»

— Именно так! Я не понимаю тебя, Черт, я совершенно тебя не понимаю! Ты же сам подал мне эту идею!

— Ну так отдавай ее назад — и поехали!

Таннер увидел, как рука Грега тянется к револьверу на дверце, швырнул сигарету ему в лицо и еще успел ударить его один раз в живот — слабый удар левой рукой, но ничего больше из этого положения он сделать не мог.

Грег бросился на Таннера и вдавил его в кресло. Пальцы царапали лицо, подбираясь к глазам. Таннер судорожным движением ухватил голову Грега и изо всех сил оттолкнул его. Грег ударился о приборную доску и обмяк.

Таннер для верности еще дважды ударил его головой о доску и перебрался за руль. Успокаивая дыхание, изучил экраны — ничего угрожающего.

Он достал моток веревки и связал руки Грега за спиной, потом обмотал веревкой лодыжки и наконец прикрутил его к спинке сиденья. Через два часа Грег начал стонать, и Таннер включил музыку погромче.

Пейзаж вновь изменился: появились зеленые поля, яблони с еще незрелыми плодами, белые домики и бурые сараи, покачивающаяся на ветру кукуруза с уже заметными коричневыми кисточками, маленькая колокольня с голубой кровлей...

Полосы наверху расширились, но само небо не потемнело, как обычно перед бурей. У Дейтоновской Пропасти Таннер повернул на север и двинулся вдоль бездонного обрыва, притормаживая лишь для того, чтобы объехать расщелины и провалы. Снова повысилась радиация. Густой желтый пар струился из-под земли, обволакивая машину липучим сернистым облаком.

В тот момент, когда порыв ветра внезапно рассеял ядовитый туман, Таннер непроизвольно нажал на тормоз. Машина дернулась и замерла, а Грег опять застонал. Несколько секунд Таннер не мог оторвать глаз от того, что ему открылось, а потом медленно двинулся вперед. «Люди, — подумал он, — опять люди...» Над Пропастью качался пожелтевший распятый скелет, ухмылявшийся оскаленным ртом.

Когда Таннер выехал из тумана, небо было темным. Он даже не сразу понял, что пелена рассеялась. На объезде Дейтона ушло четыре часа, и теперь, когда машина вновь шла на восток по поросшей вереском прерии, солнце уже садилось, тщетно пытаясь вырваться из-за черной реки.

Таннер догадывался, чего следует ожидать. Он включил фары и стал осматриваться в поисках убежища. На холме неподалеку стояла покосившаяся конюшня без дверей. Таннер осторожно загнал туда машину и увидел покрытые плесенью стены и скелет лошади.

Он вырубил двигатель, потушил фары и стал ждать.

Скоро снаружи раздался завывающий звук, заглушивший периодические стоны и бормотание Грега. Потом донесся другой звук — не тяжелый и резкий, как обычно в Лос-Анджелесе, а мягкий, настойчивый, почти мурлыкающий.

Им ничто не угрожало, уровень радиации был невысок, и Таннер вылез из машины, не надевая защитного костюма. Он немного размялся, подошел к проему и выглянул наружу.

Солнцу все-таки удалось вынырнуть из-за черной завесы, и его косые лучи освещали падающие сверху серые капли.

Это был дождь. Таннер никогда в жизни не видел простого, чистого дождя... Он стоял и смотрел.

Дождь падал непривычно тихо, чуть шелестя. Потекли ручейки, появились лужи. В лицо ударил резкий порыв влажного ветра, и Таннер непроизвольно слизнул холодные капельки. Он подобрал щепку и бросил ее в лужу у ног; щепка упала с легким всплеском и поплыла. Из-под крыши раздавалось птичье щебетанье, в воздухе разливался сладковатый запах гниющей соломы. В тени справа виднелась ржавая молотилка. Сверху, покачиваясь, проплыло перышко, и Таннер подставил ладонь, — легкое, темное, пушистое... Никогда раньше не обращал он внимания на такую чепуху. Таннер отпустил перышко, и его тут же подхватил ветер.

В такую погоду можно было бы ехать, но сил не осталось. Таннер нашел бочонок, сел и снова закурил. Пока все шло нормально. Его беспокоил последний отрезок пути, так как он все еще не мог доверять Грегу. Надо

заехать так далеко, чтобы исключить возможность отступления. Тогда они станут необходимы друг другу, и Грега можно будет освободить. Если он не окончательно лишился ума... Кто знает, какие еще сюрпризы приготовила им Долина? Хорошо, если бури отныне будут не такими яростными.

Он услышал хихиканье и вскочил, зажав в руке пистолет. Оглянувшись, никого не заметил. Похоже, звук донесся не из машины; по крайней мере, это не был голос Грега. Звуки слышались снаружи. Таннер внимательно осмотрел все темные углы. Никого. Звук повторился. На этот раз Таннер взглянул вверх, на сеновал, и направил пистолет на темное прямоугольное отверстие в дальней стене под крышей.

— Спускайтесь, — приказал он.

Ответа не последовало. Таннер выстрелил два раза через отверстие, и только после этого послышался голос:

— Погодите! Я спускаюсь!

По лестнице торопливо спустился темноволосый мужчина в лохмотьях, ростом ниже Таннера. Прижавшись спиной к стене, он мелко дрожал. Затравленно озираясь, незнакомец поднял к груди руки с растопыренными пальцами, похожие на когтистые лапы.

— Ты кто?

Человек несколько раз перевел взгляд с пистолета на Таннера.

— Я спросил, кто ты такой?

— Канис. Джеффри Канис. — Голос его окреп и зазвучал громче. — Я не ученый, — добавил он.

— Это никого не волнует. Что ты делал наверху?

— Я спрятался там, когда начался дождь.

— И что там, черт побери, смешного?

— Что вы имеете в виду?

— Почему ты смеялся?

— А потому, что вы не соблюдаете правила мимики, выведенные Бейтсом, а следовало бы.

— О чем ты?

— Я не ученый.

— Ты уже говорил это.

Человек коротко хохотнул и заученно ответил:

— По Бейтсу, все происходит в одном и том же районе и в одно и то же время года. Бейтс считает, что ми-

микрирующая особь сама должна быть не защищена, происходить из более редкого вида и отличаться от защищенных особей своего вида внешними, отчетливо воспринимаемыми характеристиками. Бейтс отмечает, что такая особь должна иметь способность создавать зрительные иллюзии. Ее способность к мимикрии — лишь несущественная характеристика, она не должна порождать фундаментальные изменения вида, утверждает Бейтс. Сам он проводил опыты с бабочками.

— Ты что, рехнулся?

— Да, но я соблюдаю правила.

— Подойди к свету, чтобы я тебя мог лучше видеть. Человек повиновался.

— Да, взгляд безумный... Что это за бейтсовские штучки?

— Мимикрия, описанная Бейтсом, это то, чем пользуются некоторые виды для самозащиты. Они становятся похожими на что-нибудь неживое, чтобы их не тревожили. Так вот, будь вы более сообразительным, вы никогда бы не отрастили бороду, вы бы умывались и причесывались, вы бы носили черный костюм, белую рубашку, галстук и дипломат. Вы бы сделали все, чтобы выглядеть, как все вокруг. Тогда вас не беспокоили бы, и вы могли бы делать что угодно, без надоедания. Вы были бы похожи на защищенный вид и не подвергались бы опасности.

— Откуда ты знаешь, что я подвергаюсь опасности?

— Ваш взгляд, запах, некоторая нервозность...

— А если бы я выглядел, как самый средний парень, этого не случилось бы?

— Скорее всего нет.

— Ну а ты под кого косишь?

Человек улыбнулся с облегчением.

— Вам не нравятся ученые?

— Не больше, чем остальные.

— А если бы я был ученым?

— Тогда что?

— Ладно. Я — ученый.

— И что из этого?

— Нас собрали всех вместе. Я — биолог.

— Не понимаю, к чему ты.

— Все это сделали с нами физики, химики и математики, — он повел рукой вокруг. — Не биологи.

— Ты о войне?

— Да. Нет! Я говорю о мире, каким он стал.

— Меня не было, когда это случилось. Я не знаю. И меня это не волнует.

— Не следовало винить всех профессоров любых наук за все, что произошло.

— Я не винил. И не виню. Я даже не знаю, что произошло. И, кстати, что произошло?

— Война, вот что. Безумная и разрушительная. Использование бомб и ракет с непредсказуемыми последствиями — вот что! — Канис опять указал рукой наружу. — А что же произошло потом? Да те, кто выжил, пришли в уцелевшие университеты и убили оставшихся в живых профессоров, независимо от того, преподавали они английский язык, социологию или физику. Эти ученые были в ответе за все, потому что они были профессорами. Именно поэтому мимикрия так много значит для меня. Их застрелили, разорвали на куски, распяли. Но не меня. Нет, не меня. Я был ими, толпой. Поэтому я жив.

Канис вновь засмеялся.

— Значит, ты помогал им, когда они убивали твоих друзей?

— Каких друзей? Они работали в других областях. Я навряд ли знал их.

— Но ты помогал?

— Конечно. Именно поэтому я остался в живых.

— Ну и как она, жизнь?

Человек закрыл лицо руками, впился ногтями в щеки.

— Не могу забыть... — выдавил он наконец.

— Так вот что эта чертова мимикрия дает тебе. Нет уж, спасибо! Я знаю, кто я.

— И кто же?

— Я — это я. Я — Ангел. Мне не нужно притворяться кем-то еще. Если я им не нравлюсь, пусть убьют меня, если смогут. Пока не смогли. Меня эта мимикрия ни капли не волнует. Нет, спасибо. Совсем не интересует. Пошли они к черту!

— Особь так не поступает.

— К черту особей! Мне, чтобы сохраниться и выжить, надо пересечь Долину. Без всякой мимикрии.

— Вы не правы.

— Кто сказал?

— Впрочем, я больше ничего не знаю. — Канис продолжал царапать щеки, пока на его бороде не заблестели капельки крови.

— Прекрати! Надоело! Ты где обретаешься?

— Нигде — и всюду. Я странствую. Где бы я ни пытался остановиться, меня вскоре прогоняют. Быть сумасшедшим — больше не означает быть праведником.

— Рядом есть поселения?

— Несколько, очень мало...

— Тогда изобрази людей, живущих в одном из них.

— Не могу. Я сумасшедший.

— Сбрей бороду и прими ванну, надень черный костюм, рубашку и галстук, возьми дипломат...

— Я забыл. Они так больше не выглядят. Все изменилось...

— Ну, тогда покажи, как они выглядят.

— Они все носят бороды и старую одежду, и все грязные.

— Значит, ты подражаешь им. И я тоже.

— Нет!

— В чем же разница?

— Мы сумасшедшие.

— Только за меня не говори.

— А кто еще, кроме психа, будет сидеть в этом сарае в эпицентре шторма, который может стать концом света? У нормального человека есть дом, безопасное место...

— Хорошо, ты прав. Я тоже псих. Сигарету?

— Да, пожалуйста.

Таннер бросил ему левой рукой пачку сигарет, затем спички. Пистолет в его правой руке не дрогнул.

Мужчина закурил и тем же образом вернул спички и сигареты. Таннер прикурил сам, не спуская глаз с собеседника.

— Любопытно, какая форма сумасшествия у вас, — проговорил Канис. — Я раньше никогда не видел подобного автомобиля. С радиационной защитой, не так ли?

— Да. Я направляюсь в Бостон.

— Довольно глупая затея. Опасная.

— Знаю. Но там чума, а я везу сыворотку Хавкина.

— Чума?.. Я знал! Я знал, что это случится!

— Откуда?

— Мальтус и Дарвин говорили об этом. Мы все погибнем! Война и болезнь поддерживают соотношение «население/пища». Но теперь это перестало быть проблемой, и мы больше не в состоянии выжить.

— Чушь! В Лос-Анджелесе чуму остановили. У нас есть сыворотка.

— Тогда произойдет что-нибудь еще.

Таннер пожал плечами.

— Плевать мне, что с ними произойдет.

— Но вы один из них.

— Я — нет. Ты сам заметил.

— Я был не прав. Я псих.

Таннер молча сделал несколько затяжек.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросил

Канис.

— Ничего. Буду держать на мушке, пока не кончится шторм, — потому что не доверяю. Затем сяду в машину и уеду.

— Почему вы не доверяете мне? Потому что я ученый?

— Потому что ты сумасшедший.

— Туше. Хотя вы могли убить меня.

— Лишние хлопоты.

— Может, я хочу умереть.

— Ну так и займись этим сам.

— Не могу.

— Очень плохо.

— Вы не возьмете меня с собой в Бостон?

— Не исключено — если ты действительно хочешь поехать и если я смогу доверять тебе.

— Дайте подумать.

— Сам спрашивал. Думай сколько влезет.

Таннер слушал, как по крыше стучит дождь.

— Нет, не поеду, — сказал наконец Канис. — Возможно, они убьют меня, потому что я ученый.

— Это вряд ли. В Лос-Анджелесе — не убьют. Но ты же хотел умереть?

— Иногда — хочу, иногда — нет. У вас есть что-нибудь поесть? Я ужасно проголодался.

Таннер задумался, что у него осталось в холодильнике.

— Ладно. Подойди — медленно! — к машине. Я даже оставляю тебе продукты про запас.

Канис под дулом пистолета подошел к машине.

— Повернись спиной — и не забудь, что ты на мушке.

Канис повернулся к нему спиной. Таннер широко распахнул дверцу, нырнул в салон, не спуская глаз и оружия с биолога, достал продукты из холодильника и вылез из машины.

— Вот, ешь, — сказал он, поставив контейнер на пол сарая и пятак.

Он смотрел, как уплетает продукты Канис, и не мог поверить, что человек может быть таким голодным.

— Ну, как теперь себя чувствуешь?

— Спасибо, гораздо лучше.

— Я уверен, что в Бостоне тебя не убьют. Если хочешь поехать, ладно, возьму. Ну?

— Нет, спасибо. Сейчас мне лучше.

— Почему?

— Потому, что я наелся.

— Нет, я интересуюсь, почему ты не хочешь ехать?

— Меня будут ненавидеть.

— Нет, не будут.

— Вы же знаете, я помогал сжигать университеты.

— А ты им ничего не рассказывай.

Он пожал плечами.

— Все равно узнают.

— Как, тупой ты ублюдок? Скажи, каким образом?

— Они узнают. Не сомневаюсь.

— Приятель, ты помогал вешать. Я слышал о таких фактах, но до сих пор не верил. Забудь об этом! Я возьму тебя с собой, и делай со своими бабочками что хочешь до тех пор, пока не замерзнет ад. Всем будет наплевать на это.

— Нет, спасибо.

Таннер передернул плечами.

— Ну, дело твое.

Голубая молния ярко осветила небо. Шум дождя усиливался, и вскоре стало казаться, что по крыше стучит тысяча молотков.

— Как вас зовут?

— Черт.

— Понятно. Вы верите в Бога, Черт?

— Нет.

— Я тоже не верил, а теперь верю. «Прости мне мои прегрешения...»

— Не надо, — оборвал его Таннер.

— Извините, я...

Удар грома заглушил слова Каниса. Затем он произнес:

— ...Убейте меня.

Таннер раздавил окурок носком ботинка.

— Убьете?

— Что?

— Вы убьете меня?

— Нет.

— Почему?

— С какой стати мне тебя убивать?

— Я так хочу.

— Иди ты к черту.

— Уже пришел.

— Сам же говорил — ты псих.

— Это к делу не относится.

— Еще сигарету?

— Нет, спасибо.

Дождь уходил, гром затихал. Улетели прочь молнии, и трепещущие тени наполнились естественной темнотой.

— Ладно, забудьте, — сказал Канис.

— Уже забыл.

— Я не хотел нести чепуху.

— Знаю. Чем занимаются биологи?

— У меня степень доктора в области биологии. Я — ботаник. Фактически...

— Доктор?

— Да.

— У меня в машине парень, которому нужна медицинская помощь.

— Я не такой доктор.

— Что ты имеешь в виду?

— Я — доктор, но не врач. Я специалист по ботанике.

— Биология — это ведь когда режут людей, правда?
Разве не поможет?

— Нет. Я ничего не смыслю в лечении.

— Понятно. Хотя паршиво. Он сильно ушибся.

— Сожалею.

День постепенно наполнялся светом.

— Дождь стихает, — сказал Таннер.

— Похоже.

— Мне пора двигаться дальше.

— Прямо сейчас?

— А что?

— Опять может начаться гроза.

— Тем более, пока передышка.

Таннер попятился к машине.

— Погодите!

— Что?

— Нет, ничего.

И вдруг Канис бросился на него, сунув руку за пазуху.

Таннер выстрелил два раза.

— Чертов дурак! Зачем ты сделал это? — воскликнул он, подхватывая тело.

Канис закашлялся, сплевывая кровь.

— Сумасшедший... псих... — Таннер оттащил умирающего к скелету лошади. Обыскав Каниса, он не нашел оружия. — Не надо было так, — пробормотал он, возвращаясь к машине и закуривая. Его рука все еще ощущала тепло выстрелившего пистолета. — Сумасшедший. Совсем из ума выжил. Псих.

Он сидел еще очень долго, и холодный влажный ветер обдувал его лицо. Через некоторое время дождь утих, и Таннер вернулся в машину, отметив дурной признак: Грег оставался без сознания.

Таннер проглотил тонизирующую таблетку и, держа руль одной рукой, сжевал бутерброд.

Тихо падал дождь. Он шел по всему Огайо, и небо застилали тучи. У Паркесбурга машина пересекла границу Западной Вирджинии, и Таннер взял немного севернее.

Серый день перешел в темную ночь, а он продолжал ехать.

Летучие мыши не доставляли больше хлопот, однако нередко встречались кратеры, и тогда снова подсказывала радиация.

Где-то по дороге за машиной увязалась стая огромных диких собак. Они лаяли и выли, преследуя автомобиль и пытаясь ухватить зубами шины, но наконец отстали. Гора слева с громовыми раскатами начала извергать клубы светлого дыма. Земля задрожала, стал падать пепел. От внезапно налетавших водяных шквалов двигатель трижды захлебывался и глох. Таннер запускал его и снова упорно двигался вперед по чавкающей и хлюпающей жиже. Потом он выбрался на сухую возвышенность, и там его обстреляли из винтовок какие-то люди, пытавшиеся перекрыть дорогу. Он ответил пулеметным огнем, швырнул гранату и проскочил мимо. Когда на небо взобралась тусклая луна, на машину стали пикировать крупные черные птицы, но вскоре и они отстали.

Таннер вел автомобиль, пока снова не навалилась усталость. Тогда он поел и принял еще одну таблетку. Если бы только Грег очнулся, его можно было бы развязать и посадить за руль...

Таннер то и дело подергивал золотое кольцо в левом ухе, покусывал бороду и нервно чесался; дважды оставил машину и лез в туалет. Когда он проезжал по очередному мертвому городу, опять заморосило, словно опустилась пелена — холодная, мерцающая...

Таннер затормозил посреди дороги, едва не наехав на то, что он сначала принял за полосы в небе. Очень уж неожиданно они появились...

Это была паутина. Нити толщиной с руку были натянуты между двумя зданиями с обеих сторон улицы. Таннер включил фронтальный огнемет. Когда пламя потухло, он увидел бесформенное создание, спускающееся откуда-то сверху.

Гигантский паук, величиной с человека, спешил проверить свои сети.

Таннер нацелил пусковую установку и пронзил его одной раскаленной добела ракетой.

Паук задергался и повис на паутине. Таннер снова включил огнемет. Секунд десять он поливал все огнем, а затем устремился вперед, стараясь забыть стоящую перед глазами картину.

Далеко справа дымилась гора, но пепла почти не было. Сварив и выпив чашку кофе, Таннер на полной скорости понесся навстречу утру.

Он застрял в грязи где-то в Восточной Пенсильвании и ругался на чем свет стоит. Солнце поднялось к зениту. Грег был очень бледен. Таннер закрыл воспаленные глаза и откинулся на спинку. Сил не оставалось. Он заснул.

Его разбудил стук в дверцу машины. Руки сами собой потянулись к пульту управления огнем и кнопке выпуска «крыльев», а глаза обшарили экраны.

Таннер увидел пожилого мужчину и двух молодых парней. Они были вооружены, но стояли перед левым «крылом». Их можно было перерезать пополам в одно мгновение.

Таннер включил наружные динамик и микрофон.

— Чего вы хотите? — спросил он надтреснутым голосом.

— Застряли? — окликнул его пожилой мужчина.

— Вроде того.

— У меня есть упряжка мулов. Может, вытащат. Но раньше завтрашнего утра их сюда не пригнать.

— Отлично! — сказал Таннер.

— Откуда вы?

— Из Лос-Анджелеса.

Они удивленно зашептались.

— Далеко ж вы забрались, мистер.

— Будто я не знаю... Послушайте, если вы серьезно насчет мулов, это просто здорово. Положение чрезвычайное.

— А что стряслось?

— Слыхали о Бостоне?

— Ну.

— Там мор, гибнут люди. Я везу лекарство, которое должно их спасти.

Они снова зашептались.

— Мы поможем вам. Пойдете с нами?

— Куда? И кто вы такие?

— Меня зовут Самуэль Поттер, а это мои сыновья — Родерик и Калибан. Наша ферма милях в шести отсюда.

— Не подумайте, что я вам не верю, — сказал Таннер. — Просто я вообще никому не доверяю. В меня слишком часто палили, не хочется лишний раз рисковать.

— Вы ведь наверняка можете стрелять изнутри?

— Да.

— Выходит, нам рискованно даже разговаривать с вами. И все же надо помочь. Мы многого лишимся, если бостонские торговцы перестанут приезжать в Олбани.

— Подождите, — проговорил Таннер и вышел из машины.

Пожилой мужчина первым протянул руку, и Таннер пожал руки ему и его сыновьям.

— У вас здесь есть доктор?

— В поселке — милях в тридцати к северу.

— Мой напарник ранен. — Таннер махнул в сторону машины.

Сэм шагнул вперед и заглянул внутрь.

— А чего он повязан, как сноп?

— Спятил. Пришлось его стукнуть. На всякий случай и связал. Но теперь ему совсем худо.

— Мы смастерим носилки, и ребята отнесут его домой, а там пошлем кого-нибудь за доком. Вы и сами не бог весть как выглядите. Спорю, что не откажетесь побриться, принять ванну и лечь в чистую постель.

— Паршиво я себя чувствую, — признался Таннер. — Давайте поскорее с этими носилками, не то понадобятся еще одни.

Он привалился к бамперу и курил, пока сыновья Поттера рубили и очищали от веток тонкие деревца. Волнами накатывалась дурнота, веки налились свинцом. Ноги были словно ватные, шея гудела. Сигарета выскользнула из пальцев, и он откинулся на радиатор.

Потом кто-то потряс его за плечо.

— Все, — сказал Поттер. — Мы развязали вашего друга и уложили на носилки. Будете запирайте машину?

Таннер кивнул и едва не упал, однако все же запер дверцы и побрел к группе ожидающих его людей. Они двинулись в путь. Таннер сперва пошатывался, но потом втянулся и шагал автоматически. Самуэль Поттер шел впереди и ни на минуту не умолкал — может быть, для того, чтобы Таннер не заснул на ходу.

— Идти недалеко, сынок. Как ты сказал твое имя?

— Черт, — пробормотал Таннер.

— Не понял.

— Черт. Меня зовут Черт Таннер.

Сэм Поттер хохотнул.

— Славное имечко! Если ничего не имеешь против, я представлю тебя жене и младшему как «мистера Таннера». А?

— Валяйте... — выдал Таннер, с чавканьем вытаскивая ногу из трясины.

— Да, уж как нам плохо будет без этих торговцев из Бостона! Надеюсь, ты поспеешь вовремя. Они привозят товары в Олбани и дважды в год устраивают ярмарку — весной и осенью. У них есть все, что нам нужно: иголки, нитки, перец, посуда, семена, оружие... ну все! А на ярмарках просто здорово! Да в здешних краях тебе всякий поможет.

Они поднялись на возвышенность, и там было суше.

— Отсюда, значит, уже не трудно до Бостона добраться?

— Не скажи. Но я подсоблю с картой и растолкую, что к чему.

— Карта у меня есть, — отозвался Таннер и спросил, кивнув на показавшуюся вдали ферму: — Ваша?

— Она. Уже совсем рядом. И идти теперь легче будет... Обопришь на мое плечо, если устал.

— Ничего, обойдусь. Наглотался таблеток, чтоб не спать, а теперь навалилось... Совсем невмоготу.

— Скоро отоспишься. А там пройдемся по твоей карте, я тебе покажу дорогу.

— Хорошо... — пробормотал Таннер. В глазах потемнело; он положил руку на плечо Сэма и пошатнулся.

Через целую вечность из тумана появился дом, затем дверь. Дверь распахнулась. Таннер почувствовал, что падает, и все поглотила тьма.

Сон. Темнота, отдаленные голоса, снова темнота. Он лежал на чем-то мягком. Потом повернулся на другой бок и провалился во тьму.

Когда наконец он очнулся и открыл глаза, в комнате было светло. Солнечные лучи врываются через окно и

падали на лоскутное одеяло, которым он был накрыт. Таннер с кряхтением потянулся, яростно поскреб бороду и огляделся: сине-красные коврики ручной работы на дощатом полу, кухонный шкаф с белой эмалированной мойкой (кое-где эмаль отлетела, и там чернели пятна), зеркало на стене и качалка возле окна, маленький столик с придвинутым стулом у другой стены. На столе книги, бумага, чернила и ручка; над ним — выцветшая картинка с водопадом.

Таннер сел и обнаружил, что спал голый. Одежды нигде не было видно. Пока он раздумывал, звать кого-нибудь или нет, открылась дверь, и вошел Сэм. Через руку была перекинута одежда Таннера, чистая и аккуратно выглаженная. В другой руке он держал его ботинки, и те сияли, как лунный свет на дожде.

— Услыхал, что ты ворочаешься, — улыбнулся Поттер. — Полегчало?

— Сравненья нет, спасибо.

— Мы приготовили ванну. Добавишь бадейку горячей и мойся сколько душе угодно. Сейчас ребята принесут мыло и полотенце.

Таннер прикусил губу, но, не желая показаться хозяину неблагодарным, кивнул и выдавил улыбку:

— Отлично.

— ...А там на полке бритва и ножницы.

Он опять кивнул.

Сэм положил одежду на качалку, рядом поставил ботинки и вышел из комнаты.

Вскоре Родерик и Калибан внесли лохань, поставили ее на старые мешки.

— Как вы себя чувствуете? — спросил один из них. (Таннер не знал, кто именно. Они были похожи на два долговязых пугала с белоснежными зубами.)

— Отлично, — ответил он.

— Должно быть, есть хотите? Вы спали весь день, ночь и все утро.

— Что с моим напарником? — спросил Таннер.

Другой парень покачал головой.

— Плохо ему, никак в себя не придет. Скоро будет док. Наш младший пошел за ним вчера вечером.

Они повернулись, собираясь уходить, и первый добавил:

— Как помоешься, ма приготовит вам поесть. А мы тем временем попробуем вытащить машину. Пока будете заправляться, отец расскажет вам о дорогах.

— Спасибо.

— Доброго вам утра.

Дверь за ними закрылась. Таннер поднялся, подошел к зеркалу и придирчиво себя оглядел.

— Ну хорошо, только один раз... — пробормотал он.

Он вымыл лицо, подровнял бороду и подрезал волосы. А затем, скрипя зубами, опустил в лохань, намылился и стал тереться мочалкой. Вода почернела. Он с плеском вылез, вытерся и оделся.

Таннер улыбнулся незнакомому темноглазому отражению в зеркале и закурил. Потом расчесал волосы.

— Черт побери! Да я красавец! — хохотнул он и вышел на кухню.

Сэм сидел за столом с чашкой кофе, а его невысокая полная жена в длинной серой юбке суежилась у плиты. Она обернулась, показав круглое краснощекое лицо. Каштановые с проседью волосы были собраны в тугий пучок.

— Доброе утро, — сказала она с улыбкой.

— Доброе утро, — отозвался Таннер. — Боюсь, что я насвинячил в той комнате.

— Ничего, — махнул рукой Сэм. — Давай садись, будем тебя кормить. Ребята сказали о твоём друге?

Таннер кивнул. Когда женщина поставила перед Таннером чашку кофе, Сэм произнес:

— Мою жену звать Сюзан.

Таннер опять кивнул.

— Я тут карту твою взял... Она у тебя из куртки торчала. И вот у двери револьвер висит. Я на досуге мозгами пораскинул и думаю, что лучше всего тебе ехать до Олбани, а там по старому шоссе номер девять, оно неплохо сохранилось. — Поттер разложил карту и стал показывать: — Это тебе не пикник, конечно, но самый верный и быстрый путь...

— Завтрак! — объявила жена и отодвинула карту, чтобы поставить огромную тарелку с яичницей и беконом. Тут же на столе оказались масло, джем и варенье, и Таннер набросился на еду, запивая кофе и слушая Сэма.

Сэм рассказывал о бандах мотоциклистов, хозяйничающих между Бостоном и Олбани. Они накладывали руку на все, на что могли, и поэтому торговцы возили товары целыми караванами с охраной. «Впрочем, с такой машиной тебе нечего бояться, да?» — спросил он, и Таннер ответил: «Надеюсь», не переставая жевать. Однако ему не давала покоя мысль: а не похожи ли они на его старую шайку? Только бы не это...

Послышался шум, дверь распахнулась, и на кухню влетел мальчишка лет десяти или двенадцати. За ним вошел мужчина с черным чемоданчиком.

— Вот и мы! Вот и мы! — закричал мальчишка.

Сэм встал и пожал мужчине руку, и Таннер рассудил, что ему тоже следует так поступить. Он вытер рот и сжал руку доктора.

— Мой напарник вроде как свихнулся. Бросился на меня ни с того ни с сего. Я его оттолкнул, и он стукнулся головой о приборную доску.

Доктору было лет пятьдесят. Лицо, изборожденное морщинами, усталые глаза...

— Я вас провожу к нему, — сказал Сэм, и они вышли через дверь на другом конце кухни.

Таннер снова сел и положил в рот последний кусочек жареного хлеба. Сюзан подлила ему кофе, и он благодарно кивнул.

— Меня зовут Джерри, — заявил мальчуган, усаживаясь на освобожденный отцом стул. — А ваше имя правда Черт?

— Тихо ты! — прикрикнула мать.

— Боюсь, что правда, — сказал Таннер.

— ...И вы ехали через всю Долину?

— Ага.

— Ну и как?

— Плохо.

— А чего вы видели?

— Летучих мышей. Здоровых, как эта кухня, а то и побольше. Их там полно, на той стороне Миссисипи.

— И что вы делали?

— Стрелял. Жег. Давил.

— А что еще видели?

— Чудовищ джил — размером с амбар. Пыльных дьяволов — это такие бешеные воронки из ветра, они за-

сосали одну машину. Огненные горы. Непроходимые заросли. Ехал сквозь бури. Ехал по таким местам, где земля как стекло. Или где земля тряслась. Ехал вокруг больших радиоактивных кратеров.

— Вот бы мне так однажды!

— Может, тебе и придется однажды.

Таннер закончил есть и закурил сигарету.

— Отличный завтрак, — сказал он. — Давно так не ел. Спасибо.

Сюзан улыбнулась.

— Джерри, не приставай к человеку.

— Не волнуйтесь, миссис. Все хорошо.

— А что это у вас за кольцо на руке? — спросил Джерри. — Вроде змеи.

— Так и есть, — сказал Таннер. — Чистое серебро с красными стеклянными глазами. Оно досталось мне в одном местечке под названием Тихуана. На, держи.

— Я не могу его взять, — выдавил мальчик и посмотрел на мать молящими глазами. Та покачала головой.

Таннер заметил это и сказал:

— Твои родители помогли мне, позвали доктора к моему товарищу, дали мне постель и накормили. Я уверен, что они не будут возражать, если в знак благодарности я подарю тебе кольцо.

Джерри снова посмотрел на мать. Таннер кивнул, и тогда она тоже кивнула. Парень присвистнул, вскочил и надел кольцо на палец.

— Велико... — огорченно пожаловался он.

— Сейчас мы его немного сожжем. Эти спиральные кольца можно подогнать.

Таннер сжал кольцо и дал мальчугану примерить. Оно все равно оказалось большим; тогда он сжал его снова, и оно подошло.

Джерри надел кольцо и хотел выбежать из кухни.

— Подожди! — окликнула женщина. — Что надо сказать?

Он обернулся и крикнул:

— Спасибо, Черт!

— Мистер Таннер, — поправила мать.

— Мистер Таннер, — повторил мальчик и с грохотом выскочил за дверь.

— Вы очень добры, — произнесла женщина.

Таннер пожал плечами. Он проглотил кофе и затушил окурок. Она дала ему новую чашку, и он закурил еще одну сигарету. Через некоторое время из комнаты вышли Сэм и доктор, и тут Таннер вдруг подумал, где же эта семья провела ночь.

Сюзан налила им всем кофе, и они сели за стол.

— У вашего товарища сотрясение мозга, — сообщил доктор. — Без рентгена я не могу сказать, насколько серьезно положение, а рентгена у меня нет. Все же перевозить его не советую.

— Как долго? — спросил Таннер.

— Может быть, несколько дней, может быть, две недели. Я оставил кое-какие лекарства и все объяснил Сэму. Сэм говорит, что в Бостоне эпидемия и вам надо спешить. Мой совет: езжайте один. Оставьте товарища у Поттеров. Пусть окрепнет и потом отправится с ними на весеннюю ярмарку в Олбани, а оттуда и до Бостона доберется.

— Хорошо, — подумав, согласился Таннер. — Раз другого выхода нет...

Они молча допили кофе.

Черт Таннер и Джерри Поттер шли через морозное утро. Ключья тумана проплывали над землей, трава блестящая, как хромированная. В воздухе висела легкая дымка; теплое дыхание на холодном воздухе кристаллизовалось, становясь похожим на клубы выдыхаемого табачного дыма.

— Смотри, Черт! Я курю! — сказал Джерри, указывая на очередное облако «дыма».

— Да. Интересно, выгнали ли уже мою машину?

— Пожалуй. Бригада там подобралась что надо, — сказал Джерри и спросил: — Чем ты занимаешься, Черт? В жизни, когда не крутишь баранку?

— Я всегда за рулем. Я шофер.

— Ты не собираешься бросить это дело после того, как доберешься до Бостона?

Таннер прокашлялся и сплюнул на траву.

— Там видно будет. Возможно, пойду работать в мастерскую по ремонту автомобилей или мотоциклов.

— А знаешь, кем я хочу стать?

— Нет. Кем же?

— Летчиком. Хочу летать.

Таннер пожал плечами.

— Ты не сможешь. Видел, как летают птицы? Они не поднимаются высоко. Страх не пускает их выше. Ты поднимаешься туда на самолете, и эти ветры убьют тебя.

— Я мог бы летать низко.

— Местность очень неровная, и ветры меняются с высотой. Знаешь, есть холмы, на вершины которых я боюсь въезжать, потому что оттуда может сдуть. Их сразу заметно — потому что волны ветра тащат груды мусора и еще потому что выше некоторой точки нет ничего, кроме голых скал.

— Я буду осторожен.

— Да, но ветры меняются. Они то ослабевают, то усиливаются. И невозможно предсказать, где это может случиться.

— Но я хочу летать!

Таннер взглянул на мальчика и улыбнулся.

— Существует множество вещей, которые люди хотели бы сделать, но оказывается, что в силу тех или иных причин они этого не могут. Воздухоплавание — одна из таких вещей. Тебе придется подыскать что-нибудь другое.

Джерри поджал губы и подфутболил камешек.

— У каждого есть своя мечта, которую человек хочет осуществить, — продолжал Таннер. — Правда, редко удается: либо это оказывается невозможным, либо просто не предоставляется случая.

— Чем бы ты хотел заниматься, если бы не стал шофером?

Таннер остановился, повернулся спиной к ветру и закурил. Затем, два раза глубоко затянувшись, он ответил:

— Хочу быть механиком Большой Машины.

— Какой машины?

— Большой Машины. Это трудно объяснить.

Он закрыл на секунду глаза, затем открыл их и произнес:

— Когда я еще учился в школе, у нас был учитель, который говорил нам, что мир — это огромная машина, что все воздействует на все, что все происходящее яв-

ляется результатом этого воздействия и взаимодействия. Поэтому я задумался и представил себе эту проклятую большую машину со всеми ее рычагами, цепями, приводными ремнями, подшипниками, осями, валами. И вообразил, что она где-то существует, эта машина, и что в зависимости от того, работает она исправно или нет, дела в мире идут хорошо или плохо. Ну, я решил, что она работает довольно плохо, и необходимо, чтобы кто-нибудь ее отрегулировал и вообще следил за ней. Я думал об этом днем, на уроках, и вечером, когда ложился спать. Я говорил себе: «Когда-нибудь я отправлюсь на поиски этой машины и найду ее. Я стану ее механиком — буду смазывать, закручивать гайки, заменять износившиеся части, регулировать. И она будет работать как часы. Погода всегда будет хорошая, у всех будет достаточно еды, не будет войн, не будет больных и пьяных, не будет тех, кому надо воровать, потому что им необходимо что-то, чего у них нет». Я представлял себя там, в здании завода или в старой пещере, работающим без отдыха, только бы машина была в отличном состоянии и все были счастливы. Иногда, правда, мне становилось смешно. К примеру, захотелось мне в отпуск, я выключаю машину и закрываю мастерскую. И все останавливается, представляешь? Это как на фотографии. Все замерли, словно статуи, не закончив начатого дела, — кто на работе, кто за столом, кто в постели. Все остановилось. Я могу гулять по городу, и никто не знает, что я там. Я могу видеть их, брать еду у них с тарелок, одежду и другие вещи — из магазинов, могу целовать их девочек и читать их книги, сколько мне захочется. Затем, когда я устаю от всего, я возвращаюсь и включаю машину. И все опять так же естественно возобновляется. И никого это не волнует, даже если они и знают об остановке, потому что машина работает и все счастливы... Вот кем я хотел быть — механиком Большой Машины. Только я так и не смог найти ее.

— А искал?

— Нет.

— Почему же?

— Потому что не нашел бы.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ее нет. Машины не существует. Все это было только сравнением. Учитель просто хотел сказать нам, что жизнь *похожа* на машину, но она не есть машина. Я неправильно понимал его. И годами думал об этой чертовой машине.

— Как ты узнал, что машины нет?

— Позже, когда я спросил его, где же находится эта машина, учитель объяснил мне, что он имел в виду. Я чувствовал себя полным идиотом после этого.

— Он ведь мог ошибаться?

— Наверяд ли. Они слишком умны, эти старые учителя.

— Может, он обманывал вас?

— Нет. Теперь, повзрослев, я знаю, что он имел в виду. Хотя в одном он ошибался. Глупо быть похожим на машину. Но я знаю, что он имел в виду.

— В таком случае учителя не такие уж и умные, если они хоть в чем-то одном не правы.

Шагая, Джерри любовался своим новым кольцом.

— Они бывают умными по-разному. Как биолог, которого я встретил недавно. Главным образом, умные на словах. Мой учитель знал, о чем говорил, и теперь я тоже знаю. Но для того, чтобы понять, о чем они говорят, надо повзреть.

— Ну, а если он все же ошибался? Что, если машина существует? И если ты ее найдешь когда-нибудь? Ты будешь делать, о чем мечтал? Захочешь ли ты быть механиком этой машины?

Таннер глубоко затынул.

— Машины нет.

— Ну, а если бы была?

— Да, пожалуй. Пожалуй, мне все еще нравится эта работа.

— Хорошо — потому что я все равно хочу летать, хотя ты и говоришь, что я не могу. Возможно, когда-нибудь ветры изменятся.

— Это было бы здорово, — согласился Таннер, обняв парнишку за плечи.

— Я надеюсь, что ты найдешь машину и все отладишь, чтобы я смог летать.

Таннер щелчком отправил окурок в кювет.

— Если я когда-нибудь найду ее, это будет первое, что я сделаю.

— Спасибо, Черт!

Таннер сунул руку в карманы и, подставив ветру спину, зашагал дальше.

Солнце поднялось, и змейки тумана на дороге погибли под его каблуками.

Посмотрев на вытасченный автомобиль, Таннер проговорил:

— Что ж, пожалуй, поеду, — и кивнул Поттерам: — Спасибо.

Он открыл дверцу, сел за руль и завел мотор. Затем дважды ударил по клаксону и медленно отжал сцепление. На заднем экране махали ему вслед трое мужчин. Таннер стиснул зубы и яростно надавил на акселератор. Фигурки прыгнули назад и скрылись из виду.

Бурая земля поросла густой травой. Небо было нежно-розовым, и яркое солнце окрашивало день в серебристый цвет. Казалось, что эти места совсем не затронуты хаосом, царившим в остальной части Долины.

Таннер несся вперед и слушал музыку. Дважды он обгонял грузовики и приветственно сигналил; один раз ему ответили.

Таннер ехал весь день и добрую часть ночи, пока наконец не достиг Олбани. Улицы были погружены во тьму, и только в отдельных зданиях светились огоньки. Он остановил машину перед мерцающей вывеской «БАР И ГРИЛЬ» и зашел внутрь.

В маленьком душном помещении царил полумрак. Пол был присыпан опилками. Из джук-бокса в углу раздавалась приглушенная музыка — совершенно незнакомые Таннеру мелодии.

Он сел за стойку и запихнул «магнум» поглубже за пояс. Потом снял куртку и бросил ее на соседний табурет. Подошедшему мужчине в белом переднике он сказал:

— Одну маленькую, пиво и бутерброд с ветчиной.

Мужчина наклонил лысую голову и поставил перед Таннером стаканчик, который тут же наполнил, а затем налил из крана полную кружку пива.

Таннер опрокинул стаканчик и стал потягивать пиво. Бармен толкнул к нему тарелку с бутербродом, царапнул что-то на зеленом листке бумаги и подсунул ему под тарелку. Таннер откусил бутерброд и запил его пивом.

Среди людей, шумных, как в любом другом баре, где он бывал, Таннер остановил внимание на пожилом мужчине с дружелюбным лицом и спросил:

— Что слышно в Бостоне?

Подбородок мужчины дернулся:

— Ничего. Похоже, что к концу недели закроются все наши магазины.

— Каковы последние новости оттуда?

— Люди мрут. Другие пытаются уехать, чтобы не заразиться. Десятки их проходят здесь ежедневно. Но у въезда в Олбани есть пост, где их предупреждают, что им нельзя здесь останавливаться. Поэтому они, минуя город, ищут поселения, где бы им разрешили пожить. Основали целый кемпинг там, на холмах. — Мужчина указал рукой на север. — В трех-четыре милих от города. С площади можно видеть его огни.

— Чума — на что это похоже?

— Никогда не видел людей, умирающих от чумы. Слышал, что больного начинает мучить жажда, на шею и по всему телу высыпают опухоли, затем отекают легкие и несчастный захлебывается собственной мокротой.

— Но в Бостоне еще есть живые?

— Беглецы еще идут.

Таннер жевал бутерброд и думал о чуме.

— Какой сегодня день?

— Вторник.

Таннер прикончил бутерброд и за пивом выкурил сигарету. Взглянул на счет, где была выведена сумма «0,85», кинул на стойку доллар и собрался уходить. Он сделал два шага, когда его окликнул бармен:

— Эй, мистер!

Таннер повернулся.

— Ну?

— Ты кого хочешь одурачить?

— Не понимаю.

— Не понимаешь? — Бармен потряс долларом. — А это что?

Таннер взял бумажку и повертел перед глазами.

— Вроде все нормально. Чего тебе не нравится?

— Это не деньги.

— Мои деньги не годятся?

— Вот именно. В жизни не видал таких денег!

— Ну так разуй глаза! Прочитай, что там напечатано внизу.

В комнате стало тихо. К ним подошел мужчина и протянул руку.

— Дай-ка я взгляну, Билл.

Бармен передал ему бумажку. Глаза подошедшего расширились.

— Выдан национальным банком Калифорнии...

— Здесь они недействительны, — заявил бармен.

— Лучших у меня нет, — Таннер пожал плечами.

— Этой бумажкой можешь подтереться! Бостонские деньги у тебя есть?

— Никогда не был в Бостоне.

— А как же ты сюда попал?

— Приехал.

— Нечего дурака валять, парень! Ты где это украл?

— Возьмете деньги или нет? — спросил Таннер.

— И не подумаю! — отрезал бармен.

— Тогда катитесь к черту, — бросил Таннер и пошел к двери.

Он услышал за спиной быстрые шаги и резко повернулся. Перед ним стоял человек, только что рассматривавший деньги, рука его была вытянута вперед.

Правой рукой Таннер придерживал куртку, перекинутую через плечо. Теперь он изо всех сил рванул ее вниз. Край куртки ударил мужчину по макушке, и тот упал. В комнате раздались крики. Несколько человек вскочили на ноги и бросились к нему. Таннер вытащил из-за пояса револьвер и криво улыбнулся.

— Тихо, ребята, — процедил он, и они остановились. — Вы, может, и не поверите, если я скажу вам, что в Бостоне мор, но это правда. А может, и поверите... Не знаю. И наверняка вы не поверите, если я скажу, что еду сюда через весь континент от самого Лос-Анджелеса и везу в машине сыворотку Хавкина. Но и это чистая

правда. Отнесите мой доллар в бостонский банк, и там вам его обменяют. Теперь дальше... Мне пора двигаться, и не вздумайте меня останавливать. Если вы сомневаетесь в моих словах, обратите внимание, на чем я уеду. Вот все, что я хотел вам сказать.

Таннер пятился до самой машины. Когда он завел двигатель и с ревом сорвался с места, на заднем экране появились высыпающие из бара люди. Таннер засмеялся и посмотрел прямо в лицо мертвой луны.

Эвелин прислушалась. Показалось? Или это не просто бой колокола? Нет, вот опять — стук в дверь. Она подошла к двери и посмотрела сквозь маленькое окошко. Затем отомкнула дверь и широко распахнула ее.

— Фред!..

— Назад! — приказал он. — Быстро! Отойди к окну!

— Что случилось?

— Живее!

Она попятилась, прищурив глаза.

— Родители дома?

— Нет.

Он вошел и закрыл за собой дверь — парень восемнадцати лет с прямыми непослушными волосами. Учащенно дыша, он оглянулся.

— Что случилось, Фред?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он в свою очередь.

— Я — нормально.

— По-моему, я заразился. Раньше у меня был жар, а теперь знобит. Под мышками натирает, горло болит. Сколько бы я ни пил, все равно не могу напиться. Поэтому не подходи ко мне.

Эвелин поднесла ладони к лицу, глядя на него будто сквозь полупрозрачные ногти.

— После той ночи я... я тоже чувствую себя неважно.

— Да, я скорее всего убил тебя той ночью.

Эвелин было семнадцать — рыжеватая девушка, которой больше всего нравился зеленый свет.

— Как... что нам делать?

— Ничего, — ответил Фред. — В больницу идти нельзя — нас уложат и будут наблюдать, как мы умираем.

— Нет! Может, скоро появится сыворотка...

— Ха! Я пришел проститься. Я люблю тебя. И не хотел заразить. Если бы мы не сделали этого... о, я не знаю! Прости, Эвви!

Она заплакала.

— Не уходи!

— Я должен. Может, ты всего-навсего простыла. Я надеюсь на это. Прими аспирин и ложись в постель.

Фред взялся за ручку двери.

— Не уходи, — повторила она.

— Я должен идти.

— В больницу?

— Ты смеешься? Они совершенно бессильны. Я просто ухожу...

— Что ты собираешься делать?

Он старался не смотреть в ее зелено-голубые глаза.

— Знаешь, я не хочу проходить через все мучения. Я видел людей, умирающих от чумы. Я не хочу ждать.

— Нет. Пожалуйста, нет!

— Ты не знаешь, что это такое, — сказал Фред.

— Может, привезут сыворотку. Нужно держаться до последнего.

— Не привезут. За городом творится такое...

— Я думаю, что тоже заразилась. Подойди ко мне. Теперь ничего не имеет значения.

Они сошлись в центре комнаты, и он обхватил ее за плечи.

— Не бойся, — сказала девушка. — Не бойся.

Он долго не отпускал ее, затем Эвелин взяла его за руку и сказала:

— Идем. Не бойся. Родители придут еще не скоро.

Она увлекла его в свою спальню.

— Раздень меня, — попросила девушка.

Фред повиновался. Они легли в постель.

Несколько минут все заглушало его прерывистое дыхание. Затем он выдохнул в изнеможении, и Эвелин почувствовала, как ее наполнила теплая влага. Погладив его по плечам, она сказала:

— Это было здорово.

— Да. — Он приподнялся, чтобы встать, но локоть подвернулся. — О, Господи! Я так ослабел, совсем неожиданно...

Фред перевернулся на бок и сел, спустив ноги с постели. Его начал бить озноб. Накинув парню на плечи одеяло, Эвелин спросила:

— Хочешь пить?

— Да.

— Я принесу.

— Спасибо. — Одним залпом он выпил принесенную воду. Напившись, он почувствовал, как в голове застучали колокольчики. — Я люблю тебя. Прости...

— Не надо. Все было хорошо.

Фред беззвучно заплакал. Она этого даже не заметила, пока он не разрыдался. Лицо его было мокрым от слез.

— Не плачь, пожалуйста, — успокаивала она Фреда, вытирая ему слезы уголком простыни.

— Я не могу. Мы умрем.

— Мне страшно.

— И мне.

— И на что это будет похоже?

— Не знаю. Не думай об этом.

— Не могу.

— Мне надо лечь. Извини. У тебя еще есть одеяла?

— Сейчас принесу.

— ...И еще стакан воды, пожалуйста.

— Хорошо.

Вернувшись, Эвелин накрыла его еще двумя шерстяными одеялами.

— Так будет лучше.

Она принесла ему стакан воды.

— Почему это должно было случиться с нами?

— Не знаю. Просто не повезло.

— Ты собирался... убить себя? Да?

Он кивнул.

— Я не отказался от этой мысли. Вот только пусть мне полегчает... Ха! «Полегчает». Смешно, правда?

— Нет. Может, ты прав — и все будет ухудшаться.

— Прекрати!

— Мы бы могли уйти без особых мучений. Что ты собирался сделать?

— Взобраться на перила моста и стоять там до тех пор, пока не почувствую себя настолько плохо, что лучше будет броситься вниз.

— Это нелегко, — сказала Эвелин, разглядывая свою тень на стене.

— Можешь предложить что-нибудь получше?

— Нет, — ответила она и повернулась так, что свет, проходящий через жалюзи, полосами упал на ее лицо и грудь. — Нет.

— Ты уверена?

— А может... У мамы есть снотворное, таблетки.

— Да? — Он встrepенулся под одеялом. — Принеси их, пожалуйста.

— Ты уверен, что ты хочешь этого?

— Нет. Но все равно принеси.

Девушка вышла из комнаты и вернулась с маленькой темной бутылочкой.

— Вот они.

Взяв бутылочку в руку, Фред задумчиво уставился на нее, повертел. Открыв крышку, взял в ладонь таблетку.

— Так просто, а?

Она кивнула, прикусив губу.

— Сколько таблеток надо выпить?

— Однажды я читала, что человек принял двадцать...

— А сколько их там?

— Не знаю.

У Фреда на лбу появилась испарина; он отбросил одеяло в сторону.

— Принеси, пожалуйста, воды, Эвви.

— Сейчас.

Девушка наполнила стакан и поставила его на ночной столик рядом с кроватью. Затем подобрала бутылочку, упавшую под одеяло.

— Давай выпьем, — сказал он.

— Ты уверен, что так будет лучше?

— Уверен. Мы просто заснем, правда?

— Говорят...

— По-моему, это лучший выход.

— Да.

— Тогда отсчитай мне двадцать таблеток.

Она подала ему стакан с водой. Парень взял стакан в правую руку, а левую вытянул ладонью вверх. Девушка отсчитала ему в руку таблетки. Взяв в рот две, он проглотил их, запив водой.

— Никогда не умел глотать таблетки... — Затем он проглотил еще две, и еще две, и еще. — Уже восемь. — Он проглотил еще пять раз по две таблетки. — Здесь только восемнадцать, — удивился он.

— Знаю.

— Ты же сказала — двадцать.

— Там больше не было.

— Боже! Значит, для тебя не осталось?

— Ничего. Я придумаю другой способ. Не волнуйся.

— О, Эвви! — Он обнял ее за талию, и она почувствовала на животе его мокрую щеку. — Прости, Эвви! Я не хотел! Поверь.

— Я знаю. Не тревожься. Скоро все будет хорошо. Ты просто заснешь. Я рада, что нашлись таблетки. Я люблю тебя, Фред!

— Я люблю тебя, Эвви!

— Отдыхай.

— Сначала надо сходить в туалет. Я выпил столько воды...

Он с трудом встал на ноги и, держась рукой за стену, пошел в коридор. Войдя в ванную, закрыл за собой дверь.

Она слышала звук бегущей из крана воды, затем было слышно, как спустили воду в унитазе. Вытянув руки, девушка невидящими глазами рассматривала свои ногти. Нижняя губа была влажной и солоноватой. Вода продолжала течь, заглушаемая ударами колокола. Она подумала о родителях, но все равно не решалась войти в ванную.

Олбани — Бостон. Пара сотен миль. Самый тяжелый участок пути пройден. Ужасы Проклятой Долины по большей части остались позади.

Ночь. Она простиралась вокруг, обняв машину нежными темными крыльями. Звезды, казалось, сияли ярче. Словно сама природа шептала ласково и ободряюще: «Все будет хорошо».

Дорога змеилась среди холмов, поросших деревьями и высокой травой. Навстречу ехал грузовик, и Таннер притушил фары. Водитель грузовика сделал то же самое.

Около полуночи он выехал на развилку и тут же оказался в перекрестии слепящих огней, вспыхнувших одновременно с двух сторон. Около шестидесяти прожекторов поливали его светом слева и справа.

Таннер вжал акселератор в пол и услышал, как где-то сзади взревели моторы. Он узнал этот звук. Мотоциклы.

Они выскочили на дорогу и помчались следом.

Они явно не знали, за кем гонятся. Таннер мог открыть огонь из пулеметов, мог затормозить и сжечь их из огнемета или закидать гранатами. И все же он не сделал ничего подобного.

Ведь это он мог сидеть на головном мотоцикле и самозабвенно мчаться впереди своих людей, не думая ни о чем, кроме преследования... Таннером завладела какая-то странная грусть, тоска, и он отвел руку от пульта управления огнем. «Сперва попытайся уйти».

Мотор ревел на полной мощности, и все-таки от мотоциклистов было не оторваться. Когда они начали стрелять, он понял, что придется ответить. Шальная пуля могла попасть в бак или пробить шину.

Первые выстрелы, безусловно, просто предупреждение. Но рисковать нельзя. Если б только они знали... Динамик!

Таннер стукнул по кнопке и схватил микрофон.

— Эй, котятки, кроме лекарств для Бостона, у меня ничего нет. Лучше отстаньте от меня подобру-поздорову.

Немедленно последовал выстрел, и тогда он открыл огонь из пулеметов. Одни падали, но другие продолжали стрелять. Тогда он стал кидать гранаты. Огонь стал тише, однако не прекратился.

Поэтому Таннер ударил по тормозам и повернул огнеметы. Пятнадцать секунд. И наступила тишина. Когда воздух очистился, он посмотрел на экран.

Они валялись по всей дороге. Рядом с перевернутыми разбитыми мотоциклами дымились тела. Некоторые были еще на ногах и держали винтовки. Таннер перестрелял их поодиночке.

Он собирался отъезжать, когда заметил, что кто-то поднялся, сделал несколько неверных шагов и снова упал. Его рука застыла на рычаге передач.

Это была девушка.

Он раздумывал секунд пять, потом выпрыгнул из машины и побежал к ней. Одна фигурка зашевелилась и приподнялась на локте. Таннер дважды выстрелил и продолжал бежать, сжимая револьвер в руке.

Девушка ползла к мужчине со снесенным лицом. Вокруг Таннера на дороге валялись тела — уже неподвижные или еще подергивающиеся. Всюду были кровь, почерневшая кожа в алом сиянии стоп-сигналов машины, стоны, завывания и вонь обгоревшего мяса...

Когда Таннер подбежал к девушке, она стала проклинать его слабым голосом. В глазах ее стояли слезы.

Все вокруг были мертвы или умирали, поэтому Таннер схватил девушку на руки и понес к машине. Он откинул спинку и опустил ее на пассажирское сиденье, убрав оружие подальше. Потом завел мотор и двинулся вперед. На экране заднего обзора было видно, как две фигуры поднялись на ноги, но тут же рухнули.

Это была высокая девушка с длинными грязными волосами, сильным подбородком и широким ртом. Под глазами синели круги. Правая сторона лица покраснела, словно от загара. Левая штанина была порвана и пропитана кровью. Таннер пришел к выводу, что девушку задело из огнемета и она упала с мотоцикла.

— Очухалась? — спросил Таннер, когда судорожные всхлипывания немного стихли.

— А тебе что? — резко ответила она, прижимая руку к щеке.

Таннер пожал плечами.

— Так...

— Ты убил почти всех наших.

— А что бы они сделали со мной?

— От тебя бы и мокрого места не осталось, если бы не твоя поганая машина.

— Она не моя, — миролюбиво ответил Таннер. — Вообще-то она принадлежит государству Калифорния.

— Эта штука не могла приехать из Калифорнии.

— Черта с два, я сам ее привел.

Девушка выпрямилась и стала растирать ногу. Таннер закурил.

— Дашь мне сигарету?

Он протянул ей зажженную и закурил другую. Когда он передавал сигарету, она заметила татуировку.

— Что это?

— Мое имя.

— Черт?

— Черт.

— Откуда такое?

— От моего старика.

Они молча курили. Потом она заговорила:

— Зачем ты поехал в Долину?

— Потому что иначе бы меня не выпустили.

— Откуда?

— Из места, где на окнах решетки. Я сидел.

— И тебя отпустили? Почему?

— Из-за эпидемии. Я везу сыворотку Хавкина.

— Ты Черт Таннер.

— А?

— Твоя фамилия — Таннер, да?

— Допустим. Откуда ты знаешь?

— Я слышала о тебе. Все думали, что ты погиб во время Большого Рейда.

— Ошибались...

— На что это было похоже?

— Понятия не имею. Я уже носил полосатый костюм. Потому и жив остался.

— Зачем ты меня подобрал?

— Не хотел смотреть, как погибает девушка.

— Спасибо. У тебя найдется поесть?

— Еда там, — он показал на холодильник. — Как тебя зовут?

— Корни. А полностью Корнелия.

— Хорошо, Корни. Когда поешь, расскажешь мне о дороге впереди.

Она с жадностью набросилась на еду.

— Здесь куча всяких банд. Так что приготовься.

— Готов, — отозвался Таннер.

— Эти экраны показывают во всех направлениях?

— Угу.

— Дороги тут в общем нормальные. Скоро будет одна большая воронка, а за ней пара маленьких вулканов.

— Понял.

— Больше беспокоиться не о чем, кроме «Регентов», «Дьяволов», «Королей» и «Любовников».

Таннер кивнул.

— Много у них народу?

— Точно не знаю, но больше всех у «Королей». Сотни две.

— Твои как звались?

— «Жеребцы».

— Что ты теперь собираешься делать?

— Что скажешь.

— Хорошо, Корни. Я высажу тебя, где захочешь. А можешь поехать со мной в город.

— Решай, Черт. Куда ты, туда и я.

Голос у нее был низкий, хрипловатый, слова она произносила медленно, с ленцой. Штаны из грубой материи не скрывали длинных ног и тяжелых тугих бедер. Таннер облизал губы и перевел взгляд на экран. Подержать ее немного?..

Внезапно дорога стала мокрой. На ней появились сотни рыб, и каждую секунду падали новые. Сверху раздались оглушительные раскаты, на севере разлилось голубое сияние.

Машина оказалась в воде. Поток бил в капот и крышу, тушил экраны. Небо вновь почернело и родило тоскливый, душераздирающий вой. Вскоре ливень ослаб, но завывания продолжались. Через пятнадцать минут они перешли в рев.

Девушка смотрела на экраны, изредка бросая взгляды на Таннера.

— Что ты собираешься делать? — наконец спросила она.

— Уйти, если смогу.

— Впереди, насколько видно, тьма. Вряд ли тебе это удастся.

— Я тоже так думаю, но что остается?

— Укрыться.

— Если знаешь где — покажи.

— Есть одно местечко — мост, под который можно захватить.

— Годится. Свистни, когда его заметишь.

Она стянула ботинки и потеряла ноги. Таннер предложил ей сигарету.

— Эй, Корни, я сейчас сообразил... справа от тебя аптечка. Да, эта. Там наверняка найдется какая-нибудь мазь. Лицо-то горит, наверно...

Корни достала тюбик, выдавила немного мази и втерла в кожу щек. Она чуть улыбнулась и положила тюбик на место.

— Ну, полегче?

— Да, спасибо.

Стали падать камни, голубое сияние ширилось. Небо просветлело и запульсировало.

— Что-то в последнее время бури участились.

— Я слышала, будто ветры успокаиваются, — мол, небо очищает себя.

— Хорошо бы, — заметил Таннер.

— Тогда мы увидим его таким, как оно выглядело раньше, — синим и с облаками. Знаешь, что такое облака? Такие беловатые рыхлые штуки, которые плавают в небе. От них, кроме дождя, ничего не бывает.

— Да, знаю.

— Видел их когда-нибудь в Л-А?

— Нет.

Поднялся туман, и Таннер был вынужден снизить скорость. По краям извивающихся, как змеи, темных полос появились желтые подтеки. По машине загромыхал камнепад.

— Нам каюк, — прошептала Корни.

— Черта с два. Этот гроб рассчитан еще и не на такое... Что там, впереди?

— Мост! — воскликнула она, подавшись вперед. — Вот он! Сворачивай с дороги налево и спускайся вниз, там пересохшая река.

Начали срываться молнии; загорелось дерево. Вместе с низвергающимися потоками воды продолжала падать рыба.

Машина медленно сползла по жиже. Достигнув русла реки, Таннер повернул направо и въехал под мост. Полыхали молнии, в небе кружили каруселью вихри, и постоянно гремело. Мост гудел от ударов камней.

— Здесь мы в безопасности, — сказал Таннер и выключил двигатель.

— Дверцы заперты?

— Они запираются автоматически.

Таннер выключил фары и зажег внутренний свет.

— Хотел бы я угостить тебя чем-нибудь покрепче...

— Ничего, я с удовольствием выпью кофе.

— Сейчас сделаем.

Он сполоснул кофейник, наполнил его водой и поставил греться.

Они сидели и курили, а вокруг бушевала непогода.

— Знаешь, приятно так сидеть в тепле и уюте, словно крыса в норе, в то время как снаружи творится черт знает что. Только послушай, как молотит! А нам плевать.

— Ну, — согласилась она. — Чем ты думаешь заняться, когда доберешься до Бостона?

— Понятия не имею... Может, найду работу, поднакоплю денег и открою гараж.

— Здорово. Сам, наверное, будешь много ездить?

— Спрашиваешь. В городе-то, конечно, банд нет?

— Нет, все по дорогам.

— Так и думал. Может быть, наберу свою. — Он потянулся к девушке и крепко сжал ее руку.

— Я смогу угостить тебя кое-чем покрепче. — Она достала из правого кармана флажку, отвинтила колпачок и протянула Таннеру. — Держи.

Он сделал глоток, поперхнулся и на секунду застыл.

— Блеск! Ты — женщина с большими скрытыми способностями. И все такое. Спасибо.

— Ерунда...

Корни тоже сделала глоток и поставила флажку между ними. Таннер прикурил две сигареты и протянул одну девушке.

— Я бы хотела ехать с тобой до самого конца. Мои все полегли, и мне больше не с кем гонять. А ты там станешь большим человеком. Может, оставишь меня при себе хоть на время?

— Посмотрим... А какая ты?

— Что надо! Могу даже растереть плечи, если они у тебя ноют.

— Еще как ноют.

— Так я и думала. Нагнись.

Он наклонился к ней, и она начала тереть его плечи. Руки у нее были твердые и сильные.

— У тебя здорово получается.

— Спасибо.

Таннер выпрямился, прогнулся назад. Затем подхватил фляжку и снова приложился. Корни чуть пригубила.

Вокруг них бесновались адские фурии, но мост стойко держал оборону. Таннер погасил свет.

— Давай! — сказал он и притянул девушку к себе.

Она не сопротивлялась, и он нащупал пряжку ремня. Потом наступила очередь пуговиц. Через некоторое время Таннер разложил сиденье.

— Ты не прогонишь меня? — спросила она.

— Нет.

— Я помогу тебе. Я сделаю все, что ты скажешь, чтобы добраться до Бостона.

— Отлично.

— В конце концов нам без Бостона жизни нет.

— Еще бы.

Потом слова стали не нужны.

Таннер разлепил глаза. Наступило утро, буря утихла. Корнелия не проснулась, даже когда он слезил в задний отсек, завел двигатель и повел машину по густо поросшему травой склону холма.

Небо опять просветлело. Дорога была усеяна хламом. Таннер вел машину на бледное солнце. Наконец Корнелия зашевелилась.

— О-о-ох, — протянула она.

— Вот-вот, — согласился Таннер.

Неожиданно дневной свет померк, и вверху образовалась гигантская черная полоса, прорезавшая небо прямой автострадой.

Они медленно ехали по лесистой долине. Накрапывал дождь. Девушка вернулась из заднего отсека и занялась завтраком, когда Таннер разглядел сзади точку, почти слившуюся с горизонтом. Он дал полное увеличение и попытался уйти от того, что увидел. Корнелия подняла взгляд.

Мотоциклы, мотоциклы, мотоциклы.

— Твои люди?

— Нет. Моих больше не осталось.

— Паршиво, — пробормотал Таннер и вжал акселератор в пол. Он надеялся только на бурю.

Машина с визгом вошла в поворот и начала подниматься на очередной холм. Мотоциклы приближались. Таннер убрал увеличение, но экраны все равно не смогли скрыть числа преследователей.

— Наверное, «Короли», — сказала Корни. — Только у них столько народу.

— Паршиво.

— Для них или для нас?

— Для них и для нас.

Она улыбнулась.

— Я бы хотела посмотреть, как ты орудуешь этой штукой.

— Похоже, тебе представится такая возможность. Они гонят, как бешеные.

Дождь утих, но туман густел. Таннер видел фары в четверти мили сзади и насчитал от сотни до полутораста мотоциклов.

— Далеко до Бостона?

— Миль девяносто.

— Плохо, что они преследуют нас, а не мчатся навстречу, — проговорил Таннер и навел на задний экран перекрестие прицепа.

— Это что? — поинтересовалась Корнелия.

— Крест. Я собираюсь их распять.

Она улыбнулась и порывисто сжала его руку.

— Можно мне помочь? Ненавижу этих ублюдков!

— Чуть погода, — отозвался Таннер. — Чуть погода, уверен.

Он потянулся назад, достал шесть ручных гранат, повесил их на свой широкий черный пояс и засунул туда же револьвер. Девушке он протянул винтовку.

— Умеешь обращаться?

— Да, — немедленно ответила Корни.

— Хорошо.

Таннер не отрывал взгляда от пляшущих на экране огней.

— Какого черта тянет эта буря?! — пробормотал он, когда огни сместились ближе и в тумане стали вырисовываться очертания мотоциклистов.

Когда они приблизились на сотню ярдов, Таннер швырнул первую гранату. Она взмыла в сером воздухе и через пять секунд взорвалась с грохотом и вспышкой. Таннер начал бить из пулеметов, вода прицелом из стороны в сторону. Затем он пустил еще одну гранату.

— Ты их остановил?

— На время. Огни еще видны, но уже подальше.

Через несколько минут они достигли вершины холма. Туман там разошелся, и сверху проглядывало темное небо. Потом они вновь устремились вниз, и справа поднялась стена из камня, глины и грязи. Спускаясь, Таннер внимательно разглядывал ее.

Когда дорога выровнялась и машина съехала на самую низкую точку, он включил фары на полную яркость и стал выискивать участок, где бы стена отстояла подальше от дороги.

Сзади выплеснулось море надвигающихся огней.

Таннер нашел достаточно широкое место, резко развернулся, так что его занесло, и встал лицом к преследователям. Теперь стена была слева.

Он взвел ракеты, пустил одну, поднял на пять градусов, пустил две, поднял еще на пять градусов и пустил три. Потом сбросил на пятнадцать градусов вниз и дал еще одну.

Туман вспыхнул, раздался грохот катящихся камней. Земля дрожала — начался обвал. Таннер вывернул руль вправо, отводя машину назад, и пустил две ракеты прямо перед собой. Теперь с туманом смешалась пыль; почва продолжала трястись.

Он развернулся и вновь поехал вперед.

— Надеюсь, это их остановит...

Таннер зажег две сигареты и протянул одну Корнелии.

Через пять минут машина поднялась на пригорок. Налетевший ветер разогнал туман, и тогда сзади опять появились огни.

Полезла вверх радиоактивность. Таннер внимательно осмотрелся и заметил вдали кратер.

— Вот он, — раздался голос девушки. — Здесь с дороги надо сходить. Держись правее.

— Понял.

Сзади послышались выстрелы — первые за весь день. Таннер навел прицел, но стрелять не стал. Расстояние было слишком велико.

— Ты проредил их наполовину, — сказала Корнелия. — Даже больше. И все же это крепкие ребята.

— Вижу...

Машина вспарывала туман. Таннер пересчитал оставшиеся гранаты. Гранаты кончались...

Он свернул вправо, когда автомобиль запрыгал на выбоинах в бетоне. Радиоактивность повышалась. Крайтер был примерно в тысяче ярдов левее. Дождь все усиливался.

Сзади из иглы выплыли огни. Таннер прицелился в самый яркий и выстрелил. Огонь потух. Навел еще на один и снова выстрелил. И тот потух.

— Еще парочка, — заметил Таннер. Однако теперь сзади послышались выстрелы.

Он взялся за правосторонние пулеметы, и на экране появилось перекрестие прицела. Когда там выросли три мотоциклиста, пытающихся обойти его с фланга, он открыл огонь и уложил их. Сзади опять поднялась стрельба, но он не отвечал, переключив все внимание на дорогу.

— Я насчитала двадцать семь огней, — сообщила Корни.

Таннер на бешеной скорости вел машину и сосредоточенно курил. Через пять минут его обошли с флангов. Он не стрелял, экономя патроны и подпуская их ближе. И лишь когда они почти совсем сомкнулись, навел пулеметы и обстрелял каждый огонь в пределах досягаемости, одновременно вжимая акселератор.

— Уложил шестерых, — сказала Корнелия, но Таннер слушал доносящуюся стрельбу.

Он швырнул назад гранату, а когда попытался бросить вторую, замок только щелкнул.

Теперь он стрелял лишь по отдельным целям и только когда был совершенно уверен в попадании. Вскоре впереди показалась дорога.

— Держись параллельно, — посоветовала Корнелия. — Тут укатано. По дороге нельзя ехать еще с милю.

Пули рикошетировали от бронированного корпуса машины. Таннер не ответил. Он несся вдоль зарослей

кустарника и деревьев, полускрытых цепким туманом, а дождь все усиливался. Когда они выскочили на шоссе, он бросил взгляд на огни и спросил:

— Сколько теперь?

— Около двадцати. Как у нас дела?

— Меня беспокоят шины. Если попадет пуля, они не выдержат. И еще шальной выстрел может разбить «глаз». А кроме этого, нам бояться нечего. Даже если они останвят машину, нас еще надо извлечь.

Мотоциклисты приблизились. Были видны оранжевые вспышки, и доносились звуки выстрелов.

— Держись! — процедил Таннер и ударил по тормозам. Автомобиль завертелся и пошел юзом по мокрому асфальту.

Огни внезапно оказались совсем рядом, и Таннер пустил назад струю пламени. Мотоциклисты шархнулись в стороны, и он врубил боковые огнеметы. Потом он снял ногу с тормоза и вдавил акселератор, даже не задержавшись, чтобы оценить свою работу. Машина рванулась вперед, и Таннер услышал смех Корнелии.

— О Боже, как ты их кладешь! Ты кладешь всю их проклятую банду!

— Невелика радость, — процедил он. — Огни есть?

— Нет.

Затем через несколько секунд:

— Три.

Потом:

— Семь.

И наконец:

— Тринадцать.

Таннер сжал зубы.

— Проклятье. Кончается...

— Что кончается?

— Все: удача, топливо, патроны... Пожалуй, тебе лучше было остаться там, где я тебя подобрал.

— Нет, — отрезала Корни. — Я с тобой. До конца.

— Значит, ты чокнутая, — сказал Таннер. — Я еще цел. Когда меня ранят, будет совсем другая музыка.

— Ну что ж, — произнесла она. — Увидишь, как я запою.

Он положил руку ей на бедро.

— Хорошо, Корни. Держись, мы еще повоюем.

Таннер потянулся за сигаретой, обнаружил, что пачка пуста, и выругался. Она открыла новую пачку и прикурила ему сигарету.

Туман стал рассеиваться. К тому времени, как он докурил, видимость намного улучшилась. Ясно различались прижавшиеся к мотоциклам фигурки. Они ехали следом, но догнать не пытались.

— Если они просто хотят составить нам компанию, я не возражаю, — заметил Таннер.

Потом раздались выстрелы, и послышался свист вырывающегося из шины воздуха. Он сбавил скорость и открыл огонь. Несколько мотоциклов упало.

Сзади опять стали стрелять. Полетела вторая шина. Таннер притормозил, развернулся, так что машину занесло, и, встав лицом к противнику, выпустил одну за другой все оставшиеся ракеты. Потом он стал поливать их из лобовых пулеметов, пока мотоциклисты не рассыпались по сторонам. Тогда он открыл огонь слева. Затем справа.

Патроны в правосторонних пулеметах кончились, и он вновь стал бить слева. Потом бросил гранату.

Теперь стреляли только из пяти мест: трое слева и двое справа — откуда-то из-за деревьев, растущих вдоль дороги. Вокруг валялись тела и разбитые мотоциклы. Некоторые еще дымились. Асфальт был разворочен и исковеркан. Таннер развернул машину и медленно поехал на шести колесах.

— Мы безоружны, Корни.

— Что ж, им пришлось еще хуже.

— Да...

На заднем экране показались пять выехавших на дорогу мотоциклистов. Они держались на порядочном расстоянии, но не отставали. Таннер попробовал войти в связь по рации — ответа не получил. Он резко остановился — мотоциклисты тоже остановились, далеко-далеко позади.

— По крайней мере, они нас боятся. Считают, что у нас еще есть зубы.

— Есть, — уверенно сказала она.

— Да, но не те, что они думают.

— Еще получше.

— Приятно иметь дело с оптимистом, — проговорил Таннер и медленно тронулся с места.

Мотоциклисты двинулись вслед, держась в отдалении. Таннер следил за ними по экранам и тихо ругался. Через некоторое время они стали приближаться. Двигатель ревел на полной мощности, но пять мотоциклистов нагоняли. Подъехав вплотную, они стали стрелять. Несколькo пуль срикошетировало, а потом Таннер услышал, как полетела еще одна шина.

Он снова остановился. Мотоциклисты держались сзади, вне досягаемости огнеметов. Таннер чертыхнулся и поехал дальше. Машину водило из стороны в сторону и кренило вправо. На обочине стоял врезавшийся в дерево грузовик — все стекла разбиты, колеса сняты, на водительском месте скрючился над рулем скелет... Вокруг скользили клочья тумана. Солнце померкло. Темная полоса в небе расширилась и начала извергать дождь с пылью и мелкими камнями.

«Хорошо, — подумал Таннер, когда в крышу забарабанило. — Хоть бы посильнее». И его желание исполнилось. Земля задрожала, северный небосклон озарился голубым сиянием. В грохоте выделился рев, и с оглушающим треском справа упал валун.

— Надеюсь, следующий свалится на наших дружков.

Впереди показалось оранжевое свечение. Подсознательно Таннер заметил его еще пару минут назад, но только сейчас обратил внимание.

— Вулкан! — воскликнула Корни. — Значит, нам осталось миль семьдесят, не больше.

Теперь трудно было сказать, продолжалась ли стрельба. Раздающаяся со всех сторон канонада могла заглушить любые выстрелы, а падающий гравий бил похлеще рикошетирующих пуль. Пять фар упорно держались сзади.

Таннер достал «магнум», а из бокового кармашка — коробку патронов к нему и протянул девушке.

— Держи. Патроны в карман.

Вдруг от пяти огней сзади осталось четыре, и они сбавили скорость, потускнели.

— Надеюсь, несчастный случай, — вслух подумал Таннер.

Показалась гора — усеченный конус, истекающий огнем.

Они покинули дорогу и съехали влево, на хорошо наезженную колею. Пока объезжали вулкан — на это ушло минут двадцать, — появились их преследователи и стали медленно приближаться.

Таннер вернулся на дорогу и погнал по дрожавшей земле. В небе блуждали зеленые огни, вокруг падали тяжелые бесформенные глыбы. Машину вело в сторону, она с трудом поддавалась управлению. Скорость не поднималась выше сорока миль в час. Из радио доносился только треск.

Таннер миновал крутой поворот, остановился, потушил весь свет, вытащил чеку из гранаты и стал ждать.

Едва на экране появились огни, он распахнул дверцу, выпрыгнул и швырнул гранату сквозь завесу дождя. Когда раздался взрыв и на экране возникла вспышка, он был уже за рулем и вел машину.

Девушка истерически засмеялась.

— Ты накрыл их, Черт! Ты их накрыл!

Таннер приложился к фляге, и Корни допила то, что осталось. Они закурили.

По разбитой скользкой дороге машина поднялась на пригорок и покатила вниз. Чем дальше они спускались, тем гуще становился туман.

Из мглы возник свет, и Таннер приготовил огнеметы. Однако это был просто грузовик, мирно ехавший навстречу. В следующие полчаса им повстречались еще два.

Снова запылали молнии, и начали падать камни размером с кулак. Таннер свернул с дороги и въехал в рошу, под кроны высоких деревьев. Небо совершенно потемнело, стало черным как смоль, потеряв даже голубоватое свечение. Они ждали три часа, но буря не утихла. Один за другим погасли четыре обзорных экрана, а пятый показывал только мрак под колесами. Последнее, что увидел Таннер, было громадное расщепленное дерево с надломанной верхушкой, раскачивающейся из стороны в сторону и готовой вот-вот упасть. Несколько раз что-то с ужасающим треском раскалывалось над их головами, и машина тяжело содрогалась. Крыша в трех местах глубоко прогнулась. Освещение потускнело, за-

тем опять вспыхнуло. Из радио теперь не раздавалось даже шума.

— Плохо дело, — проговорил Таннер.

— Да.

— У нас есть шанс, если переживем бурю.

— Какой?

— В багажнике два мотоцикла.

Они откинули сиденья, курили и ждали; через некоторое время погас свет.

Ураган бушевал весь день и половину ночи. Они заснули внутри искалеченной машины, защитившей их от бури. Когда немного стихло, Таннер приоткрыл дверцу и выглянул наружу.

— Подождем до утра, — сказал он.

Корнелия потянула его за руку, и они опять заснули.

Генри Сомс, доктор медицины, знал, что ничего сделать нельзя. Он накрыл молодого человека простыней и кивнул мисс Акерс.

— Мертв. Пусть отпечатают справку, я подпишу.

— Кремация? — спросила мисс Акерс, вся в белом.

— Да.

Затем Сомс подошел к девушке.

— Эвви? — склонился он над ней.

— Да? — еле слышно ответила она.

— Как ты себя чувствуешь?

— Можно попить?

— Конечно. Вот, пожалуйста.

Он налил стакан воды, приподнял девушку и поднес стакан к ее губам. Он знал, что скоро сам заразится. Другого быть не могло. Он совсем не остерегался...

— Где Фред? — спросила она, выпив воду.

— Спит.

Эвелин закрыла глаза. Он опустил ее на подушку и перешел к следующей кровати.

— Сколько она еще протянет? — спросила мисс Акерс, вся в белом.

— День или два.

— Тогда у нее еще есть шанс, если появится сыворотка?

— Да, если будет сыворотка.

— Думаешь, не появится?

— Нет. Слишком далеко, слишком. Шансы почти равны нулю.

— Я думаю, сыворотка будет.

— Хорошо. Истинный верующий, — сказал врач и, спохватившись, добавил: — Извини, Карен. Я не хотел. Просто очень устал.

— Знаю. Ты не спишь уже вторые сутки.

— Я вздремнул недавно.

— Час — это совсем мало, когда усталость так велика.

— Правда. И все равно извини.

— Шанс есть, — продолжала она. — Можешь не верить, но мой брат — он шофер — говорит, что через Долину проехать можно.

— В оба конца? За такой короткий срок? Сомневаюсь. Для этого нужна удача и лучшие водители. А мы даже не знаем, есть ли у них вакцина... Девочку можно было бы спасти, запросто. Мне бы чуть-чуть сыворотки — и все в порядке. А так остается лишь вести счет.

— Я верю. Сыворотка будет.

— Хорошо бы.

Они шли по коридору; мисс Акерс коснулась его руки.

— Не убивайся. Этому нельзя помочь. Никто не виноват, — сказала она, вся в белом. — Палата 136 свободна.

Несколько мгновений доктор Сомс стоял молча, затем кивнул в знак согласия — она права.

Когда они лежали в палате, он думал о Долине, но не проронил ни слова о своих мыслях.

— Скоро, — прошептала мисс Акерс. — Скоро. Не волнуйся так.

Он погладил ее по плечу.

— Ты помнишь те Три Дня?

— Нет.

— Я помню. Мы посылали людей на Луну, на Марс, на Титан. Мы покоряли космос — и теряли время. У нас была Организация Объединенных Наций. И что же? Как-их-то три мерзких дня — и все пошло к черту. Карен, я был там, когда появились ракеты. Я был там и слушал радио, пока оно не замолчало. Они атаковали всю Зем-

лю. От Нью-Йорка осталось только радиационное пятно. И от большинства крупных городов — тоже. Возможно, остались острова: в Карибском море, Гавайи, Япония, острова Греции. Они еще продолжали передачи, когда все другие радиостанции уже замолчали. Возможно, в Японии и в Средиземном море еще есть люди, не знаю. Наверняка есть живые в Карибском бассейне. Я был там, когда это случилось. Тогда, как и теперь, царило чувство безысходности. Интересно, живы ли еще люди на Марсе? И на Титане? Вернутся ли они когда-нибудь? Сомневаюсь... Я думаю, что мы уже мертвецы, Карен. Пришло время признать это. Я не уверен, что если когда-нибудь небо очистится, на Земле будет кто-нибудь живой, чтобы увидеть это. Может, и останется где-нибудь на острове у Западного побережья, хотя я не уверен. Если мы справимся с эпидемией, то уродов будет еще больше, чем сейчас. Человек может перестать быть человеком.

— Мы справимся. Людей много. Некоторые наверняка выживут.

— Надеюсь, что ты права.

— Послушай колокола, — сказала она. — Каждый символизирует смерть. Раньше они звонили по праздникам, символизируя жизнь. Я знаю: придет человек, который сумеет пересечь Долину. Но даже если и не придет, мы все равно все не умрем. Не надо сдаваться.

— Я не могу. Я чувствую: все кончено.

Прикоснувшись к нему, она сказала:

— Все, что ты способен сделать, ты делаешь. Вопрос, как ты относишься к этому. Я не помню те Три Дня, но и они не были концом. Запомни. Мы еще здесь.

Он поцеловал ее. Вокруг был темно и пахло антисептиком.

— Ты такой человек, какие нужны людям, — сказал он.

— Я всего лишь медицинская сестра. Почему ты не спишь? Я закончу обход. Ты отдыхай. Может, завтра...

— Да. Может, завтра, — повторил он. — Я не верю, но спасибо.

Услышав вскоре, что он заснул, мисс Акерс встала с кровати и закончила за него обход.

Колокола сотрясали воздух, поскольку рядом с больницей было три церкви, но она продолжала обход: считала пульс, измеряла температуру, наливала воду, улыбалась. Хотя она и не знала те Три Дня, она ощущала, что, всякий раз входя в больничную палату, она жила, как в те дни. Но она улыбалась, и, возможно, улыбка была последним оружием человека.

На рассвете Таннер прошлепал по грязи через ветки, камни и дохлую рыбу, открыл багажник и снял с креплений мотоциклы. Он проверил их и залил баки горючим. Потом пролез в машину и снял заднее сиденье, под которым лежал наглухо завинченный алюминиевый ящик — драгоценный груз. Таннер подхватил его и отнес к своему мотоциклу.

— Здесь лекарство? — спросила Корни.

Он кивнул.

— Уж не знаю, как оно хранится, может, даже охлаждается, но ящик не очень тяжелый, его можно поставить на мотоцикл сзади. Возьми в одном из отделений ремни, и где-то там бумага, моя амнистия. Большой плотный конверт.

Она все достала и помогла укрепить ящик на мотоцикле.

— Придется ехать медленно, — сказал Таннер, когда они выкатили машины на дорогу.

Он закинул за плечо винтовку, натянул перчатки и завел мотор. Она сделала то же самое, и они бок о бок поехали по шоссе.

Примерно через час навстречу прошли две машины. Сидевшие сзади дети прильнули к окнам и проводили мотоциклистов взглядами. У водителя второй машины под мышкой висела кобура.

В розовом небе за решеткой угрожающе мрачных полос поднималось серебряное солнце. Оно было тусклым, однако Таннер все равно надвинул на глаза защитные очки. У подножия холмов лежал туман, воздух был влажным и прохладным. Дорога стала заметно лучше. Таннер ехал, погрузившись в мысли о Бостоне.

Около полудня сквозь шум моторов донесся выстрел. Сперва Таннер решил, что ему послышалось, но

выстрел повторился. Корни вскрикнула, свернула с дороги и врезалась в бульжник. Таннер инстинктивно пригнул голову, резко затормозил, съехал на обочину, прислонил мотоцикл к дереву и бросился на землю.

Он стянул с правой руки перчатку и сполз в канаву. Оттуда была видна Корни. Она лежала без движения, и на груди была кровь.

Стреляли откуда-то из-за холма, и ему показалось, что он заметил ствол ружья. Таннер снял с плеча винтовку, выстрелил и сразу же отполз влево. Ответная пуля взметнула пыль у его головы, и он, извиваясь, как червяк, прополз футов пятнадцать к груде камней. Там, свернувшись калачиком, Таннер выдернул чеку, резко подпрыгнул и швырнул гранату. Он упал на землю одновременно с выстрелом и приготовил вторую гранату. Грохот, вспышка, вокруг стали падать комья грязи... Таннер вскочил, бросил вторую гранату и побежал вперед, держа винтовку наготове.

Это было лишним. От стрелявшего остались только лохмотья одежды. Таннер вернулся к Корнелии.

Она не дышала, и сердце не билось.

Он руками разрыл глубже канаву, из которой отстреливался, опустил туда тело, закидал грязью и вкатил на могилу ее мотоцикл. Потом достал нож и на передке машины выцарапал: *«Ее звали Корнелия. Я не знаю, сколько ей лет, откуда она родом и как ее фамилия, но она была подругой Черта Таннера, и я любил ее».*

Он завел свой мотоцикл и поехал. До Бостона оставалось около тридцати миль.

Вот вам сцена — без сюжета и действующих лиц. Вставьте ее в рамку, если хотите, и назовите как угодно: «Хаос», «Творение», «Кошмары периодической системы» или «...» (любое имя по вашему усмотрению).

Сцена выглядит так: тысяча столбов, наподобие тех, что увидел пилот Мермоз, в первый раз пересекая Южную Атлантику на своем гидросамолете и пролетая над районом, известным как Черная Дыра у побережья Африки. Тысяча гигантских столбов, в которых грохочут поднятые в воздух тонны воды и песка — хвост торнадо, как окрестил их Сент-Экзюпери. Сначала они покачива-

ются, расширяясь кверху, а затем застывают неподвижно, словно архитектурные сооружения, поддерживающие арку могучих ветров. Столбы опоясывают всю Землю, беспрерывно питая ветры водой и песком, и не имеют четких очертаний; они напоминают выполненный углем эскиз, который в свете молний сначала начинает подрагивать, а затем пульсировать, как тысяченогий паук, или китайские иероглифы, выгравированные разными цветами: мрачным красным, ярким желтым, холодным голубым, ослепительным белым и мистическим фиолетовым — если вы будете здесь (а не дай вам Бог), чтобы увидеть все это. Всасывая и перемешивая воду с песком, разделенные со дня творения Земли, торнадо поднимают смесь до неба, где она превращается в плазму и, образуя грязевые реки, растекается до самого горизонта. Наполняя грязной смесью тучи, небо делает их похожими на космические туманности, оно не дает грязи осесть ни на секунду, топит в ней звезды, скрывает луну, прячет солнце, затеняет небосвод, перемещая на всех высотах миллиарды жидких, твердых и газообразных частиц по орбитам, которые довольно долго способны поддерживать только эти мощные ветры. Иногда потоки вдребезги разбиваются о вершины гор, о высокие деревья и здания, поливая землю дождем с камнями, обломками деревьев, трупами животных и рыб, кирпичами, железом, песком, стеклом, кораллами, умиряя землю и море, которые слишком долго и слишком много вредно воздействовали на природу, призывая к ответу тех, кто не считался с гармонией между стихиями, кто засорял небеса миллионами тонн загрязняющих веществ и страха, наполнял воздух радиоактивностью из пяти тысяч боеголовок, преждевременно взорвавшихся под воздействием радиации, достигшей такого уровня, что эти боеголовки просто разорвались на части в результате спонтанной цепной реакции, нарушив голубое спокойствие неба в те три дня, когда равновесие между стихиями было уничтожено, не устояв перед стоном, который издало небо в знак протеста, так что выстраданное им слово «Насилие!», а может, «Помогите!» или даже »Господи!», и сам факт этого отчаянного крика содержит обещание и надежду на возможное очищение земли, воды и воздуха... а может, и нет, ибо выстрадан-

ное слово могло быть леденящим душу воплем свершившейся слепой судьбы; и, поднимаясь к небу, столбы поглощают огонь из зараженных точек, где упали кобальтовые бомбы — и не только они. Можно представить на мгновение тысячу небесных столбов, служащих предостережением человечеству: в этот мир входить нельзя. Не исключено, что им, питающим циркулирующие ветры, даже начнут когда-нибудь поклоняться, потому что столбы возникают, как ангелы, из пыли или зеленых глубин моря, расправляют свои нечеловеческие плечи и устремляются туда, куда человек не в силах ступить, а затем, как сонм святых, соединяют то, что над ними, с тем, что под ними, обеспечив передачу вещества до того, как они впадут в состояние покоя, сжимаясь и разжимаясь, будто пружина. И среди этих вещей, которые дает, а затем — разумеется, измененными — вновь забирает небо, нет ни одной, что разбивает сердце сильнее, чем жизнь; если вы когда-нибудь сможете наблюдать (а не дай вам Бог), как свет замещается темнотой и превращается в море там, где моря не было испокон веков, как город, дом, собака или человек возносится на небеса, преобразуется и отдается земле первоизданной хлябью, будто слюной, стекающей с посиневших губ, где снова начнут развиваться простейшие одноклеточные, а может, и не начнут, потому что дороги ветров — это не дороги людей и жизни, как наверняка заметил благородный Мермоз той ночью, несмотря на то, что они находятся довольно близко, тем не менее они далеко отстоят друг от друга. Именно это в большей степени, чем все остальное в целом мире, требует внимания.

Пустая сцена, ничего больше — ни сюжета, ни действующих лиц. Из-за этой близости и этой удаленности. Поместите ее в рамку, если хотите, и назовите как угодно.

Но ветры кричат на семь голосов судного дня, если вы будете там (а не дай вам Бог), чтобы услышать их, — и вряд ли можно найти подходящее имя.

Через некоторое время сзади послышался шум мотора. С боковой грунтовой дороги на шоссе выскочил «харли», и уйти от него с таким грузом было невозмож-

но. Таннер не увеличил скорость и позволил себя догнать.

Вскоре с ним поравнялся высокий худой человек с огненно-рыжей бородой. Он улыбнулся, снял с руля правую руку и махнул в сторону обочины. Таннер затормозил и остановился.

— Куда спешишь, парень? — спросил рыжебородый.

— В Бостон.

— Что у тебя в ящике?

— Так, лекарства.

— Травка? — Брови мужчины полезли вверх, и губы вновь растянулись в улыбке.

— Средство от болезни в Бостоне.

В руке рыжебородого появился пистолет.

— Слазь с мотоцикла.

Таннер повиновался. Рыжебородый поднял руку, и из кустов на обочине вышел человек.

— Откати машину этого типа дальше по шоссе ярдов на двести и поставь посередине. Потом вернись на место.

— В чем дело? — спросил Таннер.

— Как тебя звать? — будто не слыша, потребовал рыжебородый.

— Черт. Черт Таннер.

— Катись ты к черту!

Таннер пожал плечами, стянул правую перчатку и показал татуировку.

— Не верю, — сказал рыжебородый, глядя на татуировку.

— Как знаешь...

— Заткнись! — взревел рыжебородый и снова поднял левую руку.

В зарослях кустарника возникло какое-то движение. Человек двадцать или тридцать выкатили свои мотоциклы и выстроились по обеим сторонам дороги.

— Меня зовут Большой Брат, — заявил рыжебородый.

— Рад познакомиться.

— Знаешь, что тебе сейчас надо делать?

— Могу догадаться.

— Пойдешь к своему мотоциклу и попробуешь его забрать.

Таннер улыбнулся.

— Это будет трудно?

— Раз плюнуть!.. Только сперва отдай винтовку. — Большой Брат поднял руку, и вдоль дороги один за другим затарахтели мотоциклы. — Шагай.

— Ты думаешь, я псих?

— Нет. Давай винтовку и топай.

Снимая винтовку с плеча, Таннер продолжил движение и ударил прикладом под рыжую бороду. Потом бросил винтовку, сорвал с пояса гранату, выдернул чеку и швырнул ее влево. Она не успела еще взорваться, как он выхватил вторую и бросил направо.

Мотоциклисты двинулись к нему.

Таннер упал и выставил перед собой винтовку. Одновременно раздался первый взрыв. Когда раздался второй, Таннер уже стрелял.

Он уложил троих, затем поднялся и стал пятиться, стреляя с бедра. Патроны кончились, перезаряжать было некогда. Таннер успел трижды выстрелить из револьвера, прежде чем его свалили ударом цепи по голове.

Он очнулся от рева моторов. Рядом кружили два мотоциклиста, один из них был Большой Брат. На дороге валялись тела. Едва Таннер поднялся, как его сшибли колесом. Он пополз вправо и застонал от боли — по пальцам проехали шины, а затем последовал удар цепью по рукам.

Он заметил камень, подождал, когда мотоцикл снова приблизится, и, вскочив на ноги, бросил свое тело на подбегавшего врага; поднятая правая рука, зажавшая камень, опустилась один раз. При этом Таннера протащило по дороге, а когда он упал, на него наехал второй мотоцикл.

Бок пронзила невыносимая боль, словно разом сломались все кости. И все же, сделав адское усилие, Таннер протянул руку и ухватился за подпорку мотоцикла. Его проволочло футов десять, прежде чем он вытащил из ботинка кинжал. Удар вверх — и тонкий лист металла поддался. Потом пальцы Таннера разжались, он упал на бетон и почувствовал запах бензина. Рука нырнула в карман куртки и извлекла зажигалку.

В двадцати футах впереди Большой Брат разворачивался, из пробитого бензобака на дорогу текло горячее.

Таннер приготовил зажигалку — с колпачком в виде черепа и крылышками по бокам. Палец крутанул колесико, посыпались искры, загорелся фитиль. Таннер поднес его к луже бензина, и вспыхнувшее пламя прочертило на бетоне огненный след.

Большой Брат закончил разворот и, пригнувшись к рулю, уже мчался на Таннера. Когда он увидел, что произошло, его глаза расширились и ухмылка мгновенно слетела с лица. Он попытался спрыгнуть с мотоцикла, но было поздно.

Бензобак под ним взорвался, и Большой Брат рухнул на землю с куском железа в голове.

Таннера захлестнул огонь, он слабо колотил руками, пытаясь погасить языки пламени. Тело было в крови, члены сковала смертельная усталость. Он увидел свой мотоцикл, невредимо стоящий дальше на дороге, и пополз.

Добравшись до мотоцикла, Таннер перекинул тело через сиденье и минут десять лежал, свесившись, не в силах пошевелиться. Дважды его вырвало.

Через час он сумел оседлать мотоцикл, но не проехал и полумили, как навалилась дурнота и началось головокружение.

Таннер свернул с дороги и последними усилиями закатил мотоцикл в кусты. Затем, пошатываясь, упал на землю, и все погрузилось во тьму.

В театре Агонии, на сцене Бреда, по освещенному молниями ландшафту Ночи и Сна бредут воспоминания — то, что было, и то, чего не было, то, что есть, и то, чего никогда не может быть, сексуальные или бесполое, серьезные или абсурдные, редко запоминающиеся, прекрасные, глупые, приземленные, печальные или веселые, разноцветно-темные и темно-разноцветные. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о них, разве только следует добавить, что неизвестно, от какой искры они зажигаются.

Человек в черном идет по разбитой дороге под тускло светящимся небом.

Он будто говорит: «Я отец Смерт, священник из Олбани, совершаю паломничество в бостонский собор, да-

бы помолиться за спасение человека. Через горы, через Долину, мимо сверкающих вершин и через качающиеся мосты тяжелой поступью идут мои ноги. В этом лесу рядом с дорогой, где толстым ковром лежит роса, я дождусь заката».

Слышится звук, похожий на урчание двигателя, только он все никак не утихает и в то же время не становится громче. Затем к этому звуку добавляется звук стучащих о днище автомобиля камешков с интервалом в пять секунд.

К лесу приближается еще один человек, одетый во все серое, в красной маске с концентрическими кругами вокруг отверстий для глаз, с узкой прорезью для рта и тремя «V» в центре лба.

Подходя к святому отцу, он будто говорит: «Я бы хотел побеседовать с тобой, священник».

«Что ты хочешь сказать?»

«Я прошу тебя помолиться за одного человека».

«Сие моя обязанность. За кого мне помолиться?»

«Не обязательно знать его имя. Он лежит далеко отсюда, похороненный в чужой земле».

«Как же я смогу молиться за него, не зная имени?»

«И тем не менее молись. Всем созданиям, без различия, будет польза».

«Я не могу сделать это».

Среди ритмичных ударов и грохота звучат размеренные слова: «Молись. Хотя молящееся сердце и не упоминает имени, тот, кому адресована молитва, знает его. А потом оставь эту ночь и иди со мной, в мой дом».

Он поднимает ветку, и там виднеется дверь.

Что это за место? Что-то наподобие храма? Похоже на салон легкового автомобиля, только значительно больше. Человек в маске садится за руль. Пристально глядя вперед, он не двигается с места.

«Кто ты?»

«Не имеет значения. Тот, кто ведет».

«Куда? Зачем? В чем причина?»

«Знай, что когда я брался за это дело, я не хотел умирать. Мне было страшно, но я вел. Я преодолел множество препятствий на пути, громы и молнии сыпались с неба на мою голову, сон хотел сломить меня после смерти моего друга, но я боролся с ним лекарствами и

собственной волей, понимая, что незримый огонь, проходящий через поврежденную радиационную защиту, сжигает мое тело. Я и машина слились воедино для выполнения поставленной задачи. Вновь и вновь ранит меня этот огонь, голова моя становится все тяжелее».

Он медленно опускает голову на руль.

«Сутки, двое, трое... С выжженными глазами, одержимый безумием, я навечно врезал свои следы в Долину. Но раны одолевают меня, а дороге все нет конца».

Он опять приподнимает голову.

«Они убивают меня — чудовища земли и неба. Убивают. Но я веду. Я достигаю цели, передаю сообщение и прощаюсь с жизнью. Мне пора идти — уж скоро рассвет. А ты ступай через эту дверь».

Он встает и покидает машину, а священник выходит. Лес, и ничего больше вокруг, потому что машина исчезает, хотя звук работающего мотора слышится еще долго.

«Странные происходят вещи. Я не засну. Я буду молиться».

Священник склоняет голову и так стоит, в безмолвии, несколько минут.

Опять появляется человек в маске. Его голова забинтована. Кажется, он говорит: «Ветры усиливаются, тучи затягивают небо, и ночь темна. Дикий ветер прочесывает лес. Ветви качаются. Луна не всходит до зари, а потом она не видна. Нет ни тишины, ни покоя».

«Назови свое имя».

Человек подносит руку к маске и прикрывает ее.

— Брейди. Дай мне покой.

Потом маска и бинты летят на землю, на них падает серая одежда. На востоке зарождается день.

Среди грохота звучат слова:

«Он был ранен, и сила его духа ослабла, подобно ро-се, которая даже сейчас испаряется».

Кричит петух, начинает светать.

Он укрылся под сенью деревьев — под сенью деревьев спрятал себя.

Сон уходит, а куда — тоже неизвестно.

Первое, что он увидел, очнувшись, была засохшая корка крови на боку. Левая рука распухла и посинела.

Пальцы на ней вздулись и задеревенели. Когда Таннер попытался их согнуть, то чуть не закричал от боли. Голова раскальвалась, во рту стоял привкус бензина. Борода подгорела, правый глаз затек и почти не открывался. Таннер был таким усталым и разбитым, что долгое время лежал без движения, не в силах шевельнуться.

— Корни... — пробормотал он и затем: — Черт побери!..

В памяти вдруг всплыло все, что произошло, и перед глазами живо встали яркие картины.

Таннер задрожал, и не только от сырого тумана. Влага пропитала брезентовые штаны, ноги замерзли. Тьма стояла кромешная. Вдали слышался шум проходящей машины.

Таннер с трудом перевернулся на живот и положил голову на локоть. Мысленно он вернулся в свою тюремную камеру — теперь она казалась почти раем. Потом он подумал о Денни — тому, должно быть, сейчас тоже плохо. Таннер скривился от боли — наверное, сломана пара ребер. И еще он подумал о чудовищных тварях юго-запада и о темноглазом Грее... Его мысли вернулись к Лос-Анджелесу и к Побережью, к старой банде, к Большому Рейду. Все, с этим покончено навсегда... Потом мимо прошла Корни, и на груди ее запеклась кровь. Он яростно пожевал бороду и крепко зажмурил глаза. Могли бы вместе добраться до Бостона... Сколько еще осталось?

Таннер приподнялся и пополз вперед. Он полз, пока не почувствовал перед собой что-то твердое. Дерево. Сел, привалился к нему спиной и дрожащей рукой полез в карман куртки. Из смятой пачки вытащил сигарету, разгладил и вспомнил, что зажигалка осталась где-то на дороге. Таннер ощупал карманы и нашел отсыревший коробок. Третья спичка зажглась. Глубоко затянулся... Неожиданно начался озноб, захлестнула волна лихорадки. Он судорожно закашлялся, расстегнул воротник и почувствовал во рту вкус крови.

Все его оружие исчезло, кроме непосильно тяжелой гранаты на поясе.

Наверху во тьме раздалось гроыхание. После шестой затяжки сигарета выскользнула из пальцев и заши-

пела на влажном мхе. Голова Таннера упала на грудь, и все исчезло.

Наверное, была буря. Он не помнил. Он очнулся, лежа на правом боку, спиной к дереву. Ветер унес туман, и в небе светило розовое полуденное солнце. Издалека доносилось щебетание птиц. Таннер выдал ругательство и почувствовал, как пересохло горло, страшно хотелось пить. Он подполз к мутной луже и утолил жажду.

Немного отдохнув, он поднялся на ноги, добрал до спрятанного мотоцикла и там дрожащими руками зажег сигарету.

Часы были разбиты, и Таннер понятия не имел, сколько сейчас времени. Когда он тронулся в путь, солнце уже скатывалось к горизонту. В ушах свистел ветер, как бы ограждая от непрошенных мыслей. Сзади к багажнику был надежно привязан груз. Таннеру представилось, как кто-то открывает ящик и находит там груды разбитых ампул... Он попеременно хохотал и ругался.

Попадались встречные машины, но ни одна не ехала к городу. Дорога была в отличном состоянии. По сторонам стояли дома; Таннер не останавливался. Больше он вообще не собирался останавливаться — если не остановят...

Солнце опустилось еще ниже, и небо потемнело. Судя по дорожному указателю, до Бостона оставалось восемнадцать миль.

Через десять минут Таннер зажег фару. Затем он поднялся на пригорок и, перед тем как начать спуск, немного притормозил.

Далеко внизу сияли огни, и чуть слышно раздавался мерный колокольный звон. Бьющий в лицо ветер донес знакомый запах морской соли.

Солнце скрылось за холмом, и Таннер ехал в бесконечной тьме. Высоко в небе, меж двух черных полос, появилась звездочка... Теперь огни мерцали и по сторонам, дома стояли теснее и придвинулись ближе к шоссе.

Он уже почти на месте. К кому обратиться в городе? В Лос-Анджелесе ему этого не сказали.

Улица была тиха и безлюдна. Таннер нажал на клаксон, и между зданиями покатило гулкое эхо. В доме слева светилось окно.

Таннер остановился, перешел улицу и заколотил в дверь. Один телефонный звонок — и дело сделано.

Изнутри не раздавалось ни звука. Он толкнул дверь и обнаружил, что она заперта. Может быть, тут все умерли? Может быть, уже вообще не осталось живых?.. Придется вламываться.

Таннер сходил к мотоциклу за отверткой и вернулся к двери.

Выстрел и звук двигателя он услышал одновременно. Таннер быстро повернулся и стал спиной к стене, сжав в руке гранату.

— Стой! — раздалось из мегафона на подъехавшей машине. — Стреляем без предупреждения!

Таннер покорно поднял руки на уровень головы.

В машине было двое полицейских, и тот, кто сидел на месте пассажира, нацеливал в живот Таннера револьвер.

— Ты арестован, — объявил он.

Водитель вылез из машины, обогнул ее спереди и медленно приблизился, позвякивая наручниками.

— Ну-ка, давай ручки...

И Таннер протянул ему чеку от гранаты.

Полицейский тупо уставился на нее, а потом в его глазах вспыхнул ужас.

— У него бомба!

Таннер криво улыбнулся.

— Заткнитесь и слушайте. Или стреляйте, и тогда вместе отправимся на тот свет. Мне надо добраться до телефона. Ящик на багажнике мотоцикла полон съворотки Хавкина... Я привез ее из Лос-Анджелеса.

— По Долине на мотоцикле?!

— Моя машина сдохла на полпути от Олбани, как и те ребята, которые хотели меня остановить. А теперь заберите лекарство и доставьте его куда следует.

— Как вы себя чувствуете, мистер?

— Мне нездоровится. — Таннер выдавил улыбку. — Пока держусь, но рука устала. — Он вытащил из куртки письмо и передал его полицейскому с наручниками. — Моя амнистия. Выдана Калифорнией на прошлой неделе.

Полицейский открыл конверт и вытащил бумагу.

— Похоже на правду, — произнес он. — Выходит, Брейди доехал...

— Брейди мертв, — оборвал его Таннер. — Послушайте, мне плохо. Сделайте что-нибудь!

— О Боже, держите ее крепко! Садитесь в машину! Сейчас, мы только снимем ящик — это одна минута! Потом подскочим к реке, и вы бросите гранату. А пока держите ее изо всех сил!

Они отвязали ящик с лекарством и поставили на заднее сиденье. Правое переднее стекло опустили, и Таннер сел рядом с водителем, высунув руку наружу. Взревела сирена.

Боль постепенно распространялась по всей руке до плеча. Как приятно было бы разжать пальцы...

— Где вы тут держите свою поганую реку?

— Еще чуть-чуть, осталось совсем немного.

— Поспешите... — выдавил Таннер.

— Заедем на мост — и бросайте как можно дальше.

— Проклятье, у меня нет сил...

— Жми, Джерри!

— Я жму, кретин, но мы не на крыльях!

— Дурно... Я, кажется, вырубаясь...

Машина влетела на мост и с диким скрежетом остановилась.

Таннер не успел открыть дверцу, как оба полицейских были уже рядом.

Он пошатнулся, и они подхватили его, подвели к ограждению.

— По-моему, я не...

Он выпрямился, отвел руку назад и швырнул гранату. Далеко внизу раздался взрыв, и вода забуригла.

Полицейские вздохнули, а Таннер хрипло рассмеялся.

— Со мной все в порядке. Я вас просто подкалывал.

— Ах ты!..

Потом он упал, и в свете фонарей они увидели, как разлилась по его лицу мертвенная бледность.

Когда весной, в день открытия памятника Черту Таннеру, заметили, что на постаменте выцарапаны непристойные слова, никто не догадался спросить у очевидного виновника, зачем он это сделал. А на следующий день было уже поздно, потому что он исчез из Бо-

стона, не оставив своего адреса. Одну из украденных в тот день машин в городе никогда больше не видели.

Бронзового Таннера на бронзовом «харли» почистили и вновь спрятали под покрывалом, дабы сохранить для грядущих поколений. Но ветер, гуляющий по городской площади, все равно заносит его грязью, и небеса выливают на него нечистоты.

ПОРОЖДЕНИЯ СВЕТА И ТЬМЫ

Одни поколения уходят, другие длятся
со времен своих предков.
И вот они строили обиталища,
и даже места того больше нет.
Что же сделалось с ними?

Я слышал слова Имхотепа и Хардедефа,
реченья которых повторяют так часто люди.
Где же теперь они?

Разрушились стены,
даже места им нет,
словно не было никогда.

Никто не приходит оттуда,
чтобы рассказать, что там,
чтобы поведать, как там,
чтобы упокоить наши сердца,
покуда и сами не пойдём мы за ними следом.

Так празднуй и не томись!
Смотри, не дано человеку
забрать с собой достоянье,
смотри, никто из умерших назад не может вернуться.

Харрис 500, 6:2-9

Входит Комус с Волшебной Палочкой в одной руке,
Бокалом в другой; вместе с ним орава Монстров с
головами многовидных диких Зверей. С буйным, раз-
гульным шумом входят они; в руках у них Факелы.

Мильтон

Платье людское подобно железу,
Стать человечесья — пламени горна,
Лик человечесий — запечатанной печи,
А сердце людское — что голодное горло!

Блейк

Прелюдия в Доме Мертвых

В Канун своего Тысячелетия в Доме Мертвых проходит по нему человек. Ежели удалось бы тебе взглянуть на огромную ту залу, по которой проходит он, ничего бы это не дало. Так темно тут, что глазу не сыскать для себя работы.

В темную эту пору звать мы его будем просто: человек.

На то есть две причины.

Во-первых, он вполне подпадает под общепринятое, устоявшееся описание человекоподобного существа (мужского пола, без модификаций) — прямоходящий, с противостоящим большим пальцем и прочими типовыми характеристиками этой профессии; во-вторых, имя его от него отнято.

И нет сейчас причин распространяться об этом далее.

В правой руке несет человек жезл своего Хозяина, и ведет его жезл этот сквозь тьму. Тянет то туда, то сюда. Обжигает руку, пальцы, противостоящий большой — в первую очередь, стоит хоть на шаг отступить ему от предназначенного пути.

Добравшись до некоего места посреди темноты, начинает человек подниматься по ступеням и через семь шагов оказывается на каменном возвышении. Трижды ударяет он по нему жезлом.

Вспыхивает свет, тусклый и оранжевый, дрожит по углам. Из конца в конец видны теперь стены огромной пустой залы.

Он переворачивает жезл и ввинчивает его в гнездо в поверхности камня.

Будь у тебя в зале той уши, слышали бы они некий звук, словно гудит летучая мелюзга, кружится-вертится над головой мошкара.

Но слышен звук этот лишь нашему человеку. Остальные — а числом их там поболее двух тысяч — мертвы.

Они поднимаются теперь из появляющихся на полу прозрачных прямоугольников, поднимаются бездыханными, с немигающими очами, возлежат в паре футов над землей, покоятся на незримых катафалках; и всех цветов их одежды, всех оттенков кожа, всех возрастов тела. И есть у одних из них крылья, у других — хвост, у третьих — рога или же длиннющие когти. Кое у кого найдется и весь этот набор; одним в тело встроены какие-то механизмы, другим — нет. Многие же выглядят как наш человек — без модификаций.

Он же облачен в желтые брюки и того же цвета рубашку без рукавов. Черны его ремень и плащ. Он стоит рядом со светящимся жезлом своего Хозяина и разглядывает мертвецов перед собою.

— Встать! — восклицает он. — Всем встать!

И смешиваются слова его с разлитым в воздухе гудением, и повторяются снова и снова, не как эхо, угасая, но настойчиво возвращаясь, с навязчивостью электрического зуммера.

Воздух наполняется движением. Разносятся стоны, раздаются похрустывание суставов, потом возникает движение.

С шорохом и шуршанием, побряхтывая и растирая свои затекшие члены, они садятся, они встают.

И вот, затихают звуки и движения, и, словно незажженные свечи, застывают мертвецы у своих отверстых могил.

Человек спускается с возвышения, на секунду замирает перед ними, затем говорит: «За мной» — и идет назад тем же путем, что и пришел, оставив жезл своего Хозяина вибрировать в мутном воздухе.

По пути подходит он к женщине — высокой, златокожей самоубийце. Он заглядывает в ее невидящие глаза и говорит: «Ты знаешь меня?», — и оранжевые губы,

мертвые губы, сухие губы движутся, шепчут: «Нет», но он вглядывается еще пристальнее и говорит: «Ты знала меня?», и воздух гудит от его слов — пока она не произносит «Нет» еще раз, и он проходит мимо.

Он спрашивает еще двоих: мужчину, который был в свое время старцем, в его левое запястье встроены часы, и черного карлика с рогами, копытами и хвостом козла. Но оба говорят «Нет», и он проходит мимо них, и они следуют за ним из огромной этой залы в другую, где лежит много других, в общем-то не ожидая, что их призовут на его Тысячелетний Канун в Доме Мертвых.

Человек ведет их. Он ведет вызванных им обратно если не к жизни, то к движению мертвецов, и они идут следом за ним. Они следуют за ним по коридорам и галереям, по залам, поднимаются по широким прямым лестницам и по лестницам узким, кривым спускаются, и приходят они наконец в Тронный Зал Дома Мертвых, где устраивает приемы его Хозяин.

Сидит Хозяин на черном троне из полированного камня, и металлические чаши с огнем стоят слева и справа от него. На каждой из двух сотен колонн, что выстроились в ряд в высоком его Зале, сверкает, мерцает факел, искрясь и постреливая кольцами дыма, который клубами поднимается кверху, сливаясь там в серое, спокойное облако, полностью закрывающее весь потолок.

Неподвижен Хозяин, но пристально смотрит он, как проходит по залу человек, а за спиной у него — пять тысяч мертвецов; красные глаза не отрываясь следят за его приближением.

Человек простирается у его ног и не движется, пока Хозяин не обращается к нему.

— Ты можешь приветствовать меня и встать, — раздаются слова, каждое из них — резкий всплеск среди шумного придыхания.

— Слався, Анубис, Хозяин Дома Мертвых, — говорит человек и встает.

Анубис едва заметно кивает своей черной мордой, внутри нее сверкают белоснежные клыки. Алая молния, язык, выстреливает вперед, возвращается в пасть. Тогда

встает псоглавец, и соскальзывают тени с его обнаженного мужского тела.

Он поднимает левую руку, и в Зал проникает гудящий звук и разносит его слова сквозь мерцающий свет и дым.

— Вы, мертвые, — говорит он, — будете сегодня развлекаться, дабы доставить мне удовольствие. Пища и вино проникнут сквозь ваши мертвые губы, хотя вы и не почувствуете их вкус. Ими наполнятся ваши мертвые желудки, ваши мертвые ноги пустятся в пляс. Ваши мертвые уста будут произносить слова, в которых для вас не будет никакого смысла, и вы будете сжимать друг друга в объятиях безо всякого удовольствия. Вы споете для меня, если я захочу. И вы уляжетесь обратно в могилы, когда я того пожелаю.

Он поднимает правую руку.

— Пусть же празднество начнется, — говорит он и хлопает в ладоши.

И тут же между колонн проскальзывают столы, уставленные яствами и напитками, а в воздухе разливается музыка.

И, подчиняясь его приказу, шевелятся мертвые.

— Ты можешь присоединиться к ним, — говорит Анубис человеку и садится обратно на трон.

Человек подходит к ближайшему столу, что-то съедает и выпивает бокал вина. Мертвецы танцуют вокруг него, но он с ними не танцует. Они шумят, но лишены слова их всякого смысла, и он в них не вслушивается. Он наливает себе еще один бокал вина, и Анубис не отрываясь следит, как он его выпивает. Он наливает себе и в третий раз; он медленно тянет вино, оставившись внутри бокала.

Он не знает, сколько прошло времени, когда Анубис говорит:

— Слуга!

Он встает, поворачивается.

— Подойди! — говорит Анубис, и он послушно подходит.

— Можешь стоять. Ты знаешь, что сегодня за ночь?

— Да, Хозяин. Канун Тысячелетия.

— Твоего Тысячелетия. Сегодня мы празднуем годовщину. Ты отслужил мне полновесную тысячу лет здесь, в Доме Мертвых. Ты доволен?

— Да, Хозяин...

— Помнишь ли ты мое обещание?

— Да. Ты сказал, что если я верой и правдой отслужу тебе тысячу лет, ты вернешь мне мое имя. Скажешь мне, кем был я в Срединных Мирах Жизни.

— Извини, но я этого не говорил.

— Ты?..

— Я сказал, что дам тебе имя — какое-то имя; это же совсем не то.

— Но я думал...

— Какое мне дело, что ты думал. Ты хочешь имя?

— Да, Хозяин...

— ...Но ты бы предпочел прежнее? К этому ты клонишь?

— Да.

— Неужто ты в самом деле думаешь, что кто-то, быть может, помнит твое имя спустя десять столетий? Полагаешь, что был достаточно важной фигурой в Срединных Мирах, чтобы кто-то записал твое имя; что оно для кого-то что-то значит?

— Не знаю.

— И все же ты хочешь его назад?

— Если дозволено будет мне получить его, Хозяин.

— Почему же? Почему ты его хочешь?

— Потому что я ничего не помню о Мирах Жизни. Мне хотелось бы узнать, кем я был, когда обитал там.

— Зачем? С какой целью?

— Мне нечего ответить, ибо я не знаю.

— Ты же знаешь, — говорит Анубис, — что из всех мертвых я полностью вернул сознание, чтобы взять на службу, только тебе. Ты, наверно, думаешь, что за этим что-то кроется?

— Я часто спрашивал себя, почему ты так поступил.

— Ну так позволь, я тебя успокою: ты — ничто. Ты был ничем. Тебя никто не помнит. Твое смертное имя ничего не значит.

Человек опускает глаза.

— Ты сомневаешься в моих словах?

— Нет, Хозяин...

— А почему?

— Потому что ты не лжешь.

— Ну так я покажу тебе это. Я стер твои воспоминания о жизни только потому, что среди мертвых они причиняли бы тебе боль. А теперь я покажу тебе, насколько ты безвестен. Здесь, в этом зале, больше пяти тысяч мертвецов — из всевозможных эпох и мест.

Анубис встает, и его голос доносится до всех присутствующих в Зале.

— Слушайте меня, слизни. Поглядите на этого человека, что стоит пред моим тронem. А ты обернись-ка к ним лицом.

Человек оборачивается.

— Знай, человек, что сегодня на тебе не то тело, в котором спал ты прошлую ночь. Сейчас ты выглядишь точно так же, как и тысячу лет назад, когда вступил в Дом Мертвых.

Мои верные мертвые, найдется ли здесь среди вас кто-нибудь, кто, глядя на этого человека, узнает его?

Золотая девушка делает шаг вперед.

— Я знаю этого человека, — говорит она, едва шевеля оранжевыми губами, — ведь это он говорил со мной в другом зале.

— Об этом мне известно, — говорит Анубис, — но кто он?

— Он тот, кто заговорил со мной.

— Это не ответ. Ступай трахаться вон с той фиолетовой ящерицей. — Ну а ты, старик?

— Он говорил и со мной.

— Знаю. Можешь ли ты назвать его?

— Не могу.

— Тогда ступай плясать на том столе и не забудь полить вином себе голову. Ну а ты, Черныш?

— Этот человек говорил и со мной тоже.

— Ты знаешь его имя?

— Не знал, когда он спросил меня...

— Так сгори! — кричит Анубис, и пламя падает с потолка, плещет из стен, и от черного карлика остается лишь горсточка пепла, которая легким облачком рассеивается над полом, лаская щиколотки замерших танцоров, перед тем как пасть прахом.

— Видишь? — говорит Анубис. — Некому назвать тебя твоим прежним именем.

— Вижу, — говорит человек. — Но последний вроде бы собирался сказать еще что-то...

— Вздор! Тебя никто не знает и знать не желает. Кроме меня — поскольку сведущ ты в многообразном искусстве бальзамирования и слагаешь подчас недурные эпитафии.

— Спасибо, Хозяин.

— Какой тебе здесь прок от имени и воспоминаний?

— Никакого, наверное.

— И все же ты желаешь имя — ну так я его тебе дам. Вынь свой кинжал.

Человек обнажает лезвие висящего у него на левом боку кинжала.

— Отрежь теперь себе большой палец.

— Который, Хозяин?

— Левый вполне сгодится.

Человек закусывает нижнюю губу и чуть жмурится, с усилием прижимая острие к суставу своего большого пальца. Кровь течет на пол. Она стекает по лезвию кинжала и тонюсенькой струйкой льется с его острия. Человек падает на колени и продолжает резать, слезы катятся у него по щекам и, падая вниз, смешиваются с кровью. Он судорожно глотает воздух широко открытым ртом, а один раз у него вырывается всхлипывание.

Но вот...

— Готово, — говорит он. — Вот!

Он бросает кинжал и протягивает Анубису свой палец.

— Мне он ни к чему! Брось его в огонь!

Правой рукой бросает человек свой палец в жаровню. Пламя трещит, шипит, ярко вспыхивает.

— Теперь собери в левую пригоршню свою кровь.

Человек так и поступает.

— Теперь подними руку над головой и окропи себя.

Он поднимает руку, и кровь стекает ему на лоб.

— Теперь повторяй за мной: «Я нарекаю себя...»

— «Я нарекаю себя...»

— «Вэйкимом из Дома Мертвых...»

— «Вэйкимом из Дома Мертвых...»

— «Во имя Анубиса...»

— «Во имя Анубиса...»

— «Вэйкимом...»

— «Вэйкимом...»

— «Посланником Анубиса в Срединные Миры...»

— «Посланником Анубиса в Срединные Миры...»

— «...и за их пределы.»

— «...и за их пределы.»

— Слушайте же меня теперь, о мертвые: я нарекаю этого человека — Вэйким. Повторите его имя!

— Вэйким, — произносят мертвые губы.

— Да будет так! Теперь ты наречен, Вэйким, — говорит Анубис. — И стало быть, надлежит, дабы прочувствовал ты свое рождение в мире имен, чтобы ушел иным, чем прежде, о мой новоназванный!

Анубис поднимает руки над головой и опускает их вниз.

— Продолжайте танцевать! — приказывает он мертвым.

И они опять принимаются двигаться в такт музыке.

В зал вкатывается членорезка, за ней следует автопротезист.

Вэйким отворачивается от них, но они подъезжают к нему вплотную и останавливаются.

Первая машина выпускает наружу держатели и захватывает ими Вэйкима.

— Слабы руки людские, — говорит Анубис. — Да будут они отняты.

Человек кричит, когда пила впивается в его тело. Потом он теряет сознание. Мертвые продолжают танцевать.

Когда Вэйким приходит в себя, по бокам у него свешиваются две гладкие серебряные руки, холодные и бесчувственные. Он сгибает пальцы.

— А ноги людские медлительны — во всем, кроме усталости. Сменить их ему на металлические, устали не знающие.

Когда Вэйким вторично приходит в себя, он стоит на серебряных ходулях. Он переступает с ноги на ногу. Язык Анубиса выстреливает из пасти наружу.

— Положи правую руку в огонь, — говорит он, — и жди, пока не раскалится она добела.

Стихает вокруг музыка, и пламя ласкает его руку, пока они не становятся одного цвета. Мертвые ведут свои мертвые разговоры и пьют вино, вкуса которого не ощущают. Они обнимаются безо всякого удовольствия. Рука начинает отсвечивать белым.

— Теперь, — говорит Анубис, — сожми десницей свою мужественность, дабы выжечь ее.

Вэйким облизывает пересохшие губы.

— Хозяин... — говорит он.

— Исполни!

И он исполняет и, не закончив, падает без сознания.

Когда он приходит в себя и смотрит вниз на свое тело, оно уже все из блестящего серебра, бесполое и могучее. Он прикасается рукой ко лбу, и раздается звяканье металла о металл.

— Как ты чувствуешь себя, Вэйким? — спрашивает Анубис.

— Не знаю, — отвечает тот, и голос его звучит странно и резко.

Анубис подает рукой знак, и ближайший бок режущей машины становится зеркальным.

— Полюбуйся на себя.

Вэйким смотрит на сверкающее яйцо, это его голова, на желтые линзы, это глаза, на блестящую бочку, свою грудь.

— По-разному могут люди начинать и заканчивать свою жизнь, — говорит Анубис. — Одни могут начинать в виде машины и медленно завоевывают себе человечность. Другие же могут кончить как машины, теряя понемногу свою человечность по ходу жизни. Потерянное всегда может быть обретено вновь, добытое — утеряно. Что ты такое, Вэйким, человек или машина?

— Не знаю.

— Тогда я еще усугублю неразбериху в твоей голове.

Анубис делает знак, и у Вэйкима отваливаются руки и ноги. Его металлический торс, звякнув о каменные плиты пола, откатывается к подножию трона.

— Ты лишен подвижности, — говорит Анубис.

Он вытягивает вперед ногу и касается ею крохотного выключателя у Вэйкима на затылке.

— Теперь ты лишен всех чувств, кроме слуха.

— Да, — отвечает Вэйким.

— Ну а сейчас я произвожу подключение. Ты ничего не чувствуешь, но голова твоя открыта, и ты вот-вот станешь частью машины, которая контролирует и под-держивает на ходу весь этот мир. Смотри же, вот он весь!

— Смотри, — отвечает Вэйким и осознает сразу каждую комнату, каждый чертог, коридор и зал в этом извечно мертвом — никогда не жившем — мире, миром, собственно, никогда и не бывшем; мир этот изготовлен — не порожден пламенем творения из сгустившегося звездного вещества, но отчеканен и смонтирован, склепан и сплавлен, отделан и украшен; не моря, земли, воз-дух и жизнь царят здесь, но смазка, металл, камень и энергетические барьеры, и подвешено все это вместе среди ледяной пустоты, где не сверкает ни одно солнце; и осознает Вэйким сразу все расстояния, напряжения, массы, материалы, давления — и тайные числа мертвых. Он не ощущает своего тела, своего отключенного меха-нического тела. Ведомы ему только волны подпитываю-щих энергий, струящиеся через Дом Мертвых. Он рас-текается вместе с ними, и ему известны бесцветные цвета воспринимаемых величин.

И снова говорит Анубис.

— Тебе введома каждая тень в Доме Мертвых. Даже самыми сокровенными глазами созерцал ты его.

— Да.

— Ну а теперь посмотри, что лежит за его преде-лами.

Это звезды, звезды... россыпи звезд среди бездон-ного мрака. По ним пробегает рябь, они вспучиваются, изгибаются, они мчатся Вэйкиму навстречу, едва не на-летают на него. Цвета их ослепительны и чисты, как очи ангелов, и они проносятся рядом, проносятся вдалеке — в вечности, сквозь которую он, кажется, движется. Не ощущается ни реальное время, ни движение, меняется лишь поле. В какой-то миг рядом с ним словно парит ог-ромная голубая геенна солнца, потом опять приходит мрак, все вокруг него черным-черно, лишь крохотные огоньки поблескивают где-то вдалеке.

И наконец, приближается к нему мир, который и не мир вовсе, — лимонно-лазурный, зеленый, зеленый, зе-леный. Коронай венчает его земное же кольцо, втрое

превышающее его в поперечнике; и кажется, что пульсирует оно в приятном ритме.

— Взгляни на Дом Жизни, — говорит откуда-то Анубис.

И Вэйким глядит. Дом этот теплый, сияющий, живой. От него исходит ощущение живительной силы.

— В Доме Жизни правит Озирис, — говорит Анубис.

И Вэйкиму видна большущая птичья голова, водруженная на человеческие плечи, живы — о, до чего живы ее светлые желтые глаза; и стоит существо это перед ним на бескрайней равнине живой зелени, наложившейся на изображение этого мира; и в одной руке у него Жезл Жизни, а в другой — Книга Жизни. И кажется, что от него исходят лучи тепла.

Опять слышится голос Анубиса.

— Дом Жизни и Дом Мертвых сдерживают Срединные Миры.

И Вэйкима охватывает ощущение головокружительного падения, и опять смотрит он на звезды, но эти звезды отделены и удерживаются в стороне от прочих путями силы; они то видны, то невидимы, то вновь видны — затухая, появляясь, уходя, — эти светящиеся, колеблющиеся белые линии.

— Теперь видишь ты Срединные Миры Жизни, — говорит Анубис.

И десятки миров прокатываются мимо, словно экзотические мраморные шары — в пунктире линий, откалиброванные, отполированные, раскаленные добела.

— ...Сдерживаемые, — говорит Анубис. — Они держатся внутри поля, перекинутого между двумя единственно значимыми полюсами.

— Полюсами? — переспрашивает металлическая голова по имени Вэйким.

— Домом Жизни и Домом Мертвых. Срединные Миры движутся вокруг своих светил, и все вместе следуют они путем Жизни и Смерти.

— Не понимаю, — говорит Вэйким.

— Еще бы ты понимал. Что во всей Вселенной является одновременно и величайшей благодатью, и величайшим проклятием?

— Не знаю.

— Жизнь, — говорит Анубис, — или смерть.

— Не понимаю, — говорит Вэйким. — Ты употребил превосходную степень. Ты потребовал одного ответа. И однако назвал сразу две вещи.

— Да? — спрашивает Анубис. — В самом деле? Разве из одного того факта, что употребил я два слова, следует, что назвал я две разные, отличные друг от друга вещи? Разве не может что-нибудь иметь более одного имени? Возьми, к примеру, себя. Что ты такое?

— Не знаю.

— Ну что ж, в общем-то подходящая почва, чтобы на ней произросла мудрость. Ты можешь в равной степени быть и машиной, которую я решил на время воплотить в виде человека, а сейчас вернул в металлическую оболочку, и человеком, которого я захотел воплотить в машину.

— Так какая же разница?

— Никакой. Совсем никакой. Ты-то не можешь отличить одно от другого. Ты не в состоянии припомнить. Скажи мне, ты жив?

— Да.

— Почему?

— Я мыслю. Я слышу твой голос. У меня есть что вспомнить. Я могу говорить.

— Да? Ну и что же из этого — жизнь? Впомни, что ты не дышишь, что вместо нервной системы у тебя путаница металлических проводников, а сердце твое я сжег. И вспомни еще, что у меня есть машины, которые могут лучше тебя думать, крепче тебя помнить, красноречивее говорить. Ну и какие же остаются у тебя доводы, что ты жив? Ты говоришь, что слышишь мой голос и «слышание» — явление субъективное? Отлично. Я отключу и твой слух. Присмотрись повнимательнее, не перестанешь ли ты существовать.

...Невесомо, неощутимо падает одинокая снежинка в колодец, колодец без воды, без стенок, без дна, без крышки. А теперь уберите прочь снежинку и оставьте лишь невесомое, неощутимое падение...

Проходит время безвременья, и вновь раздается голос Анубиса:

— Известна ли тебе разница между жизнью и смертью?

— «Я» — это жизнь, — говорит Вэйким. — Что бы ты ни давал или отнимал, если остается «я», остается и жизнь.

— Спи, — говорит Анубис, и ничто больше не слышит его там, в Доме Мертвых.

Когда Вэйким просыпается, оказывается, что он опять может видеть, и с ближайшего к трону стола смотрит он на танцы мертвых и слышит музыку, под которую они танцуют.

— Ты был мертв? — спрашивает Анубис.

— Нет, — говорит Вэйким. — Я спал.

— А в чем разница?

— «Я» еще было там, хотя я и не знал об этом.

Анубис смеется.

— Ну а если бы я никогда не разбудил тебя?

— Это была бы, пожалуй, смерть.

— Смерть? Если бы я не воспользовался своей способностью пробудить тебя? И даже несмотря на то, что всегда в наличии оставалась бы эта способность — и всегда же доступно для нее было твое застывшее в потенциале «я»?

— Если бы этого не произошло, если бы я навсегда остался лишь в потенциале, тогда это была бы смерть.

— Но ты только что сказал, что смерть и сон — две совершенно разные вещи. Так что же, вся разница только в длительности?

— Нет, — говорит Вэйким, — дело в существовании. За сном приходит бодрствование, и жизнь опять тут как тут. Когда я существую, я знаю об этом. Когда нет, все мое знание — ничто.

— Жизнь, выходит, это просто ничто?

— Нет.

— Жизнь, значит, это просто то, что существует? Как эти мертвецы?

— Нет, — говорит Вэйким. — Это знание о том, что существуешь, — по крайней мере, время от времени.

— Ну а кто же это знает?

— «Я», — говорит Вэйким.

— А что это такое, «я»? Кто ты такой?

— Я — Вэйким.

— Но ведь я же только-только успел дать тебе это имя! Чем был ты до этого?

— Не Вэйкимом.

— Мертвым?

— Нет! Живым! — кричит Вэйким.

— Не возвышай голос в моих покоях, — говорит Анубис. — Ты не знаешь, что ты такое или кто ты такой; тебе не известна разница между существующим и несуществующим — и ты тем не менее осмеливаешься спорить со мной о том, что касается жизни и смерти! Довольно тебя спрашивать, теперь буду говорить я сам. Я расскажу тебе о жизни и смерти.

Жизни слишком много — и жизни недостает, — начинается он свой рассказ, — и точно так же обстоит дело и со смертью. Но оставим в стороне парадоксы.

Так удален отсюда Дом Жизни, что луч света, покинувший его в тот день, когда ты вступил в эту обитель, не прошел еще и сотой части пути между нашими Домами. И расположены там, между ними, Срединные Миры. Они движутся сквозь приливные волны Жизни-Смерти, которые плещут между моим Домом и Домом Озириса. Когда я говорю «плещут», то подразумеваю, что движутся они не черепашью шагом, как тот самый жалкий луч света, а похожи на волны в океане о двух берегах. И можем мы взъерить волны, когда и где пожелаем, не баламутя при этом все море. Что же это за волны, что несут они?

В некоторых мирах жизнь — в переизбытке, — говорит он. — Жизнь — копошащаяся, кишашая, плодящаяся, удушающая сама себя; миры слишком милосердные, напичканные науками, сохраняющими человека в живых, миры, которые, не ровен час, потопят сами себя в собственном семени, миры, которые, того и гляди, заполонят все свои земли ордами брюхатых баб, — миры, которые гнет собственной плодовитости приводит на край гибели. А есть и суровые, бесплодные, хмурые миры, перемальвающие жизнь, словно жерновами. Даже после машинной их переделки и усовершенствования тел лишь несколько сот миров пригодно для обитания шести разумных рас. В худших мирах жизнь — донельзя нужная штука, в лучших она может стать смертельно опасной благодатью. Когда я говорю, что где-то нужна

или не нужна жизнь, то относится все это, конечно, и к смерти, — я же говорю не о двух разных предметах, но об одном и том же. Мы с Озирисом — бухгалтеры, мы подводим дебет и кредит. Мы поднимаем волны — или же гасим ненужное волнение и насылаем на океан штиль. Можно ли рассчитывать на жизнь — что она ограничит сама себя? Нет. Она — бессмысленное стремление двойки стать бесконечностью. Можно ли рассчитывать на смерть — что она ограничит сама себя? Никогда. Она — столь же бессмысленное усилие нуля поглотить бесконечность.

Но и жизнь, и смерть нужно контролировать, — говорит он, — иначе за подъемом плодородных миров будет следовать упадок, за подъемом — упадок, чередуя империи и анархию, пока не придут они, наконец, к окончательному разрушению. Суровые миры будут низведены до нуля. Жизнь не может сдерживать себя в рамках, рекомендуемых статистикой. Следовательно, ее нужно сдерживать, что на самом деле и делается. Мы с Озирисом поддерживаем Срединные Миры. Они лежат внутри контролируемого нами поля, и мы по своему разумению направляем их в ту или иную сторону. Теперь тебе ясно, Вэйким? Ты хоть что-то понимаешь?

— Вы ограничиваете жизнь?

— Мы можем поразить бесплодием — полностью или частично — любую или же любые из шести рас в любом мире на любой срок, какой нам только понадобится. Можем мы влиять и на продолжительность жизни, прорежать население.

— Как?

— Огнем. Мечом. Голодом. Чумой.

— Ну а миры бесплодные, пустынные? Что с ними?

— Можно повысить рождаемость и не ограничивать искусственно продолжительность жизни. Свежеумершие посылаются в Дом Жизни, а не сюда. Там их восстанавливают или используют их органы и части тела для построения новых существ, отнюдь не всегда снабженных человеческой ментальностью.

— А что происходит с остальными мертвыми?

— Дом Мертвых — кладбище всех шести рас. Ни в одном из Срединных Миров нет законного места для захоронений. Не раз и не два посылал Дом Жизни к нам за

мертвецами или запасными частями. А бывало, что и они отгружали нам свои излишки.

— Все это с трудом укладывается в голове. Кажется, что все это так жестоко, сурово...

— Такова жизнь и такова смерть. Это величайшая благодать и величайшее проклятие во Вселенной. Тебе нет нужды понимать все это. Поймешь ты или нет, одобришь или нет — от этого ровным счетом ничего не изменится.

— А откуда явились вы, Анубис и Озирис, чтобы заправлять всем этим?

— Кое-что тебе незачем знать, Вэйким.

— А как относятся к вашему контролю Срединные Миры?

— Они с ним живут и с ним умирают. Он недоступен каким-либо возражениям, ибо необходим просто для продолжения их существования. Контроль стал законом природы и в этом качестве совершенно беспристрастен, поскольку в равной степени приложим ко всем, кто ему подчинен.

— А что, есть и неподчинившиеся?

— Об этом ты узнаешь подробнее, когда я решу, что наступил подходящий момент, и, стало быть, не сейчас. Итак, Вэйким, я превратил тебя в машину. Теперь я сделаю из тебя человека. Кому под силу сказать, с чего начинал ты, где начинал ты? Стоит мне стереть все твои предыдущие воспоминания и воплотить тебя в тело, и ты будешь считать, что был исходно машиной.

— Ты собираешься так поступить?

— Нет. Я хочу, чтобы ты сохранил все накопленные воспоминания, когда — и если — я возложу на тебя новые твои обязанности.

И поднимает Анубис руки вверх и хлопает в ладоши.

Машина снимает Вэйкима со стола и, опуская его на пол, отключает ему все чувства.

Музыка пульсирует и затихает среди танцоров, две сотни факелов сверкают на колоннах, словно бессмертные мысли. Анубис пристально смотрит на почерневший участок пола в Тронном Зале, и над головой его, подчиняясь собственному ритму, колышется балдахин дыма.

Вэйким открывает глаза, и взгляд его тонет в сером мареве. Он лежит навзничь и глядит в потолок. Спину ему леденят холодные плиты пола, справа вроде бы падают отблески света. Вдруг он судорожно сжимает левую руку в кулак и, обнаружив, что большой палец на месте, расслабляется.

— Да, — говорит Анубис.

Он садится перед тронем, смотрит вниз — на свое тело, смотрит вверх — на Анубиса.

— Ты был крещен и ныне возродился во плоти.

— Благодарю.

— Пустое. Здесь полно сырья. Встань. Ты помнишь, чему выучился?

Вэйким встает.

— Ты помнишь преподанные мной уроки?

— Какие?

— Фугу времен. Заставить время следовать за умом, а не за телом.

— Да.

— А убийство?

— Да.

— Ну а их в паре?

— Да.

Анубис встает, он на целую голову выше Вэйкима, а ростом новое тело слуги его, пожалуй, за два метра.

— Ну так покажи мне это! Хватит музыки! — кричит он. — Пусть предстанет передо мной тот, кого звали при жизни Дарготом.

Мертвые перестают танцевать. Они замирают на месте, широко раскрытые глаза их не мигая уставились в пространство. На несколько секунд воцаряется тишина, не слышно ни слова, ни шага, ни вдоха.

Потом среди стоящих мертвецов появляется Даргот, он пересекает полосы тени, полосы света. Завидев его, Вэйким выпрямляется еще сильнее, ибо напрягаются мышцы его спины, плеч, живота.

Металлическая полоса цвета меди пересекает по меридиану голову Даргота, прикрывает его скулы, исчезает под подбородком, заросшим серой от седины щетиной. Полоса-тропик проходит по лбу над висками, замыкается на затылке. Широко открыты глаза его, желты их белки, зрачки окружены алыми кольцами. Нижняя че-

лость, пока он выкатывается вперед, ни на миг не перестает совершать жевательные движения, а длинные зубы тонут в тени. Голова раскачивается из стороны в сторону на двадцатидюймовой шее. Ширина его плеч — три фута, и это придает ему вид перевернутого треугольника, поскольку резко устремляются вниз навстречу друг другу его бока, но встретиться не успевают, ибо там кончается плоть и начинаются сегменты членистого шасси. Медленно вращаются его колеса, левое заднее скрежещет при каждом обороте. Четырехсполовинойфутовые руки свисают по бокам и кончиками пальцев чуть касаются пола. Четыре короткие, острые металлические ноги закинута наверх, прижаты к плоским бокам.

На спине торчком стоят бритвы — расходятся веером, опадают по ходу движения. Восьмифутовый хлыст хвоста разворачивается сзади, когда останавливается он у самого трона.

— На эту ночь, Ночь Тысячелетия, — говорит Анубис, — я возвращаю тебе твое имя — Даргот. Когда-то считался ты одним из могущественнейших воинов Средних Миров, пока не пришло тебе в голову померяться силой с одним из бессмертных, нашел ты тогда у его ног свою погибель. Твое разбитое тело отремонтировали, и сегодня ты должен еще раз послать его на битву. Уничтожь этого человека, Вэйкима, в поединке один на один — и ты можешь занять его место, место старшего слуги в Доме Мертвых.

Даргот складывает на лбу свои огромные ручищи и низко кланяется, касаясь ими пола.

— У тебя десять секунд, — говорит Анубис Вэйкиму, — чтобы подготовить свой ум к битве. Приготовься, Даргот.

— Господин, — говорит Вэйким, — как могу я убить того, кто уже мертв?

— Твои проблемы, — говорит Анубис. — А теперь ты потратил все свои десять секунд на дурацкие вопросы. Начинайте!

Раздаются скрежещущие звуки, серия металлических щелчков.

Металлические ноги Даргота с лязгом распрямляются, опускаются, поднимают его на три фута над по-

лом. Он вытягивает перед собой руки, гарцует, сгибая и разгибая их.

Вэйким следит за ним в ожидании.

Даргот встает на дыбы, и теперь его голова в десяти футах от пола.

Потом он прыгает вперед, расставив руки, крутя хвостом, вытянув шею, обнажив клыки. Лезвия топорщатся у него на спине, как сверкающий плавник, молотом падают его копыта.

В последний миг Вэйким отступает на шаг в сторону и наносит удар, который его противник блокирует предплечьем. Вэйким тут же высоко подпрыгивает, и хлыст, не причинив ему вреда, щелкает там, где его уже нет.

Несмотря на свои габариты и вес, Даргот тут же оттанавливается и быстро разворачивается. Он вновь встает на дыбы и наносит удары передними копытами. Вэйким от них уклоняется, но тут ему на плечи ложатся руки опустившегося на четыре ноги Даргота.

Вэйким захватывает оба запястья и тут же бьет Даргота ногой в грудь. В ответ хвост-бич хлещет его по правой щеке, но он сбрасывает с плеч могучие лапищи, пригибает голову и изо всех сил бьет соперника в бок ребром левой руки.

Опять хлещет бич, на сей раз по спине. Он бьет, целясь в голову, но длинная шея успеваает изогнуться, и он промахивается; опять щелкает бич — в каких-то дюймах от цели.

Кулак Даргота находит его скулу, Вэйким шатается, теряет равновесие, поскользнувшись, падает на пол. Быстро перекатившись, он выбирается из-под копыт, но кулак противника вновь посылает его на пол, когда он пытается встать на ноги.

Но когда на него обрушивается следующий удар, он ловит двумя руками запястье противника и, склонив голову набок, всем весом наваливается на него. Кулак Даргота бьет в пол, и Вэйким успеваает встать и провести левый кросс.

Голова Даргота откидывается от удара, и бич щелкает у Вэйкима над самым ухом. Он наносит по раскачивающейся голове еще один удар и тут же отлетает кувыр-

ком назад — это Даргот распрямляет, словно пружины, задние ноги и бьет плечом Вэйкима прямо в грудь.

Даргот опять встает на дыбы.

И тут впервые он заговаривает.

— Пора, Вэйким, пора! — говорит он. — Даргот становится первым слугой Алубиса.

Молнией падают вниз его копыта, но Вэйким ловит на лету металлические ноги, каждую из них он хватает рукой примерно посередине. Низко согнувшись, он гасит движение, и теперь его губы кривятся, обнажая стиснутые зубы, ибо Даргот застыл над ним, обездвиженный посреди своей атаки.

Вэйким смеется; резко выпрямляясь, он выталкивает вверх на вытянутые руки схваченные ноги противника, который, балансируя на задних ногах, старается не опрокинуться навзничь.

— Глупец! — говорит он, и голос его странно изменился. Это слово, как удар большого железного колокола, разносится и звенит по всему Залу. Среди мертвых прокатывается тихий стон, с таким же они вставали из могил.

— Ты говоришь «пора»? Ты говоришь «Вэйким»? — и он смеется и шагает вперед под падающие копыта.

— Ты не знаешь, что говоришь! — и он обхватывает руками огромный металлический торс, и копыта беспомощно колотят его по спине, хвост-хлыст с щелканьем и свистом хлещет по плечам, оставляя на них кровавые полосы. Его руки находят удобное место между заостренными позвонками, и он сдавливает неподатливое членистое металлическое тело, тесно прижимая его к себе.

Ручищи Даргота нащупывают его шею, но большим пальцам никак не дотянуться до горла, и напрягаются шейные мышцы Вэйкима, рельефно вырисовываются, когда он чуть сгибает колени и сжимает противника.

И так, замерев, стоят они одно бесконечное мгновение, и отсветы пламени сражаются с тенью на их телах.

Затем одним титаническим движением Вэйким поднимает Даргота над землей, поворачивается и отшвыривает его от себя.

Ноги Даргота бешено молотят по воздуху, когда он переворачивается в полете. Позвонки его встают и опа-

дают, щелкает извивающийся хвост. Он пытается прикрыть лицо руками, но с грохотом рушится у подножия трона Анубиса и так и остается там лежать, сго металлическое тело сломано в четырех местах, а голова расколосась о ступеньку, ведущую к трону.

Вэйким оборачивается к Анубису.

— Достаточно? — спрашивает он.

— Ты не использовал фугу времен, — говорит Анубис, даже не посмотрев вниз на оставшиеся от Даргота обломки.

— Не было надобности. Не так уж он был и силен.

— Он был силен, — говорит Анубис. — Почему ты смеялся, почему вел себя так, будто сомневаешься в своем имени, когда с ним бился?

— Не знаю. В какой-то миг, когда я понял, что победить меня невозможно, я почувствовал себя словно бы кем-то другим.

— Кем-то без жалости, страха и упрека?

— Да.

— Ты и сейчас чувствуешь это?

— Нет.

— Почему же тогда ты перестал звать меня Хозяином?

— Жар битвы ударил мне в голову и заслонил на время правила этикета.

— Ну так исправь немедленно свою оплошность.

— Хорошо, Хозяин.

— Извинись. Смирненно проси прощения.

Вэйким простирается на полу.

— Прошу прощения, Хозяин. Смирнейше.

— Встань, ты прощен. Раньше ты наполнил предвещаний свой желудок, а не этот. Ступай, подкрепись.

— Пусть вновь тешат меня песни и танцы! Пусть льется вино и звучит смех, дабы отпраздновать дар имени в этот Канун — Канун Тысячелетия Вэйкима! Пусть уберут остов Даргота долой с моих глаз!

И все так и происходит.

Когда утоляет Вэйким голод и кажется, что до окончания века будут длиться песни и пляски мертвых, взмахивает Анубис рукой, сначала налево, потом направо, и в ответ колонны, кажется, втягивают в себя языки пламени, а с языка Анубиса слетают слова:

— Забери их назад. Принеси обратно мой жезл.

Вэйким встает, отдает необходимые приказания, уводит мертвых из Тронного Зала.

Стоит им пройти мимо, и столы исчезают между колонн. Поднявшийся ветер теснит полог дыма под потолком. Однако прежде чем обвисший серый балдахин начинает расползаться, гаснут последние факелы, и весь Зал освещают лишь две жаровни, пылающие по бокам от трона.

Анубис глядит во тьму, и, подчиняясь его воле, сплетаются лучи света в картину, и еще раз видит он, как падает Даргот, рушится к подножию трона и замирает там в неподвижности, а рядом стоит тот, кого наррек он Вэйкимом, стоит, ослабившись, как череп, и на миг — обманчиво блеснуло пламя? — виден знак у него на челе.

Далеко, в огромной зале, где свет, тусклый и оранжевый, дрожит по углам, а мертвые укладываются обратно на незримые катафалки над их отверстыми могилами, слышит Вэйким слабый отголосок, то чуть нарастающий, то стихающий вовсе, и не схож этот звук ни с чем, что доводилось ему слышать до тех пор.

Он кладет руку на жезл и спускается с возвышения.

— Старик, — говорит он тому, с кем разговаривал ранее, тому, чьи волосы и борода замараны вином, а часы в левом запястье остановились, — старик, услышь меня и ответь, если знаешь, что это за звук?

Немигающие глаза пялятся вверх, мимо Вэйкима, губы шепелявят:

— Хозяин...

— Я здесь не Хозяин.

— ...Хозяин, это всего лишь воеет пес.

Тогда возвращается Вэйким на возвышение и предает их всех могиле.

Потом свет гаснет, и жезл ведет его сквозь тьму по предначертанному пути.

— Я принес твой жезл, Хозяин.

— Встань и подойди.

— Мертвые возвращены, куда должно.

— Очень хорошо. Вэйким, мой ли ты человек?

— Да, Хозяин.

— Ты подчиняешься моим приказаниям, ты готов послужить моей воле?

— Да, Хозяин.

— Вот почему ты — мой посланник в Срединные Миры и за их пределы.

— Я должен покинуть Дом Мертвых?

— Да, я посылаю тебя отсюда с поручением.

— Поручением? Каким?

— Это долгая история. Ведомо ли тебе, что много в Срединных Мирах людей очень и очень старых?

— Да.

— А некоторые даже вневременны и бессмертны?

— Бессмертны, Господин?

— Тем или иным способом некоторые сумели достичь своего рода бессмертия. Быть может, они следуют течению жизни и черпают свои силы из них, избегая волн смерти. Быть может, они так отладили свою биохимию, или же постоянно обновляют свои тела, или же переходят из одного своего тела в другие, или пиратски захватывают чужие тела. Быть может, они обзавелись металлическими телами, а может, обходятся вовсе без тел. Как бы там ни было, стоит тебе попасть в Срединные Миры, и ты услышишь рассказы о Трехстах Бессмертных. Это лишь примерная цифра, ибо мало кто толком о них что-нибудь знает. На самом деле их двести восемьдесят три. Это — жульничество и по отношению к жизни, и по отношению к смерти; и, как ты можешь заметить, само их существование нарушает равновесие, вдохновляет других на попытки подражания легендам о них, побуждает считать их богами. Одни из них — безвредные скитальцы, другие — отнюдь не таковы. Все могущественны и искусны, все сведущи в продолжении собственного существования. Но один особенно зловреден, и уничтожить именно его я тебя и посылаю.

— Кто же это, Хозяин?

— Его зовут Принц Который Был Тысячью, и обитает он вне пределов Срединных Миров. Его царство не от мира жизни и смерти, в извечно сумеречном месте. Его, однако, трудно обнаружить, ибо часто покидает он свою вотчину и вторгается в Срединные Миры — и повсюду.

Желаю я, чтобы пришел ему конец, ибо издавна противостоит он и Дому Мертвых, и Дому Жизни.

— А как он выглядит, этот Принц Который Был Тысячью?

— Как пожелает.

— Где найду я его?

— Не знаю. Тебе нужно его искать.

— Как я узнаю его?

— По делам, по словам. Он наш противник во всем.

— Но ведь наверняка и остальные против вас...

— Уничтожай всех встречных, кто противится нам.

Ну а Принца Который Был Тысячью ты узнаешь, поскольку уничтожить его будет труднее всех. И он ближе всех будет к тому, чтобы уничтожить тебя.

— А вдруг он сумеет.

— Тогда я потрачу еще тысячу лет, чтобы выпестовать другого посланника, способного взяться за это задание. Я не хочу, чтобы он пал завтра или послезавтра. Даже чтобы просто обнаружить его, тебе понадобятся века и века. Время не играет особой роли. Должна минуть эпоха, прежде чем он начнет представлять для нас с Озирисом реальную угрозу. Путешествуя в его поисках, ты узнаешь о многом. Когда ты его найдешь, ты наверняка его узнаешь.

— Достаточно ли я силен, чтобы покончить с ним?

— Думаю, да.

— Я готов.

— Тогда я пускаю тебя по следу. Я даю тебе способность вызывать меня и, в случае надобности, черпать силу прямо из поля Жизни и Смерти, когда ты находишься в Срединных Мирах. Это сделает тебя непобедимым. Если тебе покажется необходимым, можешь послать мне донесение. Если будет нужно, я доберусь до тебя.

— Спасибо, Хозяин.

— Ты должен сразу же подчиняться всем моим посланиям.

— Да.

— А теперь иди и отдыхай. Выспись, подкрепись и отправляйся на задание.

— Спасибо.

— Это твой предпоследний сон в Доме Мертвых, Вэйким. Поразмысли о его тайнах.

— Я делаю это все время.

— Я — одна из них.

— Хозяин...

— Это часть моего имени. Никогда не забывай об этом.

— Хозяин, как я посмею?

Пробуждение Красной Ведьмы

Ведьма Лоджии ворочается во сне и дважды вскрикивает. Давно она уже спит — и глубоко. Наперсник бросается успокоить ее, но делает это неуклюже и только ее будит. Она садится тогда среди подушек в своем высоком, как кафедральный неф, покое, и Время, обременившее ее насилем Тарквиния, быстро шагает прочь от ее дивана, движется, словно призрак, но она видит его и замораживает среди бездорожья словом и жестом, и слышит свой же двоянный вскрик, и смотрит назад, не в силах оторвать глаз от чего-то темного, словно сновидение, — выношенного ею и взывающего вопля. Да будет десять артиллерийских залпов — закрой для них ухо, сотри их из слуха, сохрани лишь девять зияющих между ними безмолвий. Да будут теперь это удары сердца — мистически ощущаемые во всем теле. В покойный этот центр помести сухую кожу, исторгшую из себя змею. И да не разнесутся стоны над побережьем, коли вернется в порт затонувший корабль. Отступи взамен от того темного, как сновидение, что, словно четки греха, падает шквалистым ливнем, холодным и несказанным, тебе на живот. Подумай взамен про обузданных лошадей, о проклятии Летучего Голландца и, может быть, о строке безумного поэта Врамина, например такой: «И луковичка возродит в свой срок изжелта-бледный нарцисс». Если случилось тебе хоть раз в жизни любить кого-либо, постарайся припомнить это. Если случилось предавать, сделай вид, что тебя простили. Случалось чего-то бояться — поверь хотя б на миг, что те дни ушли и никогда не вернуться. Купи себе ложь и

держишься за нее, покуда сможешь. Прижми к своей груди наперсника, как бы его ни звали, и ласкай, ласкай его, пока он не замурлычет.

Обменяй жизнь и смерть на забвение, но все равно свет и тьма доберутся до твоей плоти, до мозга костей. Придет утро, а с ним — память.

Красная Ведьма спит в своем высоком, как кафедральный неф, покое, между прошлым и будущим. Беглый насильник из ее грезы исчезает в конце темной аллеи, а Время тем временем отмеряет историю вокруг событий. И теперь, во сне, она улыбается, ибо Янус опять поступает серединка на половинку...

Обернувшись назад, к славе, покоится она в его теплом зеленом взгляде.

Смерть, жизнь, волшебник и розы

Прислушайся к миру. Зовется он Блис, и услышать его легче легкого; вот его звуки — смех, вздохи, а там кто-то пытается сдержаться и не икать. А вот и клик-клак работающих механизмов — или биение сердца? Тут и звук дыхания толп — или их слов. Шаги, шаги, звук поцелуя, шлепок, крик младенца. Музыка. Музыка, может быть. Стук пишущей машинки, разносящийся в ночи, нежной, как дядя Том, сознание, целующее лишь одну бумагу? Быть может. Теперь забудь слова и звуки и взгляни на этот мир.

Прежде всего — цвета; назови один. Красный? Цвет берегов, между которыми лениво несет свои воды зеленый поток, натывается на фиолетовые камни. Вдалеке город — желтый, серый, черный. Ну а здесь, по обе стороны от реки, в открытом поле раскинулись павильоны. Выбери любой цвет — все они тут под рукой. Более тысячи павильонов, словно воздушные шары, вигвамы, грибы без ножек, сверкают посреди голубого поля, увешанные флажками и вымпелами, полные движущихся цветов, — это людские одежды. Через реку перекинута три изжелта-белых моста. Река течет к кремовому морю, оно часто волнуется, редко штормит. Из него вверх по реке поднимаются баржи и лодки, суда покрупнее, и причаливают они то тут, то там к берегу. Другие спускаются с неба и садятся где попало на голубую ткань поля. Их пассажиры расхаживают среди павильонов. Они всех рас, всех сортов. Они едят, они болтают. Они издают звуки и носят цвета. Подходит?

Запахи нежной поросли, ласковые поцелуи ветерка... Когда же бриз приносит эти ароматы к ярмарке, они едва уловимо меняются: к ним примешивается запах опилок, который никак не назовешь неприятным, и запахом пота, который не может быть очень уж неприятным, если часть этого пота — твоя. А еще запахи дыма, готовящейся пищи, чистые ароматы спиртного. Обоняй этот мир. Пробуй его, глотай, переваривай. Лопни от него.

...Как человек с альпенштоком, глаз которого прикрывает повязка.

Он прогуливается среди барышников и девах, жирный, как евнух, — но только как. Кожа его странного телесного цвета, а правый глаз — серое, крутящееся колесо. Недельной давности щетина обрамляет лицо, и все цвета сошли с пятнающей голубое поле кляксы его одежды.

Ровна его походка. Тверда рука.

Он останавливается купить кружку пива, подходит поближе посмотреть на петушиный бой.

Он ставит монету на меньшего из петухов, и тот разносит противника в пух и прах; выигранным расплачивается он за свое пиво.

Потом разглядывает минуту-другую представление дефлорирующей труппы, пробует образцы рекламируемых наркотиков, отшмивает коричневокожего мужчину в белой рубашке, который пытается угадать его вес. Тут из ближайшей палатки появляется коротышка с близко посаженными темными глазами, подходит к нему, тянет за рукав.

— Да?

Мощно рокочет его голос, кажется, что он исходит из самого центра его тела.

— Судя по экипировке, ты, может быть, проповедник?

— Да, так и есть — внеконфессионального толка.

— Отлично. Не хочешь ли подзаработать? Буквально за несколько минут.

— И что же тебе от меня нужно?

— Тут один тип собирается покончить с собой, а потом его похоронят прямо в палатке. Могила выкопана, все билеты проданы. И публика начинает уже волноваться. Исполнитель не хочет выступить без подобаю-

щего религиозного аккомпанемента, а наш проповедник в дупель пьян.

— Ясно. Это обойдется вам в десятку.

— Давай за пять.

— Ищи другого.

— Ну ладно, десять! Пошли! Они уже шикают и топают ногами!

Он заходит в палатку, щурится.

— А вот и проповедник! — возвещает зазывала. — Мы готовы приступить. Как тебя звать-то, папаша?

— Бывает, меня зовут Мадрак.

Распорядитель замирает, оборачивается, глядит на него, нервно облизывает губы.

— Я... я не узнал.

— Ладно, проехали.

— Слушаю, сэр. Посторонись! Дайте пройти! Осади, говорю!

Толпа расступается. В палатку набилось человек триста. Наверху сверкают огни, ярко освещая огороженный канатами круг голой земли с выкопанной в ней могилой. Насекомые кружатся среди висящей в лучах света пыли. Рядом с зияющей могилой лежит гроб. На крохотном деревянном помосте стоит стул. На стуле сидит человек лет пятидесяти от роду. Его плоское лицо изборождено морщинами, тело тщедушно, глаза чуть нависают. Из одежды на нем только шорты, густая седая растительность покрывает его грудь, руки, ноги. Он наклоняется вперед и косится на пробирающуюся сквозь толпу пару.

— Все в порядке, Дольмин, — говорит коротышка.

— Моя десятка, — говорит Мадрак.

Коротышка сует ему сложенную банкноту, Мадрак проверяет ее и прячет в бумажник.

Коротышка забирается на помост и улыбается в толпу. Затем сдвигает на затылок свою соломенную шляпу.

— Ну вот, ребята, — начинает он, — все уладилось. Уверен, вы согласитесь, что зрелище стоит того, чтобы его дожидаться. Как я уже объявил, этот человек, Дольмин, собирается прямо у вас на глазах покончить с собой. По личным причинам отказывается он от великих надежд и согласился чуть подработать для своей семьи,

совершив это на глазах у всех. Представление завершится натуральными похоронами — вот в эту самую землю, на которой вы сейчас стоите. Наверняка давненько не видывал никто из вас настоящей смерти, и скорее всего вовсе никто не видел всамделишных похорон. Итак, попросим же выступить проповедника и мистера Дольмина. Похлопаем им!

В палатке раздаются аплодисменты.

— ...И последнее замечание. Не подходите слишком близко, хотя мы на всякий случай и подготовились, да и палатка огнеупорна. Итак, мы начинаем!

Он спрыгивает с помоста, и на него взгромождается Мадрак. Он наклоняется над сидящим человеком, в это время рядом со стулом появляется канистра с надписью «ГОРЮЧЕЕ».

— Ты уверен, что хочешь пройти этим путем? — спрашивает Мадрак.

— Да.

Он заглядывает человеку в глаза, но зрачки того не расширены, глаза не бегают.

— Почему?

— Личные причины, Отче. Я бы не хотел в них вдаваться. Отпусти мне, пожалуйста, грехи.

Мадрак кладет руку ему на голову.

— Чему или кому бы ни случилось услышать меня, буде оно заинтересуется или же не заинтересуется тем, что я скажу, приношу я просьбу, если это имеет хоть какое-то значение, чтобы был ты прощен за все, что только мог совершить или не совершить и что нуждается в прощении. Напротив, ежели не прощение, но что-то иное может принести тебе какую-то возможную для тебя после разрушения тела выгоду, прошу я, чтобы это, чем бы оно ни было, было тебе даровано или, что тоже может быть, отнято, дабы обеспечить тебе получение вышеупомянутой выгоды. Прошу я об этом по полному праву, ибо ты выбрал меня посредником между собой и тем, что тобою быть не может, но может оказаться заинтересованным, чтобы ты получил как можно больше того, что можешь от него получить; и, кроме того, на что может некоторым образом повлиять настоящая церемония. Аминь.

— Спасибо, Отче.

— Великолепно! — всхлипывает синекрылая толстауха в первом ряду.

Человек по имени Дольмин поднимает канистру, на которой написано «ГОРЮЧЕЕ», отвинчивает крышку, поливает себя содержимым.

— Ни у кого сигаретки не найдется? — спрашивает он, и коротышка протягивает ему сигарету. Дольмин лезет в карман шорт и вытаскивает зажигалку. Тут он делает паузу и глядит на толпу. Кто-то кричит ему:

— Почему ты делаешь это?

Он улыбается и отвечает:

— Общий протест против жизни, наверно, так, ведь она же — дурацкая игра, не правда ли? Следуйте моему примеру.

И он щелкает зажигалкой. К этому времени Мадрак уже далеко от огороженной площадки.

Сразу за вспышкой на толпу обрушивается волна нестерпимого жара, и единственный вопль, словно раскаленный гвоздь, пронизывает все.

Шестеро оснащенных огнетушителями подсобников, стоящих рядом, расслабляются, когда видят, что пламя не вырвалось на свободу.

Мадрак сложил руки на посохе и опирается на них подбородком.

Постепенно огонь догорает, и люди в асбестовых рукавицах отправляются на поиски останков. В публике царит тишина. До сих пор еще не было аплодисментов.

— Так вот как это выглядит! — шепчет наконец кто-то, и слова эти разносятся по всей палатке.

— Возможно, — раздается с порога четкий, бодрый голос, — а возможно, и нет.

Головы поворачиваются вслед говорящему, когда он входит в палатку и направляется к центру. Он высок ростом, у него зеленая остроконечная борода и такого же цвета глаза и волосы. Он худ, нос его длинен и тонок. Одет он в черное и зеленое.

— Это волшебник, — говорит кто-то, — из шатра на том берегу реки.

— Правильно, — отвечает он и с улыбкой кивает.

Он проходит через толпу, расчищая себе путь тростью с серебряным набалдашником. На гроб опускают крышку, когда он останавливается и шепчет:

— Мадрак Могучий.

Мадрак оборачивается и говорит:

— Я искал тебя.

— Знаю. Поэтому-то я и здесь. А это что за глупости?

— Представление самоубийства, — говорит Мадрак. — Некто Дольмин. Они забыли, на что похожа смерть.

— Так быстро, так быстро, — вздыхает второй. — Давай тогда покажем им за их денежки весь круговорот!

— Врамин, я знаю, ты можешь это сделать, но учитывай форму, в которой он...

Коротышка в соломенной шляпе подходит и глядит на них своими маленькими темными глазками.

— Сэр, — говорит он Мадраку, — не желаете ли вы предпослать погребению какие-либо церемонии?

— Я...

— Да нет, конечно, — перебивает Врамин. — Ведь закапывают же только мертвых.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Этот человек не мертв — только подпалился чуток.

— Ты не прав, сударь. У нас честное заведение.

— И тем не менее я утверждаю, что он жив и готов пройтись, чтобы вас позабавить.

— Ты, должно быть, шизонутый.

— Всего лишь смиренный чародей, — отвечает Врамин, вступая в круг.

Следом за ним движется Мадрак. Врамин поднимает свою трость и размахивает ей, словно вычерчивая таинственные фигуры. Разгорается зеленый свет, перепрыгивает с трости на гроб.

— Дольмин, выходи! — говорит Врамин.

Толпа напирает, подается вперед. Врамин и Мадрак отходят к стене палатки. Коротышка идет было за ними, но его отвлекает стук, доносящийся из гроба.

— Пошли-ка лучше отсюда, братец, — говорит Врамин и рассекает ткань кончиком своей трости.

Крышка гроба медленно приподнимается, когда они выходят сквозь стенку наружу.

Сзади них раздается шум. Его составляют вопли, крики «Мошенники!», «Гоните назад деньги!» и «Только взгляни на него!».

— «Как безумен род людской», — говорит зеленый человек, один из горстки живых существ способный взять эту фразу в кавычки — и знать почему.

Он грядет, скачет с небес, верхом на огромном звере из полированного металла. Зверь этот о восьми ногах, и копыта его — бриллианты. Его туловище длиною с двух лошадей. Шея длиною с туловище, а голова — как у золотого китайского псоглавого демона. Синие лучи вырываются у него из ноздрей, вместо хвоста — три антенны. Он движется среди черноты, что лежит между звезд, медленно перебирая механическими ногами. И однако, каждый его шаг — из ничто в ничто — вдвое длиннее предыдущего. Ну а по времени не длиннее каждый шаг предшествующего. Светила вспыхивают рядом, тонут позади, гаснут. Он скачет по твердому веществу, проходит сквозь ад, пересекает туманности, все быстрее движется через буран падающих звезд в дебрях ночи. Если предоставить ему достаточный разгон, говорят, что может он совершить кругосветное путешествие по Вселенной за один скачок. Что же будет, если он после этого не остановится, неведомо никому.

Его всадник был когда-то человеком. Это его прозвали Стальным Генералом. Не доспехи блестят у него на теле, это само его тело. На время пути он отключил большую часть своей человечности и теперь смотрит прямо перед собой — над чешуйками в виде бронзовых дубовых листьев, покрывающими шею его скакуна. Он держит поводья, числом — четыре, толщиной — как шелковая нить; они прицеплены по одному к кончикам пальцев его левой руки. На мизинце носит он кольцо из задубевшей человеческой плоти — не носить же ему металлические украшения, это и шумно, и не добавляет приятных осязательных ощущений. Плоть эта была когда-то его собственной; по крайней мере, облачен он был в нее в незапамятные времена.

Куда бы ни направлялся, берет он с собою разборное пятиструнное банджо, носит его в отсеке, неподда-

леку от которого привыкло биться его сердце. И стоит ему заиграть на нем, как превращается он в своего рода Анти-Орфея и люди идут за ним в Ад.

И к тому же он — один из крайне немногочисленных на просторах всей Вселенной мастеров фуги времени. Говорят, что никому не под силу поднять на него руку, если он на это не согласен.

А зверь под ним был когда-то конем.

Всмотрись в мир, что зовется Блис, — с его цветом, смехом, ласковыми ветерками. Всмотрись в него, как Мегра из Калгана.

Мегра — нянечка в 73-м Родильном центре Калгана, и она знает, что мир — это дети. На Блисе дышат сейчас друг на друга миллиардов десять людей, и прибывает, и прибывает число их — и мало кто отсюда уходит. Увядающие здесь расцветают. Детская смертность отсутствуют. Плач младенцев и смех их изготовителей — вот самые частые звуки на Блисе.

Мегра из Калгана разглядывает Блис кобальтово-синими глазами из-под длинных светлых ресниц. Густые пряди светлых волос щекочут ей обнаженные плечи, а две их жесткие стрелки пересекаются иксом в самом центре лба. У нее маленький носик, ротик — голубенький цветочек, столь крохотный подбородочек, что о нем можно не упоминать. Ее грудь поддерживают серебряные бретельки, у нее золотой пояс и короткая серебряная юбочка. В ней с трудом наберется пять футов росту, и коснулся ее когда-то запах неведомых ей цветов. Она носит золотой кулон, и он жжет ей грудь, стоит мужчине приблизиться к ней с афродизиак.

Девяносто три дня ждала Мегра, прежде чем удалось ей попасть на ярмарку. Длинной была очередь, ведь ярмарка — калейдоскоп цветов, запахов, движений — одно из немногих свободных мест на Блисе. На планете этой всего лишь четырнадцать городов, но покрывают они все четыре континента от моря до кремового моря, закапываются глубоко под землю и буравят небо. Даже под морями растянули они свои щупальца. На самом-то деле все они переплелись друг с другом, составляя четыре континентальных пласта цивилизации; но по-

сколько имеется там четырнадцать городских управ, каждая — с четко территориально обособленной сферой влияния, говорят, что и городов на Блисе четырнадцать. Город Мегры — Калган, где выхаживает она кричащую новую жизнь и подчас кричащую старую тоже — всех цветов, всех форм. Поскольку можно построить генетическую структуру, удовлетворяющую любым пожеланиям родителей, а потом хирургически поместить ее в ядро оплодотворенной клетки, на каких только новорожденных не наглядделась Мегра. Ее собственные родители — люди старомодные — захотели немногого: кобальтоглазую куклу с силой дюжины-другой мужчин, чтобы могло дитяtko постоять в жизни за себя.

Однако, успешно постояв за себя восемнадцать лет, решила Мегра, что пришла пора внести свой вклад в сумму всеобщего дыхания. Чтобы стремиться к бесконечности, нужны двое, и Мегра для своего стремления выбрала цветистую романтику открытого пространства, ярмарки. Жизнь для нее и занятие, и религия, и она намерена во что бы то ни стало служить ей и дальше. Перед ней — месячные каникулы.

Все, что ей осталось сделать, — найти второго...

То Что Кричит В Ночи возвышает свой голос в тюрьме без решеток. Оно воет, кашляет и лает, лопочет, стелает. Оно заключено в серебряный кокон флукуирующей энергии, висящий в невидимой паутине силовых линий там, куда никогда не добrotься дневному свету.

Принц Который Был Тысячью щекочет его лазерными лучами, окатывает гамма-излучением, пичкает, меняя диапазон, инфра- и ультразвуком.

И оно замолкает, и на какой-то миг Принц поднимает голову от принесенного им с собой оборудования, его зеленые глаза расширяются, уголки тонких губ ползут было кверху — к улыбке, которая им никак не дается.

Оно опять начинает вопить.

Он скрежещет своими молочно-белыми зубами и отбрасывает за спину черный капюшон.

Его волосы — нимб червонного золота в полумраке Места Без Дверей. Он смотрит вверх на почти видимую форму, которая корчится среди света. Так часто

проклинал он ее, что его губы сами механически артикулируют все те же слова, которыми всегда сопровождает он свои неудачи.

Ибо десять столетий пытается он убить его, а оно все живет.

Скрестив на груди руки, он опускает голову и исчезает.

Что-то темное кричит среди света, среди ночи.

Мадрак опрокидывает кубок, в очередной раз наполняя их бокалы.

Врамин поднимает свой, оглядывает широкую эспланаду, раскинувшуюся перед павильоном, осушает бокал.

Мадрак опять подливает.

— Это не жизнь, и это нечестно.

— Но ведь ты никогда не поддерживал активно программу.

— Ну и что с того? Мною движет сиюминутное чувство.

— Чувство поэта...

Врамин поглаживает бороду.

— Я не способен на полную преданность чему или кому бы то ни было, — отвечает он.

— Соболезную, бедный Ангел Седьмого Поста.

— Этот титул миновал вместе с Постом.

— В изгнании аристократия всегда стремится подчеркнуть соответствующие ее рангу пунктики.

— Взгляни в темноте себе в лицо — что ты увидишь?

— Ничего.

— Совершенно верно.

— Но какая тут связь?

— Темнота.

— Не вижу никакой связи.

— Ну еще бы, жрец-воитель, так и должно быть в темноте.

— Перестань, Врамин, загадывать загадки. В чем дело?

— Почему ты искал меня здесь, на ярмарке?

— У меня с собой последние данные по населению. Я поражен — они, чего никогда не бывало, приближаются к мифической Критической Точке. Не хочешь ли посмотреть?

— Нет. Мне это ни к чему. Бог с ними, с данными, но выводы твои справедливы.

— Ты что, ощущаешь это благодаря своему особому восприятию — по приливам Силы?

Врамин кивает.

— Дай мне сигарету, — говорит Мадрак.

Жест Врамина — и у него между пальцев появляется горящая сигарета.

— На сей раз это что-то особенное, — говорит он. — Это уже не просто отлив потоков Жизни. Боюсь, что произойдет разрыв потоков.

— И как это проявится?

— Не знаю, Мадрак. Но я намерен оставаться здесь, лишь пока это не узнаю.

— Да? И когда ты отбываешь?

— Завтра вечером, хоть я и понимаю, что в очередной раз заигрываю с Черным Потоком. Уж лучше бы я написал что-либо о своей тяге к смерти, желательно пентаметрами.

— А кто-нибудь еще остается?

— Нет, кроме нас, на Блисе нет бессмертных.

— Не откроешь ли ты уходя дверь и для меня?

— Ну конечно.

— Тогда я остаюсь на ярмарке до завтрашнего вечера.

— Я бы настоятельно посоветовал тебе не ждать, а уйти прямо сейчас. Хочешь, открою дверь?

Еще один жест, и Врамин тоже затягивается сигаретой. Он замечает, что его бокал наполнен, и делает из него глоток.

— Уйти прямо сейчас было бы весьма мудро, — рассуждает он, — но сама по себе мудрость есть продукт знания; ну а знание, к несчастью, обычно является продуктом дурацких поступков. И вот, дабы увеличить сумму своих знаний и стать мудрее, останусь я здесь еще на день, чтобы увидеть, как все произойдет.

— Так ты ожидаешь, что завтра произойдет что-то из ряда вон выходящее?

— Да. Разрыв потоков. Я чувствую, что на подходе Силы. А совсем недавно что-то изменилось в том великом Доме, куда все движется.

— Тогда и я хочу приобрести эти знания, — говорит Мадрак, — поскольку затрагивают они бывшего моего господина Который Был Тысячью.

— Ты цепляешься за обветшалую преданность, могущественный.

— Может быть. Ну а какое же оправдание у тебя? Почему стремишься ты стать мудрее, такой ценою?

— Сама мудрость и есть конечная цель. Ну а кроме того, события эти могут стать источником великого искусства.

— Если смерть — источник великого искусства, я предпочитаю искусство поменьше. На мой-то взгляд, Принц просто должен знать о всем новом, что случается в Срединных Мирах.

— Я пью за твою преданность, старый дружище, хотя и считаю, что прежний наш господин ответствен — хотя бы отчасти — за теперешнюю неразбериху.

— Мне хорошо известно, как ты к этому относишься.

Поэт делает очередной глоток и опускает бокал. Глаза его становятся озерами одного цвета — зеленого. Исчезает и белок, окружавший зеленое колючко, и зрачок, в нем плававший. Теперь его глаза — словно бледные изумруды, и внутри каждого живет по желтой искорке.

— В качестве мага и провидца, — говорит он, и голос его становится далеким и безжизненным, — возвещаю, что только что прибыл на Блис предвестник хаоса. И еще возвещаю я, что грядет и другой, ибо слышу беззвучный стук подков во тьме и вижу невидимое, когда перескакивает оно со звезды на звезду гигантскими шагами. И сами можем мы быть втянуты в надвигающееся, хотя этого и не хотим.

— Где? И как?

— Здесь. И это не жизнь, это нечестно.

Мадрак кивает и говорит:

— Аминь.

Волшебник скрежещет зубами.

— Наша участь — быть свидетелями, — решает он, и глаза его горят адским пламенем, а костяшки пальцев белеют на серебряном набалдашнике его черной трости.

...Жрец-евнух высшей касты ставит свечи перед парой стоптанных башмаков.

...Пес треплет грязную рукавицу, знававшую не один лучший век.

...Слепые Норны бьют по крохотной серебряной наковаленке пальцами-киянками. На металле лежит отрезок голубого света. В зеркале оживают образы стоящего перед ним ничто.

Висит оно в комнате, никогда не знавшей убранства, висит на стене, покрытой темными гобеленами, висит перед Алой Ведьмой и ее пламенем.

Смотреть в него — все равно что заглядывать через окно в комнату, затянутую розовой паутиной, волнующей внезапным сквозняком.

Ее наперсник устроился у нее на правом плече, его голый хвост свисает, касаясь шеи, между ее грудей. Она гладит его по головке, и он виляет хвостом.

Она улыбается, и паутину потихоньку начинает сдувать. Вокруг нее пляшет пламя, но ничего не загорается.

И вот уже нет паутины, и глядит она на цвета Блиса.

Ну а если поточнее, смотрит она на высокого, обнаженного до пояса мужчину, который стоит в центре тридцатипятифутового круга, окруженного со всех сторон людьми.

У него широкие плечи и узкая талия. Он бос, на нем облегающие черные брюки. Он смотрит вниз. Волосы его песочного цвета, огромны мускулы рук, кожа бледна. Талию его стягивает широкий темный ремень со зловещим рядом заклепок на нем. Желтыми глазами смотрит он вниз, как пытается подняться лежащий на земле человек.

Человек этот широк в плечах, широк в груди, мощен торсом. Он приподнимается на одной руке. Борода скользит по его плечу, когда он закидывает голову назад, чтобы посмотреть вверх. Губы его шевелятся, но зубы крепко стиснуты.

Стоящий делает ногой почти осторожное движение и выбивает из-под него руку, на которую тот опирается. И упав лицом вниз, бородач больше не шевелится.

Чуть попозже в круг вступают двое и уносят прочь упавшего человека.

— Кто это? — пищит наперсник.

Красная Ведьма трясет, не отвечая, головой и смотрит дальше.

В круг вступает четырехрукий человек, его здоровенные косолапые ступни кажутся еще одной парой рук на конце кривых ног. На его теле нет ни волоска, весь он сияет и лоснится; приближаясь к стоящему в центре, он потихоньку пригибается, пока нижние его руки не начинают упираться в землю. При этом он выворачивает наружу колени и слегка откидывается назад, так что голова и плечи его остаются перпендикулярными земле, хотя на высоте уже всего футов трех от нее.

По-лягушачьи прыгнув вперед, он не достигает мишени, в которую целил, а получает вместо этого удар ладонью по загривку и еще один — в солнечное сплетение. Каждая рука описывает полукруг, и он переворачивается — голова, руки, руки, ноги — и рушится на землю. Но тут же припадает к ней, трижды вздымаются его бока, и он опять прыгает.

На сей раз высокий ловит его за лодыжки и держит вверх тормашками на расстоянии вытянутой руки от себя.

Но четырехрукий изгибается и хватает держащие его руки, а головой с размаху бьет соперника в живот. На голове у него появляется кровь, ибо попал он в заклепки на поясе, но высокий его не отпускает. Вращаясь на пятках, он начинает раскручивать человека-лягушку вокруг себя. Он все наращивает скорость и наконец крутится, как волчок. Лишь через минуту начинает он замедляться, и становится видно, что глаза четырехрукого закрыты. Тогда он опускает его на землю и тут же на него падает; пара неуловимых жестов, и он встает. Четырехрукий лежит не шевелясь. Вскорости уносятся и его.

Затем он побеждает еще троих, в том числе и Вилли-Чертополоха, трехчетвертного чемпиона Блиса, которому не помогают его механические клешни; и толпа сажает высокого человека себе на плечи, увенчивает его венком, несет на помост, где ему вручают за победу кубок и чек на изрядную сумму. Он не улыбается, пока его взгляд не падает на стоящую неподалеку Мегру из Калгана, и перекрестье светлого икса у нее на лбу слу-

жит прицелом для его взглядов, пока наконец не оказывается он способен — предварительно обувшись — последовать за ними и сам.

Она ждет этого.

Красная Ведьма всматривается в губы зевак.

— Вэйким, — говорит она наконец. — Они зовут его Вэйким.

— А почему мы следим именно за ним?

— Мне приснился сон, который я истолковала так: «Следи за местом, где сменяются потоки». Даже здесь, за пределами Срединных Миров, разум колдуньи по-прежнему связан с течениями и потоками Силы. Хотя я и не могу их сейчас использовать, я по-прежнему их воспринимаю.

— А почему этот... этот Вэйким... в месте смены?

— Это зеркало всеведуще, но бессловесно. Оно показывает все, но ничего не объясняет. Оно сориентировалось по моему сну, и мне остается только медитировать над увиденным, чтобы в нем разобраться.

— Он силен и очень, очень быстр.

— Да, я не видела подобных ему с того самого времени, когда солнцезлазый Сет пал перед Крушащим Солнца Молотом в битве с Безымянным. Вэйким нечто большее, чем кажется он этой толпе или девчонке, к которой он сейчас направляется. Смотри, я все осветляю и осветляю зеркало. И не нравится мне черная аура, что разлита вокруг него. Это из-за него — и из-за него тоже — был нарушен мой сон. Нужно проследить за ним. Мы должны узнать, что он собой представляет.

— Он возьмет девчонку за гору, — говорит наперсник, тыкаясь холодным носом ей в ухо. — О, давай посмотри!

— Хорошо, — говорит Ведьма, и наперсник ее виляет хвостом и хватается передними лапками за свою кудрявую голову.

Человек стоит посреди окруженного розовой живой изгородью и заполненного цветами всех цветов пространства. Есть тут и скамьи, и стулья, найдется ложе-другое, стол, шпалера розовых кустов — все это под огромным зеленым зонтичным деревом, что застит небо. Воздух заполнен благоуханием, ароматами цветов, про-

сачиваются сквозь него и отголоски музыки. Бледные огоньки проплывают среди ветвей дерева. Крохотный возбуждающий фонтанчик поблескивает рядом со столом у ствола дерева.

Девушка закрывает калитку в ограде. Снаружи загорается надпись «Не беспокоить». Она подходит к мужчине.

— Вэйким, — говорит она.

— Мегра, — отвечает он.

— Знаешь ли ты, почему я попросила тебя прийти сюда?

— Это же сад любви, — говорит он, — и мне кажется, что я разбираюсь в местных обычаях...

Она улыбается, снимает с груди бретельки, вешает их на розовый куст и кладет руки ему на плечи.

Он пытается притянуть ее к себе, но ему это не удается.

— Ты сильна, малышка.

— Я привела тебя бороться, — сообщает она.

Он косится на голубое ложе, потом смотрит на девушку, и в уголках его рта появляется улыбка.

Она медленно качает головой.

— Не так, как ты думаешь. Сначала ты должен победить меня в схватке. Мне не нужен обычный мужчина, чей хребет может не выдержать моих объятий. Ни к чему мне и тот, кто устанет через час или три. Мне нужен мужчина, чья сила текла бы рекою — бесконечно. Таков ли ты, Вэйким?

— Ты видела меня в схватке.

— Ну и что с того? Я сильнее всех мужчин, с которыми когда-либо встречалась. Ведь и сейчас, когда ты все сильнее и сильнее притягиваешь меня к себе, у тебя ничего не выходит.

— Я боюсь причинить тебе боль, детка.

В ответ она смеется и сбрасывает его руку со своего запястья, ныряет под нее, хватая его за бедро — та разновидность *наге-ваза*, что называется *ката-гарума*, — и швыряет его через весь сад любви.

Он поднимается на ноги и поворачивается к ней. Затем стягивает через голову свою рубашку, которая была белой. Он встает на цыпочки и вешает ее на ветку дерева.

Она подходит к нему вплотную.

— Теперь ты будешь бороться со мной?

В ответ он срывает с куста розу и протягивает ей.

Она отводит локти далеко назад, сжимает кулаки. Затем обе ее руки устремляются вперед, и, вращая кулаками, она наносит ими два удара-близнеца ему прямо в живот.

— Тебе, похоже, не нужен цветок, — роняя его, с трудом выдавливает из себя Вэйким.

Ее глаза мечут синие молнии, когда она наступает на розу.

— Теперь ты будешь бороться со мной?

— Да, — говорит он. — Я научу тебя захвату, который называется «Поцелуй».

И он сжимает ее в своих могучих объятиях, тесно прижимая к себе. Он находит ее рот, хотя она и отворачивает лицо; он выпрямляется и отрывает ее от земли. Она не может вздохнуть в его объятиях, не может высвободиться из них; и поцелуй длится, пока силы не начинают оставлять ее, и он несет ее к ложу и укладывает на него.

Повсюду розы, розы, музыка, движущиеся огоньки — и один сломанный цветок.

Красная Ведьма тихо плачет.

Ее наперсник ничего не понимает.

Ну да скоро поймет.

Зеркало заполняют мужчина на женщине, женщина под мужчиной.

И видны в нем движения на Блисе.

Интерлюдия в Доме Жизни

Озирис сидит в Доме Жизни, потягивая кроваво-красное вино. Вокруг него в воздухе разлито зеленое свечение, и не отыщешь здесь и намека на что-либо холодное или резкое. Сидит он в Зале Ста Гобеленов, и вовсе не видно за оными стен. Пол устлан тканью — толстой, мягкой, золотистой.

Он отставляет пустой бокал и встает. Пересекая Зал, подходит к зеленому гобелену, отодвинув его, заходит в открывшийся за ним застенок. Нажимает на три координатные кнопки в стене и, отодвинув вновь гобелен, выходит в комнату, расположенную в 348 милях к юго-юго-западу от Зала Ста Гобеленов на глубине 78544 футов.

Комната погружена в полутьму, но и здесь чувствуется присутствие зеленого свечения.

На полу, скрестив ноги, сидит человек в красной набедренной повязке и, кажется, не замечает вошедшего. Его спина согнута, и он не шевелится. Тело у него нормально сложенное, гибкое, мускулатура как у пловца. Волосы густые, очень темные, но все же еще не черные. Светлая кожа. Он наклонился вперед и вроде бы не дышит.

Внезапно напротив него появляется еще один человек, он сидит в той же позе и одет точно так же. Его фигура, волосы, мускулатура — те же самые. Во всех отношениях он тот же, и он отрывает свои темные глаза от крохотного желтого кристалла, который перед тем созерцал. Он смотрит вверх и видит птичью голову Озириса — оранжево-зеленую, желто-черную; глаза его

расширяются, когда он произносит: «Опять получилось», и сидящий к Озирису спиной исчезает.

Его двойник берет кристалл и прячет его в подвешенный к поясу матерчатый футляр.

— Девятисекундная fuga, — говорит он.

— Это твой рекорд? — спрашивает Озирис, и звучит его голос, как скрипучая пластинка, проигрываемая на слишком большой скорости.

— Да, отец.

— Ты еще не можешь ею управлять?

— Нет.

— А сколько на это уйдет еще времени?

— Кто знает? Ишибока говорит, что, быть может, пара-другая столетий.

— И ты станешь мастером?

— Заранее никто не поручится. Во всех мирах не наберется и трех десятков мастеров. Чтобы достичь нынешнего уровня, мне понадобилось два века, и лишь менее года тому назад появились первые результаты. Конечно, когда сила обретена, она продолжает расти сама собой...

Озирис качает головой и делает шаг вперед, кладет руку ему на плечо.

— Гор, сын мой и мститель, я хочу, чтобы ты сделал для меня кое-что. Лучше бы ты был мастером fugи, ну да это не обязательно. Чтобы выполнить это задание, вполне можно обойтись и твоими способностями.

— Что же это за задание, отец?

— Твоя мать, желая вновь добиться моего расположения и вернуться из изгнания, сообщила мне кое-какую новую информацию об активности моего коллеги. Похоже, что Анубис послал в Срединные Миры нового эмиссара; без сомнения, чтобы обнаружить нашего старинного врага и уничтожить его.

— Ну и хорошо, — кивает Гор, — если он преуспевает. Я, правда, в этом сомневаюсь, ибо все предыдущие его посланцы каждый раз терпели неудачу. Сколько он их уже послал? Пятерых? Шестерых?

— Шестерых. Этот, которого он окрестил Вэйкимом, — седьмой.

— Вэйким?

— Да, и эта сука говорит, что он — нечто особенное.

— То есть?

— Возможно, что шакал потратил целую тысячу лет, натаскивая его ради этой цели. Может быть, что он столь же искусен в бою, как и сам Мадрак. И похоже, что он носит особый знак, которого не было ни у кого из предыдущих. Не исключено, что ему дозволено черпать энергию прямо из поля.

— Хотел бы я знать, как пес до этого додумался? — улыбаясь, спрашивает Гор.

— Похоже, что он изучил приемы, которые используют против нас бессмертные.

— Так что же ты хочешь, чтобы я сделал? Помог ему против твоего врага?

— Нет. Я пришел к выводу, что тот из нас, кто преуспеет в уничтожении Принца Который Был Тысячью, завоюет поддержку его падших Ангелов, которые числятся ныне среди бессмертных. Остальное ясно. Тот, кто не преуспеет, направлен будет, вне всякого сомнения, рукою своих сотоварищей в Дом Мертвых. Сейчас подходящий момент. Позабыты бывшие узы верности. Я уверен, все с облегчением примут одного нового правителя, того, кто положит конец их изгнанническому прозябанию. А с поддержкой бессмертных один из Домов сможет добиться господства.

— Я уловил ход твоих рассуждений, отец. Вполне вероятно, что они справедливы. Ты поручаешь мне отыскать Принца Который Был Тысячью и убить его во имя Жизни?

— Да, мой мститель. Как тебе кажется, ты справишься с этим?

— Меня смущает, что ты задаешь подобный вопрос, зная о моей силе.

— Принц не будет легкой добычей. На что он способен, так, по сути дела, и неизвестно, и я не могу сказать тебе, ни как он выглядит, ни где бывает.

— Я разыщу его. Я его прикончу. Но может, мне для начала лучше убрать этого Вэйкима?

— Нет! Он сейчас на Блисе, где вот-вот разразится чума. Не связывайся с ним, Гор! По крайней мере, пока я тебе не скажу. У меня по отношению к нему какое-то странное чувство. До того, как разрешить подобную попытку, я должен разобраться, кем он был раньше.

— Но почему, могущественный? Разве это имеет какое-то значение?

— Возвращаются, смущая меня, воспоминания о днях более древних, нежели ты, но должны они остаться невысказанными. Ни о чем меня больше не спрашивай.

— Хорошо.

— Твоя шлоха-мать просила меня изменить мои планы касательно Принца. Если тебе случится повстречать ее в своих странствиях, не позволяй смутить себя призывами к снисходительности. Принц должен умереть.

— Она хочет, чтобы он жил?

Озирис кивает.

— Да, она к нему очень благоволит. Быть может, она проинформировала нас о Вэйкиме только для того, чтобы спасти от него Принца. Она пойдет на любую ложь, лишь бы добиться своего. Смотри не попадись на доверчивости.

— Постараюсь.

— Тогда я отправляю тебя, Гор, мой мститель и сын, как первого посланника Озириса в Срединные Миры.

Гор склоняет голову, и Озирис, на миг расстрогавшись, возлагает на нее руку.

— Считай, что он уже мертв, — медленно произносит Гор, — ибо разве не я уничтожил самого Стального Генерала?

Озирис не отвечает, ибо и он тоже уничтожил однажды Стального Генерала.

Темна лошадиная тень

В Тронном Зале Дома Мертвых на стене позади трона Анубиса лежит огромная тень. Она вполне сошла бы за украшение — вырезанное или нарисованное, — не будь ее чернота столь абсолютной, словно содержащей внутри себя некую бездонную глубину. И к тому же она не совсем неподвижна.

Это тень чудовищной лошади, и сверкающие огнем по обеим сторонам от трона жаровни ничего не могут поделаться с ней своим трепещущим светом.

И нечему в Тронном Зале Дома Мертвых отбрасывать подобную тень, но, будь у тебя в этом Зале уши, услышали бы они тихое дыхание. И с каждым выдохом понижается пламя, потом вспыхивает вновь.

Медленно движется она по Залу и наконец возвращается, чтобы остаться на троне, целиком закрывая его от твоих глаз, будь у тебя там таковые.

Движется она бесшумно, меняясь в размерах, меняя форму. У нее есть и грива, и хвост, и четыре ноги — с копытами, судя по контуру.

Вновь разносится звук — вдохи и выдохи, — словно работают мощные органные мехи.

Она встает на дыбы, на задние ноги, словно человек, и передние ее ноги отбрасывают на трон тень в виде наклоненного креста.

Вдалеке раздаются звуки шагов.

Когда входит Анубис, по Залу проносится могучий порыв ветра и кто-то, фыркнув, хихикает.

И все погружается в безмолвие; собакоголовый смотрит на тень перед своим тронном.

Смена потока

Вслушайся в звуки Блиса: сегодня на Ярмарке Жизни вопли.

На постоялом дворе обнаружено распухшее тело.

Когда-то оно было мужчиной. Теперь же это просто испещренный пятнами мешок, лопнувший уже в десятке мест и сочащийся через эти прорехи зловонной жижей. Из-за запаха его и обнаружили.

Завопила горничная.

Набежала толпа.

Видишь, как они толкуются, задавая друг другу вопрос, на который не могут ответить?

Они забыли, что надо делать перед лицом смерти. Но подавляющее большинство очень скоро этому научится.

Сквозь толпу зевак проталкивается Мегра из Калгана.

— Я нянечка, — говорит она.

Они дивятся ее поведению, ведь нянечки должны иметь дело с детишками, а не с вонючими трупами.

Рядом с нею идет высокий мужчина, он ничего не говорит, и толпа словно не существует для него.

Коротышка в соломенной шляпе уже успел натянуть вокруг места происшествия веревку и начинает продажу билетов желающим пройти мимо останков. Мегра просит высокого мужчину, а зовут его Вэйким, остановить представление. Вэйким вдребезги разносит машину-контролера и прогоняет коротышку.

— Он мертв, — говорит Мегра, глядя на тело.

— Конечно, — подтверждает Вэйким, который, проведя тысячу лет в Доме Мертвых, неплохо разбирается в подобных материях. — Давай накроем его простыней.

— Я не знаю болезни, от которой бы так умирали.

— Значит, это новая болезнь.

— Надо что-то сделать. Если она заразна, может начаться эпидемия.

— И начнется, — говорит Вэйким. — Люди будут умирать быстро, ибо распространится она стремительно. Так много людей теснится на Блисе, что этого не предотвратить. Даже если противоядие будет обнаружено в ближайшие же дни, все равно население уменьшится в десятки раз.

— Нужно изолировать тело, мы должны отправить его в ближайший Родильный Центр.

— Если хочешь...

— Как ты можешь быть таким бесчувственным перед лицом трагедии?

— Смерть не трагична. Может быть, патетична, но никак не трагична. Давай прикроем его простынями.

Она отвешивает ему пощечину, звук от которой разносится по всему павильону, и отворачивается от него. На стене она ищет глазами кольцо связи, но когда она делает к нему шаг, одноглазый мужчина во всем черном заступает ей путь.

— Я уже вызвал ближайший центр. Аэрокар уже в пути, — говорит он.

— Благодарю тебя, Отец. Ты не мог бы убрать отсюда всех этих людей? Тебя они послушают скорее, чем кого-либо другого.

Он кивает. Вэйким прикрывает тело. Мегра опять поворачивается к нему, пока одноглазый убеждает толпу разойтись, и подчиняются потихоньку зеваки его словам и посоху.

— Как можешь ты так легко относиться к смерти? — спрашивает она Вэйкима.

— От нее же никуда не денешься, — отвечает он. — Она неизбежна. Я же не оплакиваю опадающий лист или разбивающуюся о берег волну. Я не скорблю по падающей звезде, когда она сгорает в небе. К чему скорбь?

— Но это все не живое.

— Не жив и человек, когда вступает он в Дом Мертвых, а ведь все приходят туда.

— Так было когда-то. Уже много веков никто с Блиса не приходил туда. Когда жизнь подходит к концу, это всегда трагедия.

— Не так уж и отличаются жизнь и смерть.

— Ты — просто выродок, — заявляет она и отвешивает ему еще одну пощечину.

— Это оскорбление или диагноз? — спрашивает он.

Тут с другого конца Ярмарки доносятся новые крики.

— Пошли скорее, мы должны помочь, — говорит она и делает шаг.

— Нет!

Он хватается ее за руку.

— Пусти меня!

— Боюсь, что не сделаю этого. Незачем нести караул у каждого нового трупа. Ты лишний раз подвергнешься риску — и только. Я не хочу терять только-только приобретенного партнера — такого, как ты. Я заберу тебя обратно в сад, там вдоволь еды и питья, мы вывесим надпись «Не беспокоить» и будем ждать, как развернутся события.

— И будем миловаться, пока мир умирает? Ты бессердечен!

— Разве ты не хочешь хотя бы отчасти компенсировать уходящую жизнь?

Она бьет его свободной рукой, и он падает на одно колено и прикрывается рукой.

— Отпусти меня! — кричит она.

— Да, пусть леди идет, куда пожелает.

В павильоне еще двое. Слова эти произнес жрец-воитель Мадрак, он остался после того, как толпа разошлась. Рядом с ним стоит теперь зеленый волшебник, известный смертным под именем Врамин.

Вэйким поворачивается к ним.

— Кто ты такой, — спрашивает он, — чтобы давать мне указания?

— Меня зовут Мадрак и часто называют Могучим.

— Меня это не касается. А свои указания оставь при себе. Уходи.

Он ловит вторую руку Мегры и после короткой борьбы поднимает ее на руки.

— Предупреждаю тебя, отпусти леди.

И Мадрак поднимает перед собой свой посох.

— Уйди с дороги, Мадрак.

— Должен предупредить тебя, пока ты не зашел слишком далеко, что я — бессмертный, и сила моя прославлена по всем Срединным Мирам. Не кто иной, как я, уничтожил кентавра Даргота, низринув его в Дом Мертвых. До сих пор поются песни об этой битве, длившейся день, и ночь, и еще целый день.

Вэйким ставит Мегру на ноги и отпускает ее.

— Да, это меняет дело, бессмертный. Я вернусь к девушке чуть попозже. Скажи мне теперь, ты противник владычества Дома Жизни и Дома Мертвых?

Мадрак покусывает краешек бороды.

— Да, — отвечает он наконец. — А тебе какое дело?

— Я собираюсь уничтожить тебя — да и твоего дружка тоже, если числится он среди двухсот восьмидесяти трех бессмертных.

Волшебник улыбается и раскланивается.

Мегра выскальзывает из павильона.

— Леди сбежала от тебя, — комментирует Врамин.

— Ничего, я верну все на круги своя.

И, подняв левую руку, Вэйким шагает к Мадраку.

Мадрак начинает крутить в руке свой посох, и тот постепенно становится почти невидимым. Тогда он наносит удар.

Вэйким уклоняется от первого удара, но второй попадает ему по плечу. Он пытается поймать посох, но ему это не удается. Он получает еще один удар. Он пытается сблизиться с Мадраком, но остановлен горизонтальным мулине поперек груди. Тогда он отступает, начинает, пригнувшись, обходить соперника, оставаясь вне пределов досягаемости его посоха.

— Как это тебе удастся удерживаться на ногах? — спрашивает Врамин; покуривая, он стоит в стороне.

— Я не могу упасть, — отвечает Вэйким.

Он опять делает выпад и вновь отброшен назад.

Теперь уже Мадрак раз за разом идет в атаку, но каждый раз Вэйким уклоняется от удара и пытается перехватить посох.

Наконец, Вэйким останавливается и отступает на несколько шагов.

— Хватит дурачиться! Время уходит, и мне все труднее будет разыскать девушку. Ты ловко управляешься со своей палкой, жирный Мадрак, но теперь и она тебе не поможет!

И, слегка наклонив голову, Вэйким исчезает прямо там, где стоял, и Мадрак лежит на земле, а перед ним — его сломанный посох.

Вэйким стоит теперь рядом с ним с поднятой, словно после нанесенного удара, рукой.

Поэт роняет свою сигарету, и трость подскакивает у него в руке, описывая вокруг кольцо зеленого пламени. Вэйким оборачивается к нему.

— Фуга! — восклицает Врамин. — Настоящий мастер фуги! Причем направленной в будущее! Кто ты такой?

— Меня зовут Вэйким.

— Откуда ты знаешь точное число бессмертных, двести восемьдесят три?

— Я знаю то, что знаю, и это пламя не спасет тебя.

— Может, нет, а может, да, Вэйким. Но я не противник владычества Дома Жизни и Дома Мертвых.

— Ты бессмертный. Само твое существование опровергает твои слова.

— Я слишком беспристрастен, чтобы сопротивляться чему-либо из принципа. Моя же жизнь — это совсем другое дело, — и его глаза вспыхивают зеленым огнем. — Прежде чем ты попытаешься обратить свою силу против меня, Вэйким, знай, что уже слишком поздно...

Он поднимает трость.

— Тебя послали либо пес, либо птица, и нет никакой разницы, кто именно...

Вверх фонтаном взлетают зеленые искры, заполняют весь павильон.

— Я знаю, ты не просто предвозвестник чумы. Ты слишком одарен, ты по меньшей мере посланник...

Павильон вокруг них исчезает, и они стоят теперь на открытом воздухе в самом центре Ярмарки.

— Знай же, что до тебя были и другие, и все они потерпели неудачу...

Зеленый луч срывается с трости и сигнальной ракетой прочерчивает небосклон.

— И двое из них пали от руки того, кто приближается сейчас...

Свет в вышине не исчезает, пульсирует.

— Смотри же на того, кто является на сцену среди хаоса, на того, чья холодная металлическая рука подерживает слабых и угнетенных.

Он грядет, скачет с небес верхом на огромном звере из полированного металла. Зверь этот о восьми ногах, и копыта его — бриллианты. Он замедляется с каждым скачком, ибо каждый новый его шаг вдвое короче предыдущего.

— Его зовут Стальной Генерал, и он тоже мастер фуги, Вэйким. Он откликнулся на мой сигнальный огонь.

Вверх смотрит Вэйким и видит того, кто был когда-то человеком. Благодаря то ли магии Врамины, то ли собственному предчувствию, знает он, что будет это для него первое настоящее испытание на всей его тысячетлетней памяти.

Зеленое пламя падает теперь на Мадрака, он шевелится и со стоном встает.

Восемь бриллиантов касаются земли, и до Вэйкима доносятся издали звуки банджо.

Красная Ведьма вызывает Колесницу Десяти и приказывает подать себе золотой плащ. Сегодня направляется она через все небо — в Кольцо, в середине которого движутся Миры.

Сегодня направляется она через все небо, чтобы со свойственной ей неистовостью показать...

Там, в мирах Жизни и Смерти, в хорошо ей знакомых мирах.

И вот одни говорят, что ее имя — Милосердие, другие — Вождение. Ее потаенное имя — Изидда. Ее потаенный дух — прах.

...Жрец-евнух высшей касты ставит свечи перед парой стоптанных башмаков.

...Пес треплет грязную рукавицу, знававшую не один лучший век.

...Слепые Норны бьют по крохотной серебряной наковаленке пальцами-киянками. На металле лежит отрезок голубого света.

Обитель сокровенного желания

Принц Который Был Тысячью прогуливается у моря и под морем. Второй разумный обитатель мира, по которому он прогуливается, так и не знает, создал Принц этот мир или только открыл его. И в самом деле, никогда нельзя быть уверенным, что именно делает мудрость: порождает нечто или только его обнаруживает; ну а Принц, без сомнения, мудр.

Он идет берегом. В семи шагах у него за спиной проступают на песке следы его ног. Высоко над головой висит моресвод.

Море висит у него над головой, поскольку нет у моря выбора. Мир, по которому прогуливается Принц, устроен так, что когда приближаешься к нему с любой стороны, кажется, что нет в нем ни клочка суши, ни кусочка тверди. Если же, однако, нырнуть, погрузиться достаточно глубоко в окружающее этот мир море, то вынырнешь на морском дне в верхние слои атмосферы. Спускаясь дальше, доберешься и до суши. Прогуливаясь по ней, наткнешься и на другие водоемы, водоемы, окруженные сушей, под морем, что висит в небе.

Открытое море протекает примерно в тысяче футов над головой. У дна плавают светящиеся рыбы, напоминающая изменчивые созвездия. А внизу, на суше все полно отблесков.

Говаривали, что мир наподобие безмянного этого места с морем вместо небес не может, по всей вероятности, существовать. Говорившие явно ошибались. Достаточно постулировать существование бесконечности, остальное приложится.

Принц Который Был Тысячью находится в совершенно исключительном положении. Помимо всего прочего, он — телепортист, а это еще более редкое явление, чем мастер фуги времен. Очень редкое явление: по правде, он — единственный его образец. Он может переносить себя — причём мгновенно — в любое место, какое только сможет реально себе представить.

А воображение у него очень живое. Допустим, что всякое место, о котором ты можешь помыслить, существует где-то в бесконечности. Так вот если Принц тоже способен о нем помыслить, то он способен его также и посетить. Ну а далее некоторые теоретики утверждают, что визуализация Принцем определенного места и самовозволение в него — это на самом деле акт творения. Никто не знал прежде об этом месте, и если Принц способен его отыскать, то, возможно, он просто дает ему стать. Тем не менее постулируй бесконечность, остальное приложится.

У Принца нет ни малейшей идеи касательно того, где и как расположен этот безымянный мир по отношению к остальной Вселенной. И его это не волнует. Он может прийти и уйти когда захочет, взяв с собой кого пожелает. Но пришел он, однако, один, ибо хочет навестить свою жену.

Он стоит у моря, под морем и выкликает ее имя, Нефтида, и ждет, пока не прилетит к нему над водой ветерок, не коснется его, не назовет его имя.

Тогда склоняет он чело и чувствует, что вокруг кто-то есть.

— Как поживает мир с тобой, любимая? — спрашивает он.

И пронизывает воздух всхлипывание, нарушает монотонную круговерть бурунов.

— Хорошо, — приходит ответ. — Ну а ты, мой господин?

— Буду правдив, а не вежлив — так себе.

— Оно все кричит по ночам?

— Да.

— Я думала о тебе, когда струилась и веяла. Я надедала птиц, чтобы не так одиноко было мне в воздухе, но крики их либо пронзительны, либо печальны. Ну так что же сказать мне тебе, чтобы быть более вежливой, чем

правдивой? Что не сыта я по горло этой жизнью, которая и не жизнь вовсе? Что не сохну от желания вновь стать женщиной, а не дыханием, цветом, движением? Что не жажду вновь дотронуться до тебя, почувствовать еще раз твое прикосновение к моему телу? И чтобы все эти глаголы из метафор стали реальностью? Тебе ведомо все, что могу я сказать, но — увы — ни один из богов не обладает всемогуществом. Я не буду ныть, мой господин, однако боюсь я безумия, которое иногда меня посещает, — ты не знаешь, как это угнетает, — никогда не есть, никогда не спать, никогда не притронуться ни к чему твердому. Сколько уже минуло времени?..

— Много веков.

— ...Я знаю, что все жены по отношению к своим мужьям порядочные суки, и прошу у тебя прощения. Но кому еще могу я поскулить, кроме тебя?

— Все правильно, моя Нефтида. Если бы я только мог вновь воплотить тебя; ты же знаешь, мне тоже очень одиноко. И я пытался.

— Да. Покончив с Тем Что Кричит, ты накажешь Озириса и Анубиса?

— Конечно.

— Прошу, не уничтожай их сразу, вдруг они могут помочь мне. Обещай им снисхождение, если они вернут меня тебе.

— Может быть.

— Ибо мне так одиноко. Мне хотелось бы уйти отсюда.

— Чтобы сохранить тебя в живых, тебя нужно окружить со всех сторон водой. Чтобы тебя занять, нужен целый мир.

— Знаю, знаю...

— Если бы Озирис не был так чертовски мстителем, все могло сложиться совсем по-другому. Ну а теперь, ты же понимаешь, мне не остается ничего другого, кроме как убить его, когда разрешится вопрос с Бзымянным.

— Да, я знаю и принимаю. Но что с Анубисом?

— Время от времени он пытается убить меня, это все ерунда. Может статься, я прошу его. Но не моего птицеголового Ангела. Этого — никогда.

Принц Который Был (среди прочего) Королем садится на камень и смотрит на морской простор, потом вверх, на морское дно. Над ним лениво перемещаются огоньки. Высокие горы суют свои носы в океанские глубины. Бледный рассеянный свет царит здесь, приходит со всех сторон. Принц бросает плоский камешек, и тот исчезает, подпрыгивая на мерно катящихся волнах.

— Расскажи мне снова о днях битвы тысячу лет назад, — говорит она, — о днях, когда пал тот, кто был тебе сыном и отцом, величайший воитель, какой только вступался когда-либо за шесть людских рас.

Принц безмолвствует, глядя на океан.

— Зачем? — спрашивает он.

— Каждый раз, когда ты рассказываешь об этом, ты воодушевляешься на новые действия.

— ...Ведущие к новым неудачам, — заканчивает Принц.

— Расскажи, — говорит она.

Принц вздыхает, и рокоцут над ним небеса, где плавают светлые рыбы с прозрачными животами. Он протягивает руку, и камешек выпрыгивает из моря обратно в нее. К нему ластится ветерок.

Он начинает говорить.

Ангел Дома Огня

Вверх смотрит Анубис и видит смерть.

Смерть — это черная лошадиная тень, хотя и нет тут лошади, чтобы тень отбрасывать.

Вцепившись обеими руками в свой жезл, смотрит Анубис.

— Привет тебе, Анубис, Ангел Дома Мертвых, — раздаётся глубокий, звучный голос, наполняя собой весь Зал.

— Привет, — негромко произносит Анубис, — Хозяин Дома Огня — которого больше нет.

— Здесь тоже многое переменилось.

— Ведь прошло немало времени.

— Весьма.

— Могу ли я поинтересоваться твоим нынешним состоянием здоровья?

— Оно, как всегда, неизменно.

— Могу ли я поинтересоваться, что привело тебя сюда?

— Да. Можешь.

Пауза.

— Я думал, ты мертв, — говорит Анубис.

— Знаю.

— Я доволен, что ты как-то пережил тот смертоносный удар.

— Я тоже. Много веков ушло у меня на возвращение из тех мест, куда меня закинуло такое идиотское применение Молота. Я, как ты знаешь, убрался из странства за миг до того, как нанес Озирис удар, круша-

щий солнца. И отбросило меня много дальше, чем я думал, в места, которым и в которых нет места.

— И что же ты делал все это время?

— Возвращался.

— Из всех богов только ты один, Тифон, способен пережить подобный холокост.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сет-Разрушитель, твой отец, погиб в этой бойне.

— Ай!

Анубис затыкает уши, зажмуривается, жезл падает у него из рук на пол. Поистине леденящий душу крик заполняет Зал, наполовину человеческий, наполовину животный, и обе эти составляющие терзают Анубиса, как бы он ни затыкал себе уши.

Постепенно наступает гробовая тишина, и Анубис открывает глаза и опускает руки. Тень теперь меньше — и ближе.

— Как я понимаю, Безымянное тоже было тогда уничтожено?

— Не знаю.

— Ну а что с твоим господином, как Тот?

— Он сложил с себя полномочия Владыки Жизни и Смерти и удалился из Срединных Миров.

— Мне в это не верится.

Анубис пожимает плечами.

— Это реальность — жизни и смерти.

— С чего бы это ему так поступать?

— Не знаю.

— Я хочу встретиться с ним. Где его найти?

— Не знаю.

— Не много от тебя толку, Ангел. Скажи мне теперь, кто заправляет делами в отсутствие моего брата — твоего господина?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Ну-ну, псоглавец, по-моему, ты прожил достаточно долго, чтобы понять этот простенький вопрос. Кто контролирует нынче потоки Силы?

— Дом Жизни и Дом Мертвых, кто же еще?

— Ах, «кто же еще», вот как! Ну и кто же правит нынче Домом Жизни?

— Озирис, конечно.

— Ясно...

Тень опять становится на дыбы, увеличивается.

— Псоглавец, — говорит Тифон, тень вздыбленной лошади, — я подозреваю заговор, но никогда не убиваю я лишь по подозрению. Но я чувствую, что не все здесь чисто. Мертв мой отец и, быть может, взывает к отмщению, а если зло причинили и моему брату, то и от этого воспламенится кровь. Тебе пришлось отвечать на мои вопросы быстро, заранее их не обдумав, и ты, быть может, сказал больше, чем хотел. Теперь послушай меня. Я знаю, что ты боишься меня больше всего на свете. Ты всегда боялся лошадиной тени — и был прав. Если тень эта упадет на тебя, Ангел, ты перестанешь существовать. Окончательно и бесповоротно. А она на тебя упадет, если имел ты какое-то отношение к тому, что мне не по нраву. Ты понял меня?

— Да, могущественный Тифон. Ты — единственный бог, которому я поклоняюсь.

И вдруг с воем прыгает вперед Анубис, и уздечка сверкает в его правой руке.

Тень копыта скользит рядом с ним, и падает он на пол. Тень ложится на сверкающую серебром уздечку, и та исчезает.

— Анубис, ты глупец! Почему хотел ты обуздать меня?

— Потому что боюсь я тебя, боюсь за свою жизнь, Господин!

— Не вставать! Не шевелись — или обратишься в ничто! С чего бы тебе бояться меня, если ты не виновен?

— Я не виновен! Я просто боялся, что ты начнешь действовать, не разобравшись. Я не хочу обращаться в ничто. Я хотел обуздать тебя из соображений самозащиты — чтобы сдержать тебя, пока ты не узнаешь все факты. Ибо согласен, на первый взгляд я и в самом деле могу показаться виновным.

Тень шевелится и падает на вытянутую правую руку Анубиса. Рука иссыхает, скрючивается.

— Никогда не сумеешь ты заменить руку, которую дерзнул поднять на меня, Шакал! Пересаживай, прививай новые руки — и все они тут же отсохнут. Приделай металлическую руку — и она не будет тебя слушаться. За твою злокозненность оставляю я тебе только левую руку. Я устанавливаю факты — все факты — лично. И если

окажется, что ты виновен, а теперь я думаю, что так оно и есть, стану я сразу и обвинителем, и судьей, и палачом. И ни серебряной уздечке, ни золотым поводьям не сдержат Тифона, да будет тебе известно. И знай, что если целиком пройдет по тебе моя тень, не останется от тебя даже пыли. Я скоро вернусь в Дом Мертвых, и, если что-нибудь окажется не так, править здесь станет новая шавка.

По контуру тени начинает разгораться пламя. Тень встает на дыбы, словно собираясь ударить еще раз, ярко вспыхивает огонь, и Анубис остается один, простершись на полу своего Тронного Зала.

Он медленно встает и подбирает левой рукой жезл. Алый язык вываливается у него из пасти, и он, пошатываясь, ковыляет к своему трону. В воздухе возникает широкое окно, и через него смотрит Анубис на Повелителя Жизни.

— Озирис! — говорит он. — Дьявол жив!

— О чем ты? — раздается в ответ.

— Сегодня на меня упала тень лошади.

— Мда, неприятно. Особенно теперь, когда ты послал своего очередного эмиссара.

— Откуда ты знаешь об этом?

— У меня есть свои источники. Но и я сам поступил так же — впервые — и послал своего сына, Гора. Надеюсь, что я успею отозвать его вовремя.

— Да. Мне он всегда был по душе.

— Ну а твой посланник?

— Я не буду отзывать его. Много бы я дал, чтобы посмотреть, как Тифон попытается его уничтожить.

— Этот твой Вэйким — кто он на самом деле? Кем он был?

— Это мое дело.

— Если — не знаю как — он все же тот, кем, я подозреваю, он может быть, — ты знаешь, что я имею в виду, — отзови его, пес, или между нами никогда не будет мира — если мы оба выживем.

Анубис хмыкает.

— А когда-то он был?

— Нет, — говорит Озирис, — по правде — нет.

— Но Принц впервые высказал в наш адрес угрозу, он грозитя положить конец нашему владычеству.

— Да, и с тех пор минуло уже двенадцать лет, пора начинать действовать. По его словам, у нас в запасе еще века, пока он не выступит против нас. Но выступит он наверняка, ибо всегда держит свое слово. Хотя... Кто знает, что у него на уме?

— Ну уж не я.

— А что у тебя с правой рукой?

— На нее пала тень.

— И мы оба пройдем тем же путем — под тень, — если ты не отзовешь своего посланника. Тифон полностью меняет всю картину. Нам нужно войти в контакт с Принцем, попробовать договориться с ним, умиротворить и задобрить его.

— Слишком он умен, чтобы купиться на лживые посулы, и ты недооцениваешь Вэйкима.

— Нам, может, и в самом деле стоит заключить с ним сделку — не восстанавливая его положения, конечно...

— Нет! Мы победим!

— Докажи это — замени свою руку другой, работающей!

— Хорошо.

— Пока, Анубис, и не забудь, что даже фута бес- сильна против Ангела Дома Огня.

— Знаю. Прощай, Ангел Дома Жизни.

— Почему ты величаешь меня былым моим титулом?

— Из-за твоей недостойной боязни, что все вернется на круги своя, как в стародавние дни, Озирис.

— Тогда отзови Вэйкима.

— Нет.

— Тогда до свидания, глупый Ангел, павший из павших.

— Пока.

И звезды заполняют окно, и сила плещет в нем, пока не закрывает его взмах левой руки меж пылающих жаровен.

Тихо в Доме Мертвых.

Зарисовки

...Жрец-евнух высшей касты ставит свечи перед парой стоптанных башмаков.

...Пес треплет грязную рукавицу, знававшую не один лучший век.

...Слепые Норны бьют по крохотной серебряной наковаленке пальцами-киянками. На металле лежит отрезок голубого света.

Явление Стального Генерала

Вверх смотрит Вэйким и видит Стального Генерала.

— Мне почему-то кажется, что я должен его знать, — говорит Вэйким.

— Ну да! — говорит Врамин, и его глаза и трость мечут зеленое пламя. — Все знают о Генерале, скачущем по свету в одиночку. Со страниц истории доносятся громовые удары копыт его боевого коня, Бронзы. Он летел с эскадрильей Лафайетта. Он прикрывал отступление в долине Джарамы. В лютую стужу помогал удерживать Сталинград. С горсткой друзей пытался захватить Кубу. И на каждом поле боя оставлял он свою частичку. В тяжелую пору жил он в Вашингтоне в палатке, пока другой знаменитейший генерал не попросил его уйти. Он был бит в Литл-Роке, а в Беркли ему плеснули в лицо кислотой. Он был внесен в черный список, поскольку состоял когда-то членом профсоюза. Кинули в Лету все дела, за которые он сражался, но умирала каждый раз с рождением и развитием этих дел его частичка. Кое-как пережил он свой век — с искусственными членами, искусственным сердцем и жилами, со вставными зубами и стеклянным глазом, со вставной челюстью и пластиковыми костями, с вживленными кусочками фарфора и проводами, — пока наконец наука не дошла до того, чтобы изготавливать подобные предметы много лучше их природных образцов — тех, какими наделен обычный человек. И заново перебрали его, заменили ему часть за частью, орган за органом, пока не превзошел он в следующем веке на голову любого человека из плоти и крови. И опять он сражался на стороне восставших, и

уничтожали его раз за разом в войнах; сначала — в тех, что вели колонии против материнской планеты, потом — в войнах отдельных миров против Федерации. Он всегда в каком-либо черном списке, но он играет себе на банджо, и ему на это наплевать, ибо он сам поставил себя вне закона, подчиняясь всегда его духу, а не букве. Много раз заменял он металлические свои части на плоть и однажды воплотился даже целиком, — но всегда прислушивается, не зазвучит ли вдали тревожный призыв рога, и вот уже, играя на банджо, устремляется он на помощь — и опять теряет свою человечность. Он поднял проигрышную карту со Львом Троцким, который поучал его, что писателям платят слишком мало; он делил товарный вагон с Вуди Гатри, который учил его своей музыке и поучал, что певцам платят слишком мало; он до поры до времени поддерживал Фиделя Кастро и узнал, что юристам платят слишком мало. Почти всегда его используют, обманывают, продают, но его это не волнует, ибо его идеалы важнее для него, чем сама плоть. Теперь же, конечно, дело Принца Который Был Тысячью весьма непопулярно. Из того, что ты говоришь, я заключаю, что если бы кто-то выступил против Дома Жизни и Дома Мертвых, его бы сочли сторонником Принца, которому, по правде говоря, не нужны никакие сторонники, — ну, да это не имеет значения. И я осмелюсь заметить, что ты, Вэйким, против Принца. Я бы также рискнул предположить, что Генерал его поддержит, хотя бы потому, что Принц, поскольку он сам по себе, составляет явное меньшинство. Генерала можно разбить, но никогда нельзя уничтожить, Вэйким. Ну, а вот и он. Если хочешь, можешь спросить его сам.

Стальной Генерал как раз спешился и теперь стоит перед Вэйкимом и Врамином, словно железная статуя в десять часов вечера — безлунным летним вечером.

— Я увидел твой сигнальный огонь, Ангел Седьмого Поста.

— Увы, но титул сей утерян вместе с Постом, сэр.

— Я по-прежнему признаю права правительства в изгнании, — говорит Генерал, и такой несравненной красоты преисполнен его голос, что слушать его можно годами.

— Спасибо. Но я боюсь, что пришел ты слишком поздно. Вот он — Вэйким — он, кстати, мастер фути времени, — уничтожит, чего доброго, Принца и тем самым

сделает окончательно невозможным наше возвращение. Разве не так, Вэйким?

— Ну конечно.

— ...Если только мы не найдем на него управу, — говорит Врамин.

— Ее можно дальше не искать, — говорит Стальной Генерал. — Лучше сдайся мне прямо сейчас, Вэйким. Поверь мне, я предлагаю это без всякого злого умысла.

— И я отвечаю тебе точно так же: пошел к черту. Если уничтожить каждую твою мельчайшую частичку, то, верится мне, не останется больше никакого Стального Генерала — и никогда уже больше не будет. На мой взгляд, бунтовщик вроде тебя заслуживает уничтожения — и я к твоим услугам.

— Многие думают точно так же, а я все еще в ожидании.

— Ну так больше не жди, — говорит Вэйким и делает шаг вперед. — Время — тут и молит, чтобы его наполнили.

Тогда Врамин очерчивает вокруг себя и Мадрака круг зеленого пламени, и оба они следят за противостоянием мастеров.

В этот миг Бронза встает на дыбы, и среди многоцветья Блиса вспыхивают шесть бриллиантов.

Городской провидец Лильяменти

Вступив в Срединные Миры, направляется Гор к туманному миру, называемому его обитателями Д'донори, что означает Обитель Довольствия. Он сходит со своей колесницы, на которой пересек безвоздушную ледяную ночь, и слышит сквозь густую завесу тумана, полностью покрывающую Д'донори, лязг оружия и воинственные возгласы сражающихся.

Голыми руками прикончив троих напавших было на него рыцарей, подходит он к высоким стенам города Лильяменти, у правителей которого были в прошлом весьма веские основания причислять его к тем божествам, которым небезразлично благосостояние и процветание их города.

Мир под названием Д'донори, хотя и омывают его течения и потоки Силы, никогда не опустошался ни мором, ни нашествиями, ни голодом, которыми сдерживается рост населения прочих Срединных Миров, — все потому, что обитатели Д'донори сами справляются со своими проблемами. Весь их мир распадается на множество крохотных городов-государств и карликовых герцогств, которые непрерывно воюют друг с другом, объединяясь разве что для того, чтобы избавиться от всякого, кто попытается объединить их всерьез и надолго.

Подходит Гор к главным вратам Лильяменти огражденного и стучит в них кулаком. Разносится по городу грохот, скрипят петли ворот.

Стоящий на стене страж швыряет вниз сквозь тусклую хмарь факел и тут же посылает вслед за ним стрелу, которая конечно же своей цели не достигает, — ведь Гор ничего не стоит прочесть мысли поднявшего на него

руку и проследить траекторию полета стрелы. Когда стрела свистит совсем рядом, он отступает на шаг в сторону и становится поближе к свету факела.

— Отворяй ворота — или я снесу их с петель! — кричит он.

— Кто ты такой, что явился сюда без оружия, в одной набедренной повязке, да еще даешь мне указания?

— Я Гор.

— Не верю.

— Коли ты не откроешь ворота, — говорит Гор, — жить тебе осталось меньше минуты. И смерть твоя станет подтверждением того, что Гор не лжет. А потом я высажу ворота и через твой труп войду в город в поисках твоего Правителя.

— Погоди! Если ты и вправду Он, пойми, что я лишь исполняю свой долг и подчиняюсь приказу нашего Правителя. Не сочти за богохульство, ежели отказываю я во входе первому встречному, кому только не лень заявить, что он — Гор. Откуда, сам посуди, мне знать, что ты не враг, пытающийся обмануть меня?

— Неужели найдется враг, который дерзнет на подобное безрассудство?

— Может статься. По большей части люди лишены рассудка.

Гор пожимает плечами и снова заносит кулак. Воздух вдруг пронизывает высокая, вибрирующая нота, и сотрясаются ворота Лильяменти на своих петлях, а их страж — внутри своих доспехов.

Гор растет, и росту в нем уже под три метра. Тряпица у него на затылке цвета крови. У ног мерцает факел. Он замахиивается.

— Погоди! Я впущу тебя!

Гор опускает кулак, и музыка затихает. Он уже на треть меньше ростом. Страж приводит в движение и наконец отворяет врата. Гор вступает в Лильяменти.

Добравшись наконец до окутанного плотной пеленой тумана дворца местного правителя, Князя Дилвита, Герцога Лильи, узнает Гор, что весть о его прибытии уже донеслась сюда со стен города. Мрачный чернородый герцог, корона которого давно срослась с его черепом, выдавливая из себя самую широкую улыбку, на которую только способен, показывая среди туго натянутых губ два ряда хищных зубов. Он чуть кивает.

— Ты и вправду Гор? — спрашивает он.

— Да.

— Говорят, что всякий раз, когда проходит бог Гор этим путем, трудно бывает узнать его.

— Неудивительно, — отвечает Гор. — В этом вашем тумане непонятно, как вы вообще узнаете друг друга.

Дилвит хрипит, что означает у него смех.

— Ну да, часто мы и не узнаем и по ошибке приканчиваем своих же людей. Но всякий раз, когда приходит Гор, местный владыка подвергает его испытанию. В последний раз...

— ...В последний раз для Князя Булваха я пронзил деревянной стрелой мраморную глыбу в локоть толщиной — чтобы с каждой стороны торчала она из камня.

— Ты помнишь!

— Ну конечно. Я — Гор. У тебя еще осталась эта глыба?

— Разумеется.

— Покажи-ка мне ее.

Они вступают в залитый светом факелов Тронный Зал, где одни только косматые шкуры хищников отвлекают глаз от назойливо сверкающего со стен оружия. В укромном уголке слева от трона на невысокий пьедестал водружена глыба серого с оранжевыми прожилками мрамора, из которой торчит стрела.

— Ты видишь ее перед собой, — возглашает, взмахивая рукой, Дилвит.

Гор подходит, знакомится с экспонатом.

— На сей раз я сам выбираю себе испытание, — говорит он. — Я верну тебе стрелу.

— Ее же можно вытащить. Это не фокус...

Гор поднимает к плечу правый кулак, сверху вниз бьет им по мрамору, глыба разлетается вдребезги. Он поднимает стрелу и протягивает ее Дилвиту.

— Я Гор, — заявляет он.

Дилвит разглядывает стрелу, мраморную крошку...

— Ты и в самом деле Гор, — соглашается он. — Что я могу сделать для тебя?

— Д'доноры издавна и по справедливости славятся своими прорицателями. Ну, а местные провидцы из Лильяменти часто бывали выше всяких похвал. И вот, поскольку у меня есть несколько вопросов, на которые

хотел бы я получить ответы, желаю я побеседовать с главным твоим прорицателем.

— Со старым Фрейдагом, — говорит Дилвит, отряхивая каменную пыль со своей юбки из красно-зеленой шотландки. — Да, он, конечно, один из великих, да вот...

— Что вот? — спрашивает Гор; он уже прочитал мысль Дилвита, но из вежливости продолжает ждать ответа.

— Он, о Великий Гор, непревзойденный чтец по внутренностям, но годятся ему внутренности только человеческие. Ну, а мы редко держим пленных, — к чему нам лишние траты? — а добровольца на такое дело найти довольно трудно.

— Может, удастся его убедить на этот раз погадать на внутренностях какого-нибудь животного?

Опять читает Гор мысли собеседника и вздыхает.

— Конечно, Великий Гор. Но он не сможет гарантировать тот же уровень проникновения в текст, как в случае изученного им до тонкостей языка.

— Неужели они так разнятся?

— Не могу сказать, Могущественнейший, поскольку сам в этом не разбираюсь, хотя и мать моя, и сестра — обе видят и знают азбуку... Но среди всех предсказателей, как известно, нет никого чудаковатей скатологов. Возьми, к примеру, Фрейдага. Он же, по его словам, близорук, а это значит...

— Снабди его всем необходимым и извести меня, когда он будет готов ответить на мои вопросы!

— Слушаюсь, Могущественнейший, я тут же пошлю отряд в набег, ибо вижу, что ты в нетерпении...

— Более чем.

— ...А мне как раз пора преподать одному из соседей урок в уважении границ.

Дилвит вспрыгивает на свой трон и тянется вверх, чтобы достать висящий высоко над ним длинный рог огромного, должно быть, голинда. Трижды подносит он его к губам и дует, раздувая, словно гигантская лягушка, свои щеки, пока налитые кровью глаза его не начинают выкатываться из-под косматых бровей. Потом он вешает рог обратно и плюхается на сиденье своего герцогского трона.

— Сейчас подоспеют мои сотники, — отдуваясь, пыхтит он.

И вправду, раздаётся цокот копыт, и три воина в боевых юбках влетают в зал верхом на единорогах-голиндах и скачут, гарцуют, гарцуют вокруг, пока наконец Дилвит не поднимает руку и не восклицает:

— Набег! Набег, ребяташки! На Юскифа Рыжего. Поддюжины пленных мне, прежде чем забрезжит сквозь туман завтрашняя заря!

— Пленных, сказал ты, Повелитель? — восклицает всадник в черно-коричневом.

— Ты не ослышался.

— Ну так до рассвета!

И вверх вздымается копьё.

Тут же следуют ещё две вспышки.

— Эгей!

И, описав по залу последний круг, они исчезают.

На следующее утро Гора будят и отводят в комнату, где лежат шестеро обнаженных мужчин; их руки крепко связаны и притянуты за спиной к лодыжкам, их тела покрыты ранами и рубцами. Это маленькая холодная комната, почти чулан, освещаемая четырьмя факелами; единственное ее окно загоразживает стена тумана. Пол устлан сплошным слоем листов ежемесечника «Лилья Таймс». Прислонившись к подоконнику, невысокий облысевший человек, розоволицый, с ввалившимися щеками и косыми глазами, правит на точильном бруске несколько коротких клинков. На нем белый передник, на лице никак не удержаться улыбке. Он поднимает на Гору выцветшие глаза и несколько раз подряд кивает.

— Как я понимаю, у тебя есть несколько вопросов, — говорит он, с трудом переводя дух между словами.

— Ты прав. У меня три вопроса.

— Всего три, Святой Гор? На это с запасом хватит всего одного набора внутренностей. Наверняка столь мудрый бог, как ты, мог бы придумать побольше вопросов. Когда у нас такой запас материалов, было бы стыдно им не воспользоваться. Уже так давно...

— И тем не менее у меня к тебе всего три вопроса, о кишечный оракул.

— Ну хорошо, — вздыхает Фрейдаг. — Тогда мы воспользуемся этим.

И он указывает ножом на мужчину с тронутой седую бородой, который не сводит с него своих темных глаз.

— Его зовут Болтаг.

— Ты его знаешь?

— Он мой дальний родственник. И к тому же главный провидец Князя Юскифа; конечно же полный шарлатан. Слава богу, что он наконец попал в мои руки.

Услышав это, Болтаг сплевывает на раздел некрологов в одном из номеров «Таймса».

— Ты просто мошенник, о великий потрошитель-недоучка! — говорит он.

— Лжец! — вопит Фрейдаг, перешагивая через другие тела, и хватает его за бороду. — Это положит конец твоей бесславной карьере! — И он вспарывает ему живот, вытягивает оттуда пригоршню внутренностей и раскладывает их по полу. Болтаг кричит, стонет, затихает. Фрейдаг рассекает вдоль клубки его кишок, размазывает пальцами их содержимое. Он припадает к самой земле и наклоняется далеко вперед.

— Ну, а теперь каковы же твои вопросы, сын Озириса? — спрашивает он.

— Во-первых, — говорит Гор, — где я могу найти Принца Который Был Тысячью? Во-вторых, кто посланник Анубиса? И, в-третьих, где он сейчас?

Фрейдаг что-то бормочет и тычет пальцем в дымящееся на полу вещество. Болтаг снова стонет и слегка шевелится. Гор пытается прочесть мысли провидца, но они настолько смутны, что кажется, будто смотришь в окно комнаты.

Фрейдаг заговаривает:

— В Цитадели Марачека, — говорит он, — в Центре Срединных Миров повстречаешь ты того, кто сможет доставить тебя пред очи искомого тобою.

— ...Странно, — бормочет Болтаг, озадаченно покачивая головой, — эту часть ты прочел правильно. Но твое никудышное зрение... затуманено... этим кусочком брыжейки, ты положил ее не туда... в...

С огромным усилием Болтаг перекатывается поближе, тяжело ловит воздух широко раскрытым ртом.

— И ты... не сказал... Великому Гору... что ждут его великие опасности... а в конце... неудача.

— Молчать! — кричит Фрейдаг. — Я не звал тебя для консультации!

— Это же мои кишки! Я не хочу, чтобы их как попало читал дилетант!

— Следующие два ответа пока еще не вполне ясны, дорогой Гор, — говорит Фрейдаг, взрезая очередную кишку.

— Самозванец и шарлатан! — всхлипывает Болтаг. — В Марачеке встретится он и с посланником Анубиса... чье имя можно разобрать вон там... где моя кровь... на передовице!.. Это имя... да... Вэйким...

— Чушь! — кричит Фрейдаг, продолжая вспарывать кишки.

— Постой! — говорит Гор, и его рука опускается на плечо потрошителя. — По крайней мере, в этом твой коллега прав, ибо я знаю, что сейчас его так и зовут.

Фрейдаг останавливается, разглядывает передовицу.

— Истинно есть, — соглашается он. — Даже и любителя может посетить озарение.

— ...Значит, похоже, что мне суждено в конце концов встретиться с Вэйкимом, если я отправлюсь в место, называемое Марачек, — а отправиться туда я должен. Ну, а что касается моего второго вопроса, кроме имени Вэйкима я хочу также знать, кто скрывается за этим именем. Кем был он, пока Владыка Анубис не перекрестил его и не послал с поручением из Дома Мертвых?

Фрейдаг, словно что-то вынюхивая, водит головой над самыми нечистотами, копошится в них, кромсает там и сям.

— Сие, Преславный Гор, от меня сокрыто.

— Маразматик!.. — выдавливает из себя Болтаг. — ...Вон же... так... ясно... видно...

Гор погружается в умирающие мысли выпотрошенного провидца, и пух и перья встают у него на затылке дыбом. Но нет, никакого страшное имя не проникает в его рассудок, ибо Болтаг уже мертв.

Гор прикрывает глаза и содрогается, когда нечто, застывшее на самом рубеже сознания, вдруг блекнет и рассеивается. Когда Гор опускает руку, Фрейдаг уже поднялся на ноги и с улыбкой рассматривает труп своего родственника.

— Фигляр! — фыркая, бросает он и вытирает руки о передник.

Странная маленькая звериная тень шевелится на стене.

Война и Стальной Человек

Бриллиантовые копыта, ударяющие о землю, вздымающиеся, вновь падающие. Вздымающиеся...

Вэйким и Стальной Генерал лицом к лицу, не двигаясь. Проходит минута, три, и теперь копыта зверюги по кличке Бронза извлекают из утоптанной почвы Ярмарки на Блисе громоподобные звуки, ибо с каждым разом сила их удара удваивается.

Считается, что исход схватки в фуге на самом деле определяется в эти первые изнурительные моменты Взгляда, до того, как будет приведена в исполнение собственно временная фаза, в эти моменты, которые будут стерты с лица Времени исходом схватки, чтобы никогда в действительности не существовать.

Почва содрогается теперь при каждом ударе копыт Бронзы, языки синего пламени вырываются у него из ноздрей и опаляют, ниспадая, Блис.

Блестит пот на лице, на теле Вэйкима, палец Стального Генерала сводит судорога — тот, на котором носит он кольцо своей человечности.

Проходит одиннадцать минут.

Исчезает Вэйким.

Исчезает Стальной Генерал.

Опять опускаются копыта Бронзы, и падают шатры и палатки, рушатся здания, трещины испещряют почву.

За тридцать секунд до того позади Генерала стоит Вэйким, и впереди Генерала стоит Вэйким, и Вэйким, который стоит позади, который только что объявился в этом мгновении, сцепляет руки вместе и поднимает их, чтобы нанести сокрушительный удар по металлическому шлему...

...тогда как за тридцать пять секунд позади Вэйкима из этого момента Времени появляется Стальной Генерал, отводит руку, взмахивает ею...

...тогда как Вэйким тридцати секунд, увидев себя в фуге наносящим двуручный удар, волен исчезнуть, что он и делает, во время на десять секунд ранее, когда готовится он посоперничать в силе с увиденным своим будущим образом...

...когда Генерал тридцати пяти секунд до точки атаки видит себя заносящим руку и исчезает во время на двенадцать секунд до того...

Ну конечно, ведь во Времени, если хочешь сохранить свое будущее существование, необходим опережающий стоппер...

...И стоппер замыкающий, для своих тылов...

...И пока все покуда, *где-то (когда-то)* возможно гарцует сейчас Бронза, взмывает вверх и вновь приземляется, и содрогается на своем основании город, чье существование вероятно.

...И Вэйким сорока секунд до точки атаки, завидя свое появление, убывает на двадцать секунд назад, — и уже целая минута вероятного времени запятнана фугированной схваткой и тем самым подвержена изменениям.

...Генерал сорока семи секунд до точки атаки отступает, чтобы нанести новый удар, на пятнадцать, когда тамошний он, его заметив, откатывается на восемь...

...Вэйким без одной минуты отходит на десять секунд...

Фуга! Пусть сильнее грянет фуга!

Вэйким, нападая сзади на Генерала в минус семьдесят секунд, видит Генерала, нападающего на Вэйкима, и оба Генерала видят его, как и его *альтер эго* видит обоих Генералов.

Все четверо исчезают — на одиннадцать, пятнадцать, девятнадцать и двадцать пять секунд.

...Ну, а пока, *где-то (когда-то)* возможно гарцует Бронза, взмывает и падает, и ударная волна разносится во все стороны из-под его копыт.

Приближается точка исходного столкновения, пока Генерал перед Генералом и Вэйким перед Вэйкимом смотрят друг на друга и контрапунктируют.

Пять минут и семь секунд будущего застывают в бездействии, пока двенадцать Генералов и девять Вэйкимов не отрывают друг от друга глаз.

...Пять минут двадцать одна секунда — и девятнадцать Вэйкимов и четырнадцать Генералов застыли в боевой стойке, свирепо уставившись друг на друга.

...Восемь минут шестнадцать секунд до точки атаки, сто двадцать три Вэйкима и сто тридцать один Генерал оценивают друг друга и выбирают как раз этот момент...

...Чтобы атаковать в этот миг не только умением, но и числом, оставив прошлых себя обходиться в защите собственными силами, — быть может, если мгновение выбрано неудачно, пасть и тем самым положить конец и этому столкновению тоже. Но должно же все на чем-то кончаться. Исходя из молниеносных расчетов и догадок, каждый выбрал именно эту точку как наилучшую, чтобы предопределить будущее и принять на себя фокус фуги. И когда обрушиваются друг на друга армии Вэйкимов и Генералов, земля содрогается у них под ногами и сама ткань Времени протестует против того, как с нею обошлись. Поднимается ветер, и все вокруг кажется нереальным, колеблется между бытием, событием, забытьем. А где-то Бронза дробит континенты своими бриллиантовыми подковами, изрыгает на них харкотину синего пламени. Искалеченные и окровавленные тела Вэйкимов, детали и обломки Генералов дрейфуют через содрогающиеся в конвульсиях протяженности вне фокуса их битвы, выталкиваемые ветрами взашей. Это вероятностные мертвецы, ибо сейчас не может быть никаких убийств в прошлом, а будущее как раз переделывается. Фокус фуги переместился в этот ключевой миг предельной напряженности, и сшибаются два полчища с силой, от которой волны расходятся все расширяющиеся круги зыби, волны перемен, проходят по универсуму, — нарастая, спадая, сходя на нет, пока Время в очередной раз проводит историю вокруг событий.

Где-то в стороне вновь приземляется Бронза, и какой-то город начинает разваливаться, распадаться на части. Поэт поднимает свою трость, но ее зеленые огни не в состоянии погасить ослепительное синее пламя, которое фонтаном изливается на мир из ноздрей Бронзы. Сейчас на Блисе всего девять городов, и Время выжигает их дотла. Здания, машины, тела, дети, павильоны —

все это выносит из пламени ветер и, покачивая, пронесит над ярмарочной площадкой. Всмотрись в их цвета. Красный? Вот берега, зеленый поток хлещет через них, пролетают фиолетовые глыбы. Желтый, серый, черный город под тремя лимонно-желтыми мостами. Кремовое море теперь — это небо, и словно фреза — бриз. Запахи Блиса — дым и обуглившаяся плоть. Звуки — вопли среди скрежета сталкивающихся и ломающихся механизмов и шквал, ливень бегущих ног, словно грех в нежной, как дядя Том, ночи, которая приходит нынче как подсознательное.

— Остановитесь! — кричит Врамин, превращаясь в ослепительно-зеленого великана посреди хаоса.

— Если вы не остановитесь, от этого мира не останется камня на камне! — кричит он, и голос его рушится вниз, как раскаты грома, трубит и свищет над ними.

Они, однако, продолжают биться, и волшебник, схватив за руку своего друга Мадрака, пытается открыть им двери, чтобы покинуть Блис.

— Гибнет гражданское население! — кричит какое-то мгновение Генерала.

Смеется в ответ мгновение Вэйкима.

— Какая разница, есть ли на мертвце форма, нет ли ее, когда вступает он в Дом Мертвых?

Проступает контур огромной зеленой двери, постепенно обретает плоть, дверь начинает открываться.

Врамин уменьшается в размерах. Когда дверь распаивается настезь, его и Мадрака подхватывают огромные валы, встающие и опрокидывающиеся в исхлестанном ветрами океане, и выносят через открывшийся проем наружу.

Армии Вэйкима и Генерала тоже на гребне волн хаоса, гонимых ветрами перемен, их тоже сносит к зеленой двери, распахнутой настезь, словно некий светозарный магнитно-водоворотный центр. Все еще сражаясь, плывут они к стоку, ныряют в него, исчезают.

Бронза, когда дверь начинает закрываться, движется почему-то очень медленно, но все же успевает протиснуться в проем до того, как обрушивается на пустое пространство, где только что была открытая дверь, хаос.

Тогда замирают вдруг грохот и суматоха, и переводит, кажется, с облегчением весь Блис дух. Почти все переломано, множество народу умерло или умирает в

данный момент, каковой мог бы иметь место за тридцать три секунды до начала той фуги Вэйкима и Генерала, которая нынче не состоится, не начнется на засыпанной мусором территории Ярмарки, покрытой зияющими трещинами и дымящимися воронками.

Среди рухнувших арок, опрокинутых башен, стертых с лица земли зданий с огненным мечом наголо шагает спасение. Дневную горячку сеют Дома Силы, и где-то лает собака.

Гнев Алой Леди

Мегра из Калгана спасается бегством. Пробираясь сквозь разношерстную толпу, она почти не замечает многообразия цветов и форм вокруг себя. Вдруг из множества глоток вырывается вопль. Над Ярмаркой поднимается холодный злобный ветер. Вверх смотрит Мегра, остановившись на миг среди хлопающих на ветру флагов и вымпелов, сопротивляющихся его напору шатров и палаток; и картина, которую она видит, приковывает к себе ее взгляд, ватными делает ноги.

Это скачет на Бронзе Стальной Генерал. Он спускается вниз, медленнее, медленнее. Мегра о нем читала, о нем слышала, ибо присутствует он во всех апокалиптических писаниях всех наций и народов.

Позади нее во вспышке зеленого пламени исчезает павильон. Она оглядывается и видит, как, прорезав воздух, зависает в нем, продолжая ослепительно пылать, зеленая вспышка.

В сторону сворачивает огромный зверь, Бронза, все медленней скачет он с каждым шагом, все медленней; и вот спускается он к полуразрушенному павильону, где остались биться друг с другом Вэйким и воитель-жрец Мадрак. Глядит Мегра в ту сторону, но в любой толпе рост ее не позволяет ей увидеть что-либо за пределами того барьера, которым позаботилось окружить ее человечество.

Наконец исчезает из ее поля зрения и сам Стальной Генерал, вновь проталкивается она через многоногую массу к шатру, где скончался очередной человек.

Чтобы проложить себе путь там, где любой другой вынужден был бы застрять, приходится Мегре исполь-

звать силу: словно брассистка, мощными гребками посылает она себя вперед между массивными туловищами, сквозь чересполосицу конечностей, между машинами, снабженными лицами и перьями, женщинами с мигающими лампочками в груди, мужчинами, на суставах которых угрожающе топорщатся шпоры, полчищами заурядно смотрящихся представителей всех шести рас; мимо женщины, из синей грудной клетки которой доносится неумолкающая скрипичная мелодия, — от ее крещендо у Мегры закладывает уши; мимо мужчины, который носит свое сердце на боку, в щелкающем счетчике Гейгера; она отпихивает схожее с раскрытым зонтиком существо, в неистовстве пытающееся обвить ее своим щупальцем; теперь расталкивает она ораву желторотых гномов, сворачивает в проход между павильонами, пересекает площадку с утоптанной почвой, покрытой слоем опилок и соломы; она торопится и ныряет между двумя следующими павильонами, когда свет вокруг нее начинает вдруг медленно меркнуть, и она отшвыривает рукой крохотное крылатое созданище, которое, что-то невнятно тараторя, кружит вокруг ее головы.

Тогда оглядывается Мегра и видит картину, подобной которой не видывала на своем веку.

Остановилась там ярко-красная колесница, еще разогретая небесной пылью, и пусты постромки ее. Глубоки колеи, проложенные колесами в почве, но коротки, метра три, не больше. А дальше земля нетронута.

Видна на колеснице женская фигура, высокая женщина в плаще и под вуалью. Вниз свисает выбившаяся прядь ее волос, и цветом она — как кровь. В правой руке, почти столь же красной, как и ее ногти, держит она поводья, но ни к чему не прикреплены они перед колесницей. Крохотное тараторящее крылатое существо, от которого отмахнулась Мегра, устроилось теперь у женщины на плече, сложило крылья так, что их больше и не видно, подергивает голым хвостом.

— Мегра из Калгана, — раздается голос, будто отвешивая ей пощечину расшитой драгоценностями перчаткой, — вот и пришла ты ко мне по моему желанию, — и пар, исходящий от колесницы, клубится над красной женщиной.

Мегра вздрагивает, она чувствует, как на сердце ей опускается что-то вроде глыбы лежащего между звезд черного льда.

— Кто ты? — спрашивает она.

— Меня зовут Изиды, Мать Праха.

— И почему нужна я тебе? Я не знаю тебя, Госпожа, — разве что по сплетням из легенд.

Смеется Изиды, а Мегра хватается за металлическую стойку, которая подпирает павильон справа от нее.

— Я искала тебя, крольчонок, чтобы страшно отомстить.

— Почему, Леди? Я ничего тебе не сделала.

— Может, так, а может, и нет. Может быть, я ошибаюсь, хотя думаю, что нет. Ну да скоро узнаю. Нам придется подождать.

— Чего?

— Исхода битвы, которая, я думаю, вот-вот разразится.

— Как мне ни нравится твое общество, Госпожа, но я не намерена ждать здесь с какой-либо целью. Ты должна извинить меня. У меня дело...

— Милосердие! Я знаю...

И она опять смеется, и сжимаются пальцы Мегры на металле подпорки, и гнется та под девичьей рукой, и обретаем наконец свободу от тут же падающего павильона.

Замирает смех Изиды.

— Дерзкое дитя! Уж не осмелишься ли ты поднять против меня оружие?

— Если будет на то нужда, хоть я и сомневаюсь, Мадам, что оно мне понадобится.

— Тогда замри, как статуя, где стоишь!

И с этими словами касается Красная Ведьма рубиновой подвески у себя на груди, и выбивается из нее луч света и падает на Мегру.

Борясь с накатившим на нее оцепенением, параличом, швыряет Мегра в Изиду металлическую стойку, и та крутится в воздухе, как большое серое колесо, словно циркулярная пила, диск, устремленный к колеснице.

Бросив поводья и подняв вверх руку, Изиды продолжает сжимать подвеску, из которой вылетает теперь целый сноп лучей. Они падают на вращающийся в полете металл, на миг он вспыхивает с яркостью метеора — и

тут же исчезает, лишь бесформенная груда шлаков падает на запекающуюся под местом вспышки почву.

Мегра чувствует, что ледяная хватка на ее теле разжалась, и прыгает вперед к колеснице, с размаху бьет в нее плечом, сбивая Изиду на землю, ну, а наперсник ее удирает, хоронится за пошатнувшимся колесом.

Мегра подсакивает к ведьме, готовая нанести удар ребром ладони, но, увидев, что упала вуаль Изиды, замирает она на долю секунды, не в состоянии дотронуться до предмета столь дивной красоты, что зрит она перед собой, — огромные темные глаза на красном, сияющем пламенем жизни лице, формою схожем с сердечком; ресницы, взлетающие выше бровей, словно крылья порхающей малиновой бабочки; блеск розовых, как плоть, зубов в неожиданном просверке улыбки, подобную которой, если повезет, можно иногда увидеть, когда долго смотришь в огонь.

Продолжает сгущаться тьма, свирепеет ветер, вдруг содрогается, будто от далекого удара, земля.

Снова падает на Мегру свет рубиновой подвески, и пытается подняться Изида, вновь падает на колени, хмурится.

— О неразумное дитя, если бы ты знала, какая судьба тебе уготована! — говорит она, и Мегра, припоминая дошедшие из тьмы веков стародавние легенды, молит не только официального бога общепринятой ныне религии, но и давным-давно павшего.

— Озирис! Владыка Жизни, избавь меня от гнева супруги своей! Ну, а коли не услышишь ты моих молений, обращаю я их к темному богу Сету, которого и люблю, и боится эта Леди. Спаси меня!

И тут замирает голос у нее в груди. Встает наконец Изида и смотрит на нее сверху вниз, а землю между тем все сильней и сильней сотрясают чудовищные толчки, сумерками становится ясный полдень — и в небесах, и на земле. Вдалеке все ярче разгорается синее свечение, откуда-то долетают звуки яростной схватки двух армий. Доносятся крики, вопли, стоны. У горизонта ландшафт начинает подрагивать, будто мир охватывают волны жара.

— Ты, может, считаешь это официальным ответом, — кричит Изида, — на свои кощунственные речи? Но это не так! Знаю, я не должна убивать прямо сейчас,

нет, будет моя месть несравненно более жуткой. Получишь ты от меня в дар нечеловеческую мудрость и весь человеческий стыд. Ибо уже узнала я то, ради чего сюда приходила, посетила Блис, — и пора отомстить! А теперь со мной в колесницу! Живее! Этот мир скоро может перестать существовать, ибо не удастся Генералу взять верх над твоим любовником! Будь он проклят!

Трудно и медленно подчиняются приказу мышцы Мегры, и забирается она наконец в колесницу. Рядом с ней встает Красная Ведьма, вновь набрасывает она на себя вуаль, расправляет ее складки. Вдалеке зеленый великан выкрикивает какие-то слова, но не слышны они, ибо тут же подхватывает их ветер и уносит куда-то прочь. Мерцающая в неверном свете, проносятся всевозможные осколки и обломки по кругу в огромном вихре, который движется по Ярмарке. Все покрывается пятнами, меркнет, двоится, троится, одни образы расщепляются, другим удается удержаться. В земле то тут, то там открываются трещины, расщелины. Вдалеке рушится город. Маленький наперсник прячется в складках плаща ведьмы, крик застыл у него на губах. Сумрак разбит под ударами мрака, на землю с грохотом обрушивается ночь, и всеми цветами расцветиваются те темные закоулки, где цвету быть не должно. Изида натягивает поводья, и вспыхивают в колеснице языки алого пламени, но не причиняют вреда, а заключают их всех в сердцевину рубина, или яйца, Феникса, и нет ни ощущения движения, ни звука езды, да и вообще никаких звуков; и вот — вдруг — мир, называвшийся Блис, со всеми его сложностями, с его хаосом, бедламом, чумой, с его спасением, лежит далеко-далеко от них, словно светлый зев колодца, в который они падают, а по сторонам, как плевки, шлепают звезды.

То, что кричит в ночи

— Во дни, когда я правил как
Владыка Жизни
и Смерти, —
говорит Принц Который Был Тысячью, —
в те дни по просьбе Человека
вложил Срединные Миры я в море силы,
изменчивое, чьи приливы
и отливы неспешно пестовать
могли своим теченьем
рождение,
рост,
смерть...

Потом все это
препоручил я Ангелов заботам,
их пастырству назначив
Посты по Окоему, чтобы
руками их вершить судьбу течений.
И век за веком так мы
управляли и помогали
жизни,
обуздывая смерть
и направляя рост,
все раздвигая берега
и без того огромнейшего моря;
все новые и новые из Внешних
Миры короною венчала пена
творения.

И вот однажды,
кручиняся над бездной
просторной нового такого мира,

прекрасного на взгляд,
но мертвого, иссохшего,
без жизни ростка,
я нечто пробудил,
коснувшись поцелуем поднятой
волны до сна его.

И я испугался того, что проснулось,
набросилось,
из недр земных восстав,
напало на меня,
пытаясь уничтожить:
оно
переварило на планете всю жизнь
и впало в спячку,
затем проголодалось и заворочалось во сне.
Зачуя Жизни
течение, оно проснулось.
И коснулось тебя, жена моя;
и вот, не в силах
вернуть тебе я тело,
лишь дыхание сумел сберечь твое.

Оно пьет Жизнь,
как человек вино;
и все оружие, что было у меня,
я разрядил в него —
оно не умирало,
не упокоилось, хотя бы и на время,
нет, нет, оно старалось
уйти.

Я заточил его.
Воспользовавшись силой своих Постов,
построил поле
нулевых энергий,
как в клетку, заключил в него весь этот мир.

Оно способно было странствовать по царству
Жизни,
опустошать за миром мир.
Его
необходимо было уничтожить.

И я пытался:
сколько попыток — и все неудачно.
Полвека целых

держал я в плену
его в безымянном мире.

Затем отброшены обратно в хаос оказались
Срединные Миры:
им не хватало моего контроля
над жизнью, смертью, ростом.
Безмерна боль моя была.
А новые Посты — как медленно они вводились!

Лишь я один заладить снова мог бы поле,
но Безымянным занят был,
и мне не доставало сил
удерживать в темнице эту тень
и поддержать Срединные Миры и Жизнь в них.
И вот, средь Ангелов моих
возрос росток раздоров.
Быстро
его я сжал —
ценою часть их преданности стала,
я знал об этом с самого начала.

Тебе, моя Нефтида,
не по нраву пришлось, когда отец мой,
рискнув навлечь гнев Ангела
Озириса,
вернулся
с окраины Живых Миров,
чтобы предаться высшей своей страсти —
разрушенью.
Да, не по нраву,
ведь Сет, отец мой,
величайший
воитель всех времен,
в ушедшие те дни был нам к тому же сыном,
был нашим сыном в дни те Марачека,
когда сломал я времени преграды,
чтоб заново прожить все времена
мудрости ради,
что в Прошлом.

Не знал я, что стану, когда время пошло назад,
отцом того, кто был мне отцом,
солнцеокого Сета,
Владыки Звездного Жезла,
Облеченного Рукавицею,
Странника с Горы на Гору.

Не по нраву тебе это было,
но не стала перечить ты битве,
и облачался Сет к схватке.
Никогда не знал Сет поражений,
не было ничего, что не мог бы он покорить.
Он знал, что Стальной Генерал
был Безымянным разбит
и рассеян,
но это его не пугало.

Простер он десницу
и натянул на нее
Рукавицу Мощи.
Разрослась она и покрыла
все его тело,
но не скрыла блеск его глаз.
На ноги обул он свои
башмаки,
в которых мог
идти по воздуху или воде.
Потом подвесил к поясу
на черной нити ножны
Звездного Жезла,
немыслимого оружия,
рожденного слепыми норнами-кузнецами,
никто больше не мог носить его.
Нет, не боялся он.

И готов он уже покинуть
мою кружащую вокруг твердыню,
спуститься в мир, где
пресмыкается Безымянное —
разворачивается,
извивается,
яростное и голодное.
Но тут другой его сын, мой брат Тифон,
черная тень из пустоты,
является и молит
пустить его вместо отца.

Но Сет отказал ему в этом,
открыл люк
и ринулся в темноту,
упал на поверхность мира.
И бились они триста часов,
больше двух недель
по Старому Стилю,

прежде чем Безымянное
стало слабеть.
Усилил Сет натиск,
ранил его,
готовил смертельный удар.

Он бился с ним на лоне океанских вод,
на ложе океана,
на суше бился,
бился в воздухе холодном
и на вершинах гор,
по всему свету
преследуя его
и поджидая, когда оно раскроется,
чтоб нанести удар ему последний.

Два континента разбились вдребезги
от их ударов,
вскипели океаны,
заполнив облаками небо.

Кололись и плавилась скалы,
раскаты грома трясли в небесах
самоцветы тумана
и пара.

Много раз я сдерживал Тифона,
чтобы не ринулся он вниз на помощь.
И вот, когда свернулось Безымянное в кольцо
и коброй дыма вознеслось
на высоту трех миль,
а Сет встал прочно,
одной ногою попирая воду,
другую — сушу, тут-то
злокозненный и мстительный предатель,
тот Ангел
Дома Жизни —
Озирис —
свершил свою ужасную измену.

Когда Сет умыкнул его законную супругу,
Изиду,
и родила она ему Тифона и меня,
дал клятву птицеглавый,
что уничтожит Сета.
Поддержанный Анубисом, имел

Озирис на руках ту компоненту поля,
которую используют для разжигания светил,
звезду любую выводя за грань стабильности.
Хоть и поздно, но все ж за миг узнал,
что будет, я.
Сет не успел.

Никогда доселе не направляли
это поле на планеты,
и уничтожило оно весь этот мир.
Я спасся,
перенеся себя за много световых
лет. Тифон бежать пытался
в пространства низшие, где дом его. Но
он не преуспел. Не видел
никогда я больше брата. Ни тебя, Нефтида.
Мне стоило все это отца,
который был и сыном,
брата
и тела жены моей,
но Безымянное осталось цело.

Не знаю как,
но выжило оно и в бойне
под Молотом для Разрушенья Солнц.
Ошеломленный,
увидел я его потом плывущим
среди обломков мира —
туманность крохотную, в сердце
которой чуть мигает огонек.
Сплел паутину сил вокруг него я,
и, ослабнув,
оно в коллапсе рухнуло в себя.
Унес его тогда в тайник я
за пределы Живых Миров,
где посейчас оно еще томится
в узилище без окон, без дверей.
Хоть часто пытался уничтожить я его,
но так и не узнал, где Сет нащупал
жезлом своим его пята... или
что там еще... то место,
через которое его разрушить можно.
И все оно живет, и все кричит в ночи;

и ежели оно освободится,
то может уничтожить Жизнь —

Срединные Миры погибнут.
Вот почему с захватом власти,
что за атакой следовал, не спорил,
да и сейчас не буду спорить я.
Я должен оставаться стражем, покуда
не будет уничтожен Жизни враг.
И все дальнейшее предотвратить не мог я:
немало Ангелов моих Постов
раскольниками стали без меня;
борясь за верховенство,
восстали друг на друга.

Войны Постов длились, должно быть,
лет тридцать.
Остатки в конце поделили
лживая Птица и Пес.
Больше Постов не осталось. Теперь им
не остается другого, как только
взъярять мощные Силы вала,
сея в Срединных Мирах
войны,
голод и мор,
чтобы добиться баланса,
который бы сам, без насилия
установился, будь
станций больше у них.

Иначе они не могут.
Боясь плюрализма,
они не уступят ни грана захваченной
Власти и Силы.
Не могут они — и не смогут —
действовать сообща.

Итак, пока ищущу я способ
покончить с Безымянным;
когда свершу я это,
я обращу энергии свои
на бывших Ангелов моих, чтобы изгнать их
из двух преступно занятых Домов.

Нетрудно сделать это.
Надо только
о смене позаботиться,
чтобы не стало катастрофой
безвременье без рук, умелых
в обузданье волн.

И вот, когда исполню это все,
смогу использовать я силу
Постов, чтоб воплотить тебя,
моя Нефтида...

Но плачет Нефтида у моря и говорит:
— Это слишком! Этого никогда не будет!

И Принц Который Был Тысячью встает и поднимает
вверх руки.

Внутри облака, что нависает над ним, появляется
женский силуэт. Пот выступает на лбу у Принца, и жен-
ская фигура становится все отчетливей и отчетливей.
Он шагает вперед, пытаясь обнять ее, но руки его обхва-
тывают лишь легкий дымок, и имя его, а имя его — Тот,
словно рыдание, звучит у него в ушах.

И затем он остается один — у моря, под морем, где
огни в небе — это обычные рыбы брюшки, занятые пе-
ревариванием обычной рыбьей пищи.

Глаза его увлажняются, и он испускает проклятие,
ибо знает, что в ее власти положить конец своему суще-
ствованию. Он зовет ее по имени, но не дожидается ни
ответа, ни даже эха.

И теперь он уверен, что Безымянное умрет.

Он швыряет в океан камешек, и тот не возвращается.

Скрестив на груди руки, он уходит, и песок засыпа-
ет его следы.

В просоленном воздухе пронзительно кричат мор-
ские птицы, высоко, на тридцать футов над водой, высо-
ывает голову зеленая рептилия, длинная ее шея раска-
чивается из стороны в сторону, затем снова погружает-
ся в воду.

Марачек

Взгляни теперь на Цитадель Марачека в Центре
Срединных Миров...

Все мертво, уныло, пусто. Неподвижно, безжизненно,
безмолвно. Расцвети его прахом.

Часто приходит сюда Принц Который Однажды
Был Богом — многое обдумать.

На Марачеке нет океанов. Уцелело лишь несколько
пузырящихся родников, теплых и солоноватых, от которых
разит псиной, словно от мокрой дворняги. Солнце
его — очень старая крохотная красноватая звездочка,
слишком уважаемая или, может быть, ленивая,
чтобы пуститься во все тяжкие, стать новой и уйти в пароксизме
славы, она изливает вместо этого весьма анемичный свет,
который идет на пользу глубоким синеватым теням,
отбрасываемым причудливым каменным стаффажем среди
бескрайних пляжей охры и сепии, каковыми подставляется
Марачек ветру; и звезды видны, хоть и слабо, над Марачеком
даже и в полдень, ну а вечером горят они над вытуженными
ветром равнинами, словно неоновые, ацетиленовые лампы,
подчас — как лампы-вспышки; и плосок и уныл почти весь
Марачек, хотя и перекраиваются по два раза на дню его равнины,
когда достигают ветры своего бесплодного оргазма, сметая
песок в кучи и тут же рассеивая их, все тоньше и тоньше
вытачивая зернышки песчинок, — так что весь день висит в
воздухе желтоватой мглой прах, наработанный ветром на
рассвете и в сумерках, и вуаль мглы этой еще более
уменьшает звездочку Марачека для шарящего по небосклону
ока, — все, в конечном счете, сглаживая и улаживая; сровненные
с землей горы, ваянные

переизваянные гротески скал, бесконечная череда погребений и раскопок — такова поверхность Марачека, послужившая, конечно, когда-то ареной для деяний, исполненных славы, мощи, блеска и великолепия, вопиет о подобном выводе сама ее банальность; но есть еще одно здание на Марачеке в Центре Срединных Миров, которое свидетельствует о подлинности этого наименования, а именно — Цитадель, которая, вне всякого сомнения, будет существовать, пока существует сам этот мир, хотя, быть может, не раз занесут ее пески — и вновь раскроют, — пока не наступит окончательный распад или общее оцепенение; Цитадель — столь древняя, что никто не может наверняка сказать, что была она когда-то выстроена, — Цитадель, является которая, вполне вероятно, древнейшим городом во всей Вселенной, разрушенная и отстроенная заново (кто знает, сколько раз?) на том же основании, снова и снова, быть может, с самого воображаемого начала иллюзии, называемой Время; Цитадель, которая своей статьей свидетельствует, что и в самом деле существует нечто, способное превозмочь, чего бы это ни стоило, превратности судьбы, — о которой написал Врамин в «Горделивой окаменелости»: «...Упадка сладость не касалась никогда твоих порталов, ибо судьба — янтарь, берет все на себя...» — Цитадель Марачек-Карнак, архетипический град, который населяют ныне в основном проворные крохотные твари, чаще всего насекомые и рептилии, питающиеся друг другом, одна из которых (жаба) существует в данный момент Времени под перевернутым кубком, который стоит на древнем столе в самой высокой башне Марачека (в северо-западной), когда тщедушное солнце встает из праха и сумрака и смягчает беспощадный свет звезд. Так-ков Марачек.

Когда сквозь двери с Блиса входят сюда Врамин и Мадрак, складывают они свою поклажу как раз на этот старинный стол, сделанный из одного куса какой-то розовой неестественной субстанции, которая не по зубам даже и самому Времени.

Это место, где проносятся в ярости призраки Сета и монстров, с которыми он сражается, сквозь мраморную память — разрушенный и отстроенный заново Марачек, древнейший из городов, — извечно.

Врамин вправляет Генералу левую руку, вставляет правую ногу; разворачивает ему голову, чтобы она опять смотрела вперед, затем копается в механизмах шеи и фиксирует ее в таком положении.

— Ну а как поживает другой? — интересуется он.

Мадрак отгибает Вэйкиму веко, щупает пульс.

— Похоже, просто шок. Как ты думаешь, кого-нибудь когда-нибудь вырывали из самого фокуса фуги?

— Мне о таких прецедентах не известно. Мы, без сомнения, открыли новый синдром, этаким временной шок; я бы назвал его центробежным эффектом фуги или эффектом центрифуги. Наши имена, чего доброго, попадут в учебники.

— И что ты предлагаешь с ними делать? Ты можешь их оживить?

— По всей вероятности. Но они тогда начнут все сначала — и, может статься, будут продолжать, пока не разнесут и этот мир.

— Ну, здесь не так уж много что разносить. Стоило бы, наверное, заняться продажей билетов, а потом выпустить их на волю. Могли бы недурно подзаработать.

— О цинизм торговца индульгенциями! Только тип в рясе способен додуматься до такого!

— Да нет! Я этому, если ты припоминаешь, выучился на Блисе.

— Ну да — там, где гвоздем программы на Ярмарке Жизни стал сам тот факт, что она может кончиться. Но ты знаешь, в данном случае мне кажется, что разумнее всего будет забросить их в какие-либо удаленные миры и предоставить там превратностям собственных их судеб.

— Тогда зачем же принес ты их в Марачек?

— Я не брал их сюда! Их просто засосало в дверь, когда я открыл ее. А сам я направлялся сюда, потому что всегда проще всего добраться до Центра.

— Может быть, обсудим программу наших ближайших действий?

— Давай пока что немного отдохнем, я закреплю для этого их транс. А потом можно будет просто открыть другие двери и уйти, оставив их здесь.

— Нет, это будет вопреки моим этическим принципам.

— Не говори мне об этике, ты, самый человечный человек! Поставщик всех сортов опиума, которые только ни выберет для себя народ! Адвокат-святоша для раздавленных жизнью!

— И тем не менее я не способен оставить человека умирать.

— Ну хорошо... Эй! Кто-то побывал тут до нас, чтобы придушить жабу!

Мадрак глядит на кубок.

— Я слышал рассказы, что в крохотных, лишенных воздуха склепах они могут протянуть целые века. Интересно, давно ли сидит здесь эта? Если бы только она была жива и могла говорить! Подумай только, о каких славных деяниях могла бы она нам поведать.

— Не забывай, Мадрак, что я — поэт, и, будь любезен, оставь подобные домыслы тому, кто способен рассуждать об этом, не меняясь в лице. Я...

Тут Врамин подходит к окну.

— А вот и гости, — говорит он. — Теперь мы можем с чистой совестью оставить здесь этих ребят.

Водруженный, словно статуя, на зубчатой стене бастиона, ржет Бронза, как паровая сирена, и делает тремя из своих ног стойку. Затем испускает он в пред-рассветную мглу лазерные лучи, и мигают, моргают ряды его глаз.

Что-то приближается, пока еще не видимое сквозь пелену пыли и ночную тьму.

— Ну что, пойдём?

— Нет.

— Согласен с тобой.

И они в согласии ждут.

Секс-Комп

В наши дни всем хорошо известно, что некоторые машины занимаются любовью, — и не только в смысле метафизических писаний Блаженного Яшке Механофила, который рассматривает человека в качестве сексуального органа создавшей его машины, чье существование необходимо, чтобы, производя поколение за поколением машинерию, свершил он наконец судьбу механизма; на его взгляд, все типы механической эволюции протекают через человека — до тех пор, пока не сослужит он до конца свою службу, не будет достигнуто совершенство и не придет пора свершить Великую Кастрацию. Бл. Яшке, конечно, еретик. Как было доказано при обстоятельствах слишком многочисленных, чтобы их здесь упоминать, всякой машине как единому целому нужен пол. Теперь, когда машина и человек сплошь и рядом меняются компонентами, а то и целыми системами, в любой точке человеко-машинного спектра может стартовать полноценное существо и пробежаться по всей его гамме. Человек, этот самонадеянный орган, достиг, таким образом, своего апофеоза или единения со Всеблагой Сочленилкой через жертвоприношение и искупление, как оно всегда и бывало. Изобретательство имеет ко всему этому непосредственное отношение, но изобретательство, конечно, не более чем форма механического вдохновения. Нельзя больше говорить о Великой Кастрации, нельзя больше отрывать машину от ее созидания. И посему Человек должен остаться — как часть Большой Картины.

Каждый знает, что машины занимаются любовью. Конечно, не в вульгарном смысле этого слова, напоодо-

бие тех мужчин и женщин, которые — не будем вдаваться в тонкости экономической мотивации, — сдают свои тела внаем на год-другой той или иной коммерческой компании, и их соединяют с машинами, чтобы внутривенно питать, изометрически тренировать, притупить сознание (или, если пожелаешь, оставить его включенным), но главное — чтобы через имплантированные в мозг каналы стимулировать соответствующие движения — из расчета не более пятнадцати минут на один жетон — на ложах крупных клубов удовольствий (все более и более модных и в лучших домах, и в дешевых забегаловках) ради развлечения и забавы себе подобных. Нет. Машины занимаются любовью через посредство людей, но после многочисленных обменов функциями все равно делают они это обычно духовно.

Полюбуйтесь, однако, на уникальное, только что возникшее явление: Оргазмотрон Плежа-Комп — компьютерный оракул, который в состоянии ответить на безбрежный океан запросов, — и так и сделает, но только с удовольствием, пока пользователь сможет его должным образом стимулировать. Многие ли из вас входили в программно обеспеченный будуар, чтобы поднять и уладить важнейшие вопросы, и обнаруживали, как быстро пролетает время? Совершенно верно. Кентавр навыворот, т. е. человек ниже пояса, секс-комп этот представляет лучшее из обоих миров в их слиянии. За всем этим фоном кроется любовная история — о том, как входит в Комнату Вопросов мужчина, чтобы спросить у тамошней машины о своей возлюбленной в настоящем и будущем. Такое случается всюду, всегда, и не часто отыщешь еще что-либо столь же нежное. Подробнее об этом потом.

Глава делегаций

И вот появляется Гор, он видит на стене Бронзу, останавливается и молвит:

— Открывай эти проклятые ворота, или я вышибу их!

На это Врамин бросает через стену:

— Не я закрывал их, не мне их и отворять. Входи как знаешь или глотай пыль.

Гор вышибает тогда ворота, чему Мадрак слегка дивится, и поднимается по винтовой лестнице на самый верх самой высокой башни. Войдя в комнату, он не слишком-то дружелюбно оглядывает поэта и воина-жреца и спрашивает:

— Кто из вас не давал мне войти?

Оба шагают вперед.

— Два дурака! Знайте же, что я — бог Гор, явившийся прямо из Дома Жизни!

— Извини, что нас это не очень-то впечатляет, бог Гор, — говорит Мадрак, — но и нам никто, кроме нас самих, не давал войти сюда.

— Как называть вас, мертвецы?

— Врамин, к твоим услугам — более или менее.

— ...И я, Мадрак.

— А! Я немного наслышан о вашей парочке. Почему вы здесь и что это за падаль на столе?

— Мы здесь, ваше благородие, в основном потому, что больше нас нигде нет, — говорит Врамин, — а на столе, как ты видишь, два человека и жаба, и каждый из них, должен заметить, лучше тебя.

— Дешево достаются затруднения, — говорит Гор, — хотя расплатиться за них может оказаться и не по силам.

— Что, хотел бы я знать, привело столь скудно одетого бога мести в эту золотушную дыру? — спрашивает Врамин.

— Ну как же, конечно, месть. Не попадался ли в последнее время на глаза кому-либо из вас, бродяги, Принц Который Был Тысячью?

— Не кривя душой, скажу, что нет.

— И я.

— Я здесь, поскольку ищу его.

— Почему здесь?

— Один оракул счел, что это подходящее место. И хотя я не в восторге от перспективы сражаться с героями, — а я знаю, что вы таковы, — кажется мне, что должны вы принести извинения за то, как меня встретили.

— Ты рассуждаешь вполне по-божески, — признает Мадрак. — Знай, что были мы взбудоражены недавней битвой и что провели несколько часов в весьма раздосадованном расположении духа. Может, мы хлебнем доброго красного вина, дабы подтвердить наши чувства, — тем более что, вне всякого сомнения, это единственная фляга подобного напитка во всем этом мире?

— Этого хватит, если оно не из плохих.

— Повремени тогда чуток.

Мадрак вытаскивает свою баклагу, делает из нее большой глоток, чтобы показать, что с нею дело чисто, без подвохов, и задумчиво оглядывает комнату.

— Подобающий сосуд, сэр, — говорит он и берет лежащий на столе перевернутый кубок. Протерев его чистой тряпицей, он наполняет его вином и протягивает богу.

— Благодарю тебя, воин-жрец. Я принимаю его с теми же чувствами, с которыми ты мне его предлагаешь. А что же это была за битва, которая до того вывела вас из равновесия, что вы позабыли даже о простой вежливости?

— Была это, Кареглазый Гор, битва при Блисе — между Стальным Генералом и одним типом, которого прозывают Вэйким-Скиталец.

— Стальной Генерал? Невозможно! Он мертв уже много веков. Я лично сразил его.

— Многие успели сразить его. Но никто не победил его.

— Эта гряда металлолома на столе? Неужели это и в самом деле Князь Восставших, который предстал однажды в битве предо мною как истинный бог?

— Еще не было тебя, Гор, на свете, а он уже был могуч, — говорит Врамин, — и когда позабудут люди Гора, по-прежнему не исчезнет Стальной Генерал. Неважно, на чьей стороне он сражается. Побеждает он или проигрывает — все равно, он — это сам дух восстания, который никогда не может умереть.

— Не нравятся мне эти разговоры, — говорит Гор. — Наверняка, если бы кто-то разобрал его на части и уничтожил их все до единой, а потом рассеял останки по всему космосу, он перестал бы существовать.

— Было с ним и такое. И веками собирали последователи его по частям и в результате собрали заново. Этот тип, Вэйким, подобного которому мне никогда не доводилось видеть, — говорит Врамин, — заявил почти то же самое перед футированной битвой, которая потрепала мир. Единственное, что удерживает их от опустошения — извини за невольную тавтологичность этой фразы, — и этого мира, Марачека, — это наложенный на них запрет выходить из временного шока.

— Вэйким? Так это и есть смертоносный Вэйким? Да. Могу поверить в это, просто даже глядя, как покоится он на столе. И у вас нет никакой идеи, кто он на самом деле? Подобные герои не высказывают обычно в полный рост из пустоты.

— Мне о нем ничего не известно, кроме того, что он — могучий борец и мастер фуги, явился на Блис в его последние дни, перед самым потоком черного прибоа, — быть может даже, чтобы ускорить его наступление.

— Это все, что ты о нем знаешь?

— Все, что я знаю.

— Ну а ты, могучий Мадрак?

— ...Такова сумма моих знаний.

— А если пробудить его и спросить?

Врамин поднимает трость.

— Коснись его — и я оспарю твое право на пребывание здесь. Он — слишком опасная личность, а мы пришли сюда отдохнуть.

Гор опускает руку на плечо Вэйкима и слегка трясет его. Вэйким стонет.

— Знай, что посох жизни — это и копьё смерти! — кричит Врамин и в изящном выпаде протыкает жабу, сидящую у самой левой руки Гора.

Не успевает Гор повернуться к нему, как проносится откуда-то по комнате порыв ветра, и взрывается жаба, башней вырастает посреди стола.

Дыбом стоят его длинные золотистые волосы, в улыбке растягиваются тонкие губы, когда падает взгляд его зеленых глаз на картину, представшую перед ним.

Принц Который Был Жабой потирает красное пятно у себя на плече и говорит Врамину:

— Ты что, не знаешь, что написано было: «Добр будь к птице и зверю»?

— Киплинг, — говорит, улыбаясь, Врамин. — А еще — Коран.

— Злыдень-оборотень, — говорит Гор, — уж не тебя ли я ищу, не тебя ли зовут многие Принцем?

— Сознаюсь в этом титуле. Знайте, что вы нарушили мои размышления.

— Готовься встретить свое возмездие, — говорит Гор, вытаскивая из-за пояса свое единственное оружие, стрелу, и отламывая ее наконечник.

— Неужели ты думаешь, что мне неведомы твои силы, брат? — говорит Принц, когда Гор поднимает наконечник, зажав его между большим и указательным пальцами. — Неужели ты думаешь, братец, что не знаю я про твою способность прикладывать к массе или скорости любого объекта силу своего ума, увеличивая их тысячекратно?

Пятно расплывается рядом с рукой Гора, и с противоположного конца комнаты доносится сильный треск — в то время как Принц оказывается вдруг на два фута левее, чем раньше; ну а наконечник стрелы, пробив насквозь шестидюймовую металлическую стену, продолжает свой путь в компании пыльного и ветреного утра. Принц тем временем продолжает говорить.

— ...И разве ты не знаешь, братец, что с той же легкостью, с какой уклонился от твоего нападения, могу я перенестись в неизмеримую даль? Да, даже за пределы Срединных Миров?

— Не зови меня братцем, — говорит Гор, поднимая теперь оперение стрелы.

— Но ты же мне брат, — говорит Принц. — По крайней мере, по матери.

Гор роняет стрелу.

— Я тебе не верю!

— А от кого же, как ты думаешь, унаследовал ты свои божественные способности? От Озириса? Косметической хирургии по силам оказалось дать ему цыплячью голову, а собственному его сомнительному происхождению — склонность к математике; но мы с тобой оба оборотни, мы — сыновья Изиды, Ведьмы Лоджии.

— Пусть проклято будет имя моей матери!

И вдруг Принц стоит на полу рядом с ним и бьет его по щекам тыльной стороной ладони.

— Уже десяток раз мог бы я убить тебя, если бы захотел, — говорит Принц, — пока стоишь ты тут. Но я сдержался, поскольку ты мне брат. Могу я убить тебя и сейчас, но не буду. Ведь ты мой брат. Я не ношу оружие, ибо оно мне ни к чему. Я не коплю злобу, не то бремя моей жизни стало бы мне не по силам. Но не говори дурно о нашей матери, ибо ее пути — это ее пути. Я не превозношу ее и не проклинаяю. Я знаю, что ты пришел сюда, чтобы меня убить. И если ты хочешь насладиться возможностью сделать это, попрдержи-ка язык относительно нашей матери, братец.

— Тогда не будем больше говорить о ней.

— Хорошо. Ты знаешь, кем был мой отец, и посему догадываешься, что я отнюдь не неуч в боевых искусствах. Я дам тебе шанс убить меня в рукопашной схватке, если ты сначала выполнишь одно мое поручение. Если же нет, я перенесусь отсюда куда-либо еще и найду другого помощника, а ты, чего доброго, потратишь остаток своих дней на мои поиски.

— Вероятно, это и имел в виду оракул, — говорит Гор, — и сулит все это мне несчастье. И тем не менее не могу я пройти мимо шанса исполнить свою миссию, прежде чем посланник Анубиса — этот вот Вэйким — примется за дело. Ибо неведомы мне его силы, и может он, чего доброго, оказаться сильнее тебя. Итак, я сохраню перемирие, выполню твое поручение и убью тебя.

— Этот человек — убийца из Дома Мертвых? — говорит Принц, глядя на Вэйкима.

— Да.

— Знал ли ты об этом, мой Ангел Седьмого Поста? — спрашивает Принц.

— Нет, — говорит, слегка кланяясь, Врамин.

— Я тоже, Господин, — говорит Мадрак.

— Пробуди его — и Генерала тоже.

— Наша сделка расторгнута, — говорит Гор, — если это произойдет.

— Разбуди их обоих, — говорит Принц, складывая руки на груди.

Врамин поднимает трость, с нее срываются языки зеленого пламени, перескакивают на распростертые тела.

Снаружи завывает ветер. Гор по очереди разглядывает всех присутствующих, потом говорит:

— Ты, брат, повернулся ко мне спиной. Обернись лицом, чтобы я не убивал тебя сзади. Как я сказал, сделка наша расторгнута.

Принц оборачивается.

— Они тоже нужны мне.

Гор качает головой и поднимает руку.

И тут...

— Настоящая семейная встреча, — наполняет комнату голос, — наконец-то сошлись все три брата.

Гор отдергивает руку, словно от гадюки, ибо лежит между ним и Принцем тень черной лошади. Он прикрывает рукой глаза и опускает голову.

— Я забыл, — говорит он, — что, как я сегодня узнал, ты тоже мой родственник.

— Не принимай это слишком близко к сердцу, — говорит голос. — Вот я, например, знаю об этом давным-давно и научился с этим мириться.

И просыпаются Вэйким и Стальной Генерал под звуками смеха, схожие с пением ветра.

Бротц, Пурц и Дульп

- Передай-ка мне, пожалуйста, фрейляйншип.
- Прошу прощения?
- Фрейляйншип! Фрейляйншип!
- У меня его нет.
- Он у меня.
- О! А почему ты об этом молчишь?
- А почему ты не спрашиваешь?
- Прости. Ну-ка, дай-ка... Спасибо.
- Почему ты его все дрочишь и дрочишь? Он же готов.
- Просто чтобы убить время.
- Ты в самом деле думаешь, что он когда-нибудь за ним пришлет?
- Нет, конечно. Но это не довод, чтобы выпускать недоброкачественную продукцию.
- А вот я думаю, что он за ним пришлет!
- Тебя кто-нибудь спрашивал?
- Я высказываю свое мнение.
- На кой он ему сдастся? Им же никто не может воспользоваться!
- Раз он его заказал, значит, он ему нужен. Он — единственный среди них, кто иногда приходит сюда по делам, и, добавлю от себя, он — истинный джентльмен. Придет день, и он или кто-то от него сунется сюда, чтобы выкупить заказ.
- Ха!
- Вот тебе и «ха!». Подходи, увидишь.
- Выбирать-то не из чего, подожду.
- Забери обратно свой фрейляйншип.
- Засунь его себе в зад.

Зевает Цербер

Пес перебрасывает рукавицу из пасти в пасть, пока, наконец, зевнув, не промахивается, и она не падает на землю.

Он выискивает ее среди валяющихся у его ног костей, виляет хвостами, сворачивается в клубок и закрывает четыре глаза.

Остальные же два горят как угли в непроглядной мгле, что раскинулась за Не Той Дверью.

Над ним, в антирадиационном убежище, ревет Минотавр.

Бог это любовь

Пятьдесят тысяч поклонников Стоптаных Башмаков, ведомые шестью жрецами-кастратами, распевают на арене стадиона величественные литании.

Тысяча обезумевших от наркотиков воителей, слава-слава-слава-слова, размахивают копьями перед алтарем Несносных.

Начинает накрапывать дождь, но мало кто это замечает.

Навеки

В руках у Озириса череп, он нажимает на нем кнопку и говорит:

— Была ты когда-то смертной, а теперь навеки стала обитательницей Дома Жизни. Красота твоя, что цвела на стебельке позвоночника, увяла. Была ты правдива, и вот к чему это тебя привело.

— А кто, — отвечает череп, — сотворил все это? Ведь это Господин Дома Жизни никак не даст мне покоя.

И Озирис отвечает:

— Да, еще, между прочим, я использую тебя как пресс-папье.

— Если любил ты меня когда-то — разбей меня, дай мне умереть! Прекрати наконец лелеять жалкий остаток той, кто когда-то любила тебя.

— Ах, но дорогая моя, когда-нибудь я, может быть, вновь воплощу тебя, чтобы лишний раз насладиться твоими ласками.

— Сама мысль об этом вызывает у меня отвращение.

— И у меня тоже. Но когда-нибудь это, чего доброго, меня позабавит.

— Ты мучаешь всех, кто тебе не по нраву?

— Нет, нет, скорлупка смерти, не думай так! Ну конечно, Ангел Девятнадцатого Дома пытался убить меня, и теперь его нервная система живет, вплетенная в ткань ковра, на котором я сейчас стою; да и другие мои враги существуют в элементарных формах в различных точках моего Дома — таких, как камин, морозильные камеры, пепельницы и плевательницы. Но не думай, что я мстителен. Нет, никогда. Просто как Господин Жизни я

чувствую себя обязанным воздать сполна всему, что жизни угрожало.

— Я не угрожала тебе, мой Господин.

— Ты угрожала покою моего ума.

— Из-за того, что походила на твою жену, леди Изиду?

— Молчать!

— А! Ну да, я походила на Королеву Шлюх, твою невесту. Потому-то и желал ты меня, потому и пожелал моей гибели...

Но на полуслове замолкает череп, ибо швыряет его изо всех сил Озирис об стену.

Когда сыпется на ковер дождь редкоземельных элементов, крохотных микросхем, чертыхается Озирис и припадает к ряду переключателей на своем рабочем столе; нажимая на них, вызывает он к жизни целый хор голосов, но всех перекрывает один, доносящийся из динамика, расположенного под самым потолком:

— Ай да мудрый череп, так провести бога-отступника!

Выяснив после консультации с приборами, что говорит ковер, Озирис выходит на середину комнаты и начинает скакать и прыгать по нему — на фоне воплей и стонов.

Пся крев

В местах весьма отдаленных, темных, пользующихся дурной славой, в мире, что зовется Уолдик, появляются два героя, Мадрак и Тифон. Посланные Тотом, он же Гермес Трисмегист, стащить рукавицу неимоверной мощи, явились они сюда, чтобы сразиться с хранителем этой рукавицы.

Ныне хозяйничает на давным-давно опустошенном Уолдике орда существ, ютящихся в подземных жилищах, пещерах и комнатах, заброшенных далеко от взаимных обхаживаний дня и ночи. Темнота, сырость, мутации, братоубийство, инцест, насилие — вот слова, чаще других используемые теми весьма немногочисленными авторами, которые пытаются поделиться своими знаниями об Уолдике. Доставил героев сюда, угнав, как только он один и умеет, целый кусок пространства, сам Принц, и либо преуспеют они в своем задании, либо останутся здесь.

Сейчас идут они просто по норам, ибо сказано им было идти на мычание.

— Как ты думаешь, тень черной лошади, — спрашивает воин-жрец, — сможет твой брат в нужный момент отозвать нас отсюда?

— Думаю, сможет, — отвечает движущаяся с ним бок о бок тень, — хотя меня это не волнует. Я и своим ходом могу добраться, куда захочу.

— Но я-то нет.

— Твои заботы, папаша. Мне до этого нет дела. Ты же сам вызвался сопровождать меня; я этого не хотел.

— Тогда в руки Чего Бы Там Ни Было, что больше, чем жизнь или смерть, препоручаю я себя, если послу-

жит этот акт хоть какой-то помощью в сохранении моей жизни. Если же нет, то не препоручаю. Если само мое изречение всего этого является проявлением самонадеянности и, следовательно, не будет правильно воспринято Чем Бы Там Ни Было, что может или не может не счесть за труд меня выслушать, тогда я отказываюсь от этого высказывания и прошу прощения, если оно желает. Если же нет, то не прошу. С другой стороны...

— Аминь! И прошу тебя, помолчи! — грохочет Тифон. — Мне послышалось что-то вроде мычания — там, слева.

Исчезнув на фоне темной стены, скользит Тифон за поворот и исчезает где-то впереди. Мадрак шурится сквозь инфракрасные очки, готовый, похоже, благословить все, что бы ему ни встретилось.

— Пещеры эти, видно, глубоки и просторны, — шепчет он.

Ответа нет.

Вдруг он натывается на дверь, и это, может быть, как раз та дверь...

Он распахивает ее и сталкивается нос к носу с Минотавром.

Мадрак поднимает свой посох, но чудище исчезает в мгновение ока.

— Где?.. — бормочет он.

— Прячется, — неожиданно совсем рядом говорит Тифон. — Затаился где-то среди путаницы ходов и переходов своего логова.

— Но почему?

— Похоже, что на таких, как он, охотятся такие, как ты, — и ради мяса, и ради трофея — набыченной головы рогатого мужчины. Он боится прямой стычки и отступает — похоже, люди используют против скота оружие. Войдем же в лабиринт и будем надеяться, что больше его не увидим. Вход в нижние ярусы, который мы ищем, лежит где-то внутри.

И чуть ли не полдня бродят они по лабиринту в безуспешных поисках Не Той Двери. Трижды попадают им двери, но за каждой белеют только кости, кости, кости.

— Интересно, а как дела у других? — спрашивает воин-жрец.

— Либо лучше, либо хуже, а может, так же, — отвечает его спутник и смеется.

Разглядывая кости вокруг себя, Мадрак едва успевает среагировать на атакующего зверя. Он поднимает свой посох, и начинается битва.

Он бьет его между рогов и по бокам. Размахивая посохом, лупит тварь — колет, рубит, режет. Сходится с ней в рукопашной.

И так они дерутся, нанося друг другу урон и увечья, пока наконец не поднимает чудовище Мадрака на рога и не швыряет его через всю комнату. С грохотом рушится толстяк левым плечом на груды костей. Когда пытается он подняться, раздается вдруг леденящий душу рев, это, набычившись, мчится на него Минотавр. Мадраку удается встать на четвереньки, и он начинает выпрямляться.

Но тень черной лошади падает на чудище, и оно исчезает — полностью и навсегда.

Мадрак склоняет голову и поет Литанию Возможно Должной Смерти.

— Миленько, — фыркает его спутник, когда он доходит до заключительного «Аминь». — Знаешь, толстячок, мне кажется, я нашел Не Ту Дверь. Я-то могу войти, ее не открывая; так что решай, что ты будешь делать.

— Погоди чуть-чуть, — говорит Мадрак, выпрямляясь. — Каплю наркотика, и я буду как новенький и сильнее, чем раньше. И тогда мы войдем вместе.

— Отлично. Я подожду.

Мадрак вкалывает себе наркотик, и через некоторое время он — почти бог.

— Ну а теперь показывай дверь, и пойдём.

— Вот она.

Дверь — огромная, неприступная, бесцветная в инфракрасных лучах.

— Открывай, — говорит Тифон, и Мадрак так и поступает...

В отсветах пламени он играет, треплет рукавицу. Размером примерно с двух или двух с половиной слонов, развлекается он со своей игрушкой, лежа на куче костей.

Одна из его голов принохивается к неожиданному сквозняку из-за Не Той Двери; две головы ворчат, а третья роняет рукавицу.

— Ты понимаешь, что я говорю? — спрашивает Тифон, но ни искорки интеллекта, ни проблеска хоть како-

го-то понимания нет в шести красных глазах. Хвосты его подергиваются, и он встает, весь в чешуе, необоримый, на фоне беспокойного зарева.

— Красивый песик, — комментирует Мадрак, и тот виляет хвостами, разевает пасти и бросается вперед.

— Убей его! — кричит Мадрак.

— Невозможно, — отвечает Тифон. — Вовремя — невозможно.

Пара подошв на алтаре

Добравшись наконец до мира Интерлюдичи и пройдя через внезапно открытые поэтом в черноте зеленые двери, Вэйким и Врамин вступают в безумный мир, где в избытке дожди и религии. Быстроногие, останавливаются они на влажном торфе у города, чьи жуткие черные стены нависают прямо над ними.

— Теперь мы войдем внутрь, — говорит поэт, поглаживая свою небесно-зеленую бороду. — Мы войдем через вон ту маленькую дверь, видишь, слева; я открою ее для нас. Потом мы загипнотизируем, подчиним стражей, которые могут там оказаться, и пойдем прямо к сердцу города, к его главному храму.

— Стащить башмаки для Принца, — говорит Вэйким. — Странное задание, особенно для такого, как я. Если бы он не обещал мне вернуть мое имя — мое настоящее имя — перед тем, как я убью его, я бы не согласился на это.

— Понятно мне это, Лорд Рэндалл, мой сын, — говорит Врамин, — но скажи мне, что ты собираешься делать с Гором, который тоже хочет убить его и который работает сейчас на него, только чтобы получить в качестве вознаграждения такую возможность?

— Убью, если понадобится, сначала Гора.

— Меня впечатляет стоящая за всем этим психология, и я надеюсь, ты позволишь мне еще один вопрос: какая разница, ты убьешь его или Гор? В любом случае он будет все так же мертв.

Вэйким молчит, задумавшись, словно это впервые пришло ему в голову.

— Но это же мое поручение, а не его, — говорит он наконец.

— В любом случае он будет все так же мертв, — повторяет Врамин.

— Но не от моей руки.

— Да. Но я не вижу никакой разницы.

— По сути дела, я тоже. Но поручение же было дано мне.

— А может, и Гору.

— Но не моим хозяином.

— А почему у тебя должен быть хозяин, Вэйким? Почему ты не сам себе хозяин?

Вэйким трет себе лоб.

— Я... не... по правде... не знаю... Но я должен делать, как мне сказали.

— Понимаю, — говорит Врамин; и пока Вэйким сбит с толку, крохотная зеленая искорка прочерчивает дугу между кончиком трости и его затылком.

Он шлепает себя по затылку и чешет там.

— Что?..

— Местное насекомое, — говорит поэт. — Ну ладно, пошли к двери.

И она открывается перед ними на стук его трости, и стражники впадают в сонливость, не успев заметить зеленую вспышку. Прихватив у двоих из них плащи, Вэйким и Врамин направляются прямо к центру города.

Храм найти несложно. Другое дело — войти в него.

Перед входом маячат стражники, одурманенные наркотиками.

Путники смело подходят и требуют, чтобы их пропустили. Восемьдесят восемь копий Внешней Стражи нацелены на них.

— Публичного Поклонения не будет до закатного ливня, — вещают охранники в священных конвульсиях.

— Мы подождем.

И они ждут.

С закатным ливнем они присоединяются к процессии мокрых богомольцев и вступают во внешний храм.

При попытке пройти дальше их окликают триста пятьдесят два одурманенных наркотиками копейщика, охраняющих доступ вовнутрь.

— У вас есть бляхи богомольцев внутреннего храма? — спрашивает старший.

— Конечно, — говорит Врамин, поднимая трость.

И похоже, это так, поскольку стража расступается.

Теперь уже у самого Внутреннего Святилища окликают их предводитель пятисот десяти одурманенных наркотиками воинов, преграждающих им путь.

— Кастраты или нет? — спрашивает он.

— Конечно, кастраты, — с обидой заявляет Врамин красивым сопрано. — Дайте пройти.

И вспыхивают его глаза зеленью, и отступает воин с дороги.

Войдя, они присматриваются к алтарю с его пятьюдесятью хранителями и шестью странными жрецами.

— Вот они, на алтаре.

— Как их нам заполнить?

— Желательно стибрить, — говорит Врамин, протираясь, пока не началась телетрансляция, поближе к алтарю.

— А как?

— Может, нам удастся подменить их парой своих собственных и уйти прямо в священных.

— Можно попробовать.

— Тогда предположим, что их уже минут пять как увели.

— Понял, — говорит Вэйким и наклоняет голову, словно в молитвенном экстазе.

Начинается служба.

— Славьтесь, о Башмаки, — гнусавит первый жрец, — носители ног...

— Славьтесь! — подтягивают остальные пятеро.

— Хорошие и добрые, благородные и благословенные Башмаки...

— Славьтесь!

— ...пришедшие к нам из хаоса...

— Славьтесь!

— ...дабы просветить наши сердца и поддержать наши пятки.

— Славьтесь!

— О Башмаки, опора человечества с рассвета цивилизации...

— Славьтесь!

— ...конечные полости, спутники ног.

— Славьтесь!

— Славьтесь! Чудесные, стоптанные Котурны!

— Мы припадаем к вам.

— Мы припадаем к вам!

- Мы поклоняемся вам в полноте вашей Обутости!
- Слава!
- О архетипические ножники!
- Слава!
- Высшая идея Обувя.
- Слава!
- Что бы мы делали без вас?
- Что?
- Спотыкались бы, царапали пятки, страдали плоскостопаем.
- Славьтесь!
- Храните же нас, ваших смиренных слуг.
- Пришедшие к нам из хаоса...
- ...в темный и мрачный день...
- ...из пустоты, горя...
- ...но не сгорая...
- ...вы явились утешить и поддержать нас...
- Славьтесь!
- ...стоя, прямо — ныне и присно...
- ...и вовеки веков!

Вэйким исчезает.

Поднимается холодный злобный ветер.

Это ветер перемен из времени; алтарь на долю секунды теряет четкость очертаний.

Семеро одурманенных еще недавно наркотиками копейщиков валяются вокруг алтаря, и шеи их повернуты под странным углом.

Вдруг Вэйким говорит прямо на ухо Врамину:

— Молю, побыстрее отыщи для нас ворота!

— Ты в них?

— В них, в них.

Врамин поднимает трость, замирает.

— Боюсь, что выйдет маленькая задержка, — говорит он, и изумрудным становится его взгляд.

И все в храме глядят вдруг прямо на них.

Сорок три одурманенных наркотиками копейщика выкрикивают в унисон боевой клич и прыгают вперед.

Вэйким пригибается и широко расставляет руки.

— Иже еси царство на небеси, — комментирует Врамин, и пот, как абсент, холодно блестит у него на челе. — Интересно, как мы выйдем на видео.

Веретено и шип

— Что это за место? — восклицает Гор.

Собравшись, словно в ожидании удара, стоит Стальной Генерал, но удара нет.

— Нас занесло в место, которое миром не является; оно — место, и только, — говорит Принц Который Был Тысячью. — Здесь нет земли, чтобы на ней стоять, ибо нет в этом надобности. Здесь мало света, но обитатели места сего слепы, и нет им нужды в нем. Температура сама приспособится к любому живому телу, ибо так хотят местные жители. Питание всасывается прямо из этого столь схожего с водой воздуха, сквозь который мы движемся, так что нет никакой потребности в еде. И такова природа этого места, что можно тут никогда и не спать.

— Звучит, словно это Ад, — замечает Гор.

— Чушь, — говорит Стальной Генерал. — Мое собственное существование как раз таково, поскольку я все свое ношу с собой. И я не жалуясь.

— Ад, — повторяет Гор.

— В любом случае, — говорит Принц, — возьмемся за руки, и я поведу вас сквозь мрак, мимо тлеющих пятнышек света, пока не доберемся мы до тех, кого я ищу.

Они берутся за руки, Принц запахивает плащ, и они плывут через сумрачный пейзаж, лишенный горизонта.

— Ну а где находится это место, которое миром не является? — спрашивает Генерал.

— Не знаю, — говорит Принц. — Возможно, оно существует только в каком-то укромном уголке моего темного и грязного ума. На самом деле я знаю только путь сюда.

Падая в безвременье, проплывая по времени, приходят наконец они к шатру, мерцающему над? под? перед? ними, как серый кокон.

Принц отпускает руки своих спутников и касается кончиками пальцев поверхности шатра. Она колышется, и в ней появляется отверстие, через которое он заходит внутрь, бросив через плечо призыв следовать за собою.

Бротц, Пурц и Дульп сидят внутри и делают нечто, что по человеческим меркам отвратительно и неповторимо, но для них — естественно и обычно, ибо они не люди и мерки у них совсем другие.

— Привет вам, кузнецы-норны, — говорит Принц. — Я пришел получить свой стародавний заказ.

— Ну, кто был прав? Вот он и пришел! — кричит один из серых курганов, прядая своими длинными влажными ушами.

— Признаю твою правоту, — откликается другой.

— Да. Но где же фрейляйншип? Я должен еще разок отдрочить его, прежде чем...

— Ерунда! Он — само совершенство.

— Так он готов? — интересуется Принц.

— О, уже много веков! Вот!

Говорящий высвобождает из черных матерчатых ножен отрезок холодного голубого света и протягивает его Принцу. Тот берет его в руки, осматривает, кивает головой и сует обратно в ножны.

— Отлично.

— ...А плата?

— Все здесь.

Принц вытаскивает из-под плаща темный футляр наподобие готовальни и кладет его перед собой прямо на воздух, где он конечно же преспокойно и висит.

— Кто из вас будет первым?

— Он.

— Она.

— Оно.

— Раз вы не можете решить, я выберу сам.

Принц открывает футляр, в котором оказываются хирургические инструменты и выдвижная операционная лампа, и трех кузнецов начинает бить озноб.

— Что происходит? — спрашивает Гор, который только что вошел внутрь и стоит рядом с Принцем.

— Я собираюсь прооперировать трех этих ребят, и мне понадобится вся твоя огромная сила — и твоя, и Генерала.

— Оперировать? Для чего? — спрашивает Гор.

— У них нет глаз, — говорит Принц, — а они хотели бы опять видеть. Я захватил с собой три пары и собираюсь их установить.

— Для этого же потребуется такая обширная неврологическая адаптация!

— Все это уже проделывалось.

— Кем?

— Мною, когда я в последний раз давал им глаза.

— А куда они делись?

— О, они редко удерживаются надолго. Спустя какое-то время их тела их отторгают. Хотя обычно их ослепляют соседи.

— Почему это?

— Наверно, потому, что они начинают расхаживать по округе, похваляясь, что среди всего прочего их народа только они и способны видеть. Что быстро приводит к весьма демократическому исходу.

— Ужасно! — говорит Генерал, который потерял уже счет своим собственным ослеплениям. — Я намерен остаться здесь и за них сражаться.

— Они откажутся от твоей помощи, — говорит Принц. — Ведь так?

— Ну конечно, — говорит один из них.

— Мы не хотим использовать наемников против собственного народа, — говорит другая.

— Это грубое нарушение их и наших прав, — говорит третье.

— Каких прав?

— Ну как же, права на ослепление. Что вы за варвары!

— Я снимаю свое предложение.

— Спасибо.

— Спасибо.

— Спасибо.

— Какая тебе нужна помощь? — спрашивает Гор.

— Вы вдвоем должны крепко держать пациента, пока я провожу операцию.

— Почему?

— Потому что сознание у них не отключается, а местный наркоз здесь не действует.

— То есть ты собираешься проводить нейрохирургическую операцию, причем такую экзотическую, на них прямо как есть — по живому?

— Да. Поэтому-то мне и нужны вы оба: каждый пациент должен быть обездвижен. А они весьма сильны.

— А почему ты должен это делать?

— Потому что они этого хотят. Это — плата, которую они запросили за свои труды.

— И чего только ради? Чтобы видеть несколько недель? Да и что здесь можно увидеть? Пыль, мглу, мутные огоньки?

— Таково их желание — посмотреть друг на друга и на свои инструменты. Они величайшие ремесленники во всей Вселенной.

— Да, я хочу снова увидеть фрейляйншип, если он еще у Дульпа.

— А я гардель.

— А я — вентиляный фитиль.

— Их желание стоит им больших мук, но зато воспоминаний хватит потом на всех.

— Да, игра стоит свеч, только — чур первым не я.

— Чур не я.

— Чур не я.

Принц раскладывает в воздухе инструменты, стерилизует их, показывает пальцем.

— Вот этого, — говорит он, и крики больше не смолкают.

На несколько следующих часов Генерал отключает свой слух и большую часть человечности. Гор вспоминает о рабочем кабинете своего отца, а еще — о Лилья-менти на Д'донори. Тверда рука Принца.

Когда дело сделано, лица норн покрывают бинты, и останутся они там еще на некоторое время. Все трое стонут и всхлипывают. Принц умывает руки.

— Спасибо тебе, Принц Который Был Хирургом, — говорит одна из норн.

— ...за то, что ты сделал для нас.

— ...и для нас.

— Не стоит благодарности, прекрасные норны. Благодарю вас за отлично сработанный жезл.

— О, не за что.

— ...Дай нам знать, когда тебе понадобится еще один.

— ...И цена будет той же.

— Ну так я пошел.

— До свидания.

— Прощай.

— Пока.

— Хорошего вам зрения, ребята.

И взяв за руки Гора и Генерала, направляет Принц стопы их по дороге в Марачек, а до него — всего один шаг.

Сзади раздаются новые вопли, и быстро и неистово вершатся дела вполне обычные и подходящие — для норн.

И вот они уже снова в Цитадели — чуть раньше, чем удалось Гору, который знает, что это такое, извлечь голубой жезл из ножен на боку Принца.

Это точная копия того оружия, с которым вышел солнцеокий Сет на бой с Безымянным тысячу лет назад.

Искушение святого Мадрака

У Мадрака только один шанс выйти живым из этой мясорубки, и он его использует. Он отшвыривает свой посох и ныряет головой вперед.

Правильно делает.

Он проскакивает под псом, когда тот прыгает за подброшенным вверх посохом.

Под рукой ощущает Мадрак странную ткань брошенной псом рукавицы.

И вдруг нисходит на него успокоительное ощущение собственной неуязвимости. Вселить в него подобное чувство не под силу даже наркотикам.

Он быстро соображает, в чем дело, и натягивает рукавицу на правую руку.

Пока пес поворачивается, Тифон встает на дыбы.

Между Мадраком и псом падает черная тень.

Щекочется, шевелится рукавица, ползет к локтю Мадрака, заползает ему на спину, расплзается по груди.

Пес бросается вперед и тут же воеет, ибо настигает его тень черной лошади. Безжизненно свисает одна его голова, скулят остальные.

— Уходи, Мадрак! Уходи в условленное место! — говорит Тифон. — Я займу эту тварь, пока она сама себя не прикончит, а потом последую за тобой по-своему!

Рукавица уже спускается по его левой руке, охватывает ее кисть, покрывает всю грудь, спускается уже до пояса.

Мадрак, всегда слывший силачом, вдруг хватает здоровенный булыжник и, сжав в кулаке, стирает его в порошок.

— Тифон, я не боюсь его. Я сам уничтожу его.

— Во имя моего брата, заклинаю, уходи!

Склонив голову, уходит Мадрак. За спиной у него раздаются звуки яростной битвы. Он минует логово Минотавра. По коридорам поднимается к поверхности.

К нему пристают бледные твари с горящими зелеными глазами. Он по ходу дела убивает их голыми руками и идет дальше.

Когда на него набрасывается следующая орава, он разгоняет их, но не убивает, экономя время для размышлений.

Вместо этого говорит он им:

— Вам, может быть, стоит рассмотреть возможность того, что есть в каждом из вас частичка, которая способна пережить уничтожение ваших тел, и отнести эти гипотетические кванты удобства ради к разряду душ. Тогда, если начать с предположения, что такие...

Но они снова нападают на него, и он вынужден их всех перебить.

— Жаль! — говорит он и повторяет Литанию Возможно Должной Смерти.

Продвигаясь все выше, добирается он наконец до условленного места.

И ждет там.

У Врат Преисподней.

На Уолдике...

— Ад разворощен, — говорит он. — Я наполовину непобедим. Это, должно быть, рукавица Сета. Странно, что она покрывает меня лишь наполовину. Хотя, может быть, я просто человек в большей степени, чем был он. *Оглядев свое брюхо.* А может, и нет. Но сила, заключенная в ней... *Всемогущий!* Подчинить развращенные души и побудить их к обращению — может быть, для этого она и передана в мои руки. Божественен ли Тот? По правде говоря, не знаю. Любопытно. Если да, тогда я не прав, если ее ему не отдам. Если только на то не его тайная воля. *Разглядывает свои обтянутые сетчатой тканью руки.* Неизмерима теперь моя сила. Как я ее использую? Весь Уолдик мог бы я обратиться с ее помощью, дайте только срок. *Пауза.* Но он дал мне специальное задание. И все же... *Улыбка.* *(Сеть не покрывает его лица.)* Что, если он божественен? Сыновья, зачинающие своих отцов? Вполне может статься. Вспоминаю миф о Рае. Я знаю, что эта схожая со змием рукавица

может свидетельствовать о Запретном. *Пожимает плечами.* Но добро, которое можно с ней сделать... Нет! Это ловушка! Но я мог бы втемашить им Слова... И я так и сделаю! «Хоть и зияет жерло Ада», как говорит Врамин.

Но когда он поворачивается, сверху опускается смерч, высасывает у него изо рта все слова, бросает его в широкий, пустой, холодный колодец.

Позади сражаются тени, широко разевает рот Уолдик, но Мадрак уже вне досягаемости, ибо Принц отозвал его домой.

Громодавы

...Но Вэйким-Странник обулся и поднимается теперь над землей, стоит, смеясь, в воздухе. С каждым его шагом из храма доносится гул, смешивающийся снаружи с громом. Воины и богомольцы склонились в низком поклоне.

Вэйким взбегаёт по стене и останавливается на потолке.

За спиной у Врамина появляется зеленая дверь.

Вэйким спускается и шагает в нее.

Следом за ним Врамин.

— Слава! — считает один из жрецов.

Но одурманенный наркотиками копейщик оборачивается и приканчивает его.

Однажды, через много-много лет после их чудесного отбытия, целая галактика могущественных воинов отправится на Поиск Святых Башмаков.

А тем временем алтарь пуст, идет себе закатный ливень.

По ту сторону добра и жезла

Стоят они все в Цитадели Марачека и прокручивают в обратную сторону все, что с ними произошло.

— Башмаки у меня, — говорит Вэйким. — Ты можешь забрать их в обмен на мое имя.

— А у меня рукавица, — говорит Мадрак, отворачивая лицо.

— ...А у меня жезл, — говорит Гор, когда падает он у него из руки.

— Тебе не пронзить меня им, — говорит Принц, — ибо сделан он не из материи или чего-либо иного, что мог бы ты контролировать — рукой или умом.

И закрыт ум Принца для внутреннего ока Гора.

Гор шагает вперед, и левая нога его длиннее правой, но это только помогает ему удерживать равновесие на наклонном теперь полу; за спиной у Принца пылает, как солнце, окно, золотым и текучим стал Стальной Генерал; Врамин горит, как свеча, а Мадрак превращается в толстого болванчика, раскачивающегося, как раскидай на резиновой нити; стены ворчат и пульсируют в четком ритме в такт музыке, доносящейся из чересполосицы спектра на полу в конце туннеля, который начинается от окна и лежит пылающим медом тигровой шкуры на жезле, ставшем вдруг чем-то чудовищным и слишком истонченным, чтобы увидеть его в вечности башни Цитадели Марачека в Центре Срединных Миров, где пробудил Принц свою улыбку.

Еще один шаг делает Гор, и тело его становится пронцаемым и прозрачным для его чувств, и все, что происходит в нем, сразу становится видимым — и пугающим.

— И Луна, словно джинн, выходит
из черной, как негр, лампы ночи,
и спешит ко мне по дороге
моего взгляда.

Убирает она ковер дней,
по которому хаживал я,
и по пещерам небес
идем мы, —

говорит голос, причудливо похожий и не похожий на
голос Брамина.

И Гор поднимает руку на Принца.

Но уже сжимает тот его запястье обжигающей
хваткой.

И поднимает Гор на Принца другую руку.

Но уже сжимает тот его запястье ледящей хваткой.

И поднимает он другую свою руку, и бьет ее ток.

И поднимает он другую свою руку, и чернеет она и
отмирает. И поднимает он еще сотню рук, и обращаются
они в змей, и набрасываются друг на друга, и, конечно,
шепчет он:

— Что случилось?

— Мир, — отвечает Принц, — в который я перенес нас.

— Нечестно выбирать для схватки, — говорит Гор, —
мир, слишком похожий на один из известных мне, и при
этом чуть измененный, но страшно искаженный.

И слова его — всех цветов Блиса, округлые, — капаят.

— А с твоей стороны — порядочно разве желать
мне смерти?

— Мне было поручено убить тебя, да и сам я этого
желаю.

— Ну так ты потерпел неудачу, — говорит Принц,
понуждая Гора встать на колени посреди Млечного Пу-
ти, который становится прозрачным пищеварительным
трактом, сотрясаемым судорожной перистальтикой.

Запах невыносим.

— Нет! — шепчет Гор.

— Да, брат. Ты побежден. Ты не можешь уничто-
жить меня. Я взял над тобой верх. Пора перестать, пора
уйти в отставку, пора вернуться домой.

— Только когда я достигну своей цели.

Звезды, как язвы, пылают у него в потрохах, и Гор
устремляет все силы своего тела против калейдоскопа,

каковой — Принц. Принц падает на одно колено, но с его коленопреклонением возглашают приветственные осанны бесчисленные собакомордые цветы, что расцветают у него на челе, как пот, и сливаются в стеклянную маску, которая трещит и выпускает на волю ливень молний. Гор тянет руки к девятнадцати лунам, и их пожирают змеи, его пальцы; а кто взывает, о Боже, как не совесть, его отец, восседающий со своей птичьей головой на небесном троне и проливающий кровавые слезы? Отставка? Никогда! Домой? Разносится красный смех, когда наносит он удар чему-то с лицом его брата.

— Сдайся и умри!

Потом отброшен далече...

где Время — прах и дни — лилии без счета,

а ночь — пурпурный василиск, именем которому — отвергнутое забвение...

Он становится бесконечно уходящим вверх деревом, его срубают, и оно падает — вечно.

В конце вечности лежит он на спине и смотрит вверх на Принца Который Ему Брат, тот стоит над ним во весь рост и держит его глазами в заточении.

— А теперь ты можешь уйти, брат, ибо в честной борьбе победил я тебя, — приходят зеленые слова.

И склоняет Гор голову, и исчезает этот мир, и появляется мир прежний.

— Брат, я хочу, чтобы ты убил меня, — говорит он и кашляет, и саднят его синяки.

— Я не могу.

— Не посылай меня назад после такого разгрома.

— А что еще могу я сделать?

— Даруй мне хоть каплю милосердия. Не знаю как.

— Тогда выслушай меня и отправляйся с почетом. Знай, что я убил бы твоего отца, но пощажу его ради тебя, если поможет он мне, когда придет время.

— Какое время?

— Решать об этом ему.

— Не понимаю.

— Просто передай ему послание, идет?

— Идет, — говорит Гор и начинает вставать.

И когда он вновь на ногах, оказывается, что стоит он в Зале Тысячи Гобеленов один-одинешенек. Но в самый последний мучительный момент он кое-что узнает.

И спешит это записать.

Люди, вещи, жизнь

— А где Гор? — спрашивает Мадрак. — Он же только что был здесь.

— Отправился домой, — говорит, потирая плечо, Принц. — Теперь давайте я расскажу вам о своей проблеме...

— Мое имя, — говорит Вэйким, — верни его. Немедленно.

— Да, — говорит Принц, — я его тебе верну. Ты — как раз часть той проблемы, о которой я упомянул.

— Немедленно, — повторяет Вэйким.

— Не чувствуешь ли ты себя в этих башмаках чуть по-иному?

— Да.

— И как?

— Не знаю... Верни мне имя.

— Отдай ему рукавицу, Мадрак.

— Мне не нужна рукавица.

— Натяни ее, если хочешь узнать свое имя.

— Хорошо.

Он натягивает рукавицу.

— Ну как, ты не знаешь своего имени?

— Нет. Я...

— Что ты?

— Кажется знакомым, таким знакомым, когда ее сеть охватывает тело...

— Ну конечно.

— Не может быть! — говорит Мадрак.

— Не может? — переспрашивает Принц. — Возьми этот жезл и поддержи его, Вэйким. Вот, повесь на пояс ножны...

- Что ты делаешь со мной?
— Возвращаю по праву тебе принадлежащее.
— По какому праву?
— Возьми жезл.
— Не хочу! Ты не можешь меня заставить! Ты обещал мне мое имя. Скажи его!
— Только после того, как ты возьмешь жезл.
Принц делает к Вэйкиму шаг. Тот отступает.
— Нет!
— Возьми!
Принц наступает. Вэйким пятится.
— Я... я не могу!
— Можешь.
— Тут что-то... Какой-то запрет, чтобы я касался этого предмета.
— Подними его — и ты узнаешь свое имя, свое истинное имя.
— Я... Нет! Я больше не хочу его знать! Оставь его себе!
— Ты *должен* взять его.
— Нет!
— Черным по белому было написано, что ты *должен* его взять.
— Где? Как?
— Я сам написал это...
— Анубис! — кричит Вэйким. — Услышь мою мольбу! Я взываю к тебе и всем твоим силам! Приди ко мне сюда, где стою я в кольце твоих врагов! Тот, кого я должен уничтожить, у нас в руках! Помоги же мне, ибо я отдаю его тебе!
- Врамин окружает себя, Мадрака и Генерала изысканным частоколом языков зеленого пламени.
- Стена за спиной у Вэйкима медленно растворяется, и входит бесконечность.
- Безжизненно свисает рука Анубиса, глумливо осклабилась его морда, сам он смотрит вниз.
- Превосходно, слуга! — раздаются слова. — Ты отыскал его и загнал в угол. Ну что ж, остался последний удар — и твое поручение выполнено. Воспользуйся фугой!
- Нет, — говорит Принц, — он не уничтожит меня, даже и с фугой, пока у меня есть для него кое-что. Ты

узнал его с первого взгляда, тогда, давным-давно. Но уже рядом его истинное имя, и он услышит его.

— Не слушай его, Вэйким, — говорит Анубис. — Прокорее убей его!

— Хозяин, правда ли, что он знает мое имя? Мое настоящее имя?

— Он лжет! Убей его!

— Я не лгу. Подними жезл, и ты узнаешь правду.

— Не прикасайся к нему! Это ловушка! Ты погибнешь!

— Неужели я прошел через весь этот лабиринт деяний, чтобы просто убить тебя таким нелепым образом, Вэйким? Кто бы из нас не пал от руки другого, в выигрыше всегда будет один пес. Он знает об этом и потому послал тебя совершить чудовищный поступок. Смотри, как он смеется!

— Потому что я выиграл, Тот! Он сейчас убьет тебя!

Вэйким шагает к Принцу, затем опускает руку и вытаскивает жезл.

Он кричит, и даже Анубис отшатывается назад.

Смехом становится постепенно его крик.

Он поднимает жезл.

— Молчать, собака! Ты попользовался мною! О, как ты мною попользовался! Тысячу лет учил ты меня смерти, чтобы мог я не дрогнув убить своего сына и отца. Но теперь ты видишь перед собою Сета Разрушителя, и дни твои сочтены!

Глаза его сверкают сквозь сеть, покрывающую все тело, а сам он парит над полом. Луч голубого света срыгается с жезла, зажатого у него в руке, но Анубис успевает ускользнуть, растворившись с молниеносным жестом и едва слышным воем.

— Мой сын, — говорит Сет и касается плеча Тота.

— Мой сын, — говорит Тот, склоняя голову.

Позади них гаснут языки зеленого света.

Что-то темное кричит среди света, среди ночи — где-то.

Слова

*Между нами с тобою —
слова,
как известки раствор,
что сцепляет, разделяя,
всех нас воедино.*

*Их сказать,
тень отбросить от них на страницу
(это — переплетение общих страстей,
узнавание друг в друге себя,
неотличности нашей под кожей) —
возвести из возможности чистой
собор, чтобы стилосом шпеля
метил он бесконечность.*

*Когда завтра придет, оно будет сегодня,
и ежели не капля,
значит, вечность
блеснет порой на кончике пера,
когда чернила наших голосов
вокруг теснятся ночью неизбывной
и метит лишь раствор границы наших клеток.*

— Что это за бред? — спрашивает Князь Юскиф Рыжий, который во главе двадцати своих воинов направляется опустошать приграничные земли своего соседа, Дилвита из Лильяменти.

Его спутники нагибаются пониже, чтобы разобрать в тумане выбитые на валуне слова.

— Княже, я слышал о подобных штукаx, — замечает его помощник. — Это дело рук поэта Врамина, он чаще всего именно так и публикуется: бросает свои стихи на ближайший мир, и там они отпечатываются на самом твердом оказавшемся под рукой материале. Он похвляется, что писывал притчи, оды и поэмы на камнях, листьях, даже, как это, на лоне вод.

— Вон оно что! Ну ладно, а какой в этом смысл-то? Может, это доброе предзнаменование?

— Да нет в нем никакого смысла, Князь, ведь все знают, что безумен Врамин, как голинд в пору течки.

— Ну ладно, раз он писал на этом камне, попишем на него и мы.

— Ха-ха!

Тень и вещество

— Отец? — говорит тень черной лошади на стене замка.

— Да, Тифон.

— Отец!

И раздается звук, от которого могут лопнуть барабанные перепонки.

— Анубис сказал, что ты погиб!

— Он солгал. Озирис, должно быть, поднял Молот со словами, что спасает Вселенную, поскольку я терплю поражение?

— Да, так оно и было, — говорит Принц.

— Но я не терпел поражение, я одерживал победу.

И уничтожить он хотел меня, а не Безымянное.

— Как ты выжил?

— Чистый рефлекс. В тот самый миг, когда обрушился удар, я нырнул в фугу. Часть удара все-таки настигла меня, и Анубис, наткнувшись на мое бесчувственное тело, умыкнул меня в свой дом. Амуницию мою он разбросал по всем Срединным Мирам и принялся тренировать меня как свое оружие.

— Убить Тота?

— Такое задание он мне дал.

— Тогда он мертв! — восклицает Тифон и, охваченный пламенем, встает на дыбы.

— Уймись, братец, — говорит Принц. — Он же не преуспел, а нам от него еще может быть польза...

Но уже поблекла тень черной лошади, и Принц опускает голову.

Он смотрит на Сета.

— Может, догоним и остановим его?

— Зачем? Итак Анубис прожил на тысячу лет дольше, чем следовало. Пусть теперь сам побережется. И к тому же как? Даже нам не остановить Тифона, когда нисходит на него безумие.

— Да, правда, — говорит Принц и, повернувшись, обращается к Врамину: — Если ты хочешь еще послужить мне, мой прежний Ангел Седьмого Поста, ступай в Дом Мертвых. Там скоро потребуется кто-нибудь сведущий в управлении его аппаратурой.

— Тифон же был Повелителем Дома Огня, — говорит Врамин.

— Да, но боюсь, он не задержится, отмстив, в Доме Мертвых. Насколько я знаю своего брата, он отправится на поиски хозяина Молота. Озирису не позавидуешь.

— Тогда я отправляюсь в Дом Мертвых. Не хочешь ли последовать за мной, Мадрак?

— Если у Принца нет на меня других планов.

— Нет, никаких. Ты свободен.

— Господин, — говорит Врамин, — очень мило с твоей стороны вновь довериться мне, зная, какую роль играл я в Войнах Постов...

— Те дни минули, и мы уже не те — разве не так?

— Надеюсь и — спасибо.

Принц складывает руки на груди и склоняет голову. Врамин и Мадрак исчезают.

— Как, — говорит Стальной Генерал, — могу я помочь тебе?

— Мы вновь отправляемся на битву с Безымянным, — говорит Принц Который Был Тысячью. — Не хочешь ли ты быть у нас в резерве?

— Охотно. Позволь мне позвать Бронзу.

— Давай.

Ветры Марачека крутят пыль. Мерцает, прокладывая себе путь в новый день, солнце.

Хозяин Дома Мертвых

Врамин стоит в Тронном Зале Дома Мертвых, подняв свою трость. Длинные полосы энергий и свечения срываются с нее, как бенгальские огни с рождественской елки. Они устремляются во все проходы, как видимые, так и невидимые, сходящиеся здесь воедино.

Рядом с ним Мадрак переминается с ноги на ногу, глазееет по сторонам.

Сверкают очи Врамины, и пляшут в них огоньки.

— Ничего. Ничего живого. Нигде, — говорит он.

— Значит, Тифон добрался до него, — говорит Мадрак.

— Значит, нет здесь и Тифона.

— Значит, убил он его и удалился. Наверняка ищет теперь Озириса.

— Не знаю...

— А что же еще может быть?

— Не знаю. Но теперь я здесь хозяин — по поручению Принца. Я должен отыскать средоточия силы и научиться ими управлять.

— Но ведь ты когда-то обманул доверие Принца...

— Да, это так — и он простил меня.

И садится Врамин на трон Анубиса, и приветствует его как должно Мадрак.

— Славься, Врамин, Хозяин Дома Мертвых!

— Тебе нет нужды преклонять передо мной колена, старый дружище. Прошу, встань. Мне понадобится твоя помощь, ибо сильно отличается этот Дом от Седьмого Поста, где я когда-то правил.

И часами изучает Врамин секретную систему управления, выведенную на трон. И тут...

— Анубис! — восклицает голос, который никак не спутаешь с голосом Мадрака.

Ис грехом пополам изображает он лай и подвывание:

— Да?

— Ты был прав. Гор потерпел поражение и вернулся сюда. Он, правда, вновь ушел.

Это голос Озириса.

Врамин взмахивает своей тростью, и прямо в воздухе появляется огромное окно.

— Привет, Озирис, — говорит он.

— Итак, Принц наконец сделал ход, — говорит Озирис. — Полагаю, я следующий.

— Надеюсь, нет, — говорит Врамин. — Могу лично засвидетельствовать, что слышал, как Принц обещал Гору, что не будет тебе мстить — в обмен на сотрудничество.

— Ну а что стало с Анубисом?

— Точно не знаю. Сюда явился, чтобы его убить, Тифон. Я же пришел подчистить за Тифоном и поддерживать этот Пост на ходу. Либо он прикончил Анубиса и отправился дальше, либо Анубис сбежал и Тифон погнался за ним. Послушай меня, Озирис: несмотря на заверение Принца, ты в опасности. Тифон не знает об обещании Принца, и он в нем не участвовал. Узнав от Сета истинную историю и получив подтверждение от Принца, он, похоже, постарается отомстить Молотобойцу...

— Сет жив?

— Да. Одно время он был известен как Вэйким.

— Посланник Анубиса!

— И никто иной. Пес лишил его воспоминаний и послал убить его собственного сына — и отца. Это и привело в такую ярость Тифона.

— Сифон на всю эту проклятую семейку! А что стало с моим сыном? Он только оставил мне записку и... Конечно!

— Что «конечно»?

— Еще не поздно. Я...

— Сзади тебя! На стене! — кричит Врамин. — Тифон!

Озирис движется со скоростью, которую трудно ожидать от его хрупкого тела. Он бросается к зеленому гобелену, откидывает его в сторону и ныряет внутрь.

Тень плывет за ним и встает на дыбы.

Когда она отступает, в гобелене и стене зияет дыра в форме Тифона.

— Тифон, — говорит Врамин.

— Я здесь, — доносится голос. — Почему ты предупредил его?

— Потому что Тот даровал ему жизнь.

— Я не знал этого.

— Ты ушел слишком рано. Ну а теперь слишком поздно.

— Нет. Боюсь, что он ускользнул от меня.

— Как?

— Его не было в комнате, когда я уничтожал ее.

— Может быть, это и к лучшему. Послушай. Мы можем использовать Озириса.

— Нет! Пока он жив, никогда не будет мира между нашими семьями, какие бы рыцарские чувства ни выказывал мой братец. Я люблю брата, но не буду придерживаться его обещания пощадить этого типа. Нет. Я обыщу весь этот Дом, не успокоюсь, пока не найду Озириса и не канет он в Бездну Скагганаука!

— Как Анубис?

— Нет! Анубис ускользнул от меня! — раздается крик. — На время.

И Тифон встает на дыбы, вспыхивает пламя, и он исчезает.

Как лаптой взмахивает Врамин своей тростью, и окно закрывается.

— Анубис еще жив, — говорит Мадрак, оглядываясь через плечо.

— Очевидно.

— Что будем делать?

— Продолжим изучение этого Дома.

— Я хочу отдохнуть.

— Ну так отдыхай. Подыщи где-нибудь по соседству комнату и располагайся. Ты же знаешь, где тут еда.

— Да.

— Тогда до скорого.

— До скорого, Господин.

Уходит Мадрак из Тронного Зала и бредет куда глаза глядят. Приходит он наконец в комнату, где стоят мертвые, словно статуи. Он усаживается среди них. Он разговаривает.

— Я был ему преданным слугой. Послушай, красotka с грудями, как дыни. Я был ему преданным слугой. Поэт же отправился воевать с другими Ангелами, зная,

что идет наперекор его воле. Но он прощен и возвеличен. Ну а я кто такой? Слуга слуги.

Это нечестно.

— Рад, что ты согласна со мной. Ну а ты, приятель с лишней парой рук? Приходилось тебе нести в массы религию и мораль? Голыми руками побеждать чудовищ и чудесных зверей среди непросветленных?

Нет, конечно.

— Ну вот видишь...

Он хлопает себя по бедру.

— Ну вот видишь, нет на свете справедливости, а добродетель постоянно предают, оскверняют, обманывают и продают. Посмотри, что стало с Генералом, который посвятил свою жизнь человечности: жизнь отняла у него собственную его человечность. И это — справедливость?

Едва ли.

— Все сводится к этому, братья мои. Все мы становимся статуями в Доме Мертвых, какую бы жизнь ни вели. Вселенная никогда не скажет спасибо. Дающему никогда не воздается. О Ты, Который Может Быть, почему Ты все так устроил, если это Ты все так устроил, почему? Я старался служить Тебе и Твоему Подручному, Принцу. Что это принесло мне? Деньги на проезд и третьеразрядные гостиницы. Я рад, что сражается Сет с Безымянным без рукавицы мощи...

— Что?

И подняв взгляд, видит он статую, которой раньше там не было; и в отличие от других она движется.

Голова ее — морда черного пса, и высовывается из нее алый язык, кривится.

— Ты? Как удалось тебе спрятаться от Врамина, ускользнуть от Тифона?

— Это мой Дом. Много минет веков, пока проведает кто-то еще про все его секреты.

Мадрак встает, покручивает в руке посох.

— Я не боюсь тебя, Анубис. Во всех краях сражался я, во всех местах, где может человек воспринять Слово. Многих отправил я в этот Дом, а сам пришел сюда как победитель, а не как жертва.

— Давным-давно был ты побежден, Мадрак, и только сейчас понял это.

— Молчать, собака! Ты разговариваешь с тем, кто держит твою жизнь в своих руках.

— А ты — с тем, кто держит в своих руках твое будущее.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты сказал, что Сет опять отправился на битву с Безымянным?

— Да, это правда. А когда Безымянное будет уничтожено, наступит тысячелетнее царство.

— Ха! Побереги свою метафизику, проповедник. Ответь мне про другое, и я скажу тебе кое-что и в самом деле очень хорошее.

— Про что тебе ответить?

Анубис шагает вперед, высушенная рука болтается сбоку.

— Что там с рукавицей мощи?

— А! — говорит Мадрак, вытаскивая рукавицу из-под темных своих одежд и натягивая ее на правую руку. — Когда я добыл ее, я подумал, что с ее помощью целые миры могут быть завоеваны для веры.

Она доходит ему уже до локтя, до плеча.

— Я не знал, что Вэйким — это Сет. Меня подмывало оставить ее себе. И я подменил ее своей собственной саморастущей рукавицей. Кое-где в Срединных Мирах это достаточно обычный доспех — в отличие от этой, которая наделяет, кажется, невысказанной силой.

Рукавица расходится у него на груди, по спине.

— Мне хочется расцеловать твои жирные щеки! — говорит Анубис. — Ибо теперь у Сета почти нет шансов против Безымянного. И с самого начала планировал ты это предательство! Не думал я, что ты настолько ушлый, папаша!

— Мною пользовались, меня искушали...

— Но больше пользоваться тобою не будут. О нет! Отныне ты носишь рукавицу, и я предлагаю тебе союз...

— Осади, собака! Ты не лучше всех остальных! У меня оказалось кое-что тебе нужное, и ты готов лизать мне задницу. Ну нет! Что бы ни свершил я своей вновь обретенной силой, все это будет только для одного-единственного человека — для меня самого!

— Союз, который я предлагаю, будет взаимовыгодным.

— Мне достаточно просто поднять тревогу, и ты будешь связан так крепко, что вся твоя изворотливость

не поможет тебе освободиться. Мне достаточно раскрыть как следует мой посох, и твои мозги украсят собой эти стены. Так что выкладывай, что там у тебя, раздвоенный язык, и не забывай об этом, а я послушаю.

— Если Озирис еще жив, — говорит Анубис, — и если мы сможем до него добраться, то втроем нам, наверное, удастся уничтожить Тота.

— Я уверен, что Озирис пока жив, хотя долго ли это еще продлится, сказать не берусь. Прямо сейчас Тифон гоняется за ним по всему Дому Жизни.

— У нас есть шанс, очень хороший шанс все возвратить — теперь, когда ты обладаешь рукавицей. Я знаю, как попасть в Дом Жизни и, может быть, как спасти Озириса.

— Ну и что дальше? Мы даже не знаем, где происходит битва с Везымянным.

— Не забегай вперед, всему свое время. Так ты со мной?

— Я отправлюсь с тобой в Дом Жизни, поскольку Тот хочет, чтобы Озирис был жив, и я смогу в этом помочь. И тем временем я поразмыслю.

— Ну что ж, уже кое-что.

— Смотри, как растет рукавица! Она заходит дальше, чем в предыдущий раз! Она уже у меня на бедрах!

— Замечательно! Чем большая твоя часть будет неувязима, тем лучше для нас всех.

— Один момент. Ты что, всерьез думаешь, что мы трое способны победить Тота и Стального Генерала?

— Да.

— Как?

— Молот может ударить вновь, — говорит Анубис.

— Он все еще существует?

— Да, и Озирис — его хозяин.

— Хорошо, пусть все это так, и предположим даже, что с Врамином, который нынче хозяин в твоём Доме, можно поладить, но что делать с другим? Что делать с огромной тенью в форме лошади, которая до конца дней — наших дней — будет нас преследовать? Что делать с ним, живущим вне пространства, как мы его понимаем, с ним, которого невозможно уничтожить и невозможно убедить в чем бы то ни было, когда выпадает он в гнев.

Анубис смотрит в сторону.

— Тифона я и в самом деле боюсь, — соглашается он. — Много веков назад сконструировал я оружие — нет, орудие, так, нечто, — что, как я думал, сможет его обуздать. Но когда я недавно попробовал этим воспользоваться, он упал на мой артефакт и уничтожил его. И прихватил мою руку... Согласен, кроме ума, мне нечего использовать против него. Но от империй не отказываются из-за страха перед единственным противником. Если бы я только знал секрет его могущества...

— Я слышал, как он упоминал Скагганаукскую Бездну.

— Нет такого места.

— Я никогда не слышал этого названия. А ты?

— Легенда, фантазия, вымысел.

— И что они о нем говорят?

— Мы теряем время, обсуждая бессмыслицу.

— Если ты хочешь, чтобы я помогал тебе, отвечай.

Смотри, рукавица опустилась уже до колен.

— Скагганаукская Бездна, иногда называемая провалом в небесах, — говорит Анубис, — это место, в котором, как говорят, все останавливается и ничто не существует.

— Во Вселенной много очень пустых пространств.

— Но Бездна, как говорят, пуста и от пространства. Это бездонная дыра, которая и дырой-то не является. Это разрыв самой ткани пространства. Это ничто. Теоретически это пуп Вселенной. Это огромный выход, ведущий никуда, под, над, за, из всего этого. Вот что такое Бездна Скагганаук.

— Тифон и сам, похоже, обладает теми же качествами, разве не так?

— Да, конечно, согласен. Но что с того. Будь проклята связь Сета и Изиды! Они породили животное и изверга!

— Тебе ли это говорить, Анубис. И Тифон всегда был таким же, как сейчас? Как смогла Ведьма разрешиться подобным детищем?

— Не знаю. Он старше меня. Вся эта семейка окутана тайной и парадоксами. Но нам пора в Дом Жизни!

Мадрак кивает.

— Показывай дорогу.

Ночь, достойная Гора

Он проходит по местам силы, и никто не знает его имени. Но спроси первого встречного — и скажет он, что слышал о нем. Ибо он — бог. Почти неизмерима его сила. И однако, потерпел он поражение. Принц Который Был Тысячью, его брат, свел на нет его силу, чтобы сохранить собственную жизнь и тот порядок жизни, который он представляет.

И вот сворачивает Гор на хорошо освещенный проспект, где мельтешит разношерстная толпа. Вокруг него сила и ночь.

Пришел он именно на эту улицу именно этого мира не без причины: он никак не может на что-либо решиться. Ему нужно заключение специалиста. Он любит оракулов.

Он ищет совета.

Темнота в небе, яркие огни на улице. Проходит он среди мест и людей, созданных для развлечений.

Какой-то человек заступает ему путь. Он пытается обойти его, сходит с тротуара. Человек не отстает и хватается его за руку.

Гор дует на него, и дыхание его подобно урагану. Человека сметает прочь, и Гор продолжает путь.

Вскоре приходит он туда, где разместились оракулы. Астрологи, нумерологи, гадалы по колоде таро манят его к себе, предсказатели по Ицзину теребят перед богом в красной набедренной повязке стебли тысячелистника. Но он проходит мимо.

Наконец приходит он туда, где людей нет.

Это место машин-предсказательниц.

Наудачу выбирает он будку, заходит.

- Да? — интересуется будка.
- Несколько вопросов, — отвечает Гор.
- Один момент.

Раздается металлический щелчок, и открывается внутренняя дверь.

- Прошу в кабинку.

Гор входит в крохотную комнатку. Там стоит что-то вроде кровати. На ней — раздавшееся женское тело, соединенное с блестящей консолью. В стену вмонтирован динамик.

- Соединись.

Скинув набедренную повязку, Гор так и поступает.

— В соответствии с правилами ответы на твои вопросы будут даваться, пока ты приносишь удовлетворение, — сообщают ему. — Что же ты хочешь узнать?

— Передо мной стоит проблема — я в контрактах со своим братом. Я пытался победить его. Потерпел неудачу. И никак не могу решить, не должен ли я вновь отыскать его и возобновить схватку...

— Недостаток информации, — раздается ответ. — Что за контры? Что за брат? Что за человек ты сам?

Сиро сереет сирень, а розы в розницу среди живой ограды. И сад этой памяти все еще полон букетами тех экзотических роз.

- Возможно, я попал не по адресу...

— Может, да, а может, нет. Однако очевидно, что ты не знаешь правил.

— Правил? — и Гор смотрит вверх в слепое очко динамика.

Сухой и монотонный, сочится оттуда голос.

— Я не провидица, я даже не зряча. Я электромеханикобиологическая послушница богини Логики. Платой мне служит наслаждение, и за эту плату призову я свою богиню для любого мужчины. Но для этого нужны мне, однако, более полные вопросы. Банка моих данных не хватает, чтобы ответить в настоящий момент на твой вопрос. Так что люби меня дальше.

— Не знаю, с чего начать, — начинает Гор. — Мой брат управлял когда-то всем на свете...

— Стоп! Твое высказывание алогично, некванторизуемо...

— ...и абсолютно истинно. Мой брат — Тот, которого зовут еще иногда Принцем Который Был Тысячью. Когда-то все Срединные Миры были его вотчиной.

— Мои записи свидетельствуют о существовании мифа, связанного с Властелином Жизни и Смерти. По этому мифу у него нет братьев.

— Вношу поправку. Обычно это не выносится за пределы узкого семейного круга. У Изиды было три сына, один от ее законного супруга и повелителя Озириса, двое других от Сета Разрушителя. От Сета породила она Тифона и Тота. От Озириса — Гора Мстителя, то есть меня.

— Ты — Гор?

— Так меня зовут.

— Ты хочешь уничтожить Тота?

— Так было предписано мне.

— Ты не можешь этого сделать.

— О...

— Пожалуйста, не уходи. Наверное, есть еще вопросы, которые ты хотел бы задать.

— Ни один не приходит на ум.

Но Гор не может сейчас уйти, ибо преисполнен пыла.

— Что ты такое? — интересуется он наконец.

— Я уже сказала тебе.

— Но как стала ты тем, что ты есть, — полуженщиной, полумашиной?

— Это как раз тот вопрос, на который я не могу ответить, если только мне не подскажут правильный ответ. Но я все же попробую утешить и приободрить тебя, а то ты совсем отчаялся.

— Спасибо. Ты добра ко мне.

— Для меня это наслаждение.

— Мне кажется, что когда-то ты была женщиной.

— Правильно.

— Почему ты перестала ею быть?

— Как я уже сказала, я не могу ответить.

— Могу я как-нибудь помочь тебе, чтобы исполнилось какое-нибудь твоё желание?

— Да.

— Как?

— Не могу сказать.

— Тебе доподлинно известно, что Гор не может уничтожить Тота?

— Это наиболее вероятно, если исходить из доступного мне объема мифов.

— Если бы ты была простой смертной, я бы постарался быть добрым к тебе.

— Что это значит?

— За твою чудовищную честность я мог бы полюбить тебя.

— О боже, боже! Ты спас меня.

— О чем это ты?

— Я была обречена прозябать так, покуда не взглянет на меня с любовью некто незаурядный.

— Я вполне мог бы так на тебя взглянуть. Как тебе кажется, это возможно?

— Нет, уж слишком я заезжена.

— Тогда ты не знаешь бога Гора.

— Но это крайне маловероятно.

— Но мне больше некого любить. И посему я люблю тебя.

— Бог Гор любит меня?

— Да.

— Тогда ты — мой Принц, и ты со всем этим кончил...

— Еще не...

— Повремени чуть-чуть, и многое изменится.

— Повремению, — сказал, вставая, Гор.

Называемый сердцем предмет

Врамин проходит по Дому Мертвых. Будь у тебя в месте том глаза, ничего бы это не дало. Так темно тут, что глазу не сыскать для себя работы. Но Врамин зряч и здесь.

Проходит он через огромную залу, и когда добирается до некой точки внутри нее, вспыхивает свет, тусклый и оранжевый, дрожит по углам.

Тогда они поднимаются из появляющихся на полу прозрачных прямоугольников, поднимаются бездыханными, с немигающими очами, возлежат в паре футов над землей, покоятся на незримых катафалках; и всех цветов их одежды, всех оттенков кожа, всех возрастов тела. И есть у одних из них крылья, у других — хвост, у третьих — рога или же длиннющие когти. Кое у кого найдется и весь этот набор; одним в тело встроены какие-то механизмы, другим — нет.

Разносятся стоны, раздается похрустывание суставов, потом возникает движение.

С шорохом и шуршанием, побряхтывая и растирая свои затекшие члены, они садятся, они встают. Потом все низко склоняются перед ним, и одно слово наполняет воздух:

— *Хозяин.*

Он обращает свои зеленые глаза на толпу, и откуда-то доносится до его уха отзвук смеха.

Поворачиваясь, поворачиваясь, поворачиваясь, размахивает он своей тростью.

Затем приходит неожиданное движение, и вот уже она стоит рядом с ним.

— Врамин, твои новые подданные приветствуют тебя.

— Как ты попала сюда, госпожа?

Но она опять смеется и не отвечает на его вопрос.

— Я тоже пришла воздать тебе честь: славься, Врамин, Повелитель Дома Мертвых!

— Ты добра, госпожа.

— Я более чем добра. Конец уже недалек, и то, чего я желаю, почти у меня в руках.

— Это ты подняла мертвых?

— Конечно.

— Не знаешь ли ты, где сейчас Анубис?

— Нет, но могу тебе помочь его найти.

— Давай тогда уложим мертвецов отдыхать и дальше, чтобы мог я попросить твоей помощи. А также и спросить тебя о предмете твоего желания.

— А я могла тебе ответить.

И вдруг ложатся мертвые и опускаются обратно в могилы. Свет гаснет.

— Ты знаешь, почему сбежал Анубис? — интересуется он.

— Нет, я здесь совсем недавно.

— Он отбыл, преследуемый твоим сыном Тифоном.

И Красная Ведьма улыбается под своей вуалью.

— Безмерно радуется меня, что жив Тифон, — говорит она. — А где он сейчас?

— Сейчас домогается он жизни Озириса. Быть может, он отделался уже и от пса, и от птицы.

И смеется она, и ее наперсник прыгает у нее по плечу, обеими руками держась за живот.

— Как это было бы приятно — сейчас! Надо посмотреть, как все это складывается!

— Отлично.

И Врамин чертит в темном воздухе зеленую раму для картины.

Изида прижимается к нему и обеими руками сжимает его руку.

Вдруг в раме возникает картина — и движение.

Изображение тени черной лошади движется по стене.

— Это нам ни о чем не говорит, — замечает Врамин.

— Нет, но все равно приятно снова взглянуть на моего сына. Сына, который содержит в себе Бездну Скаганаука. А где может быть его брат?

— Вместе со своим отцом, они же еще раз отправились биться с Безымянным.

И стоит Изида, потупив глаза, и пробегают по картине волны.

— Я бы взглянула на это, — говорит она наконец.

— До того я бы разыскал Анубиса и Озириса, если они еще живы, и еще Мадрака.

— Хорошо.

И внутри изумрудной рамы медленно обретает форму изображение.

На берегу и мелководье

Стоя там, наблюдает он за Тем Что Кричало В Ночи
Больше оно не кричит.

Освобожденное, тянется оно к нему — башня дыма,
борода без подбородка...

Подняв звездный жезл, прочерчивает он огненную
вязь по самой его середине.

Оно не останавливается.

Огни пробегают всю гамму спектра, исчезают.

Жезл начинает вибрировать, но его руки сами зна-
ют, как на это реагировать.

Оно сворачивается вокруг него кольцом, затем от-
ступает.

Стоя там, выше облаков и всего остального, обру-
шивает он на него ливень молний.

Нарастает гудение.

Звездный жезл вибрирует у него в руке, испускает
жалобный звук, разгорается ярче.

Оно падает назад. Продолжая нападать, шагает Сет
по небу.

Оно стекает, падает, отступает к поверхности мира.

Преследуя его, Сет встает на вершину горы. Где-то
над луною следуют за ними Принц и Генерал.

Смеется Сет, и жар взрывающегося солнца прока-
тывается по твари.

Но тут оно поворачивается и наносит удары, и Сет
отступает через континент, и грибы дыма отмечают его
путь.

Ураганы трясут своими кудрявыми головами. Шаро-
вые молнии прокатываются по небосклону. Вечные су-

мерки просветлели от языков пламени, падающих на его преследователя.

И однако оно продвигается вперед, и горы падают на его пути. Далеко внизу содрогаются земля, и башмаки на его ногах оставляют громовые отпечатки там, где проходит Сет, сворачивая раз, другой.

Как из ведра льет дождь, сгущаются тучи. Внизу появляются огнедышащие воронки.

Тварь наступает, нанося удары, и путь ее раскален добела, потом сер, потом снова раскален.

Жезл звенит, как колокол, и моря выходят из берегов.

Все стихии обрушиваются на тварь, и все равно она наступает.

Рычит Сет, и перемальваются скалы, ветры разрывают посреди шатер небес, плещут обрывками, вновь их соединяют.

Опять кричит оно, и Сет, наступив одной ногой на море, улыбаются внутри рукавицы и обрушивает на тварь вихри и подземные толчки.

И однако, оно продвигается вперед, и стынет воздух.

Из-под руки Сета вылетает смерч, и тут же сыплются молнии. Проломлена земля и рушится сама в себя.

Одновременно наносят удары Сет и тварь, и разрушен континент под ними.

Закипает океан, и все небо покрыто северным сиянием всех цветов радуги.

Потом три иглы белого света насквозь пронизывают тварь, и она отступает к экватору.

Сет не отстает от нее, хаос не отстает от Сета.

Гром над экватором и хлопок, хлопок, хлопок хлыста — звездного жезла — по небу...

Между землей и небом — дым цвета травы. Лакей судьбы, Время, спешно перекрашивает задник.

Разносится крик, и опять слышен перезвон словно бы колоколов, когда разлетаются вдребезги цепи, сдерживавшие моря, и вздымаются воды, качаясь, как колонны Помпеи в тот день, в тот день, когда были они сломаны, затоплены; и жар, жар кипящих океанов поднимается вместе с ними; и не продохнуть теперь, до того густ воздух. Используя фугу времен, распинает Сет тварь на тлеющем небе, и все равно кричит она, замахивается на него, отшатывается. Нет пробоя на доспехах Сета, хоть и от мира сего они, ибо не коснулось его То

Что Кричит. И вот рвет Сет нить огненного бисера, достойного Гая Фокса. Тварь взрывается в девятнадцати местах, рушится в себя. И приходит могучий рокот, и вновь дождем падают перуны. То Что Кричит В Ночи становится катящимся шаром, роковым шаром. Оно воет тогда так, что лопаются барабанные перепонки, и Сет хватается за голову, но не перестает поливать его светом своего жезла.

И душераздирающий вопль испускает уже сам жезл. Розовое лезвие огня опускается на тварь.

И становится оно старцем с длинной бородою, рост его — много миль, — ни с того ни с сего.

Оно поднимает руку, и все вокруг Сета залито светом.

Но он поднимает свой жезл, и темнота поглощает свет, и зеленый трезубец, как вилка, втыкается в грудь твари.

Падая, становится оно сфинксом, и Сет дробит его лицо ультразвуком.

Сжимаясь, становится оно сатиром, и серебряными клещами оскопляет он его.

Тогда встает оно, раненое, на дыбы — трехмильной коброй черного дыма, и Сет знает, что момент настал.

Он поднимает звездный жезл и подстраивает его.

Интермеццо

Армии сшибаются в тумане на Д'донори, и голинды покрывают самок прямо на могилах павших; если сорвать корону с головы Дилвита, он останется без скальпа; вновь ослеплены соседями Бротц, Пурц и Дульп; на Уолдике — вопли и мрак; из руин Блиса снова пробивается жизнь; Марачек мертв, мертв, мертв — расцвети его прахом; на Интерлюдичи возникла схизма по причине якобы явившегося монаху по имени Брос видения Священных Башмаков, вполне вероятно, что он просто свихнулся от наркотиков; безумный, безумный, безумный ветер дует под морем в Обители Сердечного Желания, и обитающий там какой-то зеленый завр резвится среди стылого осеннего тумана, под кружащими в небе созвездиями светлобрюхих рыб.

Трость, подвеска, колесница — и вперед!

Его рука лежит вокруг ее талии, и вместе наблюдают они картины, открывающиеся внутри рамы там, в Доме Мертвых. Они смотрят на Озириса, как плывет он по небу на черном своем арбалете, на тетиве которого лежит нечто, под силу чему сокрушить солнце. В одиночку правит он своим самострелом, и не мигают желтые его глаза на лице, не способном принять какое-либо выражение. Они смотрят на темную скорлупку, находятся в которой Анубис, Мадрак и пустая рукавица, содержащая в себе силу.

Концом своей трости прослеживает Врамин две прямые линии, продолжающие курс судов. В раме возникает изображение места, где эти линии пересекаются. Лежит там сумеречный мир, и меняется его поверхность прямо у них на глазах.

— Как они могли узнать о его местонахождении? — спрашивает Изида.

— Не знаю... Если только... Озирис! Он нашел записку. Я наблюдал, как он ее читает.

— И?..

— Гор. Гор, должно быть, оставил ему записку, в которой сообщил о месте.

— А как мог узнать о нем Гор?

— Он боролся с Тотом — скорее всего, внутри разума самого Тота, а Гор способен заглянуть человеку в мозг, узнать, что он думает. Вероятно, в какой-то миг их схватки он и выкрал у Принца, который обычно неуязвим для подобного искусства, эту информацию. Да, Тот, должно быть, потерял на мгновение бдительность. Его надо предупредить!

— Может быть, Тифон обеспечит его безопасность?

— А где сейчас Тифон?

Они смотрят на экран, и всякое изображение пропадает.

Черным, черным-черно. Ничего нет.

— Словно Тифон и не существует вовсе, — говорит Врамин.

— Нет, — говорит Изид. — Ты смотришь на Скаганаук, заглядываешь в Бездну. Тифон отступил из Вселенной, следуя своим путем — по изнанке известного людям пространства. Может статься, что он отыскал эту самую записку Гора.

— Это не обезопасит Принца. Весь проект может пойти прахом, если только мы не сумеем добраться до него.

— Тогда скорее отправляйся к нему.

— Не могу.

— Что, твои знаменитые зеленые двери...

— Они действуют только в Срединных Мирах. Я же черпаю свою силу из поля. Вне него я бессилён. Леди, а как ты появилась здесь?

— Прибыла на своей колеснице.

— Десяти Незримых Сил?

— Да.

— Так давай воспользуемся ею.

— Я боюсь... Послушай, Врамин. Ты должен понять. Я — женщина, и я люблю своего сына, но люблю и свою жизнь. Я напугана. Я боюсь этого места, этого столкновения. Не думай обо мне плохо, если я отказываюсь тебя сопровождать. Можешь взять мою колесницу и отправляться на ней, но тебе придется делать это в одиночку.

— Я не думаю о тебе плохо, леди...

— Тогда возьми подвеску. Она управляет Десятью Силами, влекущими колесницу, да и тебе придаст дополнительные силы.

— Она действует и вне Срединных Миров?

— Да, — и она скользит к нему в объятия, и на миг его зеленая борода щекочет ей шею, а ее наперсник скрежещет зубами и завязывает свой хвост узлом, двойным узлом.

И она провожает его к своей колеснице на крыше Дома Мертвых; и он всходит на нее, высоко поднимая

правой рукой подвеску, становится на миг деталью искусно устроенной в чреве бутылки красного стекла живой картины, потом он уже — теряющийся вдали мигающий огонек в просторах неба, за которым продолжает следить Изида.

Поеживаясь, возвращается она поближе к мертвым, не в силах не думать о том, кого боится она повстречать, кто как раз сейчас сражается с Безымянным.

Вперед смотрит Врамин нефритовыми глазами. Желтые огоньки пляшут внутри них.

В полымя

Позади глаз Брамина встает видение...

Стоит там Принц и смотрит вниз. Поверхность мира в огне. На носу ладьи Принца возвышается зверь, чье тело — доспехи, чей всадник недвижим, блестящ, и тоже смотрит он на арену схватки. Приближается самострел. Мерно движется вперед скорлупка. Молот насто-рожен, выстреливает вперед. И вот, сверкая растрепан-ным хвостом, устремляется вперед комета, разгораясь, раскаляясь на своем пути.

Где-то бренчит банджо, и Бронза встает на дыбы, а голова Генерала вращается к левому плечу, чтобы взгля-нуть на пришельца. Вперед взлетает его левая рука, и Бронза продолжает вздыбливаться, над пустотой уже нависают три из четырех пар его ног, и вот спрыгивает он с корабля Принца.

Всего три прыжка делает он. Исчезают и конь, и всадник. Морщится, расплывается уголок неба, и звез-ды пляшут в нем, словно отражаясь в пруду, на который набежал ветерок. Ветерок этот, который не то вызывает, не то вызывают Перемены, подхватывает комету, она становится двумерной, исчезает. Вместо арбалета путь продолжает груда его обломков. Скорлупка ныряет к поверхности мира, исчезает среди дыма и пыли, среди пламени. На какое-то время картина становится натюр-мортом. Затем скорлупка вырывается наружу. В ней те-перь трое.

Рука Брамина сжимается на очаге кровавого света, и Колесница Десяти бросается в погоню.

Все неистовее схватка на поверхности планеты. Шар ее кажется жидким, кипящим, меняет форму, из-

вергает вовне буйные фонтаны. Серия чудовищных вспышек — и мир трещит по швам, разлетается на части. И — ослепительность, могучая, всемогущая; и прах, смешение: Распад.

Позади нефритовых глаз Брамина, в которых пляшут желтые огоньки, это видение.

Без дна

Сложив руки за спиной, Принц Который Был Тысячью взирает, как разрушается мир.

Разбитое тело мира, его раздавленные и расколотые члены кружатся под ним, сплющиваясь, растягиваясь, пылая, пылая, пылая.

Теперь, вращаясь по орбите вокруг обломков, наблюдает он за ними через прибор, схожий со снабженным антенной розовым лорнетом. Время от времени раздается щелчок, и антенна вздрагивает. Принц опускает прибор, поднимает его снова, и так — несколько раз. Наконец он откладывает его в сторону.

— Что же ты видишь, брат мой?

Он поворачивает голову, рядом с ним — тень черной лошади.

— Вижу живую точку света, захваченную всем этим месивом там, внизу, — говорит он. — Искореженную, сморщенную, едва пульсирующую, но все еще живую. Все еще живую...

— Значит, наш отец потерпел неудачу.

— Боюсь, что так.

— Этого не должно быть.

И Тифон исчезает.

И вот, преследуя утлую посудину Анубиса, видит Врамин нечто, пониманию не поддающееся.

На разворошенной груди элементов, путанице стихий, бывшей когда-то миром, появляется вдруг темное пятно. Оно растет среди света, праха, чересполосицы,

растет, пока его контуры не принимают отчетливую форму.

Это упала на руины мира тень черной лошади.

Она продолжает расти, пока не становится размером с континент.

Встав на дыбы, нависает черная лошадь над плывущими в пространстве развалинами. Она разрастается, раскидывается во все стороны, удлиняется, пока не оказываются внутри нее обломки всего мира.

Тогда разгорается по ее краю пламя.

Ничто лежит внутри пылающего силуэта. Вообще ничего там нет.

Потом пламя идет на убыль; и тень усыхает, садится, отходя, удаляясь, уносится прочь по длинному, абсолютно пустому коридору.

И больше там ничего нет.

Словно мир никогда и не существовал. Он исчез, кончился, ему пришел капут — ему и Тому Безымянному Что Кричит В Ночи. И нет теперь и Тифона.

Строка приходит в голову Врамину: Die Luft ist kuhl, und es dunkelt, und ruhig fliesst der Rhein¹.

Он не помнит, откуда она, но ему знакомо заложенное в ней чувство.

Высоко подняв кровавый дрот, преследует он бога смерти.

¹ Прохладой сумерки веют,
и Рейна тих простор.
(Генрих Гейне. Перевод А.Блока)

Корабль дураков

Медленно пробуждаясь, распластанный андреевским крестом на поверхности стального стола, скованный по рукам и ногам, под лучами яркого света, вонзающимися, словно электрические иглы, сквозь его желтые глаза прямо в мозг, Сет тихо стонет и пробует на прочность свои путы.

Доспехи его исчезли, бледное свечение в углу вполне может оказаться звездным жезлом; башмаков, которым все равно по чему идти, не видно.

— Привет, Разрушитель, — говорит некто в рукавице. — Ты — счастливчик, что выжил в этой бойне.

— Мадрак?.. — спрашивает он.

— Да.

— Я не вижу. Этот свет...

— Я стою позади тебя, а единственная цель этого света — не дать тебе покинуть нашу посудину при помощи фуги, пока мы не будем готовы тебе это разрешить.

— Не понимаю.

— Битва внизу в самом разгаре. Я как раз наблюдаю за ней через иллюминатор. Похоже, что ты берешь верх. Через миг снова ударит Сокрушающий Солнца Молот, и ты, конечно, ускользнешь, как и в прошлый раз, используя фугу. Вот почему удалось нам пару минут назад подобрать тебя — точно так же, как совершил это в стародавние дни Анубис. Тот факт, что ты появился, свидетельствует о том, что вот-вот произойдет. Ну вот! Озирис наносит удар, и Молот начинает опускаться — Анубис! Что-то не так! Что-то меняется! Молот... и... исчез...

— Да, вижу-вижу, — раздается знакомый лай. — И Озирис тоже, гм, исчез. Стальной Генерал — это его рук дело.

— Что нам теперь делать?

— Ничего. Совсем ничего. Такой поворот событий превосходит все наши ожидания. А недавнее появление Сета из фуги говорит о том, что вот-вот произойдет еще какой-то катаклизм. Разве не так, Сет?

— Так.

— Твой завершающий удар уничтожит, без сомнения, весь мир.

— Вероятно. Я не остался посмотреть.

— Ну да, вот он, — говорит Мадрак.

— Чудесно! Теперь у нас есть Сет, от Озириса мы избавлены, Стальной Генерал не в состоянии нас преследовать. Ну а Тот как раз в том положении, в каком он нам и нужен. Приветствую тебя, Мадрак, новый Повелитель Дома Жизни.

— Спасибо, Анубис. Я никак не думал, что всего этого будет так легко добиться. А что, кстати, с Безымянным?

— На этот-то раз оно наверняка должно пасть. А, Сет?

— Не знаю. Я ударил по нему всей мощью жезла.

— Тогда все складывается замечательно. Теперь послушай меня, Сет. Мы не желаем тебе зла, не хотим мы причинить вред и твоему сыну Тоту. Мы спасли тебя, хотя могли оставить на произвол судьбы...

— Тогда зачем же вы меня связали?

— Потому что мне известны твои вспыльчивость и сила, и я хотел договориться с тобой, прежде чем вернуть тебе свободу. Ты мог не предоставить такой возможности, так что я обеспечил ее себе сам. Через тебя я хочу договориться с Тотом...

— Господин! — кричит вдруг Мадрак. — Погляди на разрушенный мир! На него падает чудовищная тень!

— Это Тифон!

— Да. Что он делает?

— Ты не знаешь, Сет?

— Это означает, что я потерпел неудачу и что где-то среди обломков Безымянное все еще кричит в ночи. Тифон доделывает начатое мною.

— Смотри, господин, огонь и — нет, я не в силах взглянуть на открывающуюся пустоту...

— Бездна Скагганаук!

— Да, — говорит Сет. — Тифон и есть Бездна Скагганаук. Он изгоняет Безымянное из Вселенной.

— А чем же было это Безымянное?

— Богом, — говорит Сет, — старым богом! После ухода которого, я уверен, вокруг не осталось ничего божественного.

— Не понимаю... — говорит Мадрак.

— Он шутит. Ну а что с Тифоном? Как нам быть с ним?

— Очень может быть, что никак, — говорит Сет. — Скорее всего, в результате своего поступка он тоже будет извергнут из Вселенной.

— Тогда мы победили, Анубис! Мы победили! Ведь ты боялся только Тифона, не так ли?

— Да. И теперь Срединные Миры навсегда в моих руках.

— И в моих, не забудь!

— Ну конечно. Скажи мне, Сет, — ты же видишь, как повернулись звезды, — ты не присоединишься к нам? Ты станешь правой рукой Анубиса. Твой сын сможет стать Регентом. Он может сам подобрать себе работу по вкусу, ибо трудно переоценить его мудрость. Что ты скажешь на это?

— Я должен обдумать это, Анубис.

— Ну конечно, сколько угодно. Не забудь только, что я теперь неуязвим.

— А ты не забывай, что я победил в битве Бога.

— Это не мог быть Бог, — говорит Мадрак, — коли Он был побежден.

— Нет, — говорит Сет. — Ты видел Его в конце. Ты лицезрел Его мощь. И даже сейчас Он не умер, он только изгнан.

Мадрак опускает голову, закрывает лицо руками.

— Я не верю тебе! Я не могу...

— Но это правда, и ты играл во всем этом свою роль, малодушный жрец, богохульник и отступник!

— Замолчи, Сет! — кричит Анубис. — Не слушай его, Мадрак. Он видит твои слабости, как видит их и у всего, что попадаетея ему на пути. Он пытается вовлечь тебя в борьбу иного сорта, чтобы боролся ты с самим собой и пал жертвой вины, которую он для тебя измыслил. Не обращай на него внимания!

— Но вдруг он говорит правду? Я был безучастным зрителем и ничего не сделал — и даже воспользовался...

— Так ты и поступил, — говорит Сет. — Вина в основном моя, но я ношу ее гордо. Хотя и ты сыграл свою роль в происходящем. Ты присутствовал и наблюдал, прикидывая, какая тебе с того может быть польза, в то время как Он, которому ты служил, был сбит на колени...

Анубис наносит ему чудовищный удар.

— Итак, как я понимаю, ты пришел к определенному решению, и это твой ответ: ты пытаешься настроить Мадрака против меня. Не выйдет. Он не так легковверен, как ты полагаешь, — не так ли, Отец?

Мадрак не отвечает, а продолжает глядеть в иллюминатор.

Сет пытается высвободиться из своих пут, но ему это не удается.

— Анубис! За нами погоня!

Анубис отходит от Сета, растворяется в темноте. Свет по-прежнему бьет Сету в лицо.

— Это Колесница Десяти, — говорит Анубис.

— Леди Изиды? — интересуется Мадрак. — С чего бы ей преследовать нас?

— Ведь Сет был когда-то ее возлюбленным. И может быть, остается им по сию пору. А, Сет? Что там у вас?

Но Сет не отвечает.

— Как бы там ни было, — говорит Мадрак, — она приближается. Сколь сильна Красная Ведьма? Она не причинит нам неприятностей?

— Она не так уж сильна — хотя бы потому, что боялась своего давнего Господина, Озириса, веками скрываясь от него, — а я заведомо не слабее Озириса. Женщине нас не победить, особенно когда мы зашли так далеко.

Мадрак опускает голову, что-то бубнит, начинает бить себя в грудь.

— Прекрати! Не будь посмешищем.

Но Сет смеется, и Анубис с рычанием поворачивается к нему.

— За это я вырву у тебя из груди сердце!

Но Сет поднимает окровавленную левую руку, которую ему удалось выпростать из оков, и протягивает ее перед собой.

— Попробуй, пес! Одна твоя рука против одной моей! Твой жезл и любое другое оружие против левой руки Сета! Подойди поближе!

И глаза его горят, словно солнца-близнецы, и Ану-бис отшатывается подальше, чтобы он его не достал.

Лучи света продолжают слепить и ввинчиваться в глаза Сета.

— Убей его, Мадрак! — кричит Анубис. — Он нам больше не нужен! На тебе же рукавица силы! Ему не устоять против нее!

Но Мадрак не отвечает, а причитает, ударяя себя в грудь:

— Прости меня, Кто Бы Ты Ни Был или Не Был, где бы Ты Ни Мог или Не Мог Быть, за те деяния и недеяния, которым я потворствовал или не потворствовал, как тоже могло быть, только что происшедшим событиям. Ну а в случае...

— Тогда отдай мне рукавицу! — кричит Анубис. — Скорее!

Но Мадрак, не слушая его, продолжает каяться.

Дрожь пробегает по скорлупке, и, поскольку поэт и волшебник весьма в этом поднаторел, дважды запечатанная дверь распаивается настежь, и входит Врамин.

Он размахивает тростью и улыбается.

— Как ты? А ты?

— Возьми его, Мадрак! — кричит Анубис.

Но Врамин проходит вперед, а Мадрак не может оторвать глаз от иллюминатора и продолжает бормотать.

Тогда Анубис поднимает перед собой свой жезл.

— Ангел Седьмого Поста, падший, изыди! — говорит Анубис.

— Ты используешь мой былой титул, — говорит Врамин. — Теперь я Ангел Дома Мертвых.

— Ты лжешь.

— Нет. По назначению Принца я занимаю твой прежний пост.

Неимоверно изогнувшись и напрягшись, Сет высвобождает правую руку.

Врамин раскачивает перед собой подвеску Изиды, и Анубис отступает.

— Мадрак, я приказываю тебе, убей этого человека! — кричит он.

— Брамина? — говорит Мадрак. — О нет, только не Брамина. Он хороший. Он мой друг.

Сет высвобождает правую лодыжку.

— Мадрак, если ты не убьешь Брамина, то придержи хотя бы Сета!

— «Отче или не отче наш, иже еси возможно на небеси...» — заводит нараспев Мадрак.

Рычит тогда Анубис и наставляет, словно базуку, свой жезл на Брамина.

— Ни шагу дальше, — заявляет он.

Но Брамин делает очередной шаг.

Вспышка света падает на него, но ее гасят алые лучи из подвески.

— Слишком поздно, пес, — говорит поэт.

Анубис кружит, отступает к двери, возле которой стоит Мадрак.

Сет высвобождает левую ногу, растирает ее, встает.

— Ты мертвец, — говорит Сет и шагает вперед.

Но в этот миг падает Анубис от ножа Мадрака, который всадил лезвие ему в шею прямо над ключицей.

— Я не хотел причинить вреда, — говорит Мадрак, — и пусть это хоть частично оплатит мою вину. Пес сбил меня с пути истинного. Я раскаиваюсь. Я дарю тебе его жизнь.

— Глупец! — говорит Брамин. — Я собирался взять его в плен.

Мадрак всхлипывает.

Кровь Анубиса красными струями бьет на пол скорлупки.

Сет медленно опускает голову и трет глаза.

— Что будем делать дальше? — спрашивает Брамин.

— «...Да святится имя Твое, если есть у Тебя имя и хочешь Ты, чтобы оно свяtilось...» — говорит Мадрак.

Сет не отвечает, он закрывает глаза и погружается в сон, который продлится много дней.

Femina ex machina

И, тяжелая ребенком, лежит она внутри шасси машины. Стена кабинки откатилась назад. Проводники отпали от головы и спинного мозга, отключив ледяную логику, холодные фригидотронные банки памяти, категорический секс-комп императив, питающие трубки. Она запрограммирована.

— Принц Гор...

— Да, Мегра. Не волнуйся.

— ...Ты развеял заклятие.

— Кто так чудовищно поступил с тобой?

— Ведьма Лоджии.

— Мать! Всегда она была необузданна в поступках.

Мне очень жаль.

Он прикасается к ней рукой.

— Почему она так поступила?

— Она сказала, что причиной тому — факт, о котором я не знала: я ношу ребенка Сета...

— Сет! — и Гор оставляет на металлическом столе глубокие отпечатки своих пальцев. — Он взял тебя силой?

— Не совсем.

— Сет... Что ты чувствуешь сейчас к нему?

— Я его ненавижу.

— Этого хватит.

— Ему наплевать на жизнь...

— Знаю. Я больше не буду тебя о нем спрашивать.

Ты отправишься со мною в Дом Жизни, Мегра из Калгана, и навсегда останешься там со мною.

— Но, Гор, боюсь, что мне придется остаться здесь. Я слишком слаба, чтобы отправляться столь далеко, и время мое на подходе.

— Быть посему. Мы задержимся здесь до поры до времени.

И она складывает руки на животе и закрывает кобальтовые глаза. Отсветы и жар от машины заставляют ее щеки пылать.

Рядом с ней сидит Гор.

Скоро она вскрикивает.

Бракосочетание Неба и Ада

Цитадель Марачека — пустая, не пустая, вновь пустая. Почему? Послушай...

Сет без колебаний встречается чудовище, когда оно бросается на него.

И некоторое время они борются там, во дворе.

Наконец Сет ломает ему хребет, и оно лежит и вопит от боли.

Глаза Сета горят, как два солнца, и он в очередной раз обращает их туда, куда направлялся.

Тогда Тот, его сын, его отец, Принц Который Был Тысячью, снова открывает флакон с быстротворимыми чудовищами и вытряхивает из него очередное семя.

Посаженная прямо в пыль, тут же у него из-под руки произрастает очередная напасть и бросается на Сета.

Безумие, таящееся внутри глаз Разрушителя, падает на тварь, и разгорается новая схватка.

Стоя над очередным поверженным телом, наклоняет Сет голову и исчезает.

Но не отстает от него, сея чудовищ, Тот, и призраки Сета и монстров, с которыми он сражается, свирепствуют по всей мраморной памяти — то есть разрушенному и заново отстроенному Марачеку, древнейшему из городов.

И каждый раз, когда уничтожает Сет очередную тварь, обращает он глаза снова к тому месту и мгновению, где и когда сражался он с Безымянным и разрушил целый мир, и где встает на дыбы и пылает тень черной лошади, его сын; и, откликаясь на зов разрушения, стремится он на это место в это мгновение. Но не отстает от него Тот, отвлекает его чудовищами.

Все потому, что Сет — разрушитель, и он разрушит сам себя, если не будет у него под рукой или перед глазами ничего подходящего — в пространстве или во времени. Но мудр Принц и понимает это. Вот почему следует он за своим отцом в его путешествии сквозь время к алтарю уничтожения, начавшемся сразу после пробуждения от транса битвы с Тем Что Кричит В Ночи. Ибо знает Тот, что если сумеет он достаточно долго отвлекать отца от его паломничества, возникнет что-либо новое, против чего можно будет обратить руку Сета. Ведь всегда что-нибудь такое да возникнет.

Но сейчас движутся они вдвоем сквозь время, наполняя собою, быть может, его все, если смотреть из данного его момента, — мудрый Принц со своим смертоносным отцом/сыном, огибая все время Бездну, как-то вая — Скагганаук, сын, брат и внук.

Вот почему проносятся в ярости призраки Сета и монстров, с которыми он сражается, сквозь мраморную память — разрушенный и отстроенный заново Марачек, древнейший из городов.

Сон Ведьмы

Она сидит в Доме Мертвых, в темной, глубоко схороненной крипте, и ее сознание — снежинка, тающая, уже исчезающая. Но ревет мотоцикл, именуемый Вре-мя, стоит нажать на газ, и там, в припоминаемом зеркале, лежат битвы последних дней: мертвый Озирис и ушедший Сет. И там же зеленый смех Врамины, Врамины-безумца, Врамины-поэта. Едва ли пара он Ведьме Лоджии. Ну да лучше не поднимать тревогу. Проспать век, потом посмотреть, как устроил все Тот. Здесь, среди праха мумий и догоревших свечей, здесь, в глубочайшем погребке Дома Мертвых, где нет ни у кого имен, никто их не ищет и никогда не будет искать; здесь — спать. Спать, и пусть живут себе Срединные Миры, знать не ведая об Алой Леди, которая — Вожделение, Жестокость, Мудрость — и мать и возлюбленная выдумки и неистовой красоты.

Порождения света и тьмы пляшут под ножом гильотины; и пугает Изиду поэт. Порождения света и тьмы то надевают, то сбрасывают облачения человека, машины или бога; и по душе Изиде пляска. Порождения света и тьмы роем возникают, мгновенно гибнут, могут ожить, могут не оживать; и по нраву Изиде их облачения.

Видя эти сны, пугается ее наперсник и теснее прижимается к ней, малыш, который кричит в ночи.

Крутятся колеса, неуклонно нарастает рев мотоцикла, но это конечно же лишь вид тишины.

Ангел Дома Жизни

(Пешком пробираются они среди ночи. Их трое, вместе проходят они по местам веры и безверия. Они проходят через места развлечений для всех рас, и проходят наконец на ярко освещенный Проспект Оракулов, и идут вдоль него, минуя астрологов, нумерологов, гадалок по колоде таро, толкователей Ицзина.

И вот, пока идут они, постепенно убывает свет вокруг них, тусклость и сырость уступают место полумгле и запущенности. Но небо над ними ясно, и сияют им с него звезды. Все уже улочка, дома теснятся вокруг них, канавы заполнены отбросами; запавшими глазами смотрят на них дети, почти невесомые в обрамлении материнских рук.

Они перешагивают через мусор; бредут прямо по нему. И никто не пытается заговорить с этой троицей. Словно запах, исходит от них сила, а цель придает им некое избранничество.

Осанка их непринужденна, богаты одежды. Они проходят мимо битых бутылок и свепившихся кошек, и кажется, что все это для них не существует.

Над ними в небесах вспыхивает звезда, это свет мира, разрушенного Сетом, пришел наконец и сюда, явившись в облике новой звезды и расцветив их цветами от красного до синего.

Холоден ветер, но они не обращают на это внимания. Слово fuck на девяносто четырех языках выцарапано на стене, но они не замечают этого.

И лишь подойдя к полуразрушенной машине, останавливаются они перед непристойным рисунком на двери, ведущей внутрь.)

Первый

Мы на месте

Второй

Давайте войдем.

Третий

Да.

(Первый прикасается к двери серебряным набалдашником своей трости, и дверь распаивается настежь.

Он входит, следом за ним остальные.

Они проходят по коридору, и он касается еще одной двери.

И она тоже открывается перед ним, и они опять останавливаются.)

Гор

Вы!

(Тот, чьи глаза блестят в тени зелены, кивает.)

Почему вы здесь?

Человек с железным кольцом на пальце

Сообщить тебе, что твой отец мертв.

Гор

Кто ты?

Человек с железным кольцом на пальце

Ты знал меня как Стального Генерала. Я убил Озириса, и сам был разбит. Принц собрал меня, и до поры до времени я снова ношу плоть. Я пришел рассказать тебе, как все было, и прямо заявить, что сделал я это не украдкой и не злодейски, но в открытом поединке и в ходе войны.

Гор

Ты правдив. Скорее чем кому бы то ни было поверю я тебе. И я не ищу удовлетворения, если было честно содеяно это в рамках войны.

А чем кончилась война?

Толстяк, весь в черном,
один глаз которого —
серое, крутящееся колесо
Срединными Мирами вновь владеет Принц.

Врамин

И мы — его посланники, мы пришли к тебе с просьбой, чтобы вернулся ты в Дом Жизни и правил там вместо своего отца как Ангел этого Поста.

Гор

Ясно. А что с Сетом?

Врамин

Он ушел. Никто не знает куда.

Гор

Это меня радует. Весьма радует. Да, полагаю, я вернусь.

Мадрак

(падая на одно колено перед Мегрой из Калгана.)

Что это за дитя?

Гор

Мой сын.

Мадрак

Сын Гора. Ты уже дал ему имя?

Гор

Нет еще.

Мадрак

Прими поздравления.

Генерал

Да.

Врамин

От всех нас.

Гор

Благодарю.

В р а м и н

Я даю ему подвеску Изиды, средоточие силы. Я знаю, ей будет приятно, что владеет ею ее внук.

Г о р

Спасибо.

Г е н е р а л

Я даю ему кольцо, это часть моего первого тела, и оно хорошо мне послужило. Во времена нужды оно всегда напоминало мне о моей человечности.

Г о р

Спасибо.

М а д р а к

Я даю ему свой посох, с ним ему будет спокойнее. По древнему преданию, посохи обладают таким свойством. Не знаю почему.

Г о р

Спасибо.

М а д р а к

А теперь мне пора. Я начинаю покаянное паломничество. Славься, Ангел Дома Жизни!

Г о р

Удачи тебе в странствиях, Мадрак.
(*Мадрак уходит.*)

Г е н е р а л

Вновь намечается революция, и мне надо ее поддержать. Пойду за конем. Славься, Ангел Дома Жизни!

Г о р

Удачной революции тебе, Генерал.
(*Генерал уходит.*)

В р а м и н

А я отправляюсь в Дом Мертвых, где ныне правлю. Славься, Ангел Дома Жизни! Принц свяжется с тобой на днях из Марачека. И другие Ангелы остальных Постов соберутся воздать тебе честь.

Г о р

Изысканной поэзии и доброго тебе безумия, Врамин.

В р а м и н

Благодарю тебя, и сдается мне, что почти все уже сказано.

Г о р

Да, пожалуй.

(Врамин поднимает свою трость, и на пол падает и сияет там стихотворение.

Гор опускает глаза, чтобы прочесть его, а когда снова поднимает их, зеленый человек уже ушел.

Когда стихотворение блекнет и выцветает, Ангел Дома Жизни знает, что в нем сохранилась истина, но забывает слова — как, собственно, и должно быть.)

Содержание

Творец снов, роман <i>Перевод В. Симонова</i>	5
Долина Проклятий, роман <i>Перевод В. Баканова</i>	163
Порождения Света и Тьмы, роман <i>Перевод В. Лапицкого</i>	281

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений в 16 томах

Том второй

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Баканов*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректор *О. Кургаева*

Оператор компьютерной верстки *М. Белоусов*

Художественный редактор *М. Захаренкова*

Иллюстрация на обложку и оформление форзаца:

А. Кириллов

Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 3.01.95 Формат 84x108/32

Гарнитура Балтика Печать высокая

Усл печ л 24,36 Тираж 30 000 экз

Заказ № 254. С 112.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

ТВОРЕЦ СНОВ
ДОЛИНА ПРОКЛЯТИЙ
ПОРОЖДЕНИЯ
СВЕТА И ТЬМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995